

Владимир Колобов

**АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН
И СОВРЕМЕННОКИ**
(по страницам дневника писателя)

Тамбов
2019

УДК 721.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6
К61

Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области.

Владимир Колобов

К61 Анатолий Жигулин и современники (по страницам дневника писателя). – ООО «Тамбовский полиграфический союз». – Тамбов, 2019. – 352 с.

1 января 2020 года исполняется 90 лет со дня рождения Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000), известного русского поэта, прозаика, узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края.

В новой книге доктора филологических наук, члена Союза российских писателей Владимира Колобова, подготовленной на основе глубокого изучения материалов домашнего архива А.В. Жигулина, в том числе его дневников, рабочих тетрадей, писем и документов, рассказывается о творческих и личных отношениях поэта с его современниками: главным редактором журнала «Новый мир» А.Т. Твардовским, лауреатом Нобелевской премии по литературе А.И. Солженицыным, писателями Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенским, Б.Ш. Окуджавой, Б.А. Ахмадулиной, В.Т. Шаламовым, Н.М. Коржавиным, А.Т. Прасоловым, близким другом семьи Жигулиных П.М. Раевским.

Очерк «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...» свидетельствует о той большой роли, которую сыграла в судьбе писателя И.В. Жигулина, его жена, Муза, надёжная помощница, литературный критик.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 721.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6

ISBN 978-5-907132-64-1

© В.В. Колобов, 2019
© ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2019

СРЕДИ СОБРАТЬЕВ ПО ПЕРУ

Вести подробные дневниковые записи в течение длительного времени – труд не из лёгких, даже если записи ведутся профессиональным литератором. Далеко не каждый писатель отважится на такой «подвиг». И дело заключается не только в том, что от сочинителя требуются немалые волевые усилия, дабы заставить себя регулярно отчитываться перед самим собой за прошедшие дни. Гораздо существеннее иметь мощное внутреннее побуждение к такой работе, осознавать поучительность собственного жизненного опыта для потенциального читателя.

Анатолий Владимирович Жигулин не мог не понимать уникальности своей творческой судьбы. Не потому ли он с таким тщанием относился к этому роду занятий? Он хотел оставить потомкам не только легально обнародованные произведения, хотя бы и в сильной степени автобиографические, но ещё и сокровенные, до определённой поры запретные для публики записи, где можно было бы высказаться по всем болевым точкам эпохи без опасения нарушить общественный этикет.

Мне довелось производить первичную сортировку материалов из домашнего жигулинского архива. Поразила его неустроенность: видимо, до систематизации бумаг и способов их хранения руки не доходили. Документы находились в ужасном состоянии, и первичная их разборка затянулась надолго. Зато рабочие записные книжки (они же и дневники) содержались в идеальном порядке. Они стояли стройными рядами за стёклами шкафа – нельзя было не обратить на них внимания! Анатолий никому не позволял до книжек дотрагиваться, но, похоже, всегда наслаждался видом изумления, появлявшегося на лицах гостей. Да и как было не удивляться, если откровенно лирическая стихия жигулинской поэзии так не соответствовала тому педантизму, с каким велось дневниковое хозяйство?! Но, как бы то ни было, пунктуальность А.В. Жигулина подарила

поклонникам его музы драгоценные знания о напряжённой внутренней жизни писателя.

Сегодня это дневниковое богатство обрело надёжное пристанище в стенах Воронежского областного литературного музея. Именно здесь автор предлагаемой читателям книги ознакомился с содержанием жигулинского архива. Владимир Васильевич Колобов давно увлечён незаурядной земляческой фигурой. Он блестящий знаток и страстный пропагандист творческого наследия А.В. Жигулина. Автор нескольких научных монографий о писателе, он успешно защитил докторскую диссертацию, посвящённую жигулинскому феномену российской словесности.

Данная книга вовсе не повторяет учёных сюжетов. В.В. Колобов предстаёт в ней как вдумчивый толкователь мемуарных и публицистических текстов своего героя. В литературный обиход впервые вводятся интересные свидетельства давно минувшей эпохи. В.В. Колобов вполне разумно распорядился материалом. Сама система персональных глав, посвящённых видным мастерам слова, как их запечатлел А.В. Жигулин, позволяет воспринимать эти очерки как порознь, так и в совокупности. Дорогие соотечественникам имена А. Солженицына, А. Твардовского, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко, А. Вознесенского и других неизбежно привлекут общее внимание к книге В.В. Колобова. Думается, она перешагнёт региональные границы и обретёт себя в широкой читательской среде.

Творчество А.В. Жигулина – не только наше местное достояние. Оно является неотъемлемой частью общенационального духовного фонда. Книга В.В. Колобова – весомое тому доказательство.

**Олег Ласунский,
член Союза российских писателей**

ТРИ АВТОГРАФА А.В. ЖИГУЛИНА

У каждого из нас дома есть книги, которые хочется почитать перед сном, устроившись поудобнее в кресле или на диване, когда за окном сеет мелкий осенний дождь или поёт колыбельную вьюга, когда на душе – грусть или – у всех по-разному – праздник, когда долго нет писем или звонков, когда кого-то ждёшь или уже никого не ждёшь. Когда...

Есть такие книги и у меня. Они находятся на полках в застеклённом шкафу, рядом с письменным столом, за которым я работаю, в буквальном смысле – под рукой. Их немного – сотни две или максимум три; системы здесь нет, тесно прижавшись друг к другу, стоят Библия и Бабель, мемуары маршала Жукова и стихи Андрея Вознесенского, «Жизнь животных» Альфреда Брема и «Избранное» Михаила Жванецкого, «Война и мир» и «Робинзон Крузо»...

Среди них – автобиографическая повесть Анатолия Жигулина «Чёрные камни» (Москва, «Московский рабочий», 1989 год). На глянцевой обложке – две фотографии. На одном снимке – фрагмент полуразрушенной барачной стены с зарешеченным окном. Это Колыма – лагерь «Чёрные камни», в котором когда-то отбывал срок заключённый под номером И-П-594. На втором – крупным планом – глаза автора книги. Строгие и грустные глаза человека, немало повидавшего и испытавшего на своём веку: «Во многом знании – многая печаль».

На титульной странице каллиграфическим почерком сделана надпись: «Дорогому Владимиру Колобову – в знак дружбы и признательности за высокое гражданское мужество, проявленное при защите этой повести и моих друзей из КПМ. Анатолий Жигулин. 11 мая 1989 года. Москва».

Аналогичный автограф на другом издании «Чёрных камней» (Москва, «Книжная палата», 1989 год): «Дорогому

Владимиру Колобову – за честный и мужественный поступок, который можно сравнить с подвигом. С уважением, Анатолий Жигулин. 21 июня 1989 года».

И ещё один небольшой, размером с ладонь, томик в твёрдом коленкоровом переплёте – Анатолий Жигулин. Стихотворения (Москва, «Художественная литература», 1987 год). Дарственная надпись автора: «Володе Колобову дружески. Спасибо за прекрасную статью Сорокина! Анатолий Жигулин. 12.11.88 г. Москва».

Есть у меня другие книги Анатолия Жигулина с более поздними автографами. Но эти надписи автора, имеющие отношение к «Чёрным камням», для меня самые дорогие.

Открываю наугад первую попавшуюся страницу и начинаю читать:

РОДИНА

Помню я: под сенью старых вишен
В том далёком, в том донском селе
Жили пчёлы в камышовых крышах –
В каждой камышинке по пчеле...

Родина! Простая и великая,
В давнем детстве от беды храня,
Древними архангельскими ликами
Строго ты смотрела на меня...

А потом, позвав в края суровые,
Где весной не встретишь зелена,
Жизнь взвалила рельсы стопудовые
На худого, юного меня.

Я копал руду на Крайнем Севере,
Много лет я молока не пил.
Только ты, земля моя, не верила,
Что тебе я в чём-то изменил.

Всё прошёл я: трудные дороги,
Злой навет и горькую беду,
Чтобы снова пальцами потрогать
Пыльную в канаве лебеду.

Я опять с тобой, земля просторная,
Где за клином старого жнивья
Под горой стоит село Подгорное –
Родина негромкая моя.

Где висит над хатой месяц рыжий,
Где в прозрачной, невесомой мгле
Пчёлы спят под камышовой крышей –
В каждой камышинке по пчеле...
1962

Любой человек, родившийся и живший в России в XX веке, даже совершенно незнакомый с биографией и творчеством А.В. Жигулина, прочтя это стихотворение, отчётливо понимает, о чём идёт речь. В этих строчках, как в капле воды, отразилась судьба поэта и судьба народа на переломном рубеже истории.

До сих пор точно не известно, сколько советских людей пострадало в годы политических репрессий. По этому поводу существуют разные точки зрения. Например, А.И. Солженицын, называвший бесконечный поток репрессированных «Волгой народного горя» и по крупицам собиравший материал об архипелаге ГУЛАГ, оценивал общее число жертв «красного террора» за годы советской власти приблизительно в 60 или даже 70 миллионов человек.

Страшная беда не обошла стороной практически ни одну семью в нашей стране, чёрным крылом она накрыла шестую часть суши: от Балтийского моря – до Курильских островов, от Северного Ледовитого океана – до горных хребтов Памира. Не была исключением и моя семья. В годы «большого террора» был арестован брат моего отца – Пётр Аверьянович Колобов, сельский учитель. Из лагерей он не вернулся. Второй брат – Тимофей Аверьянович –

был сослан на Урал. Там и осел, пустил семейные корни. Мой отец, Василий Аверьянович Колобов, носивший клеймо ЧСИР (член семьи изменника Родины), каждую ночь ждал стука в дверь. Но началась война, самая жестокая в истории человечества, которую он прошёл «от звонка до звонка», закончив боевой путь в Берлине, у стен Рейстага.

Вспоминаются слова Эрнеста Хемингуэя: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Страшный шторм в нашей стране не прекращался более 30 лет. И колокола звонят и звонят, не переставая...

Анатолий Владимирович Жигулин родился 1 января 1930 года в Воронеже. Раннее детство прошло в селе Подгорное на юге области, где его отец, Владимир Фёдорович Жигулин, работал начальником районного узла почты. В этих местах проходила символическая линия разграничения между двумя союзными республиками – Россией и Украиной. А между братскими народами даже и этой линии не было. Слово две полноводных реки, они сливались здесь в одно русло и продолжали дальнейший путь вместе, одной дружной семьёй. Позднее Жигулин вспоминал, что знание второго богатого славянского языка очень помогло ему в литературной работе.

В 1937 году семья переехала на родину его матери, Евгении Митрофановны Раевской – правнучки поэта-декабриста Владимира Федосеевича Раевского – в город Воронеж. Здесь 11-летний школьник Толя Жигулин услышал известие о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Здесь испытал все тяготы военного времени: бомбёжки, эвакуация, разлука с близкими, скитания по сёлам, холод и голод. Эти тяжёлые впечатления позднее легли в основу его первых поэтических опытов.

29 марта 1949 года на страницах многотиражной газеты «Революционный страж» (орган политчасти областного управления МВД) появилось стихотворение старшеклассника Анатолия Жигулина «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем...»). Спустя полтора месяца, 15 мая, в областной газете «Коммуна» было напечатано стихотворение «Пушкинский томик». Следующей публикации начинающему поэту по не зависящим от него причинам пришлось ждать более пяти лет.

В 1948 году учащиеся старших классов одной из воронежских школ Б. Батуев, Ю. Киселёв, А. Жигулин и их сверстники создали подпольную организацию КПП (Коммунистическая партия молодёжи). Молодые люди изучали биографии и труды классиков марксизма-ленинизма. Читали запрещённое «Письмо к съезду», в котором Ленин давал нелицеприятную характеристику Сталину и предлагал сместить его с поста Генерального секретаря ЦК РКП (б). Успели изготовить несколько рукописных журналов, в которых излагались задачи организации, помещались статьи политического характера, стихи и рассказы членов КПП.

Юные подпольщики не подозревали, что их организация практически с первых дней существования находилась «под колпаком» органов госбезопасности, что в их ряды были внедрены провокаторы и стукачи, что каждый их шаг тщательно контролировался.

17 сентября 1949 года в Воронеже была проведена беспрецедентная по масштабам операция, в результате которой чекисты задержали и доставили в управление МГБ более 70 человек, в основном студентов вузов. Большинство из них после первых допросов и взятия расписок о неразглашении сведений были отпущены домой. Аресты продолжались вплоть до апреля 1950 года. Всё это время руководители и наиболее активные члены КПП содержались во Внутренней тюрьме областного управления МГБ, где подвергались изнурительным, часто ночным допросам, а некоторые даже и пыткам.

Фамилия Жигулин Имя Анатоль Отчество Владимирович

СВЕДЕНИЯ НА МОМЕНТ 1го АРЕСТА¹⁾

(указать, какой по счету арест)

Место жительства г. Воронеж Студенческая ул. д. 38, кв. 8

Место работы Студент Воронежского лесохозяйственного института

Должность _____ Профессия _____

Партийность (не только КПСС) _____

АРЕСТ

Дата ареста 17 сент. 1949 г. Место ареста г. Воронеж

Обстоятельства ареста Попр. описание ареста — в моей книге "Черные Камни".

Ваше мнение о причинах ареста Клеветническая работа в подпольной антикоммунистической организации. Подробности с ЛЕДСТВОМ — в книге "Черные Камни".

Продолжительность следствия с 17 сент. 1949 г. по июль 1950 г. т.е. 10 месяцев.

Место проведения следствия Воронежское Управление МРБ СССР

Следственный орган Следственный отдел названного учреждения.

Фамилии и звания следователей их много. Все сведения о них — в кн. "Черные Камни".

Краткое описание предъявленного обвинения участие в антикоммунистической подпольной организации террористической.

Кто еще проходил по тому же делу Еще 23 человека. Попр.— в кн. "Черные Камни".

СУД ИЛИ ЗАМЕНЯЮЩИЙ ЕГО ОРГАН И ПРИГОВОР

Продолжительность суда с _____ по _____

Место суда г. Москва

Судебный орган Особое Собрание при МРБ СССР (зачино).

Приговор или заменяющее его решение За участие в антикоммунистической подпольной организации террористической организации.

Дата вынесения приговора 24 июля 1950 г. Статья 58-10 1 часть 58-11 срок 10 лет ИТЛ

Поражение в правах и 19-58-8

ОТБЫТИЕ СРОКА

Продолжительность отбытия срока с 17 сент. 1949 г. по 22 июля 1954 г.

Место отбытия срока Озерный лагерь, Черный остров; Березовый лагерь, Кольчан.

Род занятий лесовод, урочный рудник Лагерьный номер 7-815 — Озерный

Лица, отбывавшие срок в том же месте и-2-594 — Березов

Они набраны и охарактеризованы в книге "Черные Камни".

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Дата освобождения 22 июля 1954 г. Причина освобождения Снижение срока до 5 лет с при-
менением амнистии.

Дата реабилитации 24 июля 1956 г. Реабилитирующий орган Верховный Суд СССР

Причина отказа в реабилитации 7 Постановление Особого Собрания при МРБ СССР от

Реабилитационное определение 24 июля 1950 года объявить за отсутствием

состава преступлений. Номер справки № 08-207-7688-56

1) Если арестов было несколько, то сведения о каждом из них
заполняются на отдельном листе

3 сент. 1990 года.

Анкета общества «Мемориал», заполненная А.В. Жигулиным.

24 июня 1950 года участники «дела КПМ» были приговорены Особым совещанием при МГБ СССР к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях, в том числе: восемь человек – к 10 годам, 12 человек – от пяти до восьми лет, три человека – от двух до трёх лет ИТЛ.

20-летний студент первого курса Воронежского лесохозяйственного института Анатолий Жигулин был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-10-1 («Пропаганда и агитация, направленные к подрыву советской власти»), 58-11 («Участие в антисоветской организации») и 19-58-8 («Совершение террористического акта против представителей партии и советской власти») тогдашнего УК РСФСР. Последняя статья – за стрельбу из нагана в портрет Сталина – «тянула» на высшую меру наказания – расстрел. Но в тот период смертная казнь в СССР на краткий срок была отменена. Находясь в застенках УМГБ, он не знал об этом и готовился к самому худшему.

Первое «путешествие по стране» Анатолий Жигулин и его товарищи начали в июле 1950 года в знаменитом «столыпинском вагоне». Поезд доставил юных «врагов народа» в столицу. «Экскурсию» по Москве они совершили в двух огромных фургонах без окон, на одном из которых было написано «Хлебобулочные изделия», на другом – «Мясные изделия». Жигулин попал во второй фургон. Их долго везли до Краснопресненской пересыльной тюрьмы. До этого Жигулин, как и большинство его соратников, в Москве ни разу не был. Он жадно приник лицом к узким вентиляционным щелям: мелькнули какой-то склад, обшарпанный забор и вдалеке – как капли крови – огни кремлёвских звёзд.

О такой ли встрече с любимой столицей он мечтал с самого детства? От безысходности, тоски и обиды хотелось плакать. На память пришли слова известной поговорки: «Москва слезам не верит...»

Впереди были неизвестность и тьма.

Через два дня «путешествие» продолжилось. Долгий путь в Сибирь, и лагерь с красивым названием – Озёрный.

Здесь заключённый под номером Я-815 «осваивал» профессии кострожога, вальщика и раскорчёвщика леса. Работал на строительстве железной дороги Тайшет – Братск.

Совсем недалеко от этих мест на правом берегу Ангары в большом селе Олонки когда-то отбывал ссылку его знаменитый предок по материнской линии – поэт и декабрист Владимир Раевский. В воображении Анатолия Жигулина часто возникало видение – кружащий над голубой тайгой в солнечном сиянии белый лебедь, символ герба рода Раевских.

После Сибири заключённого Жигулина-Раевского ждало ещё более страшное испытание – Колыма, урановый рудник Бутугычаг, где люди нередко получали смертельную дозу радиации и умирали в тяжких мучениях от лучевой болезни.

Как он выжил, знала соловецкая чайка, которая «всегда голодна». Знали холодные камни Бутугычага, под которыми лежали «те, кто не дожил до свободы». Знал колымский стланик, «сибирских кедров самый младший брат». Знали калина красная – дочь русского Севера, и калина чёрная, её родная сестра, живущая в степном воронежском краю.

Спустя год после смерти «вождя всех времён и народов» Жигулин был освобождён по амнистии, в 1956-м – полностью реабилитирован. Пройдя «трудные дороги, злой навет и горькую беду», он не озлобился, не очерствел душой, не потерял веру в людей и себя. Всю дальнейшую жизнь до последнего часа он посвятил выполнению миссии – от имени поколения рассказать о пережитом.

Автобиографическую повесть Анатолия Жигулина «Чёрные камни» я прочитал в конце августа 1988 года, во время своего отпуска, который провёл в гостях у родителей в Тамбовской области. В это время я уже почти год трудился заместителем редактора воронежской областной газеты «Молодой коммунар» (до этого пять лет работал в Воронежском обкоме ВЛКСМ,

а ещё раньше – в районной и многотиражной газетах Тамбовской области).

В силу сложившихся обстоятельств (отсутствие собственного жилья, скитания по частным квартирам и общагам), литературно-художественные издания на протяжении многих лет мне пришлось выписывать по адресу родителей. Приехав в Добринку, сразу же бросился листать седьмой номер журнала «Знамя».

Вот они – «Чёрные камни»!

Открыл первую страницу: «Я родился в городе Воронеже 1 января 1930 года. И нынче сохранился в Больничном переулке родильный дом, где я впервые увидел свет. Теперь улица называется по-другому, а дом цел, и коренные, старые воронежские жители до сей поры называют его вигелевским (по имени дореволюционного владельца Вигеля)», – и уже не смог остановиться, пока под самое утро не дочитал повесть до конца.

Несколько дней ходил под сильнейшим впечатлением от прочитанного. Рассказ о трагической судьбе Анатолия Жигулина и его товарищей-капээмовцев потряс. Не меньшим откровением для меня явились и лагерные стихи Жигулина, которые он опубликовал и прокомментировал в своей повести. В памяти возник солнечный весенний день 1976 года. Заполненный битком, актовое здание университета. Юбилейный, 20-й по счёту, День поэзии ВГУ, собрал как никогда много участников и слушателей. Запомнились выступления О. Шевченко, Г. Умывакиной, С. Никулина, Г. Луткова, Г. Велласа, А. Пресмана, И. Щёлокова, А. Нестругина, А. Шарова, других маститых и начинающих поэтов. Немало улыбок на лицах зрителей вызвали пародии А. Попова, Л. Кройчика, Я. Гудошникова.

И вот на сцену вышел высокий и худощавый человек со смущённой улыбкой на лице – поэт Анатолий Жигулин специально приехал на малую родину из Москвы, чтобы принять участие в Дне поэзии ВГУ. Зал замер в ожидании чуда. И оно произошло. Читал Жигулин потрясающе. Когда он закончил выступление, все поднялись с мест и, стоя,

долго аплодировали поэту-земляку. Но бурные овации так и не смогли развеять необъяснимую грусть, затаившуюся в глубине его глаз.

Разве я мог представить в тот момент, что пройдут годы, и наши судьбы пересекутся в какой-то невероятной точке пространства и времени, и он станет для меня, выражаясь словами Е. Евтушенко, «больше, чем поэт».

Двумя курсами старше на нашем факультете учился Валерий Батуев – добрый, отзывчивый парень. С ним дружили или, по крайней мере, поддерживали приятельские отношения практически все, независимо от того, кто на каком курсе учился, коренной он воронежец или приехал в Воронеж из другого региона.

В стенах университета жила легенда о том, что его отец, Б. Батуев, А. Жигулин и их товарищи после войны создали в городе подпольную молодёжную организацию. И что их кто-то предал, причём из ближайшего окружения. Что они были схвачены чекистами и сосланы в лагерь.

Как же можно пройти мимо такой темы?!

Ещё больший интерес к повести А. Жигулина вызвала статья Елены Яковлевой «Борьба и победа», опубликованная 31 августа 1988 года в «Комсомольской правде». В ней рассказывалось о судьбах наивных, романтически настроенных мальчишек из послевоенного Воронежа, бросивших вызов сталинскому режиму. Своим пафосом, подходом к раскрытию характеров героев эта статья, по сути, ставила воронежскую КПП в один ряд с краснодонской «Молодой гвардией», а повесть «Чёрные камни» – с одноимённым романом Александра Фадеева.

На одной из редакционных летучек в августе 1988 года (в Воронеже уже прочли первую часть «Чёрных камней») прозвучало предложение:

– Давайте попросим Валеру Батуева написать о своём отце...

Предложение было единогласно поддержано. Также была одобрена идея организовать широкое обсуждение автобиографической повести А. Жигулина на страницах

«Молодого коммунара». Хорошо бы взять интервью у поэта. Как жаль, что мы с ним не знакомы.

В один из сентябрьских дней в редакции «Молодого коммунара» появился высокий человек средних лет с экстравагантной ярко-рыжей бородой. Ни с кем не здороваясь, он направился в кабинет редактора Ивана Александровича Щёлокова. Это был Л.Д. Коробков, сотрудник Центрально-Чернозёмного книжного издательства, литературный критик. В течение 1988 года на страницах «МК» были опубликованы три статьи этого автора на литературные темы, и каждая из них ставила редакцию в неловкое положение перед читателями. То он, по сути, манипулируя темой работы с молодыми писателями, сталкивал лбами «Коммунар» и журнал «Подъём» (статья «Правда так правда»). То фактически объявлял известного писателя, так много перенесшего из-за своего одержимого пристрастия к правде и справедливости, сознательным сторонником сталинизма как политического принципа («Андрей Платонов, Иосиф Сталин...»). То, вместо того, чтобы обсуждать тему создания в Воронеже мемориального музея Ивана Бунина, уводил разговор совсем в другую сторону («О трезвой памяти»).

15 сентября 1988 года было принято решение: все материалы внештатного автора Л. Коробкова «предварительно обсуждать на заседаниях редколлегии». И вот он снова появился в редакции... Лёгко на помине!

Вскоре после визита нежданного гостя в мой кабинет зашёл И.А. Щёлоков. Он положил на стол стопку отпечатанных на пишущей машинке страниц и сказал, морщась, словно от зубной боли:

– Прочти. Скажешь своё мнение.

«Росказни» – заглавными буквами было напечатано название статьи на первой странице рукописи. И дважды подчёркнуто жирной линией. Подзаголовок: «Опыт этикопсихологического расследования одной драмы времён Бери, предпринятом с журналом и газетой в руках».

Скажу сразу: читать «Росказни» было нелёгким занятием. Во-первых, поражал объём – 35 страниц машинописного текста (забегая вперёд, скажу, что в процессе публикации он увеличился ещё примерно на треть). Во-вторых, стиль статьи – тяжеловесный, нарочито-развязный, местами даже хамский. Автор обвинял Анатолия Жигулина чуть ли не во всех смертных грехах: искажении исторических фактов, клевете на честного человека, погоне за личной популярностью.

По своему идеологическому заряду статья напоминала печально знаменитое выступление Нины Андреевой в газете «Советская Россия» «Не могу поступиться принципами», которое современники образно окрестили «Манифестом антиперестроечных сил». И полностью расходилась с оценкой повести Жигулина, высказанной в «Комсомольской правде», «Известиях», «Литературной газете», «Собеседнике» и других центральных средствах массовой информации.

Учитывая моральный урон, нанесённый редакции и читателям «Коммунара» предыдущими выступлениями автора, о её публикации в таком виде на страницах молодежной газеты не могло быть и речи.

Об этом я и сказал редактору, зайдя в его кабинет. Наши мнения о статье в основном совпали. Правда, было одно «но». Автор предупредил редактора о том, что по поводу публикации статьи ему позвонят «оттуда». В смысле: из обкома партии.

Мы обсудили ситуацию и пришли к выводу о том, что необходимо с опережением подготовить служебную записку в отдел пропаганды и агитации обкома партии. Через несколько часов такая записка была готова. После визита в известное всем воронежцам здание на площади им. Ленина редактор вернулся удручённый: ему приказали печатать первую часть «Росказней» (всего их было три) в субботнем номере, не позволив сделать даже минимальную правку.

По поведению редактора было видно, что, с одной стороны, ему очень не хотелось печатать скандальную статью о «любимом поэте», с другой – он опасался воз-

можных оргвыводов в случае невыполнения приказа начальства. «А у меня семья, дети», – помню, сказал редактор, и по-человечески его можно было понять.

Моя позиция была неизменной: если мы напечатаем «Росказни» в таком виде, без документального подтверждения архисерьёзнейших обвинений в адрес Жигулина, мы покроем «Коммунар» и самих себя несмываемым позором на всю оставшуюся жизнь.

В конце концов выход был найден. И заключался он в следующем: редактор срочно уходит в отпуск (тем более он действительно был положен ему по графику). На «хозяйстве» остается его заместитель (то есть я), который «не в курсе». В субботу статья не выходит. Дальше – по обстановке. На том и решили. Редактор поехал в обком комсомола, чтобы согласовать вопрос о своём отпуске. Согласие было получено. По словам редактора, о «Росказнях» в обкоме комсомола ничего не знали.

В выходные дни у меня на душе скребли кошки. «Выдержу или не выдержу?» – мучил главный, почти гамлетовский, вопрос. В понедельник, 19 сентября, в половине девятого утра я приехал в редакцию и, к своему изумлению, увидел И.А. Щёлокова на рабочем месте. Оказалось, он был срочно отозван из отпуска и уже заслал «Росказни» в набор в первоизданном виде.

С этого момента ситуация в редакции стремительно стала выходить из-под контроля. Невооружённым взглядом было видно, что в кабинетах сотрудников идут бесконечные «секретные» совещания, на которые нас с редактором, естественно, не приглашали. Во второй половине дня сотрудник секретариата Дмитрий Дьяков вручил редактору и мне копии письма первому секретарю Воронежского обкома партии Г.С. Кабасину. В нём, в частности, говорилось:

«Как известно, повесть А. Жигулина “Чёрные камни” проходила проверку на достоверность в соответствующих органах (см. №№ “Московских новостей” и “Книжного обозрения”). А также учитывая то обстоятельство, что и прежде, публикуя материалы Л. Коробкова, газета неодно-

кратно была вынуждена извиняться перед читателями за непроверенные, а иногда и просто придуманные автором “факты”, редакция газеты “Молодой коммунар” считает недопустимым публикацию статьи Л. Коробкова “Росказни” без наличия документов, подтверждающих правоту изложенных в его статье фактов.

<...> Если Л. Коробков считает, что “А. Чижов” оклеветан в повести “Чёрные камни” автором, то было бы правильнее и логичнее прототипу героя повести обратиться в суд самому с соответствующими претензиями.

<...> Л. Коробков оспаривает публикации в журнале “Знамя” (орган Союза писателей СССР) и газете “Комсомольская правда” (орган ЦК ВЛКСМ). Непонятно, почему “Молодой коммунар” (орган Воронежского обкома ВЛКСМ) должен публиковать возражения по поводу материалов, опубликованных в других изданиях.

<...> Если же сказанное выше не будет принято в расчёт, если статья Л. Коробкова “Росказни” будет опубликована в нашей газете, то это можно расценивать как прямое игнорирование мнения трудового коллектива.

При подобных обстоятельствах редактору газеты будет выражено общественное недоверие и будет поставлен вопрос перед бюро обкома ВЛКСМ о его дальнейшем пребывании на этом посту».

Под «петицией» стояли подписи ведущих сотрудников «Молодого коммунара». Как пояснили авторы, идя на такой шаг, они хотели дать шанс редактору, сославшись на единодушное мнение коллектива, не печатать скандальные «Росказни», не подставлять под удар репутацию «Коммунара». Но события стали разворачиваться иначе.

Во вторник, 20 сентября, вышел в свет очередной номер «Коммунара». Большую часть газетной площади заняло выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Красноярске под названием «Время действий, время практической работы». Основные темы: внутренняя и внешняя политика СССР, реализация решений Всесоюзной партконференции по углублению реформ, демократи-

зации жизни советского общества. В этом же номере, содержащем столь важные официальные материалы, была напечатана первая часть скандальных «Росказней».

В 12.00 в редакции состоялось собрание трудового коллектива, на котором присутствовал Сергей Богатырёв, второй секретарь обкома ВЛКСМ. Сотрудники редакции потребовали приостановить публикацию статьи Коробкова до тех пор, пока не будут предъявлены необходимые документы, свидетельствующие об объективности и правомерности точки зрения автора «Росказней». В противном случае коллектив редакции был намерен проинформировать о сложившейся ситуации ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС.

В ответ С. Богатырёв заявил:

– Это будет иметь для вас серьёзные последствия...

21 сентября в газете «Советская Россия» было напечатано официальное сообщение комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры. В списке работ, выдвинутых на соискание Государственных премий 1988 года, была указана книга А.В. Жигулина «Стихотворения», представленная Госкомиздатом РСФСР.

В тот же день стало известно о том, что секретариат обкома комсомола принял решение о продолжении публикации «Росказней». Из семи членов секретариата на заседании присутствовали трое.

22 сентября в «МК» была напечатана вторая часть «Росказней». На следующий день в редакции снова состоялось собрание трудового коллектива. Редакция была похожа на встревоженный улей. Позицию секретариата обкома комсомола (вернее тех, кто за ним стоял) вновь представлял С. Богатырёв, сделавший очередное безапелляционное заявление:

– Газета – не частная лавочка. Можете написать заявление об уходе. Никто вам не даст права лишать редактора подписи газетных номеров. Повторяю: секретариат принял решение – поддержать позицию редактора. Редактор

принял решение о публикации статьи Коробкова. И она будет напечатана.

24 сентября в «МК» была напечатана третья, заключительная, часть «Росказней». По сравнению с первоначальным вариантом в тексте появилась новая и весьма важная информация. Автор утверждал, что во время публикации «Росказней» он обратился в «учреждение, обладающее правом надзора и контроля за любым ведомством, включая и это самое» (КГБ. – В. К.). И, не моргнув глазом, горделиво сообщал: «Что вычислил по повести – подтвердилось полностью. И даже с горьким избытком».

В конце статьи Коробков утверждал, что бывшие члены КПМ, рассказывая корреспонденту «Комсомольской правды» о своей юности, о подпольной антисталинской организации, были неискренни. И призывал: «Товарищи бывшие капэзовцы – кто поддержал мифологию “Чёрных камней”! Ради вашей хорошей юности и нынешних седин – не берите больше на душу греха неправды».

Словом, в огороде бузина, а в Киеве дядька.

29 сентября состоялось заседание бюро Воронежского обкома ВЛКСМ, на котором был рассмотрен вопрос «О нездоровой обстановке, сложившейся в газете “Молодой коммунар”». Именно так и было написано в повестке дня: о нездоровой обстановке. И не в редакции, а в газете. Видимо, разницы между этими словами авторы не видели.

Накануне заседания мне позвонил знакомый работник обкома комсомола и предложил срочно встретиться «на нейтральной территории». Смысл разговора заключался в следующем. На предстоящем заседании бюро я должен публично отречься от своей позиции (то есть одобрить публикацию «Росказней»), признать обстановку в коллективе нездоровой, поддержать предложения об увольнении Дмитрия Дьякова и ещё ряда сотрудников, а также о кадровых перестановках в редакции «Коммунара».

Все предложения я категорически отверг. В ответ собеседник ультимативно заявил:

– Если не одумаешься, тебя уберут. Это произойдёт в самое ближайшее время. Максимум, через полгода.

– Поживём – увидим, – стараясь сдержать эмоции, ответил я.

В тот же день мне было предложено написать объяснительную записку о якобы совершённом мной три недели назад прогуле (задержался на один день в отпуске по причине болезни). Аналогичные абсурдные претензии были предъявлены Дмитрию Дьякову. Началась охота «на тамбовских волков» (Дьяков был моим земляком). Стало ясно, что секретариат обкома в преддверии заседания спешно собирал компромат на непокорных сотрудников «Коммунара».

«Доклад», с которым выступил на заседании завотделом пропаганды и агитации обкома комсомола Сергей Попов, напоминал печально известное постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года, в котором Анна Ахматова была названа «типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии», а Михаил Зощенко – «пошляком и подонком литературы».

Главные выводы докладчика: в редакции создалась нездоровая обстановка, процветают кампанейщина и групповщина, имеют место серьёзные нарушения трудовой дисциплины. Все обвинения носили голословный характер, не были подкреплены конкретными фактами, и вызвали недоумение не только журналистов, но даже и двух членов бюро. Содержательного и конструктивного разговора, увы, не получилось.

Выход в свет «Росказней» вызвал отрицательную реакцию читателей «Молодого коммунара». Особенно негативно статья была воспринята литературной общественностью, преподавателями и студентами воронежских вузов. В редакцию стали поступать письма возмущённых читателей. В кабинетах не умолкали телефоны. Каждому, кто поднимал трубку, приходилось выслуши-

вать немало обидных слов в адрес редакции. Нелегко было объяснять людям, что журналисты «МК» к публикации скандальной статьи не имели никакого отношения.

Соотношение писем было явно не в пользу «Росказней». Однако подборки откликов, опубликованных на страницах молодёжной газеты, не отражали реального соотношения читательских мнений, поскольку в их формировании журналисты принять участия не имели возможности. Отдельные материалы пробились на газетную полосу с большим трудом. Подавляющая часть откликов в поддержку А.В. Жигулина и КПМ так и не увидела свет.

В один из тех дней в редакцию пришёл профессор Лев Ефремович Кройчик. Он принёс письмо на имя редактора «Молодого коммунара». В нём было всего несколько строк: «В связи с публикацией статьи “Росказни” дальнейшее сотрудничество с вашей газетой считаю невозможным». Это известие шокировало сотрудников редакции, в том числе и автора этих строк. Во время учёбы в ВГУ Лев Ефремович был куратором нашей группы. Он был нашим наставником, Учителем с большой буквы. Его авторитет и популярность в студенческой и журналистской среде были несомненными.

На тыльной стороне здания Дома печати кто-то, видимо, ночью нанёс несмываемой краской оскорбительные надписи в адрес редакции молодёжной газеты. Уборщице Анне Сергеевне не удалось их смыть водой со стиральным порошком. Пришлось их просто соскабливать.

29 сентября в редакции журнала «Подъём» состоялось заседание секции критики областной писательской организации, в котором приняли участие не только литераторы, но и представители общественных организаций, преподаватели и студенты воронежских вузов, комсомольские работники, журналисты. Главными инициаторами заседания выступили воронежские литераторы В.В. Семёнов, О.Г. Ласунский и Г.М. Умывакина.

Из принятой резолюции: «Считаем возмутительным факт публикации в газете “Молодой коммунара” статьи

“Росказни”. Уточнение отдельных деталей и фактов в повести А. Жигулина возможно, но недопустима компроматация очень важного и нужного в условиях перестройки произведения, личности его автора, замечательного современного поэта, многих достойных людей.

Автор договаривается в своей провокационной, путанной и спекулятивной статье до оправдания репрессий сталинского времени, что расходится с курсом на совершенствование социализма, на очищение общественной жизни и ликвидацию “белых пятен” в нашей истории.

В статье сфальсифицированы факты, оскорбителен её тон. Она вызвала всеобщее возмущение воронежцев. Она скомпрометировала город и местную печать. Скандал выходит за рамки области.

По сути, критик встал на путь сознательной дезинформации и субъективного произвола, нарушения профессиональной и общечеловеческой этики, вызова общественному мнению; проявил вопиющую некомпетентность в вопросах истории нашего общества и литературы.

Объективно говоря, выступление Коробкова... представляет собою выполнение явного “заказа” со стороны консервативных сил, которым не по душе атмосфера общественных перемен в стране».

На заседании прозвучало предложение – напечатать повесть А. Жигулина «Чёрные камни» экспресс-изданием в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве.

6 октября в редакции состоялось отчётно-выборное партийное собрание. Накануне коллеги обратились ко мне с просьбой дать согласие стать секретарём парторганизации. На собрание внезапно прибыли высокие гости – работники обкома партии, Коминтерновского райкома партии и обкома комсомола. И вот тут-то всплыл «компромат» в виде моего «прогула». По предложению редактора оргвопрос был отложен до выяснения всех обстоятельств.

10 октября пришло долгожданное письмо из города Уварово Тамбовской области. В нём – справка из Центральной районной больницы: «Дана такому-то в том, что

он находился на амбулаторном лечении по поводу острой катаральной ангины. От больничного листа отказался. Справка дана для предъявления по месту работы». Подпись, дата, печать – всё, как положено. Сняв копию, я немедленно отвёз документ в обком комсомола.

В тот же день в редакции состоялось партийное собрание. Повестка дня та же: выборы секретаря парторганизации. Результаты голосования: семь – за, против – нет, воздержался – один. Итак, на мне лежит теперь груз не только административной, но и партийной ответственности, а это ко многому обязывает.

12 октября в «Литературной газете» была опубликована реплика Владимира Верина «А. Платонов, А. Жигулин... Кто следующий?». Приведу выдержки: «Совсем недавно (“ЛГ”, № 38) мы писали о громкой “воронежской сенсации” – статье Л. Коробкова “Андрей Платонов, Иосиф Сталин (...)”, опубликованной в воронежской газете “Молодой коммунар”. И вот сенсация № 2.

<...> Автор ставит перед собой весьма ответственную задачу “...показать несостоятельность “Чёрных камней” как произведения строго документального жанра” и стремится решить её, “не прибегая к чему-то иному, нежели логическое мышление и здравый смысл”.

<...> Но достаточно ли этого? Разумеется, нет, ибо, не подтверждённые фактами и документами, оскорбительными для писателя выглядят утверждения, что Жигулин “приписал себе” те достоинства, которыми на самом деле отличался предатель Чижов.

<...> Трудно себе представить, как вообще без привлечения архивных документов можно намекать, что сам Жигулин и его друг Батуев повинны в страданиях своих друзей. Факты и документы Л. Коробков ещё только обещает обнаружить в ближайшем будущем. Но возникает вопрос: зачем же вообще нужно было печатать статью до, а не после обращения к документам?».

13 октября в Воронеж приехал специальный корреспондент «Комсомольской правды» Дмитрий Муратов. Мои

коллеги уже навели справки. В столице он всего год. До этого работал в самарской областной газете «Волжский комсомолец». Окончил филологический факультет Куйбышевского государственного университета. Уверенно «набирает высоту». Основные темы его публикаций, – это, как правило, конфликтные ситуации в разных сферах жизни. Пишет талантливо, иронично, иногда – даже зло (особенно, когда речь идёт о бюрократизме и чванстве чиновников).

25 октября в «Комсомольской правде» была напечатана статья Е. Яковлевой и Д. Муратова «Вторая попытка». Рассказням (сознательно пишу это слово без кавычек) Коробкова и тем, кто за ним стоял, был дан достойный отпор. Приведу отдельные фрагменты:

«Метод, которым Л. Коробков компрометирует “Чёрные камни”, довольно известен. Отыскивая мелкие “неточности” в тексте повести, автор пытается посеять недоверие к её правдивости вообще.

<...> В Воронеже мы столкнулись не только с общественным мнением, возмущённым концепцией “Рассказней”, но и с мощной поддержкой позиции Л. Коробкова.

<...> Сам Л. Коробков нас уверял: никакой “помощи” в подготовке статьи ему не оказывалось. Однако материалы областного партархива были ему предоставлены по личному распоряжению второго секретаря областного комитета партии В.И. Зарубина...

<...> Сектор печати обкома партии вообще запретил выпускать уже набранную и свёрстанную ежегодную литературную газету “На родине Кольцова и Никитина” (приложение к журналу “Подъём”) сразу после того, как в передовую статью “Гласность и правда истории” был вписан один абзац – шесть строк – с оценкой “Рассказней” Л. Коробкова. С отрицательной оценкой. Газета, подготовленная общественной редколлегией к кольцовским и никитинским чтениям, не вышла. Причина? “А бумаги нет”. Такая вот милая разновидность “воронежского плюрализма”. Плюрализм для одного.

<...> Вопрос о том, кем считать тех, капээмовских, мальчишек – хулиганьём, позёрами или всё-таки, пусть наивными порой, но борцами – вопрос сегодняшний. Вопрос о возможности свободомыслия в одной отдельно взятой голове. Вопрос об уважении к личности, о том, кем является человек в нашем обществе – целью или средством строительства социализма».

1 ноября в областной газете «Коммуна» (печатный орган Воронежского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов) было опубликовано интервью с первым заместителем прокурора Воронежской области и старшим помощником прокурора области по надзору за следствием в органах госбезопасности.

Главная цель публикации была очевидна: представить КПМ как трагическую страницу в истории страны, а самих капээмовцев – жертвами террора, а не сознательными борцами со сталинским режимом.

На одной из редакционных летучек корреспондент Александр Сорокин сообщил о том, что он написал полемическую статью о «Росказнях» и, не питая никаких иллюзий относительно возможности публикации этого материала в «Коммунаре», отдал его в многотиражную газету «Монтажник», где до этого работал.

Вскоре стало известно об инциденте: в самый последний момент по указанию высокопоставленного партийного чиновника эта статья была снята из уже свёрстанного номера «Монтажника».

По слухам, кто-то «слил» информацию в отдел пропаганды и агитации Воронежского обкома КПСС.

В первых числах ноября редактор убыл в краткосрочный отпуск. Оставшись «на хозяйстве», я попросил Александра Сорокина показать мне не вышедшую в «Монтажнике» статью. Он принёс гранки и деликатно удалился, оставив меня одного в кабинете. Статья была интересной, хорошо аргументированной, она разбивала в пух и прах скандальные «Росказни». Мне понравилось всё, кроме заголовка «Не единожды солгавший, кто тебе поверит?», ко-

торый, на мой взгляд, придавал дискуссии бранный характер. Я предложил коллеге опубликовать в «МК» эту статью под другим названием: «...И только правда на всех одна». Он не возражал.

3 ноября статья А. Сорокина была напечатана в «Молодом коммунаре». Она была с воодушевлением воспринята в среде литературной общественности и подняла моральный дух в редакционном коллективе.

Из дневника А.В. Жигулина:

«3 ноября 1988 года, четверг. Господь явил великое чудо – “Молодой коммунар” напечатал нынче арестованную в “Монтажнике” статью А. Сорокина “Не единожды солгавший, кто тебе поверит?”. Звонила А. Батуева и В. Семёнов (я спал) – Воронеж ликует! Слава тебе, Господи!».

7 ноября на доске объявлений в коридоре появился большой лист ватмана, на котором было написано: «Дорогие младокоммунаровцы! Мы, коммунаровцы, шлём вам самый сердечный октябрьский привет. Поздравляя всех вас с праздником, радуемся вашей гражданской принципиальности, видим в вас настоящих борцов за перестройку. Спасибо за честную и мужественную публикацию статьи “...И только правда на всех одна”. Перестройка необратима!». Внизу – около 30 подписей сотрудников редакции газеты «Коммуна».

Между тем настоящая битва не на жизнь, а на смерть (иначе и не скажешь) между сторонниками и оппонентами Жигулина на страницах «Молодого коммунара» продолжалась. 5 ноября в «МК» было опубликовано письмо Г. Ештокина, бывшего работника ЦК КПСС, проживавшего в Москве. В декабре 1955 года ему было поручено проверить, правильно или неправильно были осуждены и приговорены к различным срокам лишения свободы молодые люди по уголовному «делу КПМ».

По его мнению, А. Жигулин и его товарищи стали жертвами преступных замыслов местных чекистов – прежде всего начальника управления МГБ по Воронежской области генерал-майора Суходольского и его заместителя

полковника Литкенса, которые представили Сталину и Берию сфальсифицированное «дело КПМ».

В том же номере был опубликован комментарий редакции, в котором сообщалось о прекращении дискуссии по повести А. Жигулина «Чёрные камни», и высказывалось предложение о создании специальной комиссии по дополнительному изучению материалов, связанных с «делом КПМ». «В её состав могли бы войти юристы, историки, журналисты, представители общественных организаций. Считаю также целесообразным привлечь к этой работе бывших членов КПМ. Создаваться и работать комиссия должна в условиях гласности», – говорилось в редакционном обращении к читателям, предварительно согласованном с секретариатом обкома комсомола.

23 ноября (редактор был в отпуске) я срочно был вызван в обком комсомола, где мне были вручены письма двух бывших членов КПМ (оппонентов А.В. Жигулина) с категоричным требованием поставить их в номер. Мои возражения и слова о том, что дискуссия вокруг «Чёрных камней» и «дела КПМ» по согласованию с секретариатом обкома комсомола прекращена, о чём мы уведомили читателей в номере газеты от 5 ноября, не возымели действия.

В тот же день состоялось расширенное заседание редколлегии. Было решено в срочном порядке подготовить к печати альтернативные материалы – интервью с А.В. Жигулиным (Александр Сорокин встречался с ним в Москве в минувшие выходные), письмо бывших членов КПМ (сторонников Анатолия Владимировича) и комментарий редакции.

В обкоме партии стало известно о нашем намерении опубликовать альтернативные материалы (произошла утечка информации). Вечером 25 ноября, когда номер был уже подписан и сдан в печать, в редакцию прибыл секретарь обкома ВЛКСМ Владимир Кобяшев. Он объявил о том, что в связи с тем, что редактор находится в отпуске, а его заместитель – на больничном (хотя я был на работе), на него возложено право подписи текущих номеров газеты.

Воспользовавшись своим правом, Кобяшев снял из номера интервью с Жигулиным, письмо бывших членов КПМ и комментарий редакции. На освободившемся месте по его указанию были размещены перепечатки из центральных газет, не имеющие никакого отношения к тематике молодёжной газеты.

О беспрецедентном вмешательстве в производственный процесс стало известно в ЦК ВЛКСМ. В редакцию позвонил Юрий Пилипенко, заведующий сектором печати ЦК комсомола. Выслушав его мнение, Кобяшев невозможно заявил:

– К точке зрения сектора печати ЦК мы относимся с уважением. Но нам здесь виднее.

В 18.00 в редакции состоялось собрание трудового коллектива. Повестка дня: «О чрезвычайной ситуации, сложившейся с выпуском № 142 “Молодого коммунара”».

Собрание постановило: «Ознакомившись с решением секретариата обкома ВЛКСМ о назначении В. Кобяшева и. о. редактора, коллектив журналистов редакции высказывает принципиальное несогласие с решением секретариата обкома и отказывается работать под руководством Кобяшева в связи с необоснованным снятием из номера интервью с А. Жигулиным, письма восьми бывших членов КПМ и комментария редакции.

Коллектив редакции осуждает подобный авторитарный стиль руководства газетой».

В тот же вечер в Москву на имя первого секретаря ЦК ВЛКСМ была послана соответствующая телеграмма с просьбой срочного вмешательства. Аналогичная телеграмма была отправлена в адрес отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Запись в дневнике А.В. Жигулина: «26 ноября 1988 года, суббота. <...> Г. Бакланов (*Главный редактор журнала “Знамя”*. – В. К.)... встречался с М.С. Горбачёвым и рассказал ему о травле против “Чёрных камней” в Воронеже.

Михаил Сергеевич распорядился, дал кому-то поручение всё выяснить».

В понедельник, 28 ноября, состоялось заседание бюро обкома ВЛКСМ, на котором было принято решение о прекращении дискуссии по повести А. Жигулина «Чёрные камни». Эта новость до предела накалила обстановку в редакции. На собрании трудового коллектива прозвучало предложение: приостановить выпуск газетных номеров, в то же время продолжая работу по планам отделов до тех пор, пока постановление бюро обкома ВЛКСМ от 28 ноября не будет отменено и редакции не предоставят возможность завершить дискуссию о КПМ.

После собрания ответственный секретарь редакции Е. Бусалаев под одобрительные возгласы коллег снял вывеску «Молодого коммунара» над входом в редакцию газеты. Это была не капитуляция, а акция протеста. Таким шагом журналисты молодёжной газеты выражали несогласие с волюнтаристским решением бюро обкома ВЛКСМ и пытались привлечь внимание к чрезвычайной ситуации вышестоящих комсомольских и партийных инстанций.

До глубокой ночи я анализировал сложившуюся ситуацию и пришёл к следующим выводам. Если мы выполним постановление собрания трудового коллектива (то есть приостановим выпуск газетных номеров), то только усугубим своё и без того аховое положение.

Накануне один из моих знакомых, работающий в партийных органах, с сочувствием сказал:

– От вас только и ждут опрометчивого шага. Как только не выйдет в свет очередной номер газеты, сотрудников редакции на вполне законных основаниях объявят политически незрелыми людьми и нарушителями трудовой дисциплины. Кого-то уберут «по статье». Кого-то вынудят уйти по собственному желанию. Обновят редколлегию. Примут на работу новых, послушных сотрудников. Вот чем может закончиться ваша «забастовка».

Если же мы подчинимся постановлению бюро обкома комсомола и публикацией тенденциозных, навязанных извне писем завершим дискуссию вокруг «Чёрных камней», то окончательно дискредитируем «Молодой комму-

нар» в глазах читателей. Нанесём непоправимый урон чести и репутации молодёжной газеты.

Получалось, как в сказке: «Направо пойдёшь – коня потеряешь. Налево пойдёшь – голову сложишь». В этот момент на память пришли строки Жигулина: «Обложили, как волка, флажками, и загнали в холодный овраг. И зари желтоватое пламя отразилось на чёрных стволах...»

И я принял нелёгкое решение.

В 10.00 я собрал всех находившихся на рабочих местах сотрудников и объявил о том, что намерен опубликовать снятые секретарём обкома комсомола материалы. Кто-то из сотрудников предложил оформить это постановлением редколлегии. Особой нужды в этом я не видел, так как хорошо понимал, что никакое прикрытое коллегиальным решением меня уже не спасёт от «царского гнева», но возражать не стал. Проголосовали единогласно. Закрывая заседание, я попросил коллег во избежание утечки информации никому не рассказывать о нашем замысле. Даже друзьям и близким.

Разошлись молча. Настроение у всех было подавленное. Похоже, никто особенно не верил в то, что удастся сделать задуманное.

Мы руководствовались «инструкцией» опытного подпольщика А.В. Жигулина, которую привёз из Москвы Александр Сорокин. В ней было всего три пункта: «1. Об интервью никто не должен знать даже в редакции, кроме тех, кого нельзя избежать. 2. Не говорить об интервью по телефону, даже условно: “материал” и т. п. – все условности легко угадываются. 3. Если будет планёрка, то запланировать на это место иной материал».

Третья и четвёртая полосы были свёрстаны и вычитаны ещё в первой половине дня. На них уже стояли штамп Главлита и подпись цензора.

В 17.30 корректоры закончили вычитку первой и второй страниц «Коммунара», на которых публиковался официальный – поступивший из Москвы по телетайпу отчёт о вне-

очередной сессии Верховного Совета СССР. Вскоре и эти полосы были завизированы цензором. После этого я тоже написал на каждой из полос: «В печать». Расписался и поставил время – 18.15. В этот момент мы сообщили цензору о том, что будет перевёрстываться четвёртая полоса.

После 19.00 здание редакционно-издательского корпуса опустело. Жизнь кипела только на первом этаже. В линотипном цехе стрекотали наборные машины, метранпажи правили полосы областных и многотиражных газет. В газетном цехе рабочие настраивали печатные машины. Как всегда, первыми начинали печатать центральные издания. В редакции «Коммунара» остались трое «заговорщиков»: выпускающий Дмитрий Дьяков, дежурный по номеру Александр Сорокин и я.

19.30. Началась перевёрстка четвёртой полосы «Коммунара». Телефон молчал.

20.30. Перевёрстанная страница «МК» лежала передо мной на столе. Шесть колонок из восьми занимали интервью с Анатолием Жигулиным «Мы были той виной сильны...», письмо бывших членов КПМ «По праву памяти» и комментарий редакции. Телефон молчал.

20.50. Дмитрий Дьяков отправился с полосой к цензору. Мы с Александром Сорокиным, не сговариваясь, перекрестились. Господи, помоги! Потянулись томительные минуты ожидания. Телефон молчал.

21.30. Дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стояла, прижимая к груди газетную страницу, молодая, очень симпатичная женщина – сотрудник Главлита. Лицо её пылало. Сделав несколько шагов, она положила полосу на стол и произнесла срывающимся от волнения голосом:

– Ребята, я перед вами преклоняюсь...

Повернулась и вышла из кабинета. Мы бросились к столу. На полосе стоял штампик Главлита и подпись цензора. В этот момент я почти уже не сомневался, что нам удастся выпустить в свет газетный номер.

Вскоре сотрудница Главлита, выпустившая в свет номер «МК» с «крамольными» материалами, была уволена

«в связи с сокращением штата». До сих пор испытываю чувство искреннего уважения к этой женщине, глубоко порядочному человеку: в её действиях, конечно, не было ничего предосудительного, она действовала строго в рамках закона, и вся её «вина» заключалась в том, что она не «настучала» на нас своему начальству.

24.00. Офсетные пластины закреплены на барабане печатной машины. Телефон молчал.

0.30. Печатник нажал кнопку и по транспортёру наверх, в цех экспедиции, стали подниматься первые экземпляры свежего номера «Молодого коммунара».

Мы дождались, пока пачки газет стали загружаться в почтовые машины, прибывшие из сельских районов. И лишь когда фургоны один за другим начали выезжать из ворот типографии, увозя с собой пахнущие свежей краской номера центральных и областных изданий, покинули печатный цех, захватив с собой несколько десятков экземпляров «МК». По полутёмной лестнице поднялись на третий этаж. Над входом в редакцию «Молодого коммунара» по-прежнему сияло белое пятно.

– Дима, надо вернуть вывеску на место, – сказал я Дьякову. – Кажется, нам удалось отстоять честь «Коммунара»...

Дьяков молча кивнул. Одевшись, мы вышли на улицу.

Было три часа утра. Снег искрился, скрипел под ногами.

– Завтра зима начинается, – мечтательно сказал Саша Сорокин.

– Какое завтра? – засмеялся Дима Дьяков. – Сегодня...

На перекрёстке мы пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Домой я добрался «на перекладных» в пять утра. Разделся, прилёг, и, едва прикоснулся щекой к подушке, – мгновенно уснул.

И приснился мне родной дом, стоящая на крыльце мама. Она улыбалась и махала мне рукой. Ветер донёс обрывки фраз, слетевших с её губ: «В путь идти – не убитым быть... В суд идти – не судимым быть...»

В 9.30 меня разбудил телефонный звонок. Звонили из приёмной первого секретаря обкома комсомола. В трубке – ледяной голос секретарши (а ведь мы хорошо знакомы):

– Вы приглашаетесь на заседание бюро обкома комсомола. Оно состоится сегодня в 18 часов. Ваша явка обязательна.

На заседании бюро обкома комсомола я был освобождён от должности заместителя редактора газеты «Молодой коммунар» по статье 254 пункт 1 КЗоТ РФ (за неподчинение). Из девяти человек против проголосовал один: секретарь обкома комсомола по работе с учащейся и студенческой молодёжью Сергей Чуев.

– Вы об этом пожалеете, Сергей Алексеевич, – изо всех сил стараясь быть грозным, сказал Игорь Воробьёв, первый секретарь обкома ВЛКСМ. – И очень скоро...

Из телеграммы в адрес главного редактора «Комсомольской правды» Г.Н. Селезнёва:

«1 декабря 1988 года по статье 254 пункт 1 за невыполнение постановления бюро обкома ВЛКСМ снят с работы заместитель редактора “Молодого коммунара”, секретарь парторганизации газеты Владимир Колобов. Работникам обкома комсомола не понравилось, что он ослушался их руководящего мнения и продолжил дискуссию, которую велено было прекратить. Хотя Колобов, поступая так, отстаивал не свои личные взгляды, а решение редколлегии, всех журналистов газеты.

Первый секретарь обкома комсомола И. Воробьёв и секретарь В. Кобяшев вели себя по отношению к газете крайне пренебрежительно. Не объясняли своих решений. “Это наша газета, – сказал журналистам В. Кобяшев, – и мы будем её делать так, как считаем нужным”. Чья – “ваша”? В комментарии, который мы напечатали 1 декабря, – наша позиция. Собственно, за эту позицию Володю и сняли.

Александр Бунеев, зав. отделом; Евгений Бусалаев, зав. отделом и др.» (всего 14 подписей).

В пятницу, 2 декабря, я вошёл в Дом печати. По знаковой лестнице поднялся на третий этаж. Вывеска над входом в редакцию «Молодого коммунара» по-прежнему отсутствовала. Я вспомнил, как 29 октября прошлого года первый раз приехал сюда в качестве только что утверждённого заместителя редактора, и сердце сжалось: вот, кажется, и закончен мой «роман» с молодёжной газетой. Он длился недолго – один год один месяц и три дня...

Редактор вручил мне «волчий билет» – трудовую книжку с записью об увольнении по статье 254 пункт один КЗоТ РФ (юристы называют её: «за неподчинение»). Я молча расписался в приказе, повернулся и вышел из кабинета. Устроиться на работу с таким «документом» в какую-либо редакцию газеты, включая многотиражку, было невозможно. Разве что грузчиком на вокзале или дворником...

Из дневника А.В. Жигулина:

«1 декабря 1988 года, четверг. Со слов Иры: “Молодой коммунар” под руководством заместителя редактора Владимира Колобова нынче напечатал снятые прежде обкомом ВЛКСМ материалы: интервью с А. Жигулиным и письмо членов КПМ “По праву памяти”.

<...> Саша Сорокин. Интервью и письмо пошли в том самом виде, в котором были набраны.

<...> Звонил Валерка <Батуев>. Коммунаровцы поставили в газету материалы в ...5 часов утра, когда весь обком ВЛКСМ и весь обком партии дрыхли. В публикации рассказали о снятии материала. Но вот, мол, печатаем, ставим точку. В 18 часов состоялось внеочередное заседание бюро обкома ВЛКСМ. Вызвали В. Колобова и ответственного секретаря, но коммунаровцы пошли все.

А до этого руководителей обкома ВЛКСМ вызывали на ковёр в обком партии.

Из “Молодого коммунара” звонили в ЦК КПСС... ЦК ВЛКСМ комиссию решил послать. Влететь-то влетит... Защитим ребят. <...> Уже за полночь. Пора собираться, заканчивать сборы».

С 1 по 14 декабря 1988 года А.В. Жигулин в составе писательской делегации находился в творческой командировке во Франции. И потому дальнейшие события вокруг «Чёрных камней» проходили без его личного участия.

В воскресенье, 4 декабря, в «Комсомольской правде» был напечатан материал Д. Муратова «Статья» – за статью». Статья заканчивалась словами: «Нет, до сих пор нет надёжных гарантий защиты гласности. Резолюцию о гласности руководство на местах воспринимает порой как “военную хитрость” – цитируют, ссылаются, а действуют, как местный бог положит на душу, по сложившимся аппаратным традициям. Думаю, настало время для вопроса на пленуме ЦК ВЛКСМ о молодёжной печати. Но всего этого надо ждать. А времени – нет! И пока мы расплачиваемся за отсутствие надёжных гарантий судьбами смелых, талантливых людей. Мы будем их отстаивать. Чтобы не превратиться вновь в обделённых гласностью “нищих”».

На следующий день я встретился с Сергеем Комаровым, секретарём комитета комсомола ВГУ. Он рассказал о том, что альма-матер бурлит. На многих факультетах – филологическом, физическом, юридическом, биологическом, экономическом, прикладной математики и механики, журналистики и других – состоялись собрания, на которых обсуждалась ситуация вокруг «Молодого коммунара». В принятом постановлении содержится требование восстановить «опального» замредактора «МК» на работе, созвать внеочередную областную конференцию, рассмотреть вопрос о доверии секретариату и бюро обкома ВЛКСМ.

Аналогичные собрания, по его словам, состоялись почти во всех воронежских вузах и техникумах, а также на многих предприятиях и в организациях города.

8 декабря в Воронеж прибыла комиссия ЦК ВЛКСМ. В её составе – инструктор отдела комсомольских организаций ЦК ВЛКСМ Александр Кузнецов, инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Ярослав Микуляк, спецкор «Комсомольской правды» Дмитрий Муратов.

23 декабря состоялось заседание бюро Воронежского обкома комсомола, на котором был рассмотрен вопрос: «Об итогах работы комиссии ЦК ВЛКСМ по рассмотрению коллективных писем и телеграмм сотрудников редакции газеты “Молодой коммунары”». Накануне члены комиссии ЦК ВЛКСМ Александр Кузнецов и Ярослав Микуляк ознакомили меня с текстом подготовленной ими записки. В ней чётко и ясно было сказано о том, как появилась на страницах газеты скандальная статья «Росказни» и кто принимал решение о её публикации.

После заседания (всё это время я находился в здании обкома комсомола) ко мне подошёл Александр Кузнецов.

– К сожалению, нам не удалось убедить большинство членов бюро принять решение о твоём восстановлении на работе, – сказал он, не скрывая разочарования. – Ты понимаешь, откуда ветер дует... Принято решение вынести этот вопрос на завтрашнее заседание пленума обкома комсомола. О позиции бюро и секретариата сегодня же доложим руководству ЦК ВЛКСМ. Не вешай носа. Сейчас мы снова идём к Зарубину. Постараемся убедить его в необходимости приглашения на пленум журналистов «Коммунары» и комсомольского актива.

Итак – завтра пленум. Один из бывших коллег, работник обкома комсомола, сообщил «секретную» информацию: «по указанию сверху» в эти часы идёт тотальная обработка первых секретарей райкомов и членов обкома, чтобы они при рассмотрении вопроса о заместителе редактора «Молодой коммунары» проголосовали «правильно».

– Ты, как и Жигулин, объявлен персоной нон грата.

Это означало, что мои шансы быть восстановленным на работе практически равны нулю. Вслед за этим, скорее всего, последует исключение из партии.

Но я не жалел о сделанном. Честь и совесть всегда были для меня гораздо важнее, чем карьера и личное благополучие. И даже жизнь...

Ночь с 23 на 24 декабря 1988 года была одной из самых трудных, самых долгих и безнадежных ночей в моей жизни. Ночью перед казнью. Перед последним боем. Я приготовился к самому худшему. Когда за окном забрезжил рассвет, я написал и положил в боковой карман записку шестимесячной дочери в надежде, что она прочтёт её, когда станет взрослой. И простит меня.

«Ave, Caesar, morituri te salutant!». (Лат. – Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!).

...Уходя, попрощался с Пресвятой Богородицей. Мне показался укоризненным её взгляд...

В половине десятого утра 24 декабря 1988 года я вошёл в здание Воронежского горкома партии, где должен был состояться пленум обкома комсомола. Это известное всем воронежцам здание находится по адресу: улица Кирова, 2. Теперь здесь располагается Парламентский центр – Воронежская областная Дума.

Войдя в зал, я не мог не обратить внимание, как один из секретарей сельских райкомов комсомола (хорошо знакомый мне по прежней работе в обкоме ВЛКСМ) шарахнулся в другой конец зала, словно я был прокажённый. Другой прошёл мимо, не поздоровавшись. В иной обстановке это вызвало бы во мне бурю эмоций. На этот раз я воспринял поведение бывших коллег с полным равнодушием.

Первая половина зала, граничащая со сценой, на которой стоял длинный стол для президиума, была уже заполнена членами обкома комсомола и приглашёнными активистами. Чтобы не ставить никого в неловкое положение (я чувствовал себя действительно «гадким утёнком», изгоем), прошёл во вторую половину зала и сел один в совершенно пустом ряду.

«Господи, скорей бы всё кончилось...»

В этот момент я почувствовал моральную поддержку. Юрий Агибалов, мой бывший коллега по работе в обкоме комсомола, а ныне сотрудник Центрального райкома партии, не побоявшись косых взглядов из президиума, подошёл ко мне, поздоровался и сел рядом. Это был поступок

честного и порядочного человека. Мой коллега не мог не знать, какие тучи сгустились над моей головой и кто их нагнал. И этот поступок я не забуду никогда.

На пленуме присутствовали из 147 членов обкома комсомола – 77, из 35 кандидатов в члены обкома комсомола – 15, из 27 членов ревизионной комиссии – 6 человек. Явка была как никогда низкой. Создавалось впечатление, что кто-то сознательно хотел сорвать проведение пленума. Впрочем, были и объективные обстоятельства: всю ночь мело. Дороги (особенно сельские грунтовки) забило снегом. Но всё равно в зале присутствовало более 200 человек. Почти половина из них – приглашённые. В основном, это были секретари комитетов комсомола вузов и техникумов, представители студенческих и общественных организаций.

В общей сложности прения длились более пяти часов. Выступили практически все, кто хотел это сделать, кому было что сказать. Несмотря на мощное давление «сверху», пленум большинством голосов отменил решение бюро обкома комсомола и восстановил меня в должности заместителя редактора газеты «Молодой коммунар».

Это, безусловно, была победа.

Победа здравомыслящих сил.

...Глубокой ночью я вернулся домой. Несколько минут стоял у детской кроватки, слушая посапывание спящей дочери. Затем прошёл на кухню. Достал из кармана записку... Пепел выбросил в открытую форточку.

Потом встал на колени и долго молился перед иконой. Просил прощения у Пресвятой Богородицы за малодушие, за слабость. За то, что не верил, что она спасёт меня...

Из дневника А.В. Жигулина:

«25 декабря 1988 года, воскресенье. <...> Таня Муратова (жена Д. Муратова, в то время заведующего отделом комсомольской жизни редакции газеты “Комсомольская правда”. – В. К.):

– Звонил Дмитрий. Колобова восстановили.

Слава Богу! Приедет Дмитрий сегодня ночью. Я сказал, что мне можно звонить до часа ночи».

Дискуссия вокруг «Чёрных камней» стала заметным явлением в общественно-политической жизни не только Воронежской области, но и страны. Она ускорила процесс формирования новых демократических сил в регионе, известном как центр «красного пояса».

Вспыхнув в Воронеже, жаркая дискуссия вокруг «Чёрных камней» перекинулась на страницы центральных газет и журналов. Друзья и оппоненты Жигулина разделились на два непримиримых лагеря. Позицию поэта в целом поддержали «Знамя» (что было естественно, именно здесь были впервые опубликованы «Чёрные камни»), «Нева», «Октябрь», «Огонёк», «Молодой коммунист», «Литературная газета», «Литературное обозрение», «Книжное обозрение», «Комсомольская правда» и другие издания. В противоположном лагере оказались «Наш современник», «Молодая гвардия», «Агитатор», «Литературная Россия» и «Советская Россия». Всего в период дискуссии было опубликовано более 250 различных материалов.

Эта история, несомненно, отрицательно повлияла на имидж воронежских властей, несмотря на то, что с их стороны было сделано, казалось бы, всё возможное и невозможное, чтобы скрыть от общественности факт оказания административного давления на молодёжную газету и отмежеваться от скандальных «Росказней». Конечно, были и другие, не менее важные, причины падения авторитета партийного аппарата.

В июне 1990 года на состоявшейся отчётно-выборной партийной конференции Г.С. Кабасин не был избран первым секретарём обкома КПСС. Этот пост он уступил более энергичному и харизматичному политику – зампреду облисполкома Ивану Шабанову, будущему губернатору Воронежской области.

Потеряв партийный пост, Кабасин ещё некоторое время продолжал оставаться председателем областного Совета народных депутатов (после XIX Всесоюзной партконференции эти должности совмещались), но вскоре под ним зашаталось и это кресло. Последней каплей, перепол-

нившей чашу терпения воронежцев, послужил громкий скандал, связанный с нарушениями первыми лицами области жилищного законодательства. По иронии судьбы серия статей на тему «квартирного дела» летом 1990 года была опубликована на страницах «Молодого коммунара», а их автором стал депутат Воронежского горсовета журналист Александр Сорокин. Тот самый...

В ноябре 1990 года Г.С. Кабасин был освобождён от должности председателя Воронежского областного Совета народных депутатов. Потерпев сокрушительное поражение, он вернулся в Москву. «Порулив» Воронежской областью почти четыре года, он ушёл в политическое небытие, не оставив заметного следа ни в истории региона, ни в памяти воронежцев.

Второй секретарь обкома В.И. Зарубин, тоже «засветившийся» в квартирном скандале, вскоре был переведён на работу в Министерство внешнеэкономических связей, а затем направлен в торгпредство России в Республике Болгария. С 1990 по 1993 год был народным депутатом РФ. Осенью 2000 года участвовал в избирательной кампании Александра Ковалёва на выборах мэра Воронежа. После его победы работал в аппарате главы городской администрации. В октябре 2003 года после вынужденной отставки Ковалёва, у которого не сложились отношения с губернатором Владимиром Кулаковым, оказался не у дел.

Закономерен итог комсомольской карьеры И. Воробьёва. На отчётно-выборной конференции в декабре 1989 года делегаты «прокатили» его в ходе тайного голосования, не избрав первым секретарём обкома комсомола. Достойного места в партийных или советских органах Воронежской области потерявшему доверие комсомольскому функционеру не нашлось, и, помыкавшись, он вернулся на прежнее место работы в Москву – инструктором ЦК ВЛКСМ. О дальнейшей судьбе этого человека ничего не известно. Да и, честно говоря, мне это не интересно.

В начале мая 1989 года Александр Сорокин побывал в Москве в гостях у поэта и сообщил:
– В ближайшее время Анатолий Владимирович планирует приехать в Воронеж. Он собирается встретиться со старыми друзьями, а также пригласить несколько человек из «Коммунара», в том числе – тебя.

Александр Сорокин передал мне книгу «Чёрные камни» с автографом Жигулина.

Шли дни. И вот однажды Сорокин сказал:

– Жигулин – в Воронеже. Приехал вместе с телевизионщиками из программы «Взгляд». Они снимают документальный фильм о КПМ. Сегодня в пять вечера Анатолий Владимирович встречается в ТюЗе с «Мемориалом». Пойдёшь?

Этот вопрос можно было бы и не задавать. Конечно пойдю! И тут же стало страшно. А вдруг он окажется не таким, каким его себе представляю? Может, не надо идти? Может, не стоит встречаться? Но в половине пятого ноги сами понесли меня в центр города. На тихую и уютную улицу Дзержинского. Ирония судьбы: в довоенные годы в здании ТюЗа располагался клуб ОГПУ-НКВД. И вот теперь по инициативе воронежского литературоведа О.Г. Ласунского и председателя историко-просветительского общества «Мемориал» В.И. Битюцкого здесь проводится встреча с бывшим политзаключённым А.В. Жигулиным.

Вот что записано в моём дневнике:

«Над Воронежем – предгрозовое вечернее небо. Редкие капли дождя. Громадная туча надвигается на город. Сверкает молния. В фойе ТюЗа находятся несколько десятков человек. Выясняется, что Жигулин ещё не приехал. Стоим, разговариваем о том о сём.

– Приехал, приехал, – раздался вдруг чей-то голос.

И все разом умолкли. Распахивается дверь и в фойе вваливается шумная, весёлая компания. В центре – Жигулин, за ним – Рудницкий, Киселёв, Туголуков, Сидоров, Будённый, Стародубцев, Миронов... За капээмовцами шла невысокая женщина в чёрном. Я догадался, что это Ирина Викторовна Жигулина – его жена, его мужа, его булгаков-

ская Маргарита. Рядом с ней шагал высокий молодой человек, как две капли воды похожий на Анатолия Владимировича. Было ясно, что семья Жигулиных прибыла на встречу с общественностью в полном составе.

В зале – человек 200 или 250. Заполнена лишь половина зала (я ожидал, что народа будет больше).

Жигулин поднялся на сцену и взял в руки микрофон.

– Никто меня не представляет, – хрипловатым голосом произнёс он. – Представляюсь сам: Анатолий Жигулин, поэт, писатель, политический деятель...

Он сделал небольшую паузу и с улыбкой добавил:

– ...времен культа личности Сталина.

Елена Яковлева, собкор “Комсомолки” (мы сидим с ней рядом), спрашивает шёпотом:

– Ну что, похож?

– Похож.

– Володя, это юмор, – говорит она.

– Понимаю, – отвечаю я.

Жигулин подробно рассказал, как возник замысел “Чёрных камней”. Как он принёс повесть в редакцию “Знамени”. Как боролся за неё главный редактор журнала – писатель-фронтник и наш земляк Григорий Яковлевич Бакланов. Как повесть в соответствии с существовавшими на тот момент правилами отправили на проверку в пресс-бюро КГБ СССР. Как медленно тянулись дни ожидания ответа.

– Повесть была объявлена в первом номере, но её тор мозили, – рассказывал Жигулин. – Пресс-бюро КГБ СССР попросило редакцию предоставить две копии машинописного текста. Одну оставили у себя, а другую послали на проверку в Воронеж, где хранилось архивное дело. Эти пять месяцев ожидания были трудными. Но вот повесть вернулась в Москву с незначительными замечаниями, которые мною были устранены. Воронежские чекисты проделали большую работу, я им очень благодарен. Но я не понимаю одного: почему товарищ Борисенко, по сути, дал добро на выход повести, а потом высказал противоположное мнение в той гнусной статье в “Советской России”.

– Я понимаю, что завтра или уже сегодня плёнка с записью этого вечера ляжет на стол Борисенко, – продолжал Жигулин. – Я обращаюсь к вам, Александр Иванович, ответьте...

О чём ещё говорил Жигулин? О том, что книжные варианты автобиографической повести оказались более полные. О вынужденной правке в журнальной версии. О трёх с половиной тысячах писем, поступивших в его адрес после публикации повести в "Знамени", в том числе и от тех, кто сидел с ним в лагере Чёрные камни, кто был свидетелем его побега. О современном значении КПМ:

– Завтра, 20 июня, в Москве, в Музее Революции, открывается выставка, посвящённая Коммунистической партии молодёжи. Целый раздел. Так что история КПМ – это уже часть русского революционного демократического движения.

О зарубежных изданиях "Чёрных камней":

– Книга вышла у нас в стране миллионным тиражом. В ближайшее время в соответствии с уже подписанными договорами она выйдет во многих зарубежных странах.

В своём выступлении А.В. Жигулин поблагодарил сотрудников "Коммунара", выступивших в защиту его повести и КПМ, сказал хорошие слова обо мне. В зале были "засланные казачки" – группа молодых людей в форме курсантов военного училища. Один из них задал Жигулину вопрос:

– Вот вы говорите, что сидели, и с гордостью рассказываете о КПМ. А мой дед, когда вы сидели, сражался за Родину. И я считаю его настоящим героем. Что вы можете на это сказать?

Провокационный тон вопроса (непонятно было, где мог воевать дед курсанта в начале 1950-х, когда Жигулин "мотал" срок в Сибири и на Колыме) вызвали возмущение присутствующих. Раздались громкие и гневные голоса, предлагающие удалить из зала нахального курсанта и его друзей из «группы поддержки».

Жигулин на провокационные выпады не поддался.

– Вам не нравится повесть? Вы не приемлете КПМ? Ну и прекрасно! Ну и хорошо! Пожалуйста! Так и должно быть – одному нравится, другому – нет. У нас плюрализм мнений, демократия.

По просьбе курильщиков был объявлен перерыв. В фойе ко мне подошёл профессор ВГУ Виктор Михайлович Акаткин.

– Ну что, Володя, познакомился с Анатолием Владимировичем?

Услышав отрицательный ответ, он предложил:

– Пойдём, я тебя представлю. Жигулин будет рад.

Мы зашли в одну из небольших комнат, расположенных за сценой. А.В. Жигулин, сняв пиджак, сидел на диване, рядом находились его супруга и сын. Акаткин представил меня. Жигулин устало протянул мне руку:

– Я о вас говорил...

Кисть у Жигулина – продолговатая и слабая. Видимо, я слишком сильно её сжал, потому что Анатолий Владимирович слегка поморщился. Было видно, что он неважно себя чувствует.

– В ближайшие дни нам надо встретиться, – как-то отстранённо сказал он. – Тогда обо всём и поговорим. Пожалуйста, составьте список всех сотрудников “Молодого коммунара” – я хочу каждому подписать книгу.

Во второй половине вечера Жигулин предоставил слово друзьям-капээмовцам, читал стихи, отвечал на вопросы. Публика долго не хотела его отпускать. В конце встречи активист “Мемориала” А.С. Крюков от имени всех присутствующих извинился перед Жигулиным за попытку военных курсантов сорвать вечер».

Далее цитирую запись в моём дневнике, датированную 21 июня 1989 года: «Вчера мы были в гостях у Анатолия Владимировича Жигулина – Дима Дьяков, Саша Сорочкин, художник Юрий Алексеевич Зибров и я. Чуть позже пришёл капээмовец Иван Васильевич Сидоров.

...Ленинский проспект, дом 16. Здесь жили родители Ирины Викторовны Жигулиной-Неустроевой. 9 июня умер её отец, чуть раньше – мать. Тесная квартира хрущёвского типа. В коридоре и комнатах на полу – картонные коробки, узлы и мешки с вещами. Горы грязной посуды на кухне (только что прошли поминки). На телевизоре, стоящем в углу зала, – траурное фото.

Жигулин стал подписывать книги сотрудникам редакции, как и обещал. Он подробно расспрашивает о каждом человеке. Потом делает надпись каллиграфическим почерком на титульной странице “Чёрных камней”, передаёт книги мне и сидящей рядом Ирине Викторовне.

– Это мой главный редактор и цензор... по точкам и запятым, – шутит Анатолий Владимирович.

Дошла очередь и до моей фамилии. Увидев смущение на моём лице, он молча подписал и передал мне книгу, а я, не открывая, отложил её в сторону. И вот подписана последняя книга. Ирина Викторовна начала накрывать стол. На нём появились скромная закуска, стаканы, бутылка “Столичной”. О чём говорили? Да всё о том же: о “Чёрных камнях”, о КПМ, о жизни, о литературе.

А потом он пел Колымскую песню:

Я поеду один
К тем заснеженным скалам,
Где когда-то давно
Под конвоем ходил...

Голос у него негромкий, низкий, слегка хриловатый. Впечатление – колоссальное. Смотреть на Жигулина было тяжело, в его глазах стали накапливаться слезы.

Я поеду один
Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом
Не в стальных кандалах...
Я туда полечу
Словно лебедь в алмазной короне
На серебряном “ТУ”
В золотых облаках...

После первых же минут общения скованность гостей улетучилась, и разговор за столом стал непринуждённым. Каждый мог задать Жигулину любой вопрос. Я спросил:

– Может ли плохой человек, к примеру, трус или предатель, стать поэтом?

Жигулин ответил:

– Писательский труд – это постоянный поиск истины. А истина несовместима с предательством и трусостью. Об этом говорит мировой и отечественный опыт. Не случайно, Михаил Булгаков считал трусость главной бедой Понтия Пилата, римского прокуратора Иудеи, при котором был казнён Иисус Христос, называл её самым страшным пороком. Так оно и есть на самом деле. Я бы добавил трусость к числу семи смертных грехов.

В этот момент за окном сверкнула молния и раздался гром. Жигулин перекрестился. Все остальные – тоже.

...Расстались в полночь. В прихожей Жигулин каждого из нас трижды перекрестил и расцеловал на прощание. Вышли на улицу. Прямо над головой – рукой можно было достать! – висели звёзды, крупные, как подсолнухи. Блестели лужи – только что прошёл ливень. На душе было светло и легко. Как это всегда бывает после грозы».

Придя домой, «по горячим следам» записал в дневник «отчёт» о незабываемом вечере и на одном дыхании написал стихотворение «Разговор с Жигулиным»:

«Может ли трус быть хорошим поэтом?» –
Спросил я Жигулина прямо об этом.
И сказал мне Жигулин, глядя в глаза:
«Поэтом? Трус? Нет, никогда!
Истина с трусостью несовместима –
Об этом известно с времён ещё Рима.
Если б не струсил Понтий Пилат,
На Лысой Горе Бог бы не был распят».

После этого открыл подаренную Анатолием Владимировичем книгу и прочитал на титульной странице слова, которые он произнёс в Тюзе: «Дорогому Владимиру Колотову – за честный и мужественный поступок, который можно сравнить с подвигом. С уважением, Анатолий Жигулин. 21 июня 1989 года».

В июне 1996 года А.В. Жигулин Указом Президента России был удостоен Пушкинской премии в области поэзии. На торжественную церемонию в Кремль он приехал из Центральной клинической больницы, где оказался в связи с тяжёлой болезнью почек.

В своей речи Б.Н. Ельцин отметил:

– Пушкинская премия в области поэзии присуждена в этом году поэту Анатолию Жигулину, человеку трудной судьбы, он внёс большой вклад в русскую поэзию.

В ответном слове А.В. Жигулин сказал:

– Великий Пушкин завещал нам: «Хвалу и клевету приемли равнодушно». Но похвала, освящённая именем нашего национального гения, не может не порадовать сердце русского поэта. И я горд, и счастлив сегодня, и благодарен тем, кто счёл меня достойным этой великой чести. Борис Николаевич упомянул о моей трудной судьбе. Да, я действительно работал на Колымском урановом руднике Бутугычаге, откуда в живых сейчас осталось лишь несколько человек. И разве это не чудо, что мне, смертнику сталинского ГУЛАГа, вручил сегодня Пушкинскую премию Президент свободной России!

Наверное, каждому из присутствующих на церемонии в Кремле было ясно, что эта премия была присуждена А.В. Жигулину не только за стихи, но и за автобиографическую повесть «Чёрные камни». За жизненный и творческий подвиг.

Пройдя испытание временем, повесть Анатолия Жигулина стоит в одном ряду с такими произведениями, как «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, «Дети Арбата» А.Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Новое назначение» А.А. Бека, «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, «Московская сага» В.П. Аксёнова; является уникальным документом, свидетельствующим о величайшей трагедии XX века, о страшных преступлениях сталинского режима.

Такие документы забвению не подлежат.

Когда за окном сеет мелкий осенний дождь или поёт колыбельную вьюга, когда в сердце, уставшем от невзгод и потерь, словно в горном ущелье, вьёт гнездо печаль, когда солнце не видно из-за чёрных туч, когда судьба в очередной раз испытывает характер на прочность, ставит перед нелёгким выбором, – подхожу к книжной полке, беру в руки заветный томик и открываю наугад страницу:

Помню я: под сенью старых вишен
В том далёком, в том донском селе
Жили пчёлы в камышовых крышах –
В каждой камышинке по пчеле...

И на душе становится светло и легко. Как после той, незабываемой, июньской грозы...

НЕРАЗОРУЖИВШИЙСЯ

(А.Т. Твардовский)

Не разоружился... Так иронично написал о себе, имитируя партийную терминологию, в «Рабочей тетради» Александр Трифонович Твардовский, отстранённый от главного дела своей жизни – журнала «Новый мир» – и отправленный в вынужденную, по сути, убившую его, отставку.

Не разоружился, то есть не раскаялся, не отрёкся от своих взглядов и убеждений, не предал себя.

Запись была сделана 29 мая 1970 года на даче в подмосковной Пахре. Жить Трифону, как называли его самые близкие друзья, соратники, оставалось ровно один год шесть месяцев и двадцать один день.

Анатолию Владимировичу Жигулину не довелось, к сожалению, прочитать «Рабочие тетради» А.Т. Твардовского, которые стараниями вдовы автора «Василия Тёркина» и «Страны Муравии» М.И. Твардовской и его дочерей В.А. и О.А. Твардовских были подготовлены и начали публиковаться в журнале «Знамя», начиная с июня 2000 года. Если бы они были опубликованы чуть раньше и он бы их прочёл, то ещё раз мог бы убедиться: как много общего было у них с Трифону, чем во взглядах на жизнь, на творчество, на литературу...

Но вначале – несколько слов о дневнике самого А.В. Жигулина.

В 2011–2013 годах в соответствии с волей вдовы писателя Ирины Викторовны Жигулиной материалы его личного архива и значительная часть домашней библиотеки были переданы на постоянное хранение в Воронеж.

Книги сразу же поступили в областную универсальную научную библиотеку им. И.С. Никитина, а личный архив писателя, в том числе его дневники, рабочие тетради и пись-

ма, после первичной сортировки, сделанной воронежским литературоведом О.Г. Ласунским, – в областной литературный музей. Здесь они заняли достойное место рядом с фондами других маститых литераторов, чьи судьбы неразрывно связаны с воронежской землёй: А.В. Кольцова, Д.В. Веневитинова, И.А. Бунина, С.Я. Маршака, О.Э. Мандельштама, А.И. Эртеля, А.П. Платонова, Н.А. Задонского.

Анатолий Владимирович Жигулин вошёл в русскую литературу как человек со своим голосом, талантом, трагической личной судьбой. И это обстоятельство позволяет уверенно говорить о том, что его имя, его стихи и проза останутся в истории отечественной словесности.

Самой ценной частью личного архива А.В. Жигулина, безусловно, является дневник, который писатель вёл на протяжении более 45 лет: с 7 апреля 1954 года и до последних дней жизни. По объёму – это 575 общих и школьных тетрадей и записных книжек, с трудом уместившихся в 10 коробках из-под ксерокса.

Дневник писателя – составная часть творческого наследия человека, вошедшего в историю отечественной словесности в качестве одного из самых ярких представителей «оттепельной» литературы. В нём отразилась многогранная творческая деятельность писателя, современный литературный процесс, запечатлено отношение автора к узловым моментам минувшего века.

Несомненный интерес для историков отечественной словесности и любознательных читателей представляют запечатлённые на его страницах литературно-публицистические портреты современников: А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, Б.Ш. Окуджавы, Б.А. Ахмадулиной, В.Н. Соколова, Г.Я. Бакланова, К.Ш. Кулиева, К.М. Симонова, Е.А. Исаева, Ф.А. Искандера, А.Т. Прасолова, Г.Н. Троепольского и др. мастеров слова.

Дневниковые записи Жигулина свидетельствуют о ключевой роли, которую сыграл в его жизни и творчестве А.Т. Твардовский, главный редактор журнала «Новый мир».

А.В. Жигулин горячо поддерживал творческую и идеологическую линию, проводимую редакционным коллективом во главе с Твардовским. В дневнике рассказывается о его нечастых, но содержательных встречах с Твардовским, о внутренней «кухне» редакционной деятельности, тактике и стратегии журнала во взаимоотношениях с властями, диктате партийной цензуры.

Сразу отметим: в жигулинском дневнике отражены события, связанные только со вторым периодом редакторства А.Т. Твардовского (1958–1970). Первый период (1950–1954) выпал из поля зрения писателя по одной-единственной причине: в это время он как «враг народа» находился в исправительно-трудовых лагерях в Сибири и на Колыме.

А.Т. Твардовский в общей сложности отдал «Новому миру» 16 лет своей жизни. Под его руководством журнал продолжил лучшие традиции «Современника» А.С. Пушкина, «Отечественных записок» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Вестника Европы» и «Московского журнала» Н.М. Карамзина, «Московского телеграфа» Н.А. Полевого, «Колокола» А.И. Герцена, «Времени» и «Эпохи» Ф.М. Достоевского, получил всесоюзную и мировую известность.

Появление в стране такого издания было вызвано объективными причинами. Социально-экономические и общественно-политические перемены в Советском Союзе, последовавшие после смерти Сталина, реабилитация тысяч репрессированных, смягчение цензурных и идеологических ограничений оказали мощнейшее влияние на развитие культуры и искусства, повлекли переоценку нравственных ценностей и моральных ориентиров.

После проведения исторического XX съезда КПСС (1956), резко осудившего культ личности И.В. Сталина и практику «идеологического догматизма и начётничества», журнал «Новый мир» стал своеобразным мостом между властью и интеллигенцией и оплотом демократических сил в литературе и журналистике.

Своей бескомпромиссной позицией, публикацией талантливых и правдивых произведений журнал оказал большое влияние на формирование мировоззрения целого поколения советских людей.

Главные составляющие успеха: это прежде всего личность самого А.Т. Твардовского, его организаторские способности, талант, мудрость, разносторонние вкусы, редакторский опыт; профессионально подобранная команда (В.Я. Лакшин, А.Г. Дементьев, С.Г. Караганова, А.И. Кондратович, Л.А. Левицкий, Б.Г. Закс, И.А. Сац, И.И. Виноградов, Ю.Г. Буртин, М.Н. Хитров и др.); последовательная гражданская позиция журнала, идеологическую основу которой составляли либеральные и демократические ценности.

Близость взглядов главного редактора и сотрудников редакции на происходящие в литературе и обществе процессы позволяла проводить самостоятельную новомирскую линию, во многом отличную от направлений других «толстых» литературных журналов.

И наконец, ещё одним решающим фактором был авторский актив писателей, учёных, публицистов, общественных деятелей, ставивших во главу угла в своём творчестве не пресловутый социалистический реализм, а искренность и правдивость как главные принципы отображения действительности.

Одним из таких авторов «Нового мира» в «оттепельные» годы был А.В. Жигулин.

Первые записи об А.Т. Твардовском и журнале «Новый мир» появляются в дневнике Жигулина на рубеже 1950–1960-х годов, то есть незадолго до того момента, когда произошло их личное знакомство.

«21 июля 1961 года, пятница. <...> Читал новое издание “За далью – даль” Твардовского».

«12 августа 1961 года, суббота. <...> Случайно попала в книжном магазине книжка стихов А. Гонтаря “Серебряные нити”. Переводы с еврейского. Купил сборник ради

стихотворения “Возвращение”, в котором автор очень точно говорит о чувствах реабилитированного человека, несправедливо проведшего долгие годы в тюрьме. Чувствуешь, что человек это пережил. Даже Твардовский не напишет так. Никто не напишет, ежели сам не испытал этого. Кстати сказать, новые главы поэмы “За далью – даль”, посвящённые культу личности, очень и очень слабы. Есть, конечно, и сильные строки, но...

Но есть недостатки. Очень принципиальный недостаток есть. Однако об этом надо подробно писать и серьёзно. А если коротко, то, на мой взгляд, слишком уж Твардовский оправдывает людей, обожествлявших Сталина. И слишком уж категорически говорит Твардовский, что не было людей, выступавших против культа личности при жизни Сталина.

Были такие люди и не так уж мало! Только плохо они, бедняги, кончили. Посмертно реабилитировали их. Да. Может быть, и не время сейчас заострять эти вопросы. Пусть наши потомки подробно во всём разберутся.

Сразу оговоримся, что этот вопрос – об отношении к культу личности И.В. Сталина при его жизни – пожалуй, был единственным, по которому мнения А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского не совпадали.

Впрочем, к этой теме мы ещё вернёмся.

27 сентября 1961 года – это была среда – А.В. Жигулин пишет в дневнике: «Самое значительное событие дня (и вообще, видимо, важное событие в жизни) произошло следующим образом. Пришла в Союз <писателей> Антонина Тимофеевна Абрамова и принесла телеграмму на имя Ан. Михайловича.

Вот точный текст телеграммы:

“ВОРОНЕЖ 11 МАЯ 7/9 КВАРТИРА 39 АБРАМОВУ АНАТОЛИЮ МИХАЙЛОВИЧУ = МОСКВА 705/51 26 27 1010 = НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЕР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ ТВАРДОВСКИЙ”.

Сила! Твардовский обратил внимание на сборник. Это, конечно, здорово! Эта радость затмевает или почти затмевает все недавние неприятности. <...> Теперь надо работать. Для “Нового мира” нужны, конечно, очень сильные стихи».

Необходимое пояснение: 11 мая – это прежнее название одной из центральных улиц Воронежа. Так до 1962 года называлась нынешняя Театральная улица. Здесь, в одном из многоквартирных домов, проживала дружная и гостеприимная семья Абрамовых.

Много лет спустя А.М. Абрамов написал в мемуарах: «С этой телеграммы началось печатание А. Жигулина у А.Т. Твардовского. Телеграмма была ответом на письмо о стихах Жигулина и его книжку “Костёр”, которую я послал Твардовскому в сентябре 1961 года перед отъездом со студентами в колхоз, в село Васильевку, под Анной. Из-за этой занятости я не мог тогда выполнить просьбу А.Т. Написал уже потом, когда вышли “Рельсы” Анатолия в “Молодой гвардии” (“Новый мир”, 1963, №10).

<...> В связи с этой телеграммой стоит сказать: я многим посылал стихи А. Жигулина. Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае, из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришёл новый замечательный поэт».

В жигулинском дневнике мы находим и ответ на просьбу (а скорее, предложение) А.Т. Твардовского к молодому поэту – «присылать новые стихи».

«4 октября 61 г., среда. <...> По совету Г.Н. Троепольского, сегодня же послал А.Т. Твардовскому пять стихотворений: “Флажки”, “Полярные цветы”, “Кладбище в Заполярье” (новый вариант), “Ночная смена” и “Земля”. Перепечатал мне их В. Поляков. Кое-что поправили вместе».

Первая встреча А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского состоялась в редакции «Нового мира» 4 ноября 1961 года. Незадолго до этого в Москве закончился XXII съезд КПСС. Он проходил с 17 по 31 октября 1961 года впервые в Кремлёвском Дворце съездов. По инициативе Н.С. Хрущёва на нём было принято специальное решение об уси-

лении мер борьбы с культом личности Сталина, начатых XX съездом в 1956 году, о выносе тела «вождя всех времён и народов» из Мавзолея, переименовании улиц, населённых пунктов и объектов в СССР, названных его именем, демонтаже памятников и т. д.

Твардовский был не только делегатом съезда, но и одним из выступавших на тему о задачах советской литературы в современных условиях. С трибуны съезда он вновь напомнил о главной задаче писателя – стремиться воплотить в своих произведениях всю полноту правды, не ограниченную никакими требованиями, откуда бы они ни исходили (текст его выступления был опубликован в газете «Правда» 29 октября 1961 года).

Бывший «враг народа» Жигулин, прильнув к радиоприёмнику, с волнением слушал в Воронеже сводки новостей и радиорепортажи со съезда, на котором кипели поистине шекспировские страсти и принимались исторические решения. Он был глубоко потрясён словами о «чудовищных преступлениях» сталинского режима и необходимости восстановления «исторической справедливости». То, о чём он мечтал, пытаясь согреться у костра в суровой сибирской тайге, падая от усталости в шахте уранового рудника на Колыме, – свершилось.

«29 октября 61 г., воскресенье. Рано утром слушал <по радио> заключительную речь Н.С. Хрущёва на XXII съезде. Он, как и Шелепин, говорил о кровавых преступлениях Молотова, Кагановича, Маленкова в период культа личности. Потрясающие трагедии! <...> Весь день нахожусь под впечатлением ужасных подробностей террора, проводившегося кликой Берия».

30 октября 1961 года Жигулин приехал в столицу. Открою тайну: история знакомства Анатолия Жигулина с А.Т. Твардовским развивалась на фоне бурного романа с Ириной Неустроевой, выпускницей филологического факультета ВГУ и начинающим литературным критиком. После окончания университета она переехала в Москву и вышла там замуж. Страстные чувства Анатолия и Ирины

вспыхнули в Воронеже летом 1961 года, во время очередного приезда И. Неустроевой к родителям (к тому моменту неудачный первый брак распался).

Как вспоминал А.В. Жигулин, в столицу он приехал совершенно больным (простудился в поезде). По этой причине, остановившись в гостях у Ирины Неустроевой, которая жила в центре Москвы в одной из комнат коммунальной квартиры на улице Осипенко, он несколько дней не выходил из дому. Из окон на шестом этаже были видны рубиновые звёзды и золотые купола кремлёвских соборов.

В записной книжке А.В. Жигулин подробно и с присущим ему юмором описал события, предшествовавшие его встрече с А.Т. Твардовским.

«Утром 4 ноября 1961 года, в субботу, я окончательно победил грипп, хоть у него были могущественные союзники: любовь и вино. Решил идти в «Новый мир». Кажется, в этот день случилось одно из наиболее весёлых в моей жизни происшествий.

Происшествие заключалось в следующем. Дабы предстать перед очами Твардовского в приличном виде, я решил малость почистить своё пальто и костюм.

Выложив всё из карманов (в том числе деньги и ключи), чтобы удобнее было чистить, я вышел на лестничную площадку с пальто в одной руке и со щёткой – в другой. Гм... На что бы повесить пальто? Вижу, на двери вбит гвоздик. Оказывается, этот гвоздик специально и существовал именно на предмет чистки одежды. Я сразу об этом догадался. Догадку мою потом подтвердил вечером сосед Юра... Короче говоря, повесил я пальто на гвоздь и чтобы удобнее было чистить, чтобы дверь была устойчивее, потянул её на себя. Раздался бодрый металлический щелчок. Как уже догадался проницательный читатель, это сработал нехитрый механизм английского замка. Я улыбнулся. Да, именно улыбнулся. Ничего иного я не смог бы сделать. Стало совсем весело, когда я ещё глубже осмыслил потрясающую безнадёжность моего положения.

Чужой город. Чужой дом. Здесь никто не знает меня, кроме Ирины. Ирина и соседи по квартире (у них тоже есть ключи) придут только вечером. Я мог бы поехать к Ирине на работу за ключом, но адрес библиотеки записан в записной книжке. Книжка лежит на столе в квартире. Впрочем, у меня и денег-то нет на дорогу. Больше того, и фуражки нет, а на улице холод. Позвонить по телефону? Номер телефона – в записной книжке. Да и двух копеек нет. Робко я постучался в дверь к соседям по этажу. Застенчиво объяснил смысл положения. Соседка посочувствовала мне, посоветовала идти в домоуправление. Дальше уже мало интересного. Скажу только, что мне повезло – пришла соседка по квартире (тётя Люба) и выручила меня. Поехал я в “Новый мир”.

Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи. “Флажки”, “Ночная смена”, “Земля” напечатаны в первом номере журнала».

Закружившись в московских делах и заботах, Жигулин, к сожалению, не оставил, как обещал, подробных записей в дневнике о первой встрече с Твардовским. Поэтому приведём фрагмент из его статьи «Слезам нужно верить...», опубликованной в книге «Воспоминания об А. Твардовском» (Москва, издательство «Советский писатель», 1978): «Только что закончился XXII съезд КПСС. Твардовский был в связи с этим очень занят, спешил, как мне сказали, на какое-то важное совещание, но узнав, что я приехал из Воронежа, принял меня. Первые слова Твардовского меня несколько удивили. Он внимательно посмотрелся ко мне и сказал:

– Вид у вас болезненный, но глаза весёлые, живые. Верю, что вы выздоровеете!

Уже после я сообразил, что это, вероятно, Абрамов писал Твардовскому о моей болезни. Александр Трифонович попросил меня рассказать о себе, заинтересовался подробностями моей трудовой биографии».

Есть все основания полагать, что к Воронежу и воронежцам Твардовский относился с особой теплотой и симпатией. Прежде всего, с неофициальной столицей Чернозёмного края у него были связаны военные воспоминания. В прифронтовом Воронеже с ноября 1941 года по июнь 1942 года, в здании музыкального училища размещалась редакция газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия», в которой Твардовский работал военным корреспондентом. Здесь рождались его военные очерки и стихи. Здесь создавались новые штрихи к портрету Василия Тёркина – собирательного образа солдата Великой Отечественной.

В феврале 1951 года Твардовский как кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР встречался с избирателями в сёлах Воронежской области, выступал перед коллективом Воронежского государственного университета, беседовал с местными писателями.

В Воронеже родился известный писатель, переводчик Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), с которым Александр Трифонович находился в дружеских отношениях. Тема Воронежа, Острогжска вполне могла возникать в их душевных разговорах, которые нередко заканчивались далеко за полночь. Как не раз признавался Твардовский, Маршак был для него одним из высших судей в литературе и творчестве. По наиболее важным вопросам литературного процесса Александр Трифонович считал необходимым обязательно посоветоваться со старым другом и единомышленником (как, например, в случае с Солженицыным). Твардовский называл это «испытание Маршаком».

Многолетние отношения связывали его с Г.Н. Троепольским, автором «Нового мира», близким по духу человеком. И, наконец, в Воронеже жил и работал А.М. Абрамов, с которым А.Т. Твардовский находился в переписке.

Дальнейшие события описаны в дневнике А.В. Жигулина также весьма кратко:

«5 ноября 1961 года, в воскресенье, был я в издательстве «Молодая гвардия». Познакомился с редактором русской прозы и поэзии Дм. Ковалёвым, а также с поэтом

Вл. Фирсовым, который сейчас работает там редактором вместо Вл. Цыбина.

Чертовски не хочется описывать все издательские встречи и беседы. Скажу очень коротко. Рукопись уже была отрецензирована. Положительную рецензию написал Н. Старшинов. Фирсов читал тоже – в восторге. Читал и Ковалёв – был тронут до глубины души. План забит до 1965 года, но, узнав о моей беседе с Твардовским, решили товарищи из издательства выпустить мой сборник в 1962 году. Читал им стихи – понравилось.

9-го ноября Дм. Ковалёв сообщил мне, что говорил с Твардовским насчёт моей книжки и что Александр Трифонович сказал обо мне и моих стихах много добрых слов.

7-го ноября вечером ходили на Красную площадь. Очень хотелось плюнуть на могилу Сталина, но не пробились».

В один из тех дней в Воронеж на имя А.М. Абрамова была послана телеграмма: «БЫЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ ИДУТ ПЕРВЫЙ НОМЕР ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРАЗДНИКОМ ЦЕЛУЕМ ИРА ТОЛЯ».

Надо ли говорить о том, каким праздником стал для А.В. Жигулина день, когда он взял в руки ещё пахнущий типографской краской номер «Нового мира», в котором была напечатана подборка его стихов, отобранных для печати самим Твардовским? Как сияли глаза Ирины Неустроевой, поверившей в его талант сразу и навсегда? Как радовались родные и близкие люди?

Подборка состояла из трёх жигулинских стихотворений: «Флажки» (“Флажки на трассе в снежной шири...”), «Ночная смена» (“Из штольни вышли в пыльных робах...”), «Земля» (“Мы сначала снимали твой снежный покров...”). Даже неискушённому читателю было нетрудно почувствовать в этих стихах мотивы, навеянные болезненной для общества темой политических репрессий, к которой автор имел прямое отношение.

Публикация возвестила граду и миру, что в отечественную литературу пришёл новый большой поэт.

А.В. Жигулин всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминал людей, поддержавших его в начале творческого пути. Например, 20 сентября 1979 года в его дневнике появилась такая запись: «Кто помогал мне? Для начала надо сказать, что сам я ни к кому за помощью не обращался. Более всего помогли мне мои собственные стихи. Мне помог А. Твардовский. И поддержали меня многие московские писатели. Б. Слуцкий (рецензия), В. Цыбин (публикация в «Молодой гвардии»), Валерий Дементьев (вдохновенные строки в «Дне поэзии»). Статьи поэтов: Б. Слуцкий, В. Цыбин, И. Белосинская, Д. Ковалёв». А вот запись 17 января 1985 года: «А. Абрамов – автор двух рецензий на мою первую книгу. Послал мои книги с письмом А. Твардовскому. Образно говоря, взял за руку и привёл в “Новый мир”».

Нечастые, но содержательные встречи и беседы с А.Т. Твардовским стали для молодого поэта школой мастерства и житейской мудрости. Как отмечал Жигулин, у Александра Трифоновича было обострённое чувство совести, долга и какой-то необыкновенной сопричастности к чужой боли. Он считал, что любой литератор – и маститый, и начинающий – должен с чрезвычайно высокой ответственностью относиться к собственному творчеству, отдавать всего себя без остатка делу. Именно так А.Т. Твардовский относился к себе, к собственным стихам и прозе.

Дневниковые записи А.В. Жигулина о журнале «Новый мир» и его главном редакторе А.Т. Твардовском представляют несомненный интерес для исследователей литературы и для читателей, интересующихся культурой и историей родной страны.

«10 февраля 1962 года, суббота. <...> Сейчас слушал выступление А. Твардовского на вечере, посвящённом 125-летию со дня смерти А.С. Пушкина. Очень яркое выступление! Да, надо учиться в первую очередь у Пушкина».

«6 марта 1962 года, вторник. <...> Вечером был у Абрамовых. Беседовали с Анатолием Михайловичем о груп-

пировках в литературном мире. В “Литературе и жизни” за 28 февраля напечатана статья Абрамова, точнее, рецензия на книгу Метченко о Маяковском. Снабжённая большим “довеском” “от редакции”, рецензия А. Абрамова приобрела острую направленность против другой рецензии на ту же книгу А. Метченко, опубликованной во втором номере “Нового мира”. Л. Лазарев (новомирский рецензент) отрицательно относится к исследованиям Метченко, Абрамов – наоборот.

Таким образом, с помощью редакции “Ли-Жи” Анатолий Михайлович (даже без особого желания со своей стороны) включился в борьбу литературных групп. Дело в том, что “Новый мир” (часто, видимо, без ведома А. Твардовского) поддерживает группу “Литературной газеты”. Печальное создаётся положение. Крупнейший журнал, которым руководит самый сильный из современных русских поэтов, выступает в защиту явно нерусского направления. Позиция Твардовского (лично Твардовского) в этой борьбе заставляет серьёзно задуматься. Что ж, объяснить её можно.

Во-первых, Твардовский выше всяких группировок. Одно объяснение. Во-вторых, он не всегда вникает в редакционные дела и, может быть, не читает всех статей. В-третьих, к некоторым столпам “русского лагеря” Твардовский относится с неприязнью (например, к Вас. Фёдорову). Это другое объяснение позиции Твардовского.

Печально, но факт. Такие очень близкие друг другу русские поэты, как Твардовский и Вас. Фёдоров, оказались, по существу, в разных лагерях. Тут, конечно, ими руководят какие-то личные мотивы. И как бы там ни было, каждый лагерь считает Твардовского всё-таки своим. И Твардовский, несмотря на все противоречия, конечно, наш. Ведь даже в небольшой заметке о книге Цветаевой он так ярко выступил против всякой надуманности и фальши в поэзии, против увлечения формой... А скорее всего, Твардовский выше всякой литературной борьбы».

«9 марта 1962 года, пятница. Вчера и нынче читал второй номер “Нового мира”. Прочёл статью Л. Лазарева

о книге А. Метченко. Тоже вроде умно написано. Тем не менее, я, конечно, на стороне Абрамова. Надо самому прочитать работу А. Метченко».

В мае-июле 1962 года А.В. Жигулин находился на лечении в Московском научно-исследовательском институте туберкулёза Министерства здравоохранения РСФСР. В этот период А.Т. Твардовский принимал личное участие в его судьбе: устраивал Жигулина в московскую больницу, по просьбе И.В. Неустроевой звонил хирургу, который должен был его оперировать.

Следует сказать о том, что Александр Трифонович, будучи скромным и совестливым человеком, никогда не просил об особых условиях для себя и своих близких (это значило для него признать право на привилегии, которые он принципиально отвергал).

Так, по воспоминаниям дочерей В.А. и О.А. Твардовских, он не просил для супруги Марии Илларионовны «хорошего» хирурга, рекомендованного семье, а согласился с уже назначенным, сделавшим, к сожалению, не совсем удачную операцию. Однажды он выразил недовольство брату – Ивану Трифоновичу Твардовскому, прибегнувшему к ссылкам на него при устройстве в больницу. Но за других – порою малознакомых и даже совсем не знакомых ему людей – не раз обивал пороги высоких кабинетов, хлопотал, просил, требовал...

«14 мая 1962 года, понедельник. Вечером приходила Хвойкина (одно из шуточных имён, данных А.В. Жигулиным Ирине Неустроевой. – В. К.). Она говорила по телефону с Твардовским. Александр Трифонович и в жизни реалист. Высказал предположение, что, может быть, Богушу (Богуш Лев Константинович [1905–1994] – торакальный хирург, доктор мед. наук, профессор, академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии. – В. К.) не потребуется “данный экземпляр больного”. Из Союза <писателей> написали Богушу письмо. Что-то делается. Я, однако, стараюсь не вникать в эти дела – пусть будет, как будет».

В феврале 1963 года А.В. Жигулин представил в «Новый мир» «поэму» под условным названием «Не верю в слёзы», в которой поднималась тема культа личности и политических репрессий.

Фактически это был цикл лагерных стихов, причём многие из них были уже опубликованы в сборнике «Костёр-человек». Одна из главных мыслей жигулинского произведения: в эпоху Сталина были люди, не склонившие головы перед тоталитарным режимом, активно отстаивавшие принципы правды и справедливости.

В отдельных стихотворениях прослеживалась почти открытая полемика с поэмой «За далью – даль».

Беседа с А.Т. Твардовским стала для молодого поэта ещё одним уроком, который он запомнил на всю жизнь.

«3 марта 1963 года, воскресенье. Хорошего мало. Говорил по телефону с Александром Трифоновичем. Он “научил” меня пойти к Карагановой. Смысл разговора таков. Необязательно стихи должен читать всегда главный редактор.

– В редакции вас знают и знают моё отношение к вам. Вам ведь ещё не отказали, так и несите стихи Карагановой. А я их прочту, может быть, только в вёрстке. Вы взрослый человек и смелее действуйте сами.

Вот такова была приблизительно беседа. Ещё Твардовский говорил, что мог бы уделить мне несколько минут, но у него совещание в ЦК и он сейчас не выходит (т. е. болеет). После разговора я сначала огорчился, а потом передумал. Ведь Твардовский прав. Не может же он меня всё время вести за ручку. Надо самому учиться ходить. И он по-деловому посоветовал, что надо делать.

А что ему сейчас не до молодых поэтов – это тоже верно. Видел я на днях Панченко, и он рассказал, что сейчас в разгаре травля Твардовского и “Нового мира” за последние публикации, в частности, за Эренбурга, Некрасова, Яшина. Действительно, предстоит какое-то совещание в ЦК и новая встреча с молодыми писателями».

«6 марта 1963 года, среда. Днём в понедельник, 4 числа, поехал в “Новый мир”. Караганова встретила меня приветливо, хотя и не узнала сначала. Достала мою рукопись и говорит:

– Надо нам с вами пойти ещё к Александру Трифоновичу. Он уже читал ваши стихи и у него есть замечания, но я сначала скажу вам о своих замечаниях. Между прочим, это, конечно, ни в коем случае не поэма, это цикл стихов. Я даже, видите, зачеркнула здесь слово “поэма”. А Александр Трифонович прочитал и спросил: “А где же поэма? Он мне говорил о поэме”.

Вот так приблизительно начался разговор с Карагановой. Что ж, начало было очень обещающим, и я возрадовался в душе. Значит, думаю, будут печатать. Тем более что Твардовский заинтересовался стихами.

Твардовский принял нас в небольшом кабинете, в том, что рядом с большим залом. Сказал:

– Здравствуйте, товарищ Жигулин! Ну что ж, сядем рядком и поговорим...

И начал читать стихи и делать замечания. Итог разговора таков. Работать надо над стихами “Москва”, “Поезд”, “Вина”. В первых двух переписать последние строфы. <...> Дойдя до главы “Вина”, сразу перечеркнул средние строфы карандашом и сказал:

– Это всё от лукавого. Ничего вы не могли знать и понимать даже смутно!

И даже предпоследние две строфы вымарал, сказав:

– Нет-нет! Это ни в коем случае нельзя!

<...> Что ещё сказать? Поэма, безусловно, проиграла, когда её стали рассматривать как цикл стихов. Твардовский разгромил такие стихи, как “Отец”, “Сны”, “Стихи” по отдельности очень легко. Вместе (в поэме) им было бы удобнее защищаться. А когда их рассматривали по одному, то каждое стихотворение было убито такими словами:

– Ну, и что? И зачем это?

И всё-таки Твардовский сказал, что в “Снах” есть отдельные строфы, что “Стихи” тоже интересны, но плохо, что

гениальные лермонтовские строки (*речь идёт о стихотворении М.Ю. Лермонтова “Смерть поэта”*. – В. К.) обрамляют мои слабые и нерифмованные. Невыгодное соседство! Окончание главы “Москва” он предложил сделать теплее, человечнее. Зачем, мол, эта твердокаменность – “не верю в слёзы”? Разве это хорошо – не верить в слёзы? И Москва, мол, получается какой-то свирепой, а вы к ней присоединяетесь. <...> Были замечания и по “Хлебу”, и по другим стихам. И разговор был довольно большой, наверное, не меньше получаса. Потом расспросил меня о здоровье и о жизни. Я рассказал, что чувствую себя неплохо, что женился, что жена – та девушка, что ему звонила, когда я лежал в больнице. В общем, он со мной тепло поговорил и душевно.

<...> Вот запомнил ещё одну деталь. Когда говорили о стихотворении “Хлеб”, Твардовский спросил, действительно ли была норма 20 кубометров. Я объяснил, что норма зависит от диаметра деревьев, от породы дерева, погоды, пилы и т. п. Объяснил, зачем “бойся!” кричат.

<...> Караганова говорит, что, может быть, в ближайшее время они и не смогут дать эти стихи, но всё-таки хотят иметь их в своём портфеле».

Видимо, осознав правоту замечаний А.Т. Твардовского, Жигулин больше никогда не возвращался к идее объединить под сводами «поэмы» лагерные стихи, в том числе в перестроечное и постперестроечное время.

На страницах жигулинского дневника отражена хроника многолетнего идеологического конфликта А.Т. Твардовского с партийными и литературными властями, который достиг апогея после смещения Н.С. Хрущёва с высших постов (это произошло на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 года).

В числе представителей высшего эшелона власти, наиболее рьяно выступавших против журнала «Новый мир» и его главного редактора А.Т. Твардовского, были, в частности, А.Н. Шелепин, член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ в 1958–1961 годах, С.П. Павлов, первый секретарь

ЦК ВЛКСМ, один из лидеров неформального национально-патриотического движения (именно в его подчинении находилось книжное издательство «Молодая гвардия»), А.А. Епишев, начальник Главного политического управления Армии и Флота, волевым решением запретивший подписку на «Новый мир» в Вооружённых силах, и др.

В журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Огонёк», газетах «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Литературная газета» и других периодически публиковались материалы с нападками на «Новый мир» и его главного редактора. Как отмечает Жигулин, делалось это в виде различных «рецензий» на новомирские произведения, «писем читателей», безымянных передовиц, а иногда и просто попутно, как бы, между прочим, на всякий случай.

Из статьи «Творчество молодёжи – служению великих идеалов» первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. Павлова, опубликованной в «Комсомольской правде» 22 марта 1963 года: «На 8 Всемирном фестивале молодёжи и студентов представители американской, французской, итальянской и других делегаций рассказывали нам, что молодёжь их стран часто спрашивает: почему в жизни мы встречаем хороших советских людей, а в некоторых советских книгах пишут совсем о других? И, действительно, стоит почитать мемуары И. Эренбурга, “Вологодскую свадьбу” А. Яшина, путевые заметки В. Некрасова, “На полпути к Луне” В. Аксёнова, “Матрёнин двор” А. Солженицына, “Хочу быть честным” В. Войновича (и всё это из журнала “Новый мир”) – от этих произведений несёт таким пессимизмом, затхлостью, безысходностью, что у человека непосвящённого, не знающего нашей жизни, могут, чего доброго, мозги стать набекрень. Кстати, подобные произведения “Новый мир» печатает с какой-то совершенно не объяснимой последовательностью».

Заметим, что все произведения, перечисленные первым секретарём ЦК ВЛКСМ, были опубликованы в «Новом мире» в 1960–1963 годах.

Флагманом борьбы с «Новым миром» и А.Т. Твардовским был журнал «Октябрь» (главный редактор – В.А. Кочетов, автор тенденциозного романа «Чего же ты хочешь?», направленного против «разложения советского общества западной псевдокультурой и пропагандой»).

Не отставал от него и еженедельник «Огонёк» (главный редактор – А.В. Софронов, один из советских «литературных генералов», автор патриотических стихов и поэм). 26 июля 1969 года в «Огоньке» появилось письмо под тенденциозным заголовком «Против чего выступает "Новый мир"?» одиннадцати писателей, по стилю и содержанию напоминавшее скорее политический донос, чем попытку вести конструктивную полемику.

Интересный факт: большая часть авторов, подписавших письмо, в своё время подвергалась серьёзной критике на страницах «Нового мира» «за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма».

«6 марта 1963 года, среда. <...> Нынче в издательстве “Молодая гвардия” я узнал, что положение с “Новым миром” тревожное. Готов проект решения о снятии Твардовского с поста главного редактора. Завтра состоится встреча руководителей партии и правительства с писателями. Будут выступать Шолохов, Софронов и другие лидеры правого крыла. Будут ругать Твардовского. И, видимо, сам Никита Сергеевич выступит».

«2 апреля 1963 года, вторник. Утешительного мало в жизни. Чёрная сотня совсем распоясывается. В “Литературной газете” некто Михаил Соколов требует чуть ли не в тюрьму посадить Твардовского, Суркова, Эренбурга. Мерзостная, хамская статья! Подло охаивает “Новый мир”.

А ведь при всех ошибках “Новый мир” сейчас – единственный настоящий журнал. Лет через 50 наши внуки в школе будут по учебникам изучать роль нынешнего “Нового мира” в создании советской литературы, как сейчас дети изучают в школах роль “Современника”. <...>

Неужели уйдёт Твардовский? Это было бы ужасно. Опять поёрли бы, как грибы, “Кавалеры Золотой Звезды” и всякие прочие “Белые берёзы”. Опять мрак! Ей-богу, так обидно и больно за Твардовского, как за самого себя. Но он не уйдёт, он сильный человек. Его трудно свалить».

«18 августа 1963 года, воскресенье. Огромная радость! В “Известиях” – великолепная поэма Твардовского “Василий Тёркин на том свете”. Это предельно смелая сатира на те мерзости, которые творились в нашей стране при культе, на те мерзости, которые и нынче в значительной степени у нас здравствуют в виде дураков-перестраховщиков в Воронежском обкоме. <...> Читаю поэму и радуюсь! Какая красота! События необратимы. Зловредный нарыв лопнул, и тело страны становится здоровее. И нет пути назад! <...>

Твардовский, без сомнения, великий писатель. Как удалось поэму опубликовать? Просто удивительно! Повидимому, Твардовский неожиданно (без предварительного согласования) прочёл поэму на встрече Н.С. Хрущёва с европейскими писателями. После этого пришлось разрешить публикацию поэмы.

Заметка А. Аджубея (*главный редактор газеты “Известия”, зять Н.С. Хрущёва. – В. К.*), предваряющая публикацию, довольно своеобразная (чтобы не сказать иезуитская – весь целый год “Известия” планомерно травили Твардовского и “Новый мир”). Аджубей, в частности, пишет: “Наверное, вызовет она (*поэма. – А. Ж.*) и споры, и возражения, и это хорошо!”.

Да, это хорошо, если споры и возражения. Но плохо, если начнётся травля. Как бы не спустили кочетовских собак. Могут и письма появиться “от читателей”, как это было с А. Яшиным и Ф. Абрамовым.

Но всё равно Твардовский – гений! И великое дело сделано – поэма живёт! Она многому научит людей, многим шире откроет глаза.

Дай бог здоровья Александру Трифоновичу! Всё. Нету слов больше».

Цензура... Одно это слово могло ввести в ступор любого советского писателя, отклонившегося от «генеральной линии» правящей в стране Коммунистической партии. Государственным органом, осуществлявшим цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 год, был Главлит. Что расшифровывалось так: Главное управление по делам литературы и издательств СССР. Поэту Анатолию Жигулину – автору «трудной» темы – были хорошо знакомы эти слова.

«22 декабря 63 г., воскресенье. Ещё одна неделя прошла, даже больше. Занятия на курсах, работа, хождения по редакциям – всё это в комплексе поглощает всё время. Дневник вести совсем некогда. Однако запишу главное, что было за неделю.

Во вторник был в “Новом мире”. Ещё раз решил поговорить с Карагановой. Она говорит, что Твардовскому стихи понравились, и написал он “в запас” по особым соображениям. Сейчас не время печатать такие стихи, но относится он ко мне и к стихам этим очень хорошо. Давайте, мол, стихи на иные темы и, возможно, всё вместе пойдёт. Во всяком случае, приблизительно через месяц-полтора выяснится, может ли “Новый мир” дать этот цикл. Я робко заикнулся о других журналах. Не обидитесь ли, ежели я что-нибудь опубликую? Договорились, что из вновь принятых стихов я смогу печатать всё, кроме “трудной темы”. “Трудная тема” и всё, что одобрил Твардовский, остаётся за “Новым миром”.

Был небольшой разговор о Бушине (*Бушин Владимир Сергеевич – писатель, публицист, литературный критик. – В. К.*) и его статье в “Подъёме” о Солженицыне. Дело в том, что “Литературка” представила её недавно в редакционной статье как отрицательную. Нечестный приём! По мнению Карагановой, Бушин не против такой трактовки и протестовать не будет».

Начало нового, 1964-го, года А.В. Жигулин встретил на малой родине, в Воронеже. Но деловые контакты с «Новым миром» продолжались.

«28 января 1964 года, вторник. 18 часов. Час назад получил срочную телеграмму из Москвы, отправленную в 15.20: “ПРОШУ СРОЧНО ПОЗВОНИТЬ Д-3-00-80 ДОБАВОЧНЫЙ 1-63 ВТОРНИК ПОСЛЕ ШЕСТИ ВЕЧЕРА СРЕДА ОТ ДЕВЯТИ ДО ДЕСЯТИ УТРА КАРАГАНОВА”.

Всколыхнула и взволновала эта телеграмма. Что это может быть? Если Караганова попросит стихи о современности, то у меня их нет. А может, вовсе дело и не связано со стихами моими? Может, какой-нибудь пустяк? Не знаю. Воображение уже рисует радужные горизонты: “Новый мир” печатает мои стихи и т. д., и т. п.

Вот будет разочарование!».

«30 января 1964 года, четверг. Караганова сообщила, что Александр Трифонович снова читал мои стихи и условно поставил на второй номер два стихотворения: “Вина” и “Поезд”. “Вина» без двух строк (“Здесь был колхозник...” и “А вот и я в фуражке летней...”), от сокращения стихотворение выиграло. Стихи набраны. Мне предложено сделать некоторую правку. Сейчас я уже почти всё поправил, но не знаю, удачно ли. Караганова должна позвонить завтра, чтобы узнать правку. Очень слаба надежда, что стихи пройдут цензуру. Караганова уверена, что будут придирки, в частности, к строчкам:

По нашей воле и неволе
Тебе прокладывая путь...

Слово “прокладывая” не нравится. Сделал: “с тобой делили трудный путь”. А лучше ли?

А придирки могут быть, дескать, с той точки зрения, что не одни, мол, заключённые “прокладывали путь”. Собственно говоря, стихи и не исключают возможности участия других людей в прокладывании пути и в движении вообще. Но спорить не приходится.

Были вчера у Абрамовых. Говорили о звонке Карагановой, о возможных последствиях. Да, если бы стихи прошли, было бы здорово! Но что-то слабо верится. Цензура, видимо, снимет. Надо подготовиться к этой травме. Снимут сейчас – потом напечатают. Важно, что Твардовскому нравятся <мои> стихи».

«11 февраля 1964 года, вторник. Был у Карагановой. Новости печальные. Стихи мои вместе со всем третьим номером “Нового мира” были отправлены в Главлит. Цензор их задержал, не дал разрешения. Сейчас стихи на консультации у старшего начальства. Караганова жалеет, что не успела поправить до Лита строку: “С тяжёлым стоном сквозь тайгу...” Вместо неё у нас есть в запасе другая: “Дорогой трудной сквозь тайгу...” Это может иметь роковое значение. Собственно говоря, вряд ли и новая строка помогла бы. Стихи уже задержаны и надежды, что начальство их разрешит, почти нет. Тем более что цензура сейчас очень зла на Твардовского. Они приняли его поэму (“Тёркин на том свете”. – В. К.), как личное оскорбление:

От иных запросишь чуру –
И в отставку не хотят.
Тех, как водится – в цензуру,
На повышенный оклад.

Да и не только в поэме дело. Установка есть: не печатать произведений о лагере. Как огня, боятся они этих вещей. Хочется им забыть те мерзости, в которых они участвовали и которые творили при Сталине. И таких много. <...> И что особенно больно и обидно, что ведь запрещают стихи наши, советские, написанные с самых партийных позиций! И как тут не впасть в отчаяние! Что делать? Где искать правду, как пробить эту глухую стену тупоумия и перестраховки?! В душе, конечно, теплится крохотная искорка надежды (а вдруг разрешат!), но, ей-богу, с ней ещё тяжелее и мучительнее. Лучше уж сразу отрубить всё».

«27 апреля 1964 года, понедельник. <...> В понедельник поехал я в “Новый мир”. Караганова была на обеде, и я гулял по коридору в обществе какого-то графомана из Тулы.

– Пятнадцать лет, – говорит, – пишу, но никто не печатает. Хочу Твардовскому показать.

И выходит в это время в коридор Твардовский, выходит, разговаривая с Кондратовичем. Наконец, Кондратович пошёл в свой кабинет, а я говорю:

– Здравствуйте, Александр Трифонович!

Как-то неожиданно получилось, и он вроде бы даже вздрогнул. Какую-то долю секунды смотрел жёлтыми глазами, не узнавая, а потом узнал:

– Здравствуйте! – говорит. – Вы ко мне?

Я, помня, как он по телефону говорил “не повисайте”, отвечаю:

– Нет. Я просто к Карагановой.

– Ну и хорошо, – обрадовался Александр Трифонович, – а то я уже на выходе.

И пошёл в другой конец коридора. Потом, однако, подошёл ко мне, возвращаясь, и спрашивает:

– А вы что-нибудь новенькое нам привезли?

Я отвечаю, что, дескать, ещё и старые стихи не прошли. А он так как-то хитровато, вроде бы оправдываясь, говорит:

– Вы знаете, что с вашими стихами?

– Знаю. Лит зарубил.

– Да. Вот такое тяжёлое сейчас положение. Нельзя требовать. Стихи должны лежать. Но это не значит, что они пропадут.

Я тоже выразил надежду, что стихи не пропадут, что я тоже так думаю. На этом и кончился разговор. Твардовский ушёл к себе. А парень-графоман из Тулы подходит ко мне и спрашивает шёпотом: кто это был. Я не отвечал с минуту (чтобы он за Твардовским не кинулся), а потом сказал:

– Твардовский!

Парень не поверил.

Потом говорил с Карагановой. Положение у них, действительно, тяжёлое. Твардовскому сейчас очень нелегко и особенно потому, что от него чего-то все ждут смелого, считают его всесильным, а он далеко не всесилен».

«20 сентября 1964 года, воскресенье. Ровно десять дней ничего не записывал, а сейчас и сосредоточиться трудно, и опять времени нет. Впрочем, и беды тоже не будет, если не всё опишу. Наиболее важные (особенно литературные) события и впечатления прошедших дней я подробно описал в двух письмах к Ирине (*И.В. Жигулина после рождения сына в это время находилась в Воронеже. – В. К.*): от 10-го и от 13–19 сентября. Она их сохранит. Правда, о самых последних днях я писал ей кратко, и о них можно добавить здесь несколько слов.

С Твардовским после мимолётной встречи 10-го сентября (я описал её Ирине) встретиться больше не удалось. Несколько раз заходил в “Новый мир”, но Лёва (*Левицкий Л.А. [1929–2005] – литературный критик. – В. К.*) по-прежнему грустно повторяет жест, означающий, что Твардовский находится в весьма определённом состоянии... И когда оно кончится, никто не знает.

– Даже на похороны Гроссмана не пришёл, – говорит Лёва. – Я ему этого никогда не прощу...

...На случай, если Ирина всё-таки потеряет мои письма, можно сказать, что, по словам Лёвы, он показывал моё стихотворение “Враг” А.И. Солженицыну, и ему оно очень понравилось, и он спрашивал обо мне».

«21 сентября <1964 года>, понедельник. Был днём в “Новом мире”. Дела по-старому. Твардовский не выходит. Долго беседовал с Л. Левицким. Читал ему 1-е и 2-е письмо В. Филина, рассказывал о лагере, показывал <зековский> номер».

В первом номере «Нового мира» за 1965 год была опубликована программная статья А.Т. Твардовского «По случаю юбилея», в которой в рамках дискуссии с журналом «Октябрь» затрагивался вопрос о партийности литературы, её задачах и судьбах. Продолжая полемику, главный редактор «Нового мира» писал: «Мы приветствуем споры,

дискуссии, как бы остры они ни были, принимаем самую суровую и придирчивую... критику. Мы считаем это нормальной жизнью в литературе. И сами не намерены уклоняться от постановки острых вопросов и прямоты в своих суждениях и оценках. На том стоим».

В связи с задержкой статьи цензурой А.Т. Твардовский был вынужден обратиться к секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову, ведавшему вопросами идеологии. По требованию Идеологического отдела ЦК КПСС автору пришлось внести в статью значительные купюры и правку, смягчить тональность по отношению к оппонентам и т. д. В частности, как отмечал А.Т. Твардовский в «Рабочих тетрадах» 1960-х годов, был сокращён следующий абзац: «История русской литературы знает немало примеров того, как непредугаданное и неожиданное... произведение становилось знаменательной вехой в развитии лучших, наиболее перспективных её тенденций... Уже первой своей повестью Солженицын напрочно вписал своё имя в историю советской литературы, и поворотное значение этой повести будет со временем выявляться всё более очевидно».

Но даже в таком, смягчённом, варианте статья «По случаю юбилея» вызвала новый шквал критики и даже брани в адрес Твардовского и «Нового мира».

14 апреля 1965 года в «Известиях» вышел резкий, несправедливый и явно инспирированный «сверху», со Старой площади, где располагался комплекс зданий ЦК КПСС, отклик «Внесём ясность» (подзаголовок: «Некоторые мысли по поводу одного юбилейного выступления»). Автор – известный скульптор Е.В. Вучетич, создатель монументальных памятников «Воин-освободитель» (Берлин), «Перекуём мечи на орала» (Нью-Йорк), «Героям Сталинградской битвы» (Волгоград), Ф.Э. Дзержинскому (площадь перед главным зданием ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ СССР, Москва; по требованию участников многолюдных митингов был снят с пьедестала в августе 1991 года после провала попытки государственного переворота ГКЧП) и др. В свобод-

ное от основной работы время, как правило, по ночам, любил писать статьи в газеты на патриотические темы.

Основная мысль отклика Вучетича: не всякая правда нужна и полезна, необходимо отличать правду факта – от правды явления, соотносить происходящее с историческим смыслом. По сути, это был призыв к введению ещё более жёсткой и изощрённой цензуры, подаче информации с позиции партийной и государственной целесообразности. Статья бурно обсуждалась в московских литературных кругах и, естественно, не могла не оказаться в поле зрения А.В. Жигулина.

«16 апреля 1965 года, пятница. Прочитал Вучетича. Статья написана на уровне школьного сочинения. Это, конечно, не большая беда, но прописные истины перемешаны с поддержками и откровенной демагогией. Читать противно и стыдно за “Известия”. Впрочем, им не в первый раз... Не совсем понятно, однако, почему статья появилась в “Известиях”. Наверное, для “Правды” показалась слишком глупой. Впрочем, в “Правде” появлялись вещи и почище. Например, подборка писем о Солженицыне в прошлом году».

«29 декабря 1966 года, четверг. Вчера вечером дочитал в десятом “Новом мире” прекрасную статью А. Шарова “Януш Корчак и наши дети”. Это глубокий философский трактат в защиту добра и гуманизма, гневный протест против всякого насилия, лжи и лицемерия. Речь в статье идёт, конечно, не только о детях, она – обо всей нашей жизни, о проблемах нашего общества. Очень хорошо высек А. Шаров сторонников жестоких репрессий в лице Н. Грибачёва (рассказ “Расстрел на рассвете”). “Государство требует официального патриотизма, церковь – догматической веры... а все они – посредственности и смирения...” Золотые слова! Написаны они Я. Корчаком много лет назад в Польше, но как широк смысл этих слов, как актуальны они сейчас! Статья Шарова написана кровью сердца, смело, умно, глубоко. Радостно читать такие произведения. Особенно сейчас, когда правду и добро стараются задушить,

стараятся возвратить страну в сталинские времена догматизма и жестокости...

Звонил Лёве Левицкому, поздравил его с Новым годом. Лёва поведал мне печальные новости. Тучи над единственным нашим честным журналом сгущаются. Из "Нового мира" снимают с работы А.Г. Дементьева и Б.Г. Закса. "Новый мир" – орган Союза писателей СССР, и делается это официально через Союз, но дирижирует этим актом, конечно, ЦК партии. Да, именно оттуда нажимают сейчас на Твардовского. И это, конечно, естественно, – в отделе культуры ЦК сидят, собственно говоря, прямые литературные противники "Нового мира". Через них правая группировка писателей и давит на Твардовского. Как это мерзко – использовать партийно-государственный аппарат для сведения литературных счётов!».

«24 марта 1967 года, пятница. <...> Новости: 1. (узнал от Г. Красухина). Нажим на "Новый мир" не дал результата. Твардовский сделал своим замом В. Лакшина, И. Виноградов будет зав<едующим> отделом критики. В редколлегию введён Е. Дорош и какой-то талантливый журналист из "Известий" (отв<етственным> секретарём) – М. Хитров».

«30 мая 1967 года, вторник. <...> В "Новом мире", как я и был уверен, А.Т. Твардовский начисто отверг статью Г. Красухина обо мне. Ему (Г. Красухину) передали, что А.Т. сказал: «У меня отношение к рассказам Жигулина в стихах более тёплое». Пытается теперь Гена пристроить свой опус в "Сибирские огни" через А.И. Смердова» (*Смердов Александр Иванович [1910–1986] – писатель, переводчик, в послевоенные годы возглавлял Новосибирское отделение Союза писателей РСФСР. – В. К.*).

«14 июля 1967 года, пятница. <...> Кое-что важное я не записывал в последнее время; забывал или по иным причинам. Караганова, например, сказала, что А.Т. Твардовский своею собственной рукой вписал мою фамилию в список авторов юбилейного, 11-го, номера».

В феврале 1968 года А.В. Жигулин находился на лечении в одной из московских туберкулёзных больниц. Пред-

стояла серьёзная операция. И вновь А.Т. Твардовский проявляет искреннюю и бескорыстную заботу о здоровье одного из авторов «Нового мира».

«14 февраля 1968 года, среда. <...> Около 18 часов... пришла Ирина. Она была в Литфонде, а затем заехала в “Новый мир”. Встретила там в коридоре Твардовского. По её словам, она не узнала Александра Трифоновича, а он спросил её:

– Вы ко мне?

– Нет, я к Карагановой.

– Сейчас я её найду.

И только тогда Ирина узнала Твардовского, сказала, что она – жена поэта Жигулина. Завязался разговор, подошла С. Караганова, узнала Иру. Твардовский пригласил Ирину к себе в кабинет, и Ира рассказала ему, что я в больнице, и все подробности теперешней ситуации: о Богуше, о Дубровском и прочем. Твардовский звонил Богушу домой, но – увы! – его не было дома. А вечером, когда Богуш бывает дома, Александр Трифонович не может позвонить, т. к. живёт на даче и там нет телефона.

По словам Твардовского, лучше всего положиться на случай. Он рассказывал смешной эпизод о Михалкове, который искал себе прославленного хирурга, чтобы сделать операцию... аппендицита.

Ира принесла письмо С. Карагановой и гранки “Пять стихотворений”. Они пойдут – увы! – в 4-й номер».

«17 октября 1968 года, четверг. <...> А нынче был день довольно заурядный. Впрочем, не совсем. Приезжала Ирина. Она получила в издательстве авторские экземпляры книги “Поле боя” – 10 штук. Плюс 32 – за деньги. Написал первые 14 книг – самым близким родным и друзьям. Родителям, Неустроевым. Ирине я подарил ещё “сигнал”. Вот одна из подписей: “Дорогому Александру Трифоновичу Твардовскому. ...Я почти побывал на том свете, как Ваш Василий Тёркин, но выкарабкался: “Редкий случай в медицине”!

С неизменной любовью и признательностью Ан. Жигулин. 17.X.68 г.».

На страницах дневника А.В. Жигулина 1969–1970 годов в полной мере отражён последний, кульминационный этап травли редакции журнала «Новый мир» и А.Т. Твардовского.

«7 марта 1969 года, пятница. Плохо, хуже и быть не может! О том, что в 11-м и 12-м номерах “Нового мира” появилась отличная повесть Н. Воронова “Юность в Железнодорожье”, и о том, что в “Литературной газете” по этому поводу готовится гнусная статья М. Синельникова, я знал довольно давно – об этой готовящейся подлости мне говорил Гена Красухин. Нехорошо ныло сердце, но, в конце концов, почти успокоилось – не впервые всякие мерзавцы долбают Твардовского, но он стоит, как скала. И поэтому, когда пришла газета, я даже не стал читать ни явно организованное письмо бывших строителей Магнитки, ни синельниковскую стряпню. Вся эта гадость занимает почти целую полосу. Но сегодня позвонил Игорь Жданов и обратил моё внимание на выступление “Правды», которое я сюда подклеиваю. Заметка редакционная и появилась на следующий день после выхода “Литературной газеты”. Сразу стало понятно, что статья М. Синельникова не обычный, рядовой выпад против “Нового мира”, к которым все уже привыкли. Стало ясно, что началась злобная, хорошо организованная травля единственного честного литературного журнала. Прочитал письмо старпёров и вонючий комментарий. Обычная бездоказательная демагогия, обычные обвинения в искажении, очернении и т. п. <...> Грустно раздумывал я над последними абзацами обоих материалов, где говорится об особой ответственности редакции “Нового мира” за публикацию повести Н. Воронова. Несомненно, это призыв к разгону редакции.

Позвонил Г. Красухин и подтвердил мои печальные мысли. Оказывается, вся литературная Москва говорит об уходе А. Твардовского и разгоне теперешней редакции “Нового мира” как о почти решённом вопросе. Разве можно даже очень сплочённой и талантливой группе людей, составляющих редакцию и актив журнала, устоять под бес-

пощадными ударами государства! “Новый мир” долго терпели, но вот решились всё-таки сломать ему шею. Красухин рассказал, что письмо старпёров пришло из ЦК партии. Оттуда же пришло и указание опубликовать письмо с комментарием. Случилось неизбежное, давно надвигавшееся. <...> Злобная свора <...> победила, свалила гиганта, великого поэта, чьё творчество, чьё долгое руководство “Новым миром” навсегда останется примером большого гражданского мужества!

<...> Страшно. И всё же надо жить, работать, надо писать. Жутко. И всё же я надеюсь, что Твардовский и на этот раз устоит, хоть силы его не беспредельны. Дай бог ему мужества и здоровья! Наши внуки, а может, даже и дети, несомненно, будут изучать по учебникам литературы великую и трудную нашу борьбу за правду».

«8 марта 1969 года, суббота. Сердце болит и болит. Переутомился я, измучился и работой, и всякими моральными травмами. Поздравлял Т. Жирмунскую, и она мне сказала ещё одну печальную новость. Александр Трифонович, оказывается, лежит сейчас с переломом ноги. Какое ему переносить в таком состоянии злобную травлю! Видимо, организаторы нападения на “Новый мир” сознательно выбрали это время».

«23 марта 1969 года, воскресенье. <...> Пришёл, наконец, первый номер “Нового мира”. Истерзанный, изломанный, но живой! Выход каждого номера этого журнала – редкий праздник в тяжких буднях нашей многострадальной литературы.

Когда берёшь в руки свежий номер, сразу жадно смотришь содержание (что там?!). Ефим Дорош. Новые стихи Твардовского... Даже под невинной рубрикой “Из редакционной почты” чаще всего скрывается интересный, острый материал. Заглянул в этот раздел и вдруг увидел свою фамилию. Оказывается, опубликована подборка писем в защиту рассказа А. Кузнецова “Артист миманса”, подвергнутого демагогической травле “Литературной газетой”. Одна из читательниц в своём письме, защищая рас-

сказ Кузнецова, цитирует полностью мои стихи “Кто додумался правду на части делить?”. Они опубликованы в том же, четвёртом, номере, что и рассказ.

С утра немного работал. Вообще сегодня легче, покойнее на душе.

Вечер. 19 часов. Наслаждаюсь чтением “Нового мира”. Великолепны мудрые, глубокие стихи Твардовского:

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.

Каждая новая его публикация – как откровение. Вот истинно великий поэт! Гигант! Ещё не один раз я буду читать и перечитывать новую его подборку. И знаю по опыту: перечитывая, всё более удивляешься, радуешься этому необыкновенному явлению в нашей поэзии.

Дай бог здоровья и сил этому Человеку!».

«14 июля 1969 года, понедельник. Днём ездили с Ирой в ЦДЛ (*Центральный Дом литераторов. – В. К.*) и “Новый мир”. Наиболее примечательная встреча в редакции “Нового мира” – с А.Т. Твардовским.

Как раз за час до встречи кто-то говорил в ЦДЛ, что Твардовского снимают, что шестой номер, мол, уже выйдет без его фамилии и т. д. Подобные слухи печальные уже давно ходят. И вдруг мы видим его в коридоре, здорового, жизнерадостного. Правда, постарел он немного. Александр Трифонович подошёл к нам, когда мы просматривали за маленьким зелёным столом Ирин обзор:

– Софью Григорьевну ждёте? А её нет? Заходите тогда ко мне.

Зашли, сели.

– Вы принесли что-нибудь? У вас было что-то в руках.

Я объяснил, что стихи уже у Карагановой, что они вроде приняты.

– Ага, ну а как жизнь?

Я коротко рассказал о нашей жизни. Пролежал, дескать, почти полтора года в больнице. Александр Трифонович удивился:

– Полтора года! Да...

Спросил: какую операцию мне делали? Я сказал, что почти уже концы отдавал, побывал на том свете, что родителей вызывали прощаться, но я взял, да и не умер.

– Вот это правильно! Теперь, значит, курить надо больше?! – сказал и усмехнулся хитро.

Я согласился, что, действительно, курить не могу бросить, что сто раз бросал.

– Это ничего, – сказал Твардовский, – некоторые курят и ничего плохого не делается. Выглядите Вы очень хорошо.

Рассказал я, что вышла книга “Поле боя”, что передавал ему с С.Г. (да, получил, дескать, – кивнул Твардовский). Посетовал, что сейчас – увы! – нельзя переиздать стихи о лагере из “Полярных цветов”.

– Да, время сейчас неподходящее, – грустно согласился Александр Трифонович.

Беседа была недолгая, но приятная. Душевная, человеческая. Жаль, что никаких новых стихов со мною не было. Твардовский явно намеревался почитать – думал, я со стихами пришёл. Это было бы интересно.

Что ещё сказать? Записал я лишь какие-то обрывки, что запомнилось. Главное впечатление: радость от того, что Александр Трифонович здоров, бодр, полон энергии и никуда не думает уходить из журнала, твёрдо, упрямо продолжает своё святое дело. Потом мы слышали, как он весело смеялся, разговаривая с А.И. Кондратовичем. Как-то посветлело на душе.

Великий человек Твардовский! Я робею до сих пор при редких встречах с ним... Когда-нибудь на старом здании возле кинотеатра “Россия” будет мемориальная доска: “Здесь помещалась редакция журнала “Новый мир” ... Здесь работал Твардовский...”

Я счастлив, что знаком с этим большим человеком, что он хорошо ко мне относится».

Слова А.В. Жигулина сбылись. Прошли годы, и в Москве, Смоленске, Воронеже и других городах на зданиях, где жил и работал А.Т. Твардовский, появились памятные доски. А в 2013 году в Москве на Страстном бульваре, рядом с редакцией журнала «Новый мир», где в хорошую погоду любил прогуливаться поэт, был торжественно открыт памятник А.Т. Твардовскому.

Жаль, что А.В. Жигулин не дожил до этого дня.

«24 июля 1969 года, четверг, 14 часов. Меньше шести часов осталось до завершения полёта “Аполлона-11”. Молю Бога о благополучной посадке. Ведь всё ещё может быть – только дважды до этого дня корабли с людьми возвращались от Луны. <...>

Неприятная земная новость (услышал от Г. Красухина). А.Т. Твардовский три дня назад на даче упал на лестнице и повредил себе позвоночник. Как будто не очень опасно, но всё равно дело это плохое. В лучшем случае придётся долго лежать. Вот какая жуткая нелепость! Как ему не везёт – недавно ногу ломал, и снова несчастье! Прямо сердце болит. Звонил сейчас Ю. Буртину – не дозвонился.

17.00. Говорил с Юрой. Травма у Твардовского, к счастью, неопасная. Делали снимок – позвоночник не повреждён. Просто ушибы».

«31 июля 1969 года, четверг. <...> Неприятна широко развернувшаяся кампания демагогической, бездоказательной травли журнала “Новый мир” и А.Т. Твардовского. Журнал “Огонёк”, газеты “Советская Россия” и “Социалистическая индустрия” одновременно опубликовали злобные обвинительные материалы. Я читал два из них, два письма в редакции. В “Огоньке” – письмо М. Алексеева, С. Викулова, В. Закруткина, А. Иванова, С. Малашкина, А. Прокофьева, П. Проскурина, С. Смирнова, В. Чивилихина, Н. Шундика – “Против чего выступает “Новый мир”?”.

В “Социалистической индустрии” – письмо токаря М. Захарова А. Твардовскому. Письмо явно написано не рабочим, а опытным и подлым журналистом – этакая стилизованная рабочая наивность, соединённая с доносом.

Г. Красухин полагает, что на этот раз А. Твардовский не удержится. Я, однако, надеюсь на лучшее. Надеюсь, что выстоит “Новый мир”. Хочу, чтобы выстоял.

Да. Подлые письма. Обвинения в космополитизме и т. п., и всё это организовано, всё явно поддерживается сверху. Ведь в аппарате ЦК работают <...> литературные противники “Нового мира” и Твардовского. Они и заворачивают всей этой кампанией. Некрасиво использовать для литературных споров, для борьбы с литературными оппонентами своё служебное положение. Пожалуй, что и могут задушить “Новый мир”».

А.В. Жигулин, видимо, не знал (или сделал вид, что не знает), что «токарь Подольского завода» Михаил Егорович Захаров, автор «открытого письма» А.Т. Твардовскому, является «по совместительству» членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР.

«7 августа 1969 года, четверг. Плохи дела. А. Твардовского, вероятно, снимут с поста редактора журнала “Новый мир”. Серия клеветнических статей против “Нового мира” продолжается. После выступлений “Огонька”, “Социалистической индустрии”, “Советской России” и “Литературной России” – третьего числа снова появилась в “Советской России» статья, где Твардовский обвиняется чуть ли не в шпионаже. Поводом для статьи явился комментарий в “Нью-Йорк таймс” по поводу нападок на “Новый мир”. Полемика эта расценивается в “Н.-Й. Т.» как борьба двух направлений в советской литературе.

Что ж, не много ума надо, чтоб это понять. Борьба-то борьба, но, к сожалению, неравная. Больше, пожалуй, похоже не на борьбу, а на избивание связанного. Говорил с Г. Красухиным. В ближайшие дни ожидается появление статей против Твардовского в “Красной звезде” и “Сельской жизни”. На следующей неделе намечено провести заседание Секретариата Правления СП СССР по вопросу о “Новом мире”. Называют кандидата на пост нового редактора – Александр Рекемчук. <...> Разгром угрожает не только “Новому миру”, но и “Юности”. <...> Только что же

будет делать “Литературная газета” и прочие после разгрома “Нового мира”? Ругать-то некого будет!

...Сердце болит. Пожалуй, хватит пока об этом».

В те дни А.Т. Твардовский обратился в редакцию газеты «Социалистическая индустрия» с просьбой прислать ему фотокопию «письма» М. Захарова, а также сообщить его домашний адрес для уточнения некоторых сведений, содержащихся в публикации.

Корректное и безобидное, в сущности, обращение главного редактора журнала «Новый мир» вызвало новый приступ злобной реакции его недругов, о чём пишет в дневнике А.В. Жигулин:

«11 августа 1969 года, понедельник. <...> “Социалистическая индустрия” 9 августа опубликовала подлую демагогическую статью под девизом: “Твардовский не доверяет рабочему классу”. Поводом послужила просьба Твардовского предоставить ему для ответа фотокопию открытого письма рабочего М. Захарова. <...> И это всё делается в то время, когда Твардовский болен и лежит в больнице. Передёргивания, подтасовки, прямые фальшивки, голословные политические обвинения, клевета – всё это ушатами льёт правая печать на Твардовского и “Новый мир”. Попраны элементарные журналистские, этические, человеческие нормы! Бьют лежачего, связанного, бьют сапогами под рёбра.

Попался случайно 5-й номер “Москвы”. В нём рядом, подряд опубликованы три больших критических статьи против “Нового мира”. Такой бессовестной гадости ещё не знала журналистика! <...>

Полагаю, что последняя кампания против “Нового мира” инспирирована или даже организована сверху. Жутко думать о том, чем всё это может кончиться. Установятся, возродятся сталинские нормы в литературе, а может, и не только в литературе...»

«14 августа 1969 года, четверг. Жара. Но радио предсказывает похолодание и дожди. Говорил по телефону с Г. Красухиным. Узнал кое-что интересное. Оказывается, большая группа писателей (К. Чуковский, К. Симонов – всего

около двадцати человек) обратились с письмом в “Литературную газету”. Письмо – в защиту статьи А. Дементьева, против выступления банды М. Алексева в “Огоньке”. К.М. Симонов несколько раз был в “Литературной газете” и в ЦК КПСС, но добиться опубликования письма, увы, не смог.

Ничего не поделаешь: свобода слова! Единственным косвенным результатом неопубликованного ответа М. Алексеву и К° явилось выступление замзава отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС <А.Н.> Яковлева на совещании редакторов журналов. Яковлев назвал приёмы “Огонька” и “Советской России” недопустимыми (ведь А. Дементьев обвинялся в троцкизме, ставился на одну доску с Синявским и Даниэлем). Возможно, теперь травля “Нового мира” несколько ослабнет. Однако подло, что письмо К. Симонова и других писателей не увидело свет. Действительно, получается, что бьют лежачего».

В письме от 28 июля 1969 года К. Симонов писал, что, уйдя от идейного спора по существу проблем национализма и патриотизма, авторы «Письма 11-ти» обрушились на «Новый мир» с грубыми и необоснованными нападками. Он утверждал, что «Новый мир» «больше, чем какой-либо другой журнал, показывал на своих страницах народные истоки нашей жизни» и защищал «подлинное национальное достоинство нашего народа и нашей литературы в борьбе с унижающими это достоинство квасными патриотами и беспринципными реставраторами отвергнутых революцией самых тёмных сторон старой российской действительности».

«29 августа 1969 года, пятница. Пришёл 7-й номер “Нового мира”. Краткий, но блестящий ответ авторам “огоньковского” письма. Ответ, однако, уже облаян в “Литературной газете” (ещё до появления журнала, по контрольному экземпляру). Бандиты!».

«8 сентября 1969 года, понедельник. Получили в бухгалтерии “Известий” за 7-й номер “Нового мира” 147 р. 41 к. Неожиданная радость – так много! По четыре

рубля за строку. Зашли в редакцию к Юре Буртину, выразили в его лице признательность журналу. Грустно побеседовали о жизни. А. Солженицына запрещено даже упоминать. Считается, что вроде бы даже и не было такого писателя. Ответ авторам “огоньковского” письма удалось дать с большим трудом – против была и цензура, и ЦК. Вёрстка журнала теперь читается не только Главлитом. Главлит каждый номер направляет в ЦК партии. <...> Ну и ну!».

«13 ноября 1969 года, четверг. <...> Генка Красухин настроен панически. По его словам, “Новый мир” закрывают, т. е. разгоняют редколлегию. Об этом, дескать, говорят все и это, дескать, точно. Вот, мол, пришёл С. Лесневский и тоже подтверждает: конец “Новому миру”. Я рассказал, что был вчера в “Н<овом> м<ире>”. Беседовал с Хитровым, Виноградовым, Лакшиным и не заметил никаких печальных признаков. Впрочем, они ведь меня, по существу, не знают. Здесь, в этом доводе, Генка прав. <...> Грустно, совсем безвыходно, душно будет в литературе, если погибнет теперешний “Новый мир”.

Остаётся только надеяться, что опять как-нибудь пронесёт. Остаётся Богу молиться».

Руководство Союза писателей долго не решалось уволить А.Т. Твардовского с поста главного редактора «Нового мира», учитывая его внушительный общественный авторитет и былые заслуги. Было решено действовать в соответствии со старой русской поговоркой: «Не мытьём, так катаньем». После решения Секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редколлегии журнала и назначении на эти должности людей, совершенно не известных Твардовскому или состоявших в «противоположном лагере», в феврале 1970 года он был вынужден сложить редакторские полномочия.

«4 февраля 1970 года, среда. <...> Вчера беседовал с Эмой Коржавиным по телефону. <...> Сообщил Наум печальную новость: новую поэму Твардовского “По праву памяти”, не пропущенную у нас цензурой, издали по-

русски где-то за границей. Теперь у Александра Трифоновича могут быть серьёзные неприятности. А ведь как он старался, чтобы рукопись не пошла по рукам! Видно, из типографии она ушла – её набирали, а что стоит наборщику сделать лишний оттиск?».

«9 февраля 1970 года, понедельник, 16.25. Плохо! Очень плохо! Кажется, что и не может быть хуже. Но это обманчивое ощущение – хуже, конечно, бывает, и, видимо, ещё будет хуже.

Начинаю с самого тяжкого. Задушили “Новый мир” – последовательно на двух Секретариатах СП СССР – 4 февраля и нынче, 9-го. Внешний повод – публикация за рубежом поэмы Твардовского.

По последним сведениям (И. Золотусский сказал по телефону), – из редколлегии выведено пять человек: Лакшин, Виноградов, Марьямов, Кондратович и ещё кто-то, кажется, Сац. Введены в редколлегию: Косолапов, Рекемчук, Наровчатов, какой-то критик Олег Смирнов и бывший редактор “Советской культуры” Большов...

Не известно, останется ли Твардовский редактором, но в любом случае прежний “Новый мир” прекратил своё существование. Добились всё-таки, гады, своего! Последнюю малую отдушину замуровали. Полагаю, что и поэму Твардовского его же враги сами передали за границу, чтобы повод иметь.

...Вот так! “...большой писатель в стране – это... как бы второе правительство. И поэтому никакой режим никогда не любил больших писателей, а только маленьких». Вот так, кажется, говорил один герой одного романа...”

«10 февраля 1970 года, вторник, 22.00. Так горько и грустно, что и писать не хочется. Не одному мне тяжело... Погиб “Новый мир”... Говорил сейчас с Лёвой Левицким. Он тоже в унынии. Первый номер уже печатается. Это последний будет номер, подписанный Твардовским. Интересно, стоит ли в нём моя рецензия на И. Шкляревского? А Лёвину рецензию на “Поле боя” перенесли на 2-й номер из 12-го (сокращали объём – ставили статью В. Лакшина).

Есть вёрстка, но новая редколлегия будет, конечно, трясти все материалы. Только случайно может проскочить – по недостатку времени на полную замену второго номера. Вот как всё сошлось!

Говорил днём с Игорем Золотусским. Он был в “Новом мире”. Ребята собирают бумаги. Разгром. Уходят из редколлегии (кроме пяти уже выведенных) и Твардовский, и Дорош, и Хитров. Уходят все работники редакции, даже корректоры. В редколлегии остаются из старых... только Айтматов и Гамзатов. И <...> К. Федин...

А Наровчатов всё-таки устыдился: каким-то образом сумел всё-таки отказаться от сомнительной чести. Переиграли. Вместо него в числе первой пятёрки новой редколлегии – некто А.И. Овчаренко, крупный специалист по соцреализму ещё со сталинских времён.

Завтра в “Литературной газете” рядом с половинчатой рецензией на роман Кочетова будет первая маленькая информушка о разгроме “Нового мира”. Мелким незаметным шрифтом. Это для всей страны. А в московском выпуске “Литературной газеты” информация, возможно, будет чуть побольше – будут указаны и лица, принимавшие участие в Секретариате. Возможно, будет и письмо Твардовского (по поводу публикации за границей поэмы). <...>

И ещё мелкая обида: мы на целый год на “Новый мир” подписались. А зачем он нам теперь? Статьи Синельникова читать? Плохо. Очень плохо.

Полный закат наступает».

«11 февраля 1970 года, среда. Свершилось подлое дело! Кучка негодяев (был, оказывается, даже не Секретариат, а лишь далеко не полное Бюро Секретариата) поспешила в подкрепление своего незаконного решения опубликовать на самом незаметном месте информацию. Для малоискущённого читателя она может показаться незначительной. А об уходе Твардовского и остальных – могут теперь и не печатать ничего. Подло разогнали редакцию журнала, любимого интеллигенцией, любимого всеми честными людьми. Погубили большой талантливый коллектив.

<...> “Новый мир” сейчас, как только что оставленный город. Уже ушли войска защитников. Вот-вот ворвётся противник. Жгут бумаги, документы. Настроение подавленное. Расправились, мерзавцы! И тишина, тишина. Никаких громких разгромных статей, как бывало раньше при закрытии журналов. И Твардовский вроде бы оставлен. Работайте, мол, пожалуйста, Александр Трифонович. А как же он теперь может работать, когда в редколлегии в большинстве его личные и литературные враги?! Задумали тихо, иезуитски! Сделали подарок к 60-летию. И письмо о поэме не помогло... Тяжело. Весь день, все дни совершенно больным и разбитым себя ощущаю».

В дневнике А.В. Жигулина вклеены две заметки, вырезанные из “Литературной газеты” от 11 февраля 1970 года. Для понимания ситуации, в которой оказались журнал “Новый мир” и А.Т. Твардовский, приведём их полностью.

Первая заметка:

«Состоялось заседание бюро секретариата правления Союза писателей СССР, в котором приняли участие К.А. Федин, С.А. Баруздин, К.В. Воронков, С.В. Михалков, В.М. Озеров, Л.С. Соболев, А.Т. Твардовский, Н.С. Тихонов, А.Б. Чаковский, К.Н. Яшен. Бюро утвердило первым заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала “Новый мир» Д.Г. Большова, заместителем главного редактора и членом редколлегии – О.П. Смирнова. Членами редколлегии утверждены также В.А. Косолапов, А.И. Овчаренко, А.Е. Рекемчук. От обязанностей членов редколлегии журнала “Новый мир” освобождены И.И. Виноградов, А.И. Кондратович, В.Я. Лакшин, И.А. Сац».

Вторая заметка:

«В РЕДАКЦИЮ “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ”.

На днях мне стало известно, что моя ещё не опубликованная поэма “По праву памяти”, абсолютно неизвестными мне путями и, разумеется, помимо моей воли проникла за рубеж и напечатана в ряде западноевропейских изданий (“Экспрессо”, “Зюддойче цайтунг”, “Фигаро литерер”

и эмигрантском журнальчике “Посев”) в неполном или искажённом виде.

Наглость этой акции, имеющей целью опорочить моё произведение, равна беспардонной лживости, с какой поэма снабжена провокационным заглавием “Над прахом Сталина” и широковещательным уведомлением о том, что она будто бы “запрещена в Советском Союзе”.

А. Твардовский.

4 февраля 1970 года».

«12 февраля 1970 года, четверг. Вчера Твардовский подал заявление об уходе. Новым редактором будет, вероятно, С.С. Наровчатов. Нынче приступают к работе в редакции новые люди. Начинаются для российской словесности чёрные годы, а может, и десятилетия. Никакого просвета впереди не видно. Можно будет читать классику, Хемингуэя перечитывать, перелистывать старые комплекты “Нового мира”. Вновь рождённой, свежей литературной мысли уже не будет. Мрак! Только теперь по-настоящему начинаю ощущать, какое большое значение для нашей духовной жизни имел “Новый мир” Твардовского. Это была совесть нашей литературы. Утёс правды в мутном океане лжи. Но вот грязные волны поглотили этот последний островок. Тяжело. Руки опускаются».

«13 февраля 1970 года, пятница, 12.30. Сейчас, когда я пишу эти строки, идёт заседание Секретариата СП СССР. Рассматривают заявление Твардовского, радостно потирают руки. Добились своего: формально Твардовский уходит сам. Не нужны громкие статьи об ошибках журнала и т. п. Заявления об уходе подали также Е. Дорош и М. Хитров.

...Существуют письма протеста против разгрома “Нового мира”. Письмо учёных. Письмо писателей (по словам Г. Красухина: Исаковский, Можаяев, Тендряков, Аксёнов. Евтушенко, Вознесенский, Ю. Трифонов, С. Антонов – всего около 15).

12 лет существовал “Новый мир” Твардовского. Целая эпоха русской советской литературы. Наши внуки и правнуки, наши потомки будут изучать в школах этот период.

Специальный раздел будет в учебниках литературы. Вся прогрессивная Москва прощается с “Новым миром”. Сотни людей ежедневно приходят в редакцию в эти дни. Словно на панихиду, словно на похороны».

«14 февраля 1970 года, суббота. Главным редактором “Нового мира” стал В.А. Косолапов, бывший гл. редактор “Лит <ературной> газеты”, а до вчерашнего дня – директор изд<ательств>а “Художественная литература”. <...> Со вчерашнего дня ушли из журнала также Хитров и Дорош. Из работников редакции осталась пока только К.Н. Озерова. <...> Возможно, останется С.Г. Караганова».

«17 февраля 1970 года, вторник. В субботу, 14-го, были с Ирой у Коржавиных. Погрустили о “Н<овом> м<ире>”, поговорили о стихах. <...> Вчера звонила С.Г. Караганова. Видно, собирает авторов. Но печататься сейчас в новом, косолаповском, “Н<овом> м<ире>”, пожалуй, неприлично. Нынче беседовал по телефону с И. Золотусским и Л. Левицким. О “Н<овом> м<ире>” много всяких слухов и сплетен. Несомненно пока одно: на сегодняшний день ЦК партии ещё не утвердил снятие Твардовского и назначение Косолапова. Возможно, вероятнее всего, причины чисто технические – нет людей, которые этим ведают или что-то в этом роде. Твардовский ещё ходит на работу. Затеплилась надежда. Но – увы, увы! Всё ведь, конечно, было согласовано с ЦК. Если бы оставили Твардовского! Это было бы чудо! <...> Несбыточные надежды!».

«21 февраля 1970 года, суббота. Вчера был большой и очень тяжёлый день. После краткого визита в ЦДЛ (за гонораром в Бюро, за книга-ми в библиотеку) поехали с Ирой в “Новый мир”. У входа повстречали уходящих Лакшина и Кондратовича. Внизу, в отделе публицистики, грустные Юра Буртин и Лёва Левицкий. Заходил И. Виноградов. Лёва:

– Вы пришли, ребята, в исторический день. Сейчас Александр Трифонович заходил, прощался...

Надо было нам сразу подняться наверх, и мы застали бы ещё Твардовского. Но задержались у Юры, печально

беседовали о том, как это всё произошло... Трифонович письмо написал Брежневу и Косыгину. Не помогло и это – свалили... И как всё неожиданно, дико получилось! Затишье было, словно после совещания в Чиерне над Тисой (имеется в виду встреча руководителей Компартий Чехословакии и Советского Союза в Чиерне над Тисой 29 июля – 1 августа 1968 года, на которой было принято решение о вводе войск Варшавского договора для подавления Пражской весны. – В. К.). Тихо-тихо было, а потом вдруг – танки. Так и на “Новый мир” были неожиданно брошены все силы.

...На втором этаже заплаканная Караганова:

– Ах, как жаль! Только сейчас ушёл Твардовский, три минуты назад! Но скажу ему, что Вы заходили. Я ещё увижу его...

Грустная Софья Ханановна, секретарша:

– Разорили нас...

Так это горько было сказано! Действительно, разорили. Безжалостно, зверски разбили, растоптали живой, талантливый организм! Ира тоже заплакала, когда Караганова рассказывала о последних днях Твардовского:

– Ему очень тяжелы были эти последние дни, последняя неделя. Всё надеялся на что-то. Как ребёнок! Ходил каждый день на работу. И не пил ни капли. А работы никакой не было... Я уж думала: лучше бы он запил, ему легче было бы!

Долгая, тихая была беседа. Шёпотом – как на похоронах. Всё! Конец! Чёрные дни настали для русской литературы. В понедельник придут новые люди.

Люди смётки и люди хватки
Победили людей ума –
Положили на обе лопатки,
Наложили сверху дерьма, –

так, кажется, писал Слуцкий. Победили! Злые мелкие крысы свалили титана! А журнал входил в график. Четыре номера готовы. Ломать их будут... Тяжело – просто сил нет!»

Мимолётная встреча А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского состоялась 26 марта 1970 года, в третий день работы в Москве съезда Союза писателей РСФСР (он проходил в Большом Кремлёвском дворце). А.В. Жигулин тут же делает запись в блокноте, который он всегда носил с собой:

«Минут 20 назад великий поэт А. Твардовский подарил мне книгу (в присутствии Г. Троепольского и Р. Гамзатова). Надпись... Впрочем, она есть на книге... Но перепишу всё-таки и сюда. Радостно такие слова переписать: «Анатолию Владимировичу Жигулину – с добрым пожеланием его таланту. А. Твардовский. 26.ІІІ.70. М.»

Когда он надписал, я робко упомянул что-то вроде:

– Вы ведь меня, как бы это сказать, вывели на большую дорогу...

– На большую дорогу – это значит, в разбойники...

С приятной улыбкой он сказал эту шутку.

Выглядит плоховато. Постарел».

Ещё одна скорая запись, сделанная А.В. Жигулиным во время четвёртого дня работы писательского съезда:

«Г. Троепольский:

– Ничего, Толя! Чем чернее ночь, тем ярче светятся гнилушки... Твардовский тебя очень любит. Это он нам говорил, когда мы отошли от тебя».

«18 июня 1970 года, четверг. <...> Вечером звонила Н. Дардыкина из “Московского комсомольца” – просит написать срочно к юбилею Твардовского три странички. Говорит, что Героя Социалистического Труда ему дадут. Решено, мол, уже это дело. Лестное предложение. С удовольствием бы написал я, но – чёрт знает что! – боязно мне писать о таком гиганте. Смогу ли я, достоин ли я писать о нём? Я очень люблю Твардовского, и трудно внятно выразить эту любовь. Может, попробую завтра».

«19 июня 1970 года, пятница. <...> Читал Твардовского и думал над ним. Мог бы я хорошо написать о нём, но срок – считанные часы – мал для меня. Надо бы раньше мне позвонить, надо бы эту заметку поносить в голове с неделю...

А потом – неизвестно всё-таки, дадут ли. Но главное, конечно, в том, что срок мал и что боязно прикоснуться мне к этой теме. И усталость какая-то странная овладела мной. Какое-то сонное безразличие, словно жизнь уже совсем на исходе».

«22 июня 1970 года, понедельник. Телеграмму Александру Трифоновичу мы послали вместе с Коржавиным вчера днём. Вот здесь вклеен её текст (на стр. 87). Был такой же, как и нынче, прохладный пасмурный день. Был дождь. Были с Ирой у Наума. Беседовали. <...> В последнее время читаю последние номера “Нового мира”. Интересны, в частности, воспоминания главного маршала авиации Новикова “В небе Ленинграда”. А звание Героя Социалистического Труда Твардовскому – увы! – не присвоили. Наградили только орденом Трудового Красного Знамени».

Между страниц дневника вклеен бланк телеграммы:

«МОСКВА Ж-240 КОТЕЛЬНИЧЕСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ
1/15 КОРПУС ВК КВ 125 ТВАРДОВСКОМУ

ДОРОГОЙ АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ОТ ВСЕЙ ДУШИ
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ ЖЕЛАЕМ
ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СТОЛЬ
НЕОБХОДИМОГО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И НАМ ЛИЧНО
ЛЮБИМ ВАС И ГОРДИМСЯ ВАМИ АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН
НАУМ КОРЖАВИН».

По свидетельству современников, именно политическая и литературная травля подкосили здоровье даже такого русского богатыря, каким был А.Т. Твардовский. Информация о его смертельной болезни искусственно замалчивалась в обществе и официальной печати. Но, как известно, шила в мешке не утаишь. А.В. Жигулин, не скрывая чувств, пишет: «Вчера, 17 октября 1970 года, в субботу, был тяжкий день. Днём, прокручивая старый “Сименс”, случайно наткнулся на русскую программу французского радио. Они сейчас наши друзья и их никто не глушит. Да и передачи у них, надо сказать, вполне лояльны: никаких выпадов против СССР. Разве о Солженицыне иногда упомянут. А так – обычные известия, почти как у нас. И вдруг резанула фраза:

“Из Москвы сообщают о критическом состоянии здоровья Александра Твардовского, у которого рак”.

Боже мой! А я даже не знал ничего о болезни Твардовского! Позвонил Г. Красухину. По его словам, дни Александра Трифоновича сочтены. Врачи, мол, дают не более месяца. Ужас-то какой! Немного успокоил меня Лёва Левицкий. О раке, говорит, ничего не слышал. Правда, его сведения, по крайней мере, трёхдневной давности. Возможно, сообщение о раке родилось из слухов, которыми зарубежные корреспонденты часто пользуются за отсутствием официального материала. Вот что рассказал Лёва. Недели три назад у Твардовского был микроинсульт. В таких случаях больные должны лежать без всякого движения. А из-за неподвижности в лёгких возникают застойные явления... <...> Делали пункцию – выкачивали жидкость. После пункции стало хуже. Конечно, инсульт и всё прочее – результат зверства, учинённого над Твардовским. У него отняли дело его жизни. Это большой удар по нервной системе. Отсюда и болезни. Убийцы! Казнили великого поэта! Да, по существу, это всё похоже на заранее продуманное убийство. Нет сил и писать об этом. Осталось только Богу молиться, чтоб выздоровел».

«27 октября 1970 года, вторник. Опять на дворе дождь и слякоть. И простуда всё не проходит. <...> Но всё это сущая ерунда рядом с печальными известиями о здоровье А.Т. Твардовского. Об этом говорил я с Л. Левицким и Д. Голубковым. Подробнее и точнее рассказала С.Г. Караганова. У Александра Трифоновича точно рак. Рак лёгкого. И оперировать уже нельзя, поздно. Диагноз был поставлен недели две назад. Так что французское радио сообщило правильно. Сейчас состояние Твардовского субъективно лучше (был ведь ещё и инсульт). Идут бесконечные консультации, но надежды нет. Мечтают вырвать у болезни, у смерти хотя бы несколько относительно спокойных месяцев, но и это, кажется, невозможно. Погоревали с Карагановой.

Она вспомнила стихи Твардовского:

На дне моей жизни,
на самом донышке,
захочется мне
посидеть на солнышке,
на тёплом пёнушке...

Так вот и этих последних спокойных минут, видимо, уже не будет у Александра Трифоновича...»

«7 ноября 1970 года, суббота. <...> Звонки – Н. Коржавину. Твардовскому стало вчера лучше. Приезжал какой-то крупный специалист из Болгарии. Есть очень слабая надежда, какая-то тысячная доля надежды, что, может быть, даже и не рак. Господи! Сотвори чудо!..»

«18 ноября 1970 года, среда. <...> Узнал от С. Карагановой, что А. Твардовского перевезли в загородную больницу, в Кунцево. Будут облучать. Состояние плохое».

«28 января 1971 года, четверг. <...> Разговор с Ю. Буртиным. Твардовский начал ходить понемногу. Начинает действовать и правая рука. Врачи поговаривают о выписке домой. Вероятно, подействовало лекарство болгарского врача. Не исключено даже полное излечение от рака. Это очень редко, но бывает. Юра считает, что теперь мне можно даже книгу послать Твардовскому. Он читает вовсю. И главное, теперь уже можно ему и прочесть грустное стихотворение с посвящением, раз получилось».

В ноябре 1971 года А.Т. Твардовскому была присуждена Государственная премия СССР за сборник стихотворений «Из лирики этих лет».

«10 ноября 1971 года, среда. Утром – звонок Л.И. Стишовой из редакции последних известий радиопрограммы “Маяк”. Просят выступить о Твардовском по случаю присуждения ему Государственной премии. Выступление небольшое – на 2–3 минуты (текст – две странички на машинке). Лестно, что обратились ко мне, но и боязно, и смутно. Прилично ли выражать по радио радость, удовлетворение этой премией, когда Твардовский находится в тяжёлом состоянии, когда его дни сочтены? Ведь терза-

ли его последние годы те же силы, которые сейчас присудили ему премию? И сумею ли я хорошо выступить, найду ли необходимый тон? Да и подойдёт ли для радио то, что я хочу сказать? Советовался с Н. Коржавиным и Г. Красухиным. Решили, что это дело чистое. Буду говорить о книге, премию пусть диктор упомянет».

«12 ноября 1971 года, пятница. Вчера вечером написал две страницы о книге Твардовского. Читал Ире, Г. Красухину, читал по телефону той редакторше, что заказала мне это выступление – все дружно говорят, что очень хорошо получилось. А нынче ездил утром в радио дом на Пятницкой – записываться. Кое-что пришлось в тексте поправить – боятся, начальство не пропустит или цензура. Запись получилась хорошая – естественно говорил, взволнованно. Выступление запланировано на завтра. Честно говоря, я не уверен, что его разрешат. Слишком много боли и в тексте, и в моём голосе. Впрочем, плёнку-то вряд ли будут прослушивать. В напечатанном, не звучащем виде текст, вероятно, может показаться более спокойным. Л.И. Стишова должна позвонить нынче вечером или завтра утром – сказать, когда пустят в эфир. Но пока не звонила».

Предчувствие А.В. Жигулина не обмануло. Его выступление о Твардовском, действительно, было снято с эфира руководством радиоканала без объяснения причин. Поздно ночью расстроенный А.В. Жигулин пишет:

«13 ноября 1971 года, суббота. 23.20. Тяжёлый, с утра омрачённый день. <...> Долгий разговор с Л.И. Стишовой... Беседы с Г. Красухиным, Н. Коржавиным, Л. Фроловым (нельзя ли в “Наш современник” устроить; нельзя), долгая беседа с В.Я. Лакшиным. Ему понравилось то, что я написал. Хорошо, говорит, достойно. Сейчас всё это нервное напряжение перегорело. Так волновался днём, так много хотелось записать, но сейчас уже ничего писать не хочется – сил нет. По словам В. Лакшина, Твардовский всё время в сознании, но говорить не может. Однако читает сейчас письма, поздравительные телеграммы. Лакшин полагает, что я даже могу послать Твардовскому свою книгу, письмо написать».

«20 ноября 1971 года, суббота. Письма: 1) родителям в Воронеж; 2) А.Т. Твардовскому. <...> Послал “Прозрачные дни”».

Из записей А.В. Жигулина видно, как тяжело перенёс он разгром «Нового мира». А болезнь и преждевременная смерть А.Т. Твардовского, случившаяся 18 декабря 1971 года в подмосковном посёлке Красная Пахра, стали для него огромным личным горем.

Весть о смерти Твардовского настигла Жигулина в Академии общественных наук при ЦК КПСС, куда он приехал вместе с другими литераторами, чтобы принять участие в вечере, посвящённом 150-летию со дня рождения великого писателя Н.А. Некрасова. За три недели до этого Жигулин выступал в Литературном музее на подобном вечере. Отметив огромный вклад Н.А. Некрасова в общественно-политическую жизнь и русскую литературу, он, в частности, сказал:

– Традиции Некрасова живы и сейчас в советской поэзии. Несомненно, самым ярким представителем некрасовской школы является наш современник и тоже – не побоюсь сказать – великий поэт Александр Твардовский. И общественно-гражданская деятельность Твардовского, и его поэзия в истории русской литературы сопоставимы только с жизнью и творчеством Н.А. Некрасова.

Далее А.В. Жигулин прочитал небольшое стихотворение, посвящённое А.Т. Твардовскому (1969):

Осень, опять начинается осень.
Листья плывут, чуть касаясь воды.
И за деревней на свежем покосе
Чисто и нежно желтеют скирды...

Град налетел. Налетел и растаял
Лёгким туманом в лесной полосе.
Жалобным криком гусиная стая
Вдруг всполошила домашних гусей.

Что-то печальное есть в этом часе.
Сосны вдали зеленой и видней.
Сколько ещё остаётся в запасе
Этих прозрачных стремительных дней?

Солнце на миг осветило деревья,
Мостик, плотину, лозу у пруда.
Словно моё уходящее время,
Тихо в затворе струится вода.

Завершил Жигулин выступление словами:

– Александр Трифонович сейчас тяжело, неизлечимо болен. Как видите, даже этим обстоятельством он как бы повторяет судьбу Некрасова.

И вот случилось то, что должно было случиться.

«18 декабря 1971 года, суббота. Умер А. Твардовский, великий русский поэт.

Узнал об этом от Е. Сидорова в Академии общественных наук, куда приехал выступать на вечер Некрасова. Приехал С.С. Наровчатов и подтвердил: да, Твардовский умер на даче этой ночью... Слов нет никаких. Никакими словами не выразить боль и горечь. Убили великого поэта! Убили сытые и благополучные – той самой породы люди, коим я читал нынче стихи! Никогда больше не буду выступать в подобных учреждениях...»

Подробные записи А.В. Жигулина о том морозном декабрьском дне, чёрном для русской литературы, наполнены высокой печалью.

«21 декабря 1971 года, среда (*опечатка: вторник. – В. К.*)
ПОХОРОНЫ А. ТВАРДОВСКОГО

Ещё не было десяти утра, когда я поехал в ЦДЛ. По дороге купил свежие и вчерашние вечерние газеты. Всё не верилось, что так и не будет объявлено о времени и месте прощания, похорон. Увы! Нигде ни единой строчки! Какая жестокость! Какой позор! Намеренно лишили народ возможности проститься со своим великим поэтом. Что ж, российские правители всегда боялись великих поэтов Рос-

сии, даже умерших. Гроб с телом Пушкина, накрытый простой рогожей, тайно увезли в Святогорский монастырь в сопровождении двух жандармов...

Иные времена – иные масштабы: ещё с Садового кольца из автобуса заметил я цепи милиционеров в чёрных дублённых полушубках. А в самом ЦДЛ сразу бросилось в глаза обилие незнакомых молодых мужчин с настороженными лицами. У некоторых повязки “дружинник”. Так и стояли они шпалерами вдоль стен большого зала, вдоль всего пути к гробу... Вот уж воистину: у страха глаза велики. Вооружённого восстания, что ли, боялись?!. Несмотря на все жестокие меры, людей было много. И откуда только узнали? С девяти утра до самой панихиды люди шли непрерывно. Я думаю: если бы было объявление в газетах, народ заполнил бы всю площадь Восстания и ближайшие улицы.

Первая живая душа, которую встретил я в вестибюле, был Лёва Левицкий. Мы прошли с ним первый прощальный круг. Гроб стоял на сцене чуть наклонно к залу. Много венков с красными и белыми лентами. Живые и бумажные цветы. Лицо Твардовского жёлтое, без морщин. Потом я разглядел и запомнил его хорошо, когда стоял в почётном карауле. Стояли мы с Лёвой Левицким, Ф. Световым. И незнакомая какая-то писательница была с нами четвертой. Ордена и медали на красных шёлковых подушечках. И подумалось: какая это пустота – эти побрякушки рядом со смертью, с окончанием жизни. За два часа перед панихидой было много всяких мимолётных встреч. Кайсын Кулиев, выпивший, со слезами на глазах:

– Толя! Дай я тебя обниму и поцелую – у меня нет гриппа! Мы хороним сейчас лучшего, достойнейшего из нас, который нас с тобою любил! Дай я тебя трижды поцелую!

Худые люди, если и были на похоронах, то, наверное, их было немного. Так мне думается. Это либо чиновники, которые отбывали по обязанности, всякие там секретари правлений, либо равнодушные, холодные наблюдатели. <...> Во время панихиды я попал на сцену и стоял возле гроба рядом с С. Наровчатовым, В. Ильиным, А. Сурковым, Г. Абашидзе,

К. Симоновым. Позади меня стояла Л. Татьяничева. Даже как-то неловко и боязно было мне среди этих классиков и чиновных особ. <...> Говорили речи: С. Наровчатов, А. Сурков, С. Орлов, Г. Абашидзе, генерал Востоков (заместитель Епишева, одного из самых яростных гонителей “Нового мира”), К. Симонов. Проникновенно вроде, но пустовато, слишком трусливо и слишком отрететировано говорили все. Кто лучше, кто хуже говорил, но никто главного не сказал.

Только К. Симонов робко упомянул “Новый мир”, сказал о честности и принципиальности Твардовского и назвал его великим поэтом. И зал словно вздохнул облегчённо (так мне показалось) – хоть малая доля правды была сказана. Наровчатов закрыл митинг. И вдруг в тишине раздался женский голос из задних рядов, что ближе к ложам. Взволнованно кричала молодая женщина. Ей мешали. Голос её был слаб. Долетали до сцены отдельные слова, отдельные фразы:

– Почему никто не сказал, что Твардовского затравили, лишили его любимого детища? Почему не сказали, что последняя поэма Твардовского не напечатана, запрещена?

Женщину утихомирили. Возникло несколько странное ощущение... Потом – вынос тела. Встреча с Г. Троепольским, очень горюет старик.

Автобусы, много специальных автобусов. Ажурные, розовые заснеженные стены и башенки Ново-Девичьего монастыря. Это – ещё из окон автобуса. А когда вышли, первое, что бросилось в глаза, – оцепление. Сотни солдат на расстоянии метра друг от друга окружили всё кладбище. И в пустом блестящем от солнца и снега пространстве – милицейские машины.

Оказывается, никого из простых людей на кладбище не пускали. Привезли на автобусах только писателей из ЦДЛ, тех, кто был на панихиде. Кладбище. Снег. Памятники, в большинстве все какие-то однообразные и бездарные. Митинг на кладбище. Опять речи: М. Луконин, М. Дудин, представитель Смоленского обкома <КПСС>. Опять в основном упор на партийность и прочую мажорность вплоть

до воспевания радостной колхозной жизни. Шум проезжающих где-то рядом поездов. Очень горевала Тамара Жирмунская. Н. Коржавин с фотоаппаратом. Тоже печальный.

Гроб к могиле несли почему-то малознакомые, незнакомые мне люди. А может, я не рассмотрел? <...> Грузовики с венками. Холод. Перекрикивания милицейских офицеров:

– Сниматься будем ровно в четыре!

Говорят, первую горсть земли бросил в могилу А. Солженицын. Он был и на панихиде, но я его не видел. Много было людей. На кладбище почему-то запомнился Василий Фёдоров. Седовласый, без шапки. Какой-то сиротливо-печальный. Нездорово-красное, почти фиолетовое лицо – то ли от водки, то ли от слёз. Видно было, что он по-настоящему переживал. И я его даже зауважал, даже мысленно простил. Видно, что любил он Твардовского.

Обратил вдруг внимание: кто-то фотографирует одну из могил, самую обычную могилу. Пригляделся: это, оказывается, могила Н.С. Хрущёва. Потом, когда уже все расходились, мы с Б. Слуцким и В. Огневым постояли немного у этой могилы, сняв шапки. Почтили память Никиты Сергеевича. И не расходились долго. Потом ехали со Слуцким и Огневым в пустом автобусе опять в ЦДЛ. Промёрзли на кладбище. И так было грустно, так горько – слов нет никаких и рассказать нельзя! Великого русского поэта похоронили, такого большого, такого прекрасного человека! Вспоминается ещё, как перед панихидой пили мы кофе с Г. Коринным и И. Озеровой (Ира была уже в зале). Я читал им по памяти стихи Твардовского, а когда прочёл “Из записной потёртой книжки” – так вдруг слёзы подступили, еле-еле сдержался, чтоб не зарыдать... И несколько раз так было в течение дня. Когда в карауле стоял, когда Симонов речь говорил, в другие какие-то минуты.

<...> Поздно вечером 25 декабря 1971 года по беглым заметкам на отдельных листках кратко описываю четыре прошедших дня. Все эти дни не могу прийти в себя».

Интересно сравнить: что говорил (а самое главное – что написал) в те чёрные для отечественной литературы

дни о смерти и похоронах А.Т. Твардовского другой кумир Жигулина – А.И. Солженицын.

В Поминальном слове о Твардовском, составленном в часы траурной церемонии в Центральном Доме литераторов в Москве 21 декабря 1971 года (обстановка на похоронах Твардовского описана в книге «Бодался телёнок с дубом», глава «Нобелиана»), доработанном и отданном в самиздат к девятому дню – 27 декабря – автор «Одного дня...» гневно писал: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище – его страсть – его журнал. Мало было шестнадцатилетних унижений, смиренно сносимых этим богатырём, – только бы продержался журнал, только бы не прервалась литература, только бы печатались люди и читали люди! Мало! – и добавили жжение от разгона, от разгрома, от несправедливости. <...>

Надо совсем не знать, не понимать последнего века русской истории, чтобы видеть в этом свою победу, а не просчёт непоправимый. Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие, – вы ещё как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий увещательный голос слышали все. Вам впору будет землю руками разгребать, чтобы Трифону́ча вернуть. Да поздно».

В своих записях А.И. Солженицын и А.В. Жигулин, не сговариваясь, в один голос твердят об убийстве Твардовского. И – ещё. Оба проводят одну и ту же параллель: смерть Твардовского – смерть Пушкина. Разумеется, такие совпадения не могут быть случайными.

Упоминания об Александре Трифоновиче Твардовском встречаются в записных книжках и дневниковых тетрадах А.В. Жигулина на протяжении всей дальнейшей жизни писателя.

«22 декабря 1971 года, среда. Звонок Ст. Лесневского (о Твардовском). Лесневский заведует мемориалом в нашем “Дне поэзии” и теперь Твардовский поступил в его распоряжение... Горькая шутка. Просит написать о моих

встречах с А. Твардовским. Но ведь всё это непроходимо – беседы о моих лагерных стихах, их правка...»

7 января 1972 года А.В. Жигулин встретился с читателями московской библиотеки № 14 имени В.Я. Брюсова. Значительная часть вечера была посвящена жизни и творчеству А.Т. Твардовского. В дневнике А.В. Жигулин законспектировал тезисы своего выступления: «Твардовский – ещё одно подтверждение истины, что крупный художник – это всегда крупная личность.

Твардовский был порою резковат, но в то же время до конца дней сохранил в себе какую-то удивительную цельность природы, какую-то почти детскую, почти наивную доверчивость, совестливость, веру в добро. Эти качества, вероятно, и помогли ему выстоять в многолетней неравной борьбе с врагами “Нового мира”, со своими личными злыми врагами.

Мне посчастливилось лично встречаться, хоть и нечасто, но беседовать с Александром Трифоновичем. Не думаю, что мои личные наблюдения, какие-то бытовые детали, сохранившиеся в моей памяти, имеют какую-либо особенную ценность для потомков.

Многие люди долгие годы жили и работали рядом, бок о бок с Твардовским и могут рассказать о нём гораздо больше. Мои встречи с Твардовским более всего имеют значение для меня самого. Приятно сознавать, что великий поэт, учитель как-то отличал меня, жаловал, хорошо ко мне и моим стихам относился, помогал».

Отвечая на вопросы слушателей, А.В. Жигулин рассказал о встрече с А.Т. Твардовским в 1961 году и о его замечаниях по стихотворению «Москва» (первый вариант). Привёл слова А.Т. Твардовского:

– Не верить в слёзы – это не так уж хорошо, как вам кажется. Расплавьте себя снова до того состояния, в котором писали эти стихи, и сделайте другое, тонкое, более человеческое окончание. Это очень трудно, но сделайте!

Спустя три месяца А.В. Жигулин записывает в дневнике разговор с братьями по перу, состоявшийся в Центральном Доме литераторов (ЦДЛ):

«14 марта 1972 года, вторник. <...> В. Сикорский просил дать стихи в “Новый мир”. Он там, оказывается, работает. Я сказал, что подумаю над этим вопросом, когда минет три года после снятия Твардовского, а пока не могу дать стихов. Сикорский стал возмущаться: напрасно, мол, ты так ставишь вопрос, я, дескать, сам сижу в этой редакции, как на бочке с порохом. Я ответил:

– Ну, с чем эта бочка – с порохом или ещё чем-то – это ещё вопрос!

Сидевший рядом с Сикорским Н.В. Крюков засмеялся».

«19 марта 1972 года, воскресенье. Утром – беседа с Дм. Голубковым о “Дне поэзии” (по разделу “Александр Твардовский”). Вечером – поездка к Станиславу Куняеву. Я перелистывал “День поэзии”. Они с А. Передреевым пили. Моя заметка о Твардовском названа “Слезам нужно верить...” и сокращена на цитату из стихотворения “Две строчки”, и вокруг неё на 12 строк. Евтушенко, видите ли, цитирует это же стихотворение! <...> Беседа: о Твардовском, о многом. Чтение писем А. Твардовского. Передреев много всякого дерьма наговорил: Твардовский, по его мнению, вообще не поэт, поскольку Есенина отверг и не поехал в Сибирь за раскулаченными родителями. <...> А я, по его словам, примазываюсь к Твардовскому (поскольку написал заметку-воспоминание).

Я ответил:

– Видишь ли, Толя... Я не виноват, что ты вообще с Твардовским не был знаком. Он даже не подозревал о твоём существовании! И ты, конечно, ничего о нём написать не можешь...»

«16 октября 1972 года, понедельник. Вышел сборник “День поэзии 1972”. Звонил Буртин. Говорит, мои воспоминания о Твардовском понравились дочери А.Т. – Валентине Александровне».

В 1972–1974 годах А.В. Жигулин работает в редакции журнала «Дружба народов» в должности члена редколлегии, заведующего отделом поэзии (его предшественниками на этом посту были известные поэты Я.В. Смеляков и М.К. Луконин). В числе его добрых дел в новой и не совсем привычной для него должности – публикация подборки писем А.Т. Твардовского в пятом, майском, номере журнала «Дружба народов» за 1973 год.

«9 ноября 1972 года, четверг. Главное событие дня. Поездка в Пахру к вдове А.Т. Твардовского Марии Илларионовне. Сырое, блестящее Старокалужское шоссе. Чёрные рощи по сторонам. На 36-м километре – направо мимо длинных глухих заборов писательских дач. Мария Илларионовна – маленькая, седая. Первым делом спросила:

– Кто из вас Жигулин? А – это Вы, я узнаю...

Большая комната, зелёный диван, на котором провёл последние месяцы и дни Твардовский. Портрет и фотография Твардовского. Поставила М.И. к ним наши розы. Чтение стихов. Шесть стихотворений разных лет. Телевизор “Темп-б”, такой же, как у нас. Кабинет Твардовского, “офис”. Ужин. Жареное мясо с картофелем. Водка. Беседа. Я прочёл по памяти несколько стихотворений Твардовского. Да. Вот ещё что сказала мне М.И., приглашая всех нас к столу:

– Вы поэт, он любил Вас – так и садитесь за его место...

И, листая “Чистое поле”:

– “Тихое поле над логом. Чистый холодный овёс...”, – он любил это, он не мог это не любить... Холодный овёс... Он тоже не знал, сколько у него остаётся в запасе этих дней...

И заплакала. И вспомнила, что показывала Твардовскому мою книжку и письмо:

– Он уже не мог говорить. Только головой кивал: да-да, мол, хорошо...

<...> М. Ил. оживилась в беседе. Показывала нам письма А.Т., обещала подборку писем для “Дружбы народов” (к понедельнику). Почувствовала, что приехали друзья. Вспомнила мою заметку в “Дне поэзии 1972”. Уезжали с грустью.

Одиноко ей там одной. Наверное, дети навещают? Большая чёрная глупая собака лает в вольере».

«14 ноября 1972 года, вторник. <...> Вечером дома – чтение писем А. Твардовского. Прекрасные есть письма! Разобрал, подготовил. Буду предлагать в № 1 <журнала> большую публикацию А.Т. “Стихи и письма”. Писем тридцать можно напечатать. Согласятся ли? Буду настаивать. <...> Большая беседа по телефону с Л. Лавлинским – в основном о письмах А. Твардовского».

«21 ноября 1972 года, вторник. <...> Беседа по телефону с М.И. Твардовской – о стихах и письмах А. Твардовского. Об А.М. Абрамове и письме к А.Т., которое он прислал. О сноске, о названии цикла».

«22 ноября 1972 года, среда. <...> Беседа с М.И. Твардовской – согласование сноски и название. Назовём “Из неопубликованных стихотворений”.

«1 декабря 1972 года, пятница. <...> Поездка к Твардовским в высотный дом. Передал Ольге Александровне (она отвезёт Марии Илларионовне) вёрстку стихов А. Твардовского, журнал “Дружба народов”, № 11, с дружеским шаржем Игина. И подарил “Свет осенний”.

«24 января 1973 года, четверг (*опечатка: среда. – В. К.*). Поездка в редакцию. Беседа с С. Баруздиным – о передаче “Книжная лавка”, о письмах А. Твардовского; будем давать их в пятом номере».

«7 февраля 1973 года, среда. Довольно напряжённый был день. Предполагался большой разговор с Баруздиным о письмах Твардовского. Мы (я, Леонард, Шиловцева) подготовились к этой беседе, но она – увы! – не состоялась в полной мере. Баруздин отложил разговор на завтра, а завтра уже не будет Лавлинского, главной нашей силы (в отпуск уезжает). Суть дела такова. С. Баруздин требует сдачи писем в 5-й номер. Но существует положение: для публикации мы должны получить письменные разрешения как адресатов, так и лиц, упоминающихся в письмах. Бороздин считает, что этим правилом можно пренебречь».

«21 февраля 1973 года, среда. Звонок К. Симонова и беседа с ним о нашей подборке писем А. Твардовского. Она ему понравилась: разносторонняя – переводы, поэзия, проза, творчество – всё охвачено. Некоторые замечания и советы. Письмо Б. Шинкубе, мол, нетипичное – дипломатическое, ибо стихи Шинкубы в общем Твардовскому не нравились. Посоветовал снять абзац о журнале (где о редколлегии и прочем). Кочетова заменить на NN и т. п., и т. д.».

«1 марта 1973 года, четверг. <...> Очень тяжёлым был, длившийся целый час, разговор с М.И. Твардовской. Ничего не хочет понимать: ни времени, ни ситуации – ничего! Позже я беседовал с дочерью Твардовского Ольгой Александровной. Она сказала, в частности, следующее:

– Это не непонимание. Это революционный эгоизм: раз правда, то надо печатать. Так я называю черту своих родителей. <...>

И вечером из дому – опять разговор с М.И. Твардовской».

«2 марта 1973 года, пятница. Утром заезжала по пути в Пахру дочь Твардовского Ольга Александровна. Взяла копию подборки писем для Марии Илларионовны. Кратко рассказал и дочери о трудностях, которые встречается публикация. Одни письма не разрешили публиковать адресаты, другие сняла главная редакция, третьи – непроходимы по цензурным соображениям. В ином случае – Твардовский критикует вещь, опубликованную в “Дружбе народов”. И т. д., и т. п. 15 разнообразных интересных писем о литературе – это хорошая и вовсе не маленькая подборка. Тем более она первая! Какие ещё журналы возьмутся сейчас публиковать письма Твардовского? “Знамя”? “Юность”? – Увы, нет! Только “Вопросы литературы” могут что-то напечатать. Ольга это всё понимает, а М. Ил. – увы – не хочет принять эти реальности. Я, мол, подготовила две подборки. В одной 40, в другой 30 писем. Берите ту или другую... Устал я уже от этой борьбы».

«3 марта 1973 года, суббота. Звонок М.И. Твардовской. Подборка понравилась, с публикацией согласна. Слава тебе, Господи!».

«21.III.79, среда. Поездка с Ирой в “Советский писатель”. Егора <Исаева> не было. Но я сам пошёл к новому директору В.Н. Ерёмченко. Он меня принял радушно – оказалось, что он давно знает мои стихи. Мало того – по его словам, сам Твардовский когда-то хорошо говорил ему обо мне, о моих стихах. Что ж, помогает мне и сейчас Александр Трифонович. Спасибо ему!».

В мае 1973 года А.В. Жигулин с семьёй приезжает на отдых в Коктебель. В один из тех дней он пишет: «Поздно вечером – прогулка с К. Икрамовым с участием отчасти Б. Слуцкого и его жены. Беседа. В частности, о КПП и других подобных делах. Чтение стихов “Ты помнишь, Борис? На окне занавеска...” Одна из тем беседы – деятельная, сознательная, антисталинская оппозиция в годы культа. Вовсе не все дела тех времён были дутые. Было сопротивление, особенно среди молодёжи.

Вина. Она была, конечно,
Мы были той виной сильны.
Нам, виноватым, было легче,
Чем взятым вовсе без вины...

Говорили также об А. Твардовском. В частности, о его нежелании признать тот факт, что всё-таки были люди, выступавшие против Сталина при его жизни... Для представителей интеллигенции, духовно связанных в прошлом со сталинским режимом, такая формула удобна: никто ничего не знал и не понимал, никто не сопротивлялся. Все были осуждены безвинно».

«9 июля 1973 года, понедельник. День в редакции. Приход С. Баруздина. <...> Сопровождение редколлегии по 8-му и 9-му номерам. Поэму А. Кулешова о Твардовском (она стояла в 8-м) тайно задерживают».

«20 апреля 1976 года, вторник. Вечером по телевидению смотрели премьеру документального телефильма

“Александр Твардовский”. Автор сценария – К.М. Симонов. Симонов рассказывал, вспоминал, цитировал. Чтец <Михаил> Ульянов очень хорошо, на редкость славно читал стихи Твардовского, отрывки из писем начинающим авторам. Затем К. Симонов повернул беседу в такую приблизительно плоскость: а вот, дескать, воспоминание поэта-профессионала, который точно уловил одну из важнейших черт характера Твардовского. Это Анатолий Жигулин. Вот что он пишет о Твардовском: “В одну из встреч я показал ему своё стихотворение, в котором обыгрывалась старинная поговорка “Москва слезам не верит...”

И весьма выразительно прочёл К. Симонов далее значительный отрывок до слов:

– Зачем эта твердокаменность – “не верю в слёзы”! Слезам нужно верить» (включительно).

С радостью слушал я этот абзац из своей статьи о Твардовском (“День поэзии 1972”, с. 214) и чувствовал себя именинником. Молодец К. Симонов! Очень, очень не случайно выбрал он этот отрывок, именно это место из моих воспоминаний – сумел через него подать, заставил хоть косвенно зазвучать больную струну души и жизни великого поэта. Провёл через Центральное телевидение крамольную мысль: “Москва слезам не верит”, а Твардовский был против этой “твердокаменности”! Видимо, учёл К. Симонов и известность мою как поэта вообще и известность моей судьбы и лагерных моих стихов. Очень славно получилось! Были ещё и уникальные фотографии Твардовского, и запись его выступления по телевидению в 1959 году.

Жаль только, что по 2-й программе показывали в это время (в 21.30) вторую серию какого-то фильма. Но, я думаю, повторят они ещё этот фильм о Твардовском».

«21 апреля 1976 года, среда. <.> С Ирой – на рынок. Мясо, картошка. В ЦДЛ – на такси, скорее. Устали, оголодали. Д.М. Ковалёв – больной, худой. Вспомнил он в связи с симоновским фильмом о Твардовском, как Александр Трифонович звонил в “Молодую гвардию” о моей книге “Рельсы”. Д. Ковалёв заведовал тогда отделом поэзии,

и Твардовский звонил ему, говорил с ним, чтобы поскорее меня издавали. Да... Трогательное воспоминание».

«16 июля 1976 года, пятница. Звонила М.И. Твардовская – хочет прислать новую книгу Александра Трифоновича. Привет от Т.А. Смолянской».

«14 ноября 1976 года, воскресенье. Долгий разговор с М.И. Твардовской. Обещает дать два стихотворения и редкие фотографии Твардовского. <...> В издательстве “Советский писатель” книга воспоминаний остановилась на неопределённое время. О подлome “письме одиннадцати” в “Огоньке”, о некоторых поэтах, вкусивших из кормушки. Один раз вкусил – уже его не оттянешь. Как говорится, коготок увяз – всей птичке пропасть».

«7 августа 1977 года, четверг. Главное событие дня – долгая беседа с Татьяной Аркадьевной Смолянкой. Пили у неё и кофе, и чай. И вспоминали часа четыре подряд нашу жизнь. О “Дружбе народов”, о том времени и тех событиях. Как ездили к Марии Илларионовне Твардовской, о Твардовском и обо всём, что с ним связано. Чтение стихов, посвящённых А.Т., “Осень, опять начинается осень...” <...> О многом. Все-го нельзя ни назвать, ни обозначить. О нашем времени».

«19.XI.80, среда. <...> Днём работа над стихотворением “Золотое, зелёное утро”. На дворе дождь и слякоть. Вечером – удачное, просто прекрасное (по словам Иры) выступление в литобъединении у В. Кожина на “Трёхгорке”, в доме хозяина фабрики. Читал много и хорошо – свободно, раскованно. Отвечал на многие вопросы, рассказывал о Твардовском, говорил о поэзии».

«10 мая 1982 года, понедельник. <...> О Твардовском. Он человек сугубо штатский, не сидел в окопах, был всего лишь военным корреспондентом. А написал лучшую книгу о Великой Отечественной войне (“Василий Тёркин”)

«25 июля 1982 года, воскресенье. Главное – поездка на улицу Венецианова к Саше Истогиной. А у них с Лёней (Леонидом Кузьмичом) гостит, живёт младший брат А.Т. Твардовского Иван Трифонович, кажется, 1916 (или 1914?) года рождения, чрезвычайно интересный человек.

Он рассказал много о том крае, “куда их вывезли гуртом” на реку Лялю в Зауралье. Было это в 1931 году. Рассказал о сложностях отношений А. Твардовского со всей отцовской родительской семьёй. Он ведь только один оказался не раскулаченным, потому что уже работал в Смоленске. И написал “Страну Муравию” (это позже). <...> Не принесла народу радости фантастическая колхозная страна. А Иван Трифонович (похож он, к слову сказать, на брата) был не только в ссылке, но и в лагерях с 1947 по 1952 год. Стихи мои он уже знал и, как ребёнок, радовался, когда я подарил ему “Избранное”. Показывал, давал читать письма А. Твардовского. Встречались они украдкой, чаще всего на вокзалах – на два-три часа беседы (от поезда до поезда)... Так и не расстался Александр Трифонович с ортодоксальным марксизмом, даже в последней своей поэме “По праву памяти”. Крепко и он был впряжён в сталинскую колесницу. Потому и не поверил в мои рассказы о КПМ. Не хотел верить».

«31 июля 1987 года, в пятницу, был довольно сносный день. В основном – телефонный. Впрочем, огорчила меня ещё прежде всех телефонов публикация в “Литературной России” – “Критический дневник” за подписью “Обозреватель”. Один из разделов этой статьи неизвестный критик посвятил моему циклу в “Знамени”, № 7. Хвалит, но хвалит дубово, стандартно, а главное – находит в моих стихах перекличку с поэмой “По праву памяти” А. Твардовского и вроде бы даже некоторое влияние этой поэмы на мои стихи. А ведь восемь стихотворений моей “знаменской” подборки написаны в период 1962–1964 годов и только последнее стихотворение «Колымская песня» написано в 1976 году. А Твардовский работал над своей поэмой в 1966–1969 годах! Мало того, Твардовский знал эти восемь моих стихотворений, почти все их ставил в свой журнал, но их снимала цензура.

Вот как, оказывается, важно ставить даты под каждым стихотворением! А Лакшин уговорил меня поставить в конце весьма нелепую для этой подборки общую дату: 1962–1976. Разрыв между всеми стихотворениями цикла и “Колымской песней” составляет (1976–1964) 12 лет».

В статье «Слезам нужно верить...» А.В. Жигулин писал: «Говорят, Твардовский в жизни бывал порою суров и даже резок, в частности, в отношении к молодым поэтам. Допускаю, что в этом есть небольшая доля истины, идущая от высоких требований поэта к стихам. Но мне всегда открывался в нём, прежде всего, человек добрый, участливый, готовый помочь. Сейчас понимаю, как много значили для меня даже нечастые общения с Твардовским, и для моего творчества, и даже – не побоюсь сказать – для окончательного формирования моего мировоззрения.

Не говоря уже о самом прямом участии Твардовского в моей судьбе...»

В силу объективных обстоятельств автор рассказал в этой статье далеко не всё, что хранила его совестливая и тревожная память. Но он всегда помнил и часто повторял пророческие слова из любимого произведения – романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»:

– Рукописи не горят!

И потому Анатолий Владимирович Жигулин не сомневался: рано или поздно его самые заветные слова и сокровенные мысли, которые он доверил дневнику, – в том числе о великом современнике Александре Трифоновиче Твардовском – будут опубликованы.

И его голос услышит читающая Россия.

ЛЕТОПИСЕЦ ГУЛАГа

(А.И. Солженицын)

Анатолий Жигулин и Александр Солженицын... Два узника сталинских лагерей, чудом выжившие в нечеловеческих условиях и рано осознавшие писательский и гражданский долг: от имени миллионов жертв политических репрессий рассказать современникам и потомкам правду о величайшей трагедии XX века. Оба бросили вызов тоталитарному режиму и заплатились за это лучшими годами жизни, своим здоровьем. Оба совершили духовный и нравственный подвиг. Находясь по ту сторону обычного человеческого бытия, отгороженные от него высокой стеной с колючей проволокой, вышками с часовыми, злыми голодными овчарками, – нашли в себе силы и мужество даже в неволе заниматься творчеством, сочиняли стихи и прозу, заучивая произведения наизусть, шифруя их на клочках бумаги, чтобы потом – если повезёт дожить до освобождения – выпустить, как птиц, на волю.

В дневнике А.В. Жигулина встречаются записи, которые могут вызвать у читателей неожиданные ассоциации. Например, возьмём вот этот небольшой фрагмент:

«2 авг. 60 г. Т<ема> 83. “Мамонт”. На колымских золотых приисках в ледниковых песках встречаются прекрасно сохранившиеся туши доисторических мамонтов. Собаки с удовольствием едят их мясо. Во время войны (а также в 46–47 гг.) были случаи, когда и люди питались мясом этих животных. <...> До Магадана сотни вёрст. Перевалы и дороги завалены снегом. Нет связи. Есть нечего. Топлива мало. Электростанцию топят пнями. Прииск (рудник) Хрустальный. Нашли мамонта. Съели. Археолог из Магадана привёз американские консервы и забрал остатки мамонта. Был он молодой и тоже голодный.

...Что мамонт нужен для науки».

В конце 1950-х – начале 1960-х годов А.В. Жигулин записывал в специальном блокноте темы будущих стихотворений (их было очень много – около тысячи) и затем постепенно реализовывал один замысел за другим. Приведённый выше набросок означает, что поэт планировал написать стихотворение на тему «Мамонт», навеянную лагерными воспоминаниями.

А теперь сравним дневниковую запись А.В. Жигулина с началом романа-эпопеи «Архипелаг ГУЛАГ» – одного из главных текстов XX века, великого памятника миллионам жертв политических репрессий: «Году в тысяча девятьсот сорок девятом напали мы с друзьями на примечательную заметку в журнале “Природа” Академии наук. Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда – замёрзший древний поток, и в нём – замёрзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал учёный корреспондент, что присутствующие, расколов лёд, тут же ОХОТНО съели их.

Немногочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало удивил, как долго может рыбье мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному богатырскому смыслу неосторожной заметки.

Мы – сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточённой поспешностью кололи лёд; как, попирая высокие интересы ихтиологии, и отталкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокли его к костру, оттаивали и насыщались.

Мы поняли потому, что сами были из тех ПРИСУТСТВУЮЩИХ, из того единственного на земле могучего племени эзков, которое только и могло ОХОТНО съесть тритона».

Первое упоминание об А.И. Солженицыне встречается в дневнике А.В. Жигулина в связи с публикацией в журнале «Новый мир» (1962, № 11) рассказа «Один день Ивана

Денисовича» (первоначальное название – «Щ-854. Один день одного зэка»), принёсшего автору мировую известность.

«23 ноября 1962 года, пятница. <...> Звонила Шура (А. Бакулина – знакомая А.В. Жигулина. – В. К.). Встретились на улице К. Маркса. Гуляли. Купили “Литературную газету” за 22-е число. В ней есть рецензия Г. Бакланова “Чтоб это никогда не повторилось” на повесть А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Сейчас я припоминаю, что слышал о существовании этой повести от Н. Панченко, когда летом рассказывал ему в больнице сюжет рассказа “Ангина”.

Из рецензии видно, что сказано в повести очень много о жизни заключённых в особых лагерях. Сказано по существу всё в смысле фактов. Ведь раньше сам факт существования в прошлом таких лагерей замалчивался. Повесть опубликована в журнале “Новый мир”, № 11. Надо обязательно почитать! Да! Разве думал я тогда, что будут печатать такие вещи! Это большая радость, что мы можем теперь рассказать людям о том, что нами пережито! Я не сумею рассказать – пусть другой расскажет. Это очень здорово, очень хорошо!».

«27 ноября 1962 года, вторник. Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила! Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы! Думаю завтра дать в редакцию “Нового мира” телеграмму такого содержания: “Москва, “Новый мир”, Солженицыну, Твардовскому. С большой радостью прочёл повесть “Один день Ивана Денисовича”. Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключённый номер И-2-594 Особого лагеря».

«28 ноября 1962 года, среда. Вечер. 21 час. Утром телеграмму отправил. Текст – выше».

«23 января 63 г., среда. <...> Прочитал в 1-м номере “Нового мира” рассказ А. Солженицына “Случай на станции Кречетовка” (авторское название «Случай на станции Кочетовка» было изменено в целях избежания ассоциации с фамилией главного редактора журнала “Октябрь” В.А. Кочетова, одного из основных идеологических оппонентов А.Т. Твардовского. – В. К.). Вещь огромной силы. Прочитал – и словно мне сердце насквозь прострелили! Не могу не думать о рассказе этом. Люди – такие живые, такие выпуклые! И сердце болит от этой живой правды.

Замечательный художник Солженицын! И я, и Колька Панченко – наивные бездари рядом с ним! <...> Дай бог мне когда-нибудь такую вещь написать. Всё».

«31 янв. 63 г., четверг. Нынче были у Абрамова. Он (наконец-то!) прочёл повесть Солженицына и пребывает в радостном восторге. И впечатление от моей поэмы у него, естественно, поблекло. Глазами, – говорит, – хочу поэму-то прочитать. Да. А за Солженицына мы и сами рады, сами не дураки. Самородок из Рязани совершил подвиг, написав “Один день Ивана Денисовича”».

«3 марта 1963 года, воскресенье. <...> Во вчерашней “Лит<ературной> газете” иезуитская статья В. Кожевникова. Ругает “Матрёнин двор” Солженицына. Ругает именно иезуитски – подковыривает очень хитро. Ведь прямо ругать нельзя, ибо рассказ “Матрёнин двор” – это железобетон, это правда, которую рубить нельзя с фасада. Вот и копают яму под фундамент. Такие-то дела! Может быть, и перегнул в чём-то А. Солженицын, но только не в фактах. В последние годы царствия Сталина деревня действительно была доведена до крайней бедности. Может быть, Солженицыну следовало бы рядом с Матрёной показать каких-то иных людей (например, не смирившихся с культом коммунистов), но упрекать его за то, что он таких людей не вывел в рассказе, нельзя. Он, видимо, и не ставил себе такую задачу. Нельзя охватить сразу всё, всю сложную, полную противоречий эпоху. Поэтому претензии Ко-

живникова неосновательны. Не нравится – пиши сам, расскажи о том, что не показал Солженицын».

«6 сентября 1963 года, пятница. В Воронеже прочитал великолепный рассказ Солженицына “Для пользы дела”. Солженицын – великий художник! Никто ещё у нас не писал так ярко и смело, так гневно, с такою болью. Разве что Твардовский. Глыбы преогромные, обросшие мхом догматизма, поднимают они. Не поднимают, а пока раскачивают, но и раскачать трудно всю эту гнусь и тупость, скопившуюся за годы культа. Мерзость злобно сопротивляется, не хочет сдавать позиции. Уже появилась в “Литературной газете” гневная до омерзения, да и страшно глупая статья <...> о рассказе “Для пользы дела”. <...> Первым душевным движением, когда прочёл я статью, было бежать в “Литературную газету” и выпустить кишки из автора. Чувство было такое, словно мне лично в сердце наплевали. Потом решил написать письмо Солженицыну. Целых два дня ходил и сочинял в уме хорошее душевное письмо ему. Но так и не написал. Напишу, однако. А может, и не стоит писать – удобно ли это? И без моего письма Солженицын не пропадёт – он, видно, кремень-человек. Дай ему только, Бог, здоровья!».

«15 октября 1963 года, вторник. <...> Сегодня с большой радостью прочитал в “Литературке” статью Д. Гранина в защиту рассказа Солженицына “Для пользы дела”. Ура! Справедливость восторжествовала, хоть и не в полной мере. <...> Вчера прочитал, наконец, небольшое произведение Б. Дьякова “Пережитое”. Об Озерном лагере. Вещь крайне незначительная и нехудожественная, слабая во всех отношениях. <...> С “Иваном Денисовичем” даже грех сравнивать».

По инициативе А.Т. Твардовского редакция «Нового мира» выдвинула повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» на соискание Ленинской премии за 1964 год. Твардовский, который являлся членом Комитета по Ленинским премиям, мотиви-

ровал это тем, что речь идёт не только о талантливом произведении Солженицына, но и о судьбе советской литературы.

Воодушевлённый новостью, А.В. Жигулин пишет:

«29 декабря 1963 года, воскресенье. <...> Опубликован список работ, выдвинутых на соискание Ленинской премии. И Солженицына “Один день...” выдвинули. Дадут ли? В “Известиях” статья об этой повести. Да, конечно же, Шухов не положительный и не идеальный герой. Это человек, исковерканный жизнью. Но это не умаляет художественного значения повести... И Ручьёва выдвинули, и Исаева снова будут рассматривать. Исаеву, наверное, дадут. В высших сферах этот вопрос, наверное, уже решён. Могут и Солженицыну дать из чисто политических соображений».

А.В. Жигулин с пристальным вниманием и волнением наблюдал за ожесточённой борьбой, развернувшейся на страницах центральной печати вокруг повести А.И. Солженицына.

«12 января 1964 года. <...> “Литературная газета” публикует ядовитые письма читателей об “Одном дне Ивана Денисовича”. Да, конечно же, герой не тот, не идеальный. Но разве Печорин тот? Разве Онегин тот? Разве о достоинствах произведения судят по степени идеальности героя? Ведь и Печорин, и Онегин не идеальны, но мы любим Пушкина и Лермонтова».

«15 января 1964 года. Сегодня два радостных события. Во-первых, закончил, наконец, стихотворение “Я защищаю свои стихи”. Во-вторых, в “Известиях” очень хорошая статья об одном из героев Солженицына, кавторанге Буйновском, точнее – о его прототипе. Но в статье много доброго сказано и о самой повести, и о Солженицыне. Дадут ему, видимо, премию. Дай бог! Отличный писатель Солженицын».

«31 января 1964 года, пятница. <...> Единственная радость нынче – в “Правде” за 30-е число большая хорошая статья С. Маршака о повести А. Солженицына. “Один день Ивана Денисовича” – единственное произведение из выдвинутых, по-настоящему достойное премии. Остальное –

мура! Конечно, талантливы и Ручьёв, и Исаев, но Ленинскую премию нельзя им присуждать. Здесь должны быть высокие требования».

«8 февраля 1964 года, суббота. <...> Вчера на лекции по эстетике (на Высших литературных курсах СП СССР. – В. К.) я сразился с <...> Астаховым. Глупо, конечно, лезть на рожон, но никак не мог я себя сдержать, когда услышал визгливую ругань и клевету в адрес Солженицына. Выступал я довольно резко и эмоционально. Дважды просил слова и спорил с Астаховым. Ребята потом в перерыве говорят: “Зачем ты с ним связываешься, зачем врага наживаешь?”. А я не могу не связываться, не могу молчать. Когда молчу, то, кажется мне, что я участвую в подлости.

Разве можно молчать, когда при тебе человек, облаченный доверием, говорит с кафедры другим людям явную ложь. А народ у нас из провинций, жадно всё впитывает, считает всё правдой. Тут никак нельзя молчать.

Пересказывать астаховские выпады не хочется. Его доводы я, человек вовсе не искушённый в спорах, легко разбил. Астахов противопоставлял Солженицыну записки Б. Дьякова “Пережитое”. Вот, мол, у кого настоящие герои-борцы! Но ведь насытить произведение декларациями, повторяющимися на каждом шагу: “Мы были верны партии!” – это ещё не значит создать образы борцов. Повесть Дьякова нехудожественна, беспомощна. Это детский лепет. И главный герой её – приспособленец, как правильно пишет Лакшин в первом номере “Нового мира”. Статья его “Иван Денисович, его друзья и недруги” великолепна! Сейчас идёт жестокая борьба вокруг Солженицына, и статья Лакшина очень нужна.

Астахов говорил, что у него есть сведения о том, что в лагере, который описывает Солженицын, было много и настоящих врагов, что в городе, который описан в рассказе “Для пользы дела”, техникум, в конце концов, получил хорошее помещение, что в Матрёниной деревне, как сейчас выяснилось, были и хорошие “колхозники-борцы”. Вот такую галиматью гнёт с кафедры Астахов и очень всерьёз это

делает. А наши чудачки сидят, развесив уши, да ещё поддакивают. Как же тут можно промолчать?! Да разве Солженицын пишет очерк, разве он фотографирует действительность?! Он может как угодно использовать материал своей жизни, не спрашивая мнения какого-то Астахова.

Внёс я также ясность в вопрос о питании в лагере. Астахов упрекал Солженицына в сгущении красок. Дескать, после 1951 года, когда был введён в лагерях хозрасчёт, стали кормить хорошо. Это так, с 52-го года не стало в лагерях голода. Но Солженицын описывает год, приблизительно, 50-й или начало 51-го. Это было самое тяжёлое время.

Говорили и о герое. Мой тезис: «Качество произведения не определяется степенью идеальности героя».

Был в «Новом мире». <...> Рассказал Карагановой о своём споре с Астаховым. Она посоветовала мне воспользоваться его же оружием. Мол, партия одобрила повесть Солженицына, хорошую оценку ей дали Н.С. Хрущёв и <Л.Ф.> Ильичёв. Так, значит, вы, товарищ Астахов, выступаете против этих оценок? Только такой демагогией, по мнению Карагановой, можно насмерть поразить Астахова. Что ж, она, пожалуй, права».

Отдельные главы «Повести о пережитом» Б. Дьякова, о которой пишет А.В. Жигулин, печатались в журнале «Звезда» за 1963 год, полный вариант был опубликован в журнале «Октябрь», 1964, № 7. Была совершенно очевидна попытка противопоставить повесть Б. Дьякова рассказу А. Солженицына «Один день...». В редакционном предисловии утверждалось, что повесть Б. Дьякова – «о настоящих советских людях, об истинных коммунистах», которые «были верны своим партийным идеалам», «сохраняли веру в неминуемую победу ленинской правды, ленинских норм жизни» – т. е. обладали всем тем, чего, по мнению критиков повести Солженицына, «так не хватало её герою – Ивану Денисовичу».

«27 марта 1964 года, пятница. <...> Сейчас очень мрачная полоса. Опять клюют Солженицына в «Литературной России». И, что наиболее гнусно, клюют бывшие лагерни-

ки, сами отбывшие сроки порядочные. Один пишет, что мне, мол, ближе произведения Тевекеляна и Дьякова, а повесть Солженицына не может, дескать, служить идейным оружием. И подпись: член КПСС с 1919 года, такой-то.

Мало сидел, наверное. Не набрался ума. Или, наоборот – из ума выжил. А редакция знает, чьи письма публиковать! Но ничего, Солженицын всё равно велик, как бы эти дегенераты ни тьякали».

«11 апреля 1964 года, суббота. <...> Плохи дела и у Солженицына. Прошли было слухи, что ему дадут премию, но – увы! – нынче в “Правде” большая, гнусная подборка отрицательных писем читателей об Иване Денисовиче. И это перед самым тайным голосованием! Нечестный и подлый удар!

Сейчас <снова> сразился за Солженицына с Астаховым. Даже разволновался. Чёрт с ними! Пусть не дают Ленинскую премию! Всё равно Солженицын великий писатель! Получит Нобелевскую. Кстати сказать, говорят, что его уже выдвинули на Нобелевскую премию. Может быть, именно с этим связана подборка в “Правде”.

Говорят, что перед тайным голосованием голоса разделились так: 37 – за Солженицына, 30 – против. А надо две трети. Правда, предварительное голосование было открытым, потом будет тайное, но вряд ли будет изменение в лучшую сторону. Вряд ли у Ивана Денисовича есть тайные доброжелатели, которые не могли проявить свои чувства открыто. Скорее, наоборот. Да, многим он стал костью поперёк горла».

«2 мая 1964 года, суббота, праздник. Ровно три недели, с 11 апреля, ничего не записывал в дневнике! А как много всяких событий, мыслей, впечатлений было за это время! Всего и не опишешь. Несколько раз собирался начать писать, но всё откладывал – не чувствовал в себе сил всё описать. <...>

Итак, что же произошло за последние три недели. Это время разбивается на три отрезка: 1) до поездки в Воро-

неж – 11–18 апреля; 2) поездка в Воронеж на День поэзии – 19–22 апреля; 3) после поездки – 23 апреля – 2 мая.

Первый период густо окрашен волнениями за повесть А. Солженицына. В это время я много слышал (и часто из первоисточников – например, от Егора Исаева) о борьбе в Комитете по Ленинским премиям. И всё принимал очень близко к сердцу. Страсти там здорово разыгрались. По словам С.И. Машинского, какой-то дегенерат из правых <...> договорился до того, что во всеуслышанье заявил на Комитете, что Солженицын был осуждён вовсе и не безвинно, что он вовсе не тот, за кого выдаёт себя.

На следующем заседании А.Т. Твардовский огласил официальное разъяснение Прокуратуры СССР о деле Солженицына, данное по просьбе “Нового мира”. Прокурор СССР подтверждал, что писатель А.И. Солженицын был незаконно осуждён якобы за участие в антисоветской террористической организации, ставившей целью убийство И.В. Сталина. Клеветнику пришлось публично извиниться.

Факт, однако, показательный. Подонки кочетовского лагеря прибегают к прямой клевете. Ведь мысль о том, что Солженицын был правильно осуждён за шпионаж, высказывал у нас с кафедры Астахов. Эти измышления давно распространяются. Результаты голосования в Комитете стали известны задолго до их опубликования. Очень хорошо, что Исаев не получил премию. Это большая радость, она отчасти уравновешивает неудачу “Ивана Денисовича”. Хотя, конечно, было бы лучше, если бы был достигнут компромисс. Но правые не пошли на него. <...> Сам Егор Исаев говорил мне, что его убили голоса защитников Солженицына. Вот почти дословные слова Егора: “Дело в том, что все мои сторонники выступали против Солженицына. И Твардовский решил: раз забаллотировали “Ивана Денисовича”, значит, и Исаеву не быть лауреатом”.

«Каким-то дегенератом из правых...» оказался первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, заявивший при обсуждении кандидатуры А. Солженицына в Комитете по Ле-

нинским премиям на 1964 год, что писатель был осуждён не по политическому, а по уголовному делу.

В ответ на клевету А.Т. Твардовский представил на следующем заседании выписку из «дела Солженицына», полученную в Военной коллегии Верховного суда СССР. Подробно об этой истории рассказывается в «Рабочих тетрадях» А.Т. Твардовского (Знамя, 2000, № 12. С. 161–162).

В дневнике А.В. Жигулина приводятся мнения и других участников заседания Комитета по Ленинским премиям. Вот запись от 17 июня 1970 года, в которой Анатолий Владимирович рассказывает о дружеском застолье в ЦДЛ с участием Е.А. Исаева, известного поэта и земляка.

«Много говорили о Твардовском и его юбилее. Исаев вспоминал свою неполученную Ленинскую премию. Более всего, оказывается, виноват, по мнению Егора, Николай Тихонов. Он задал ему вопрос при всех (при “левых” и “правых”):

– А Вы, Егор Александрович, за присуждение Ленинской премии Солженицыну?

(Егор был членом Комитета по Ленинским премиям.)

У Егора были считанные секунды на обдумывание ответа. Если бы он сказал “за”, то получил бы поддержку Твардовского и получил бы премию вместе с Александром Исаевичем (это я так полагаю). Но Егор сказал, что он против, и тем лишил себя премии.

Сложное, конечно, было положение Егора. Лучший был бы для него вариант, если б Тихонов не задавал этого, по мнению Егора, “провокационного” вопроса. Много лет уже Егор переживает свою неудачу и часто о ней рассказывает. Рассказывает и о своих недавних встречах с Твардовским. Рассказывает довольно интересно и красочно, но трудно увидеть грань между правдой и егоровым пьяным воображением. По его мнению, Александр Трифонович вроде бы и раскаивается, что выступал тогда против него...»

Следующие строки в дневнике А.В. Жигулина имеют отношение к его учёбе на Высших литературных курсах Союза писателей СССР.

«15 мая 1964 года, пятница. <...> Несколько дней готовил доклад по теории литературы на тему: “Язык повести Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Сегодня успешно сделал этот доклад. Говорил около 45 минут. Потом были споры и нападки со стороны некоторых противников Солженицына. Есть у нас на курсе такие <люди>, слепо ненавидящие этого писателя».

В связи с обострением туберкулёзной болезни 25 октября 1965 года А.В. Жигулин поступает на лечение в 4-ю Градскую больницу Москвы. В дневнике интересны его записи о встречах с инструктором ЦК КПСС Л. Лавлинским и о цикле миниатюр А.И. Солженицына, нелегально распространявшемся в самиздате.

«4 ноября 1965 года, четверг. Времени вроде много свободного, а вот приткнуться где-нибудь с дневником – трудная задача. В палате стол очень мал. В коридоре шум косяшек домино и плохой свет.

Нынче приходил Л. Лавлинский. <...> Сообщил, что его, действительно, назначили инструктором ЦК КПСС в сектор художественной литературы в Отдел культуры. А начальником его (завсектором) – Ю.Я. Барабаш. Тёплая компания подбирается. Много пользы будет для литературы. <...> А совсем вечером я увидел на уличной витрине “Лит<ературную> газету” со статьёй А. Солженицына о языке. Пришлось снять, как ни боязно это было моему сопалатнику Алексею Павловичу. Это было на людной улице, возле кинотеатра “Победа”. Статья хорошая, а главное, радостно – имя Солженицына появилось в печати. Даже непривычно».

Речь идёт о статье А.И. Солженицына «Не обычай дёгтем щи белить, на то сметана» (*«Литературная газета». 1965. 4 ноября*). Это был отклик на статью В. Виноградова «Заметки о стилистике современной советской литературы» (*«Литературная газета». 1965. 19 октября*).

«5 ноября 1965 года, пятница.

<...> В палате сейчас шум. Днём ко мне зашёл приехавший в Москву Б.Я. Ямпольский, книголюб из Саратова. Он оставил мне миниатюры Солженицына. Мне особенно понравились “Озеро...”, “Прах поэта”, “Путешествую по Оке”, “На родине Есенина”, “Молитва”. Есть вещи менее удачные и даже несильные... Я дал почитать про озеро Алексею Павловичу. На втором месте А.С. Киреев. А Володя говорит, что напечатал бы рассказы, что в них много правды. Чувствую, что понравятся они и Николаю. Но, конечно, не всё и не полностью. Главное, что читатели никак не хотят принимать у Солженицына – это его религиозный дух, его философию безысходности. Наверное, только Лев Андреич подержит отчасти религиозную сторону миниатюр...»

«6 ноября 1965 года, суббота. <...> Солженицын огорчил меня вчера своими миниатюрами. Пока ещё не могу даже ясно объяснить почему, но огорчил. Наверное, безысходностью и безропотным смирением перед всем жутким, что описывается. У него одна надежда – на Бога. Именно этот благостный тон, пожалуй, и неприятен. И, тем не менее, миниатюры написаны большим художником. Язык великолепен. И много правды, много души.

А сокамерники мои – увы! – совсем не приняли эти вещи Солженицына, хотя все они люди вроде разные и почти всем нравится “Один день Ивана Денисовича”.

Над этим стоит задуматься всерьёз».

«11 ноября 1965 года, четверг. <...> В последние дни много думал о миниатюрах Солженицына, перебирал их в памяти. Всё-таки это очень сильные вещи и даже приемлемые идейно, считая, что их религиозность несколько условна, что это просто своего рода стремление к какому-то высокому идеалу, к духовному совершенству. Рядовой читатель понимает эту “религиозность” слишком прямолинейно, буквально. Это как раз и огорчило меня и ввело в сомнения на короткое время».

Первую часть цикла миниатюр («крохотки», как их называл сам автор) А.И. Солженицын написал в период

с 1958 по 1960 год. В декабре 1961 года они были предложены журналу «Новый мир», но отклонены А.Т. Твардовским. «В те приезды я и привёз Твардовскому: несколько лагерных стихотворений, несколько “Крохоток” побезобиднее и рассказ “Не стоит село без праведника”, облегчённый от самых непроходимых фраз. “Крохотки” он признал “записями в общую тетрадь про запас”, их жанра совсем не почувствовал», – вспоминал А.И. Солженицын в своих очерках литературной жизни «Бодался телёнок с дубом».

Вторая, заключительная часть миниатюр, по своим жанрово-стилистическим признакам напоминающих «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, была написана автором после возвращения в Россию в конце 1990-х годов. «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог...» – признавался А.И. Солженицын.

«27 декабря 1965 года, понедельник. <...> Перед вечером. Закончил письмо А. Солженицыну.

Вечером. Пришёл перед ужином Л. Лавлинский. Сувлечением рассказывал о правительственном приёме в честь М. Шолохова, на котором он как работник ЦК впервые присутствовал. Как-то возник разговор о Солженицыне. Я сказал, что написал ему письмо.

– Ну, вот это зря! – с большим огорчением сказал Лавлинский и объяснил, что Солженицын не наш писатель, не наш человек, что нельзя с ним сблизиться, что он находится под наблюдением органов и т. п. Я высказал свою точку зрения на этот счёт.

Да. Видимо, атмосферу ненависти к Солженицыну создал в Отделе культуры ЦК Ю. Барабаш. Он ведь его старый недруг».

«6 января 1966 года, пятница. <...> Получил ли письмо А. Солженицын? Пора бы. Но уведомление ещё не пришло. Странно».

«9 февраля 1966 года, среда. С утра работал над стихотворением “Беляево-Богородское”. Дорого начало.

Вечером Ира принесла 1-й номер “Нового мира”, и я сразу же прочитал великолепный рассказ Солженицына “Захар-калита”. Это чудо, а не рассказ! Больше пока ничего не могу записать. Прочту ещё раз, осмыслю...

В последние дни читаю осенние номера “Нового мира” от корки до корки. Какое великое дело делает этот журнал, его редакция, его редактор! Как всё по-настоящему честно, талантливо, идейно! Какие превосходные статьи на научные темы! Читаешь, и душа радуется. Легче жить, легче дышать, когда есть такой журнал, такие люди».

С 29 марта по 8 апреля 1966 года в Кремлёвском Дворце съездов проходил XXIII съезд КПСС.

А.В. Жигулин внимательно наблюдал за ходом партийного форума, от которого во многом зависело то, по какому пути продолжится развитие страны, развитие литературы. В его дневнике вклеены вырезки из газеты «Правда» с выступлениями делегатов съезда писателя М.А. Шолохова и первого секретаря ЦК Компартии Молдавии И.И. Бодюла.

Последний, в частности, заявил с трибуны съезда: «Как известно, в нашей стране каждый художник имеет право творить свободно, волен писать по своему усмотрению, без малейших ограничений. Но в такой же мере партия, наши государственные органы пользуются правом свободного выбора, что печатать. Этим ленинским принципом не все кадры, которым доверен данный участок идеологической работы, правильно пользуются. В результате появляются на свет и распространяются произведения, которые в идейном и художественном отношении слабо способствуют росту коммунистической сознательности масс.

Более того, как здесь уже говорили, иные из них прямо искажают отдельные этапы жизни советских людей, вроде повести “Один день Ивана Денисовича”, оценённой, кстати, журналом “Новый мир” как значительная веха в развитии советской литературы.

Недоброжелательное критиканство, а иногда и охаивание того, что досталось нашему народу в острой классовой борьбе, в условиях невероятных трудностей, не соответствует морально-политическому облику советских людей, их высокой идейности, непоколебимой уверенности в торжество коммунизма. (Бурные аплодисменты.)».

По этому поводу А.В. Жигулин пишет:

«Полночь с 4 на 5 апреля 1966 года. <...> Всё-таки на съезде прорываются довольно мрачные окрики в адрес литературы. Раньше своим долгом кусать “Новый мир” и Солженицына считали Егорычев и Павлов (*Егорычев Николай Григорьевич, в 1962–1967 гг. – первый секретарь Московского горкома КПСС; Павлов Сергей Павлович, в 1959–1968 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ. – В. К.*). Сейчас эту миссию взял на себя И.И. Бодюл, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии.

Обращает на себя внимание нелепая формулировка его ругани. По его словам выходит, что повесть искажает этапы жизни советских людей. Что же она может исказить, какой этап? Наоборот, очень правдиво показан «этап» бериевских лагерей. И какие тут могут быть «этапы», когда описан лишь один день лагерника?!

Речь Бодюла опубликована в “Правде”. В этой же газете в своё время даже Ильичев (*Ильичёв Леонид Фёдорович, секретарь ЦК КПСС в 1961–1965 гг. – В. К.*) хвалил повесть Солженицына, называя её правдивой и говоря, что “партия поддерживает такие произведения”. А прекрасная статья С. Маршака об “Одном дне...” тоже ведь была в “Правде”. Чему же верить? Да, крепко, видно, стал кое-кому Солженицын поперёк горла».

Заметным событием в культурной жизни столицы стало обсуждение I части романа А. Солженицына «Раковый корпус» (сам автор определял его как «повесть») на заседании секции прозы Московского отделения Союза писателей. Оно состоялось 16 ноября 1966 года в Центральном Доме литераторов.

А.В. Жигулин пишет:

«Я пришёл в ЦДЛ заранее – в половине второго (назначено было обсуждение на два часа). Никакого объ-явления, конечно, не было, но, тем не менее, в фойе уже чувствовалось оживление. Я сразу узнал А. Солженицына. Он сидел на одном из диванчиков в окружении нескольких людей, из которых мне был знаком только Л. Копелев. Они о чём-то беседовали. Кто-то лихорадочно листал какую-то рукопись. Какая-то женщина рядом что-то записывала за низким столиком. Я, немного волнуясь, подошёл к Солженицыну, когда народа стало меньше (он отходил к окну с какой-то дамой; кажется, это была его жена). Я сказал:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Жигулин.

– А, Анатолий Владимирович! Очень рад вас видеть.

– Я тоже очень рад. Не сразу Вас узнал. У меня есть Ваша фотография, но на ней Вы без бороды...

– Анатолий Владимирович, я получил Вашу книгу. Спасибо! Ещё не прочитал (очень сейчас занят), но обязательно прочитаю.

Затем Солженицын сказал, что нынче в восемь вечера он выступает в Фундаментальной библиотеке Академии общественных наук, а завтра, т. е. 17-го, – в издательстве “Советская энциклопедия”. (Оба выступления, как мы узнали позже, были отменены.) Я заметил, что на выступления эти, наверное, трудно проникнуть. Александр Исаевич согласился со мной. Затем, извинившись (“Очень сейчас занят, но, может быть, мы ещё нынче побеседуем”), пошёл пить кофе.

В Малый зал пришлось прорываться почти силой. У входа стояла дама в белом со списком в руках и кто-то из Бюро секции прозаиков (крупный, мордастый, с сединой, нерусского типа, средних лет), знакомая личность и даже знает меня (упрекал: “Анатолий! Вы же поэт!”, когда я прорывался в зал), но я его не знаю. Я прошёл в зал. Привратники, увидев в моих глазах злой огонь, расступились, ре-

шив, видимо, что лучше не связываться. Из поэтов ещё прошёл Д. Голубков. Был также Н. Коржавин (он был приглашён). Мелькал А. Вознесенский, после перерыва появился В. Цыбин (что-то записывал, делая серьёзную мину). К самому концу пришла Б. Ахмадулина (о ней после, особо).

Вёл обсуждение Г.С. Березко. Кроме него и Солженицына, выступили 15 человек: А.М. Борщаговский, В.А. Каверин, И.Ф. Винниченко, Н.А. Асанов, А.М. Медников, Л.И. Славин, З.С. Кедрина, Л.Р. Кабо, Б.М. Сарнов, П.П. Карякин, Е.Ю. Мальцев, П.А. Сажин, Е.Б. Тагер, А.М. Турков, Г.Я. Бакланов.

Я подробно законспектировал выступление каждого. <...> Кроме того, велась стенограмма обсуждения, которая, по-видимому, сохранится в истории литературы. Наверное, она уже сейчас ходит по Москве. Поэтому запишу лишь некоторые свои впечатления. <...> Вопреки ожиданиям, обсуждение прошло триумфально для автора. Выступления были в основном очень интересные, смелые, серьёзные. Некоторым диссонансом прозвучали только не совсем умные рассуждения И. Винниченко (он, в общем, хвалил повесть, но просто он сам человек недалёкий и неталанливый), а также, с одной стороны, вроде смелое (об интеллигенции), но, с другой, пожалуй, ядовитое выступление Н.А. Асанова (“...Произведение Солженицына опасно... Раковая опухоль – символ того времени... Ощущение неизлечимости...”). В своём обычном амплуа выступила и Зоя Кедрина. Смысл её рассуждений был в том (хотя такие слова и не были произнесены), что автор не показал руководящей роли партии, особенно в становлении положительного характера Костоглотова; не совсем полно выявил свои позиции. Чрезвычайно смело говорил В. Каверин, мудро и идейно (в хорошем смысле) – П.П. Карякин.

Вообще все выступления были по-своему интересны, оригинальны. <...>

В конце обсуждения выступил А.И. Солженицын. Я уже был отчасти подготовлен Ириным (*имеется в виду И.В. Жигулина – жена поэта, литературный критик. – В. К.*)

рассказом к тому обстоятельству, что А.И. Солженицын выглядит вовсе не так, как мы его себе представляли.

Действительно, это совсем не мрачный и не угрюмый человек, каким он нам казался. Крупный, жизнерадостный, очень спокойный и уверенный в себе человек. Держится отлично, говорит убедительно, просто, говоря только о самом главном. Быстро и чётко ответил на все записки, разъяснил недоразумения, возникшие у некоторых при чтении повести. Поразила, кроме всего прочего, его естественная скромность. Он сердечно благодарил всех выступавших. В общем, Солженицын буквально покорила аудиторию. Выступление его закончилось радостной овацией.

С заключительным словом выступил Г.С. Березко. (Они примут решение, будут рекомендовать печатать повесть). А после выступления Березко явилась в зал и попросила слова <...> Б. Ахмадулина.

Со свойственной ей артистической интонацией она произнесла такую краткую речь:

– Дорогие друзья! *(обращения точно не помню. – А. Ж.)*. В моём ведомстве нет ни редакций, ни издательств. Но вот сидит (показала на Солженицына) прекрасный человек! И если нам не поможет ЦК, не поможет никто – давайте будем уповать на Бога! *(в том смысле, чтобы рукопись была опубликована. – А. Ж.)*.

Так закончилось это интересное обсуждение».

В 1967 году непродолжительное время – около четырёх месяцев – А.В. Жигулин работает в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы. Москва полна слухов о растущем противостоянии Александра Исаевича Солженицына с властями. После прихода к власти Леонида Ильича Брежнева (1906–1982) он фактически потерял возможность легально печататься в родной стране, органы государственной безопасности в сентябре 1965 года конфисковали архив Солженицына с его наиболее антисоветскими произведениями.

В этих условиях опальный писатель был вынужден начать активную общественную деятельность (встречи с читательской публикой, выступления, заявления на литературные и политические темы, интервью иностранным журналистам).

«21 мая 1967 года, воскресенье. <...> “Литературная газета” получила письмо от А. Солженицына. Он послал один и тот же текст в редакции разных журналов, а также некоторым, около 150-ти, писателям. В том числе и мне. Смысл письма: о цензуре, о гонениях на литературу, о его личном тяжёлом положении. Пересказывать письмо не буду – вечером 19-го я тоже его получил, оно у меня. Боюсь за Солженицына. Вот что он пишет в конце: “Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы – ещё успешнее и неоспоримее, чем живой. Никогда не перегородить путей правды, и за движение её я готов принять и смерть...”

Не покончит ли он жизнь самоубийством?

Письмо по штемпелю отправлено из Москвы 19.5.67 г.

Час отправления не ясен. Видна единица и ещё не то ноль, не то что-то в этом роде. Штемпель нашего почт<ового> отд<еления> от 19.5.67 г., 18 ч.

Значит, Исаевич в Москве».

История письма А.И. Солженицына IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей изложена автором в книге «Бодался телёнок с дубом». Письмо было разослано по почте в 250 адресов в середине мая 1967 года, один экземпляр принесён лично автором в технический секретариат съезда 16 мая и сдан под расписку. Первая публикация – по-французски в газете «Monde» (Париж) 31 мая 1967 года; позже – ряд газетных публикаций на разных языках; по-русски – множественно в эмигрантской печати. На родине письмо впервые напечатано спустя 22 года – в журнале «Слово» (Москва), 1989, № 8; в журнале «Смена» (Москва), 1989, № 23, и др.

Краткая встреча А.В. Жигулина и А.И. Солженицына состоялась 31 мая 1967 года в Москве на вечере, посвя-

щённом 75-летию писателя Константина Паустовского. В записях, сделанных непосредственно в ходе вечера, Анатолий Владимирович отмечает наиболее интересные, на его взгляд, моменты.

В частности, он цитирует свою записку в президиум: «В зале присутствует писатель Александр Исаевич Солженицын. Почему он не в президиуме? Нельзя ли исправить эту ошибку? Прошу прочитать эту записку».

«Поднял записку Безыменский и отдал Каверину. Каверин прочёл и убрал её в карман», – отмечает А.В. Жигулин.

Далее он записывает отдельные фразы из выступления писателя В.А. Каверина:

– Роман «Мастер и Маргарита» – линия Гоголя, Щедрина... Наиболее одарённым и талантливым продолжателем этой линии – философско-реалистического направления в литературе – я считаю Солженицына, романтического направления – Паустовского...

После этих слов, как отмечает Жигулин, «зал встаёт и пять минут аплодирует».

«20 ч. 15 мин. Текст моей записки Солженицыну, он сидит крайним справа в нашем ряду: “Дорогой Александр Исаевич! Я получил Ваше письмо. Спасибо! Прекрасное письмо! Рад Вас видеть здесь. Я сижу в нашем ряду в середине. Анатолий Жигулин”. Ал<ександр> Ис<аевич>, прочитав записку, радостно мне кивнул и поклонился».

В ходе выступления Маргариты Алигер («Читает, читает и читает хорошие (на слух) стихи») Жигулин пишет в блокноте: «Хочу попросить у Ал. Ис. Солженицына написать мне фотографию, присланную Б. Ямпольским».

Во время 15-минутного перерыва А.В. Жигулин обратился к писателю, который находился в фойе зала, с данной просьбой.

«Он надписал мне на фото: “Анатолию Владимировичу Жигулину с большим расположением и надеждой. 31.5.67 г. А. Солженицын”. К слову сказать, потом Н. Коржавин и Л. Левицкий познакомили нас с родственником А.И. Сол-

женицына – мужем его дв<оюродной> сестры В.В. Туркиной Юрой Штейном. Юра... сказал, что фото им не знакомо и хорошо бы его переснять. Решили созвониться».

Упоминание о записке А.И. Солженицыну встречается в дневнике Жигулина много лет спустя.

«12 мая 1975 года. Понедельник. <...> Воспоминание Р. Орловой, жены Л. Копелевича, о вечере К. Паустовского, о том, как я передал записку А.И. Солженицыну (они сидели рядом и он им её, видимо, показал). Это было 9 лет назад. Сколько воды с той поры утекло!..»

«6 января 1968 года, суббота. <...> Звонил Г. Красухину. Он сообщил мне, что со 2-го номера “Новый мир” начинает печатать повесть А.И. Солженицына “Раковый корпус”! А мы не подписались на “Новый мир”! Теперь, вероятно, поздно. Ну, положим, если во 2-м номере пойдут мои стихи, я получу авторский экземпляр. А следующие? Ведь повесть будет не в одном номере. Из-за такого пустяка <расстроился> ещё сильнее. Хотел было ехать домой».

«9 января 1968 года, вторник. <...> В поликлинике Литфонда. Был у А.И. Бурштейна. Он сообщил мне, что “Раковый корпус” А. Солженицына всё-таки сняли из “Нового мира”».

В марте 1968 года А.В. Жигулин перенёс очередную тяжёлую операцию, вслед за которой последовал долгий реабилитационный период. Тем не менее на страницах его дневника нашли отражение трагические события в стране и мире: подавление Пражской весны, гибель Юрия Алексеевича Гагарина. И, конечно, оголтелая пропагандистская кампания, развёрнутая против А.И. Солженицына в советской прессе после опубликования в США и Западной Европе его романов «В круге первом» и «Раковый корпус».

«26 июня 1968 года, среда. В “Лит<ературной> газете” большая редакционная статья против А. Солженицына.

«13 октября 1968 года, воскресенье. <...> Писать книги? О чём? О том, как сердце обливалось кровью, когда

братские страны двинули огромную бронированную армию в беззащитную Чехословакию?! Об этом я и в дневнике боюсь писать. О лагере, о КПМ? Увы, то, что я мог бы хорошо написать, никто не напечатает в нашей милой стране, где царствует Главлит и кое-что похуже. Писать в стол, как советует Солженицын? Но сам-то он не в стол пишет. Его широко издают во всём мире, да и у нас в стране подпольно ходят, вероятно, десятки тысяч рукописных экземпляров его “Ракового корпуса”. Гигант, великий человек! У меня сил маловато для такого подвига, который он совершает».

«3 декабря 1968 года, вторник. <...> Вчера... говорил с Г. Красухиным. Он сообщил мне, что 11 декабря исполняется 50 лет А.И. Солженицыну. “Лит<ературная> газета” решила не замечать этого юбилея, промолчать. Людоеды проклятые! Всяких графоманов... поздравляют, а тут сочли ненужным даже несколько строк поместить! А ведь Солженицын – лучший современный писатель, это совесть русской литературы, русского народа. Обязательно пошлю ему телеграмму... Давят Солженицына. Недавно “Правда” назвала его творчество антиобщественным и похвалила летнее гнусное выступление “Лит<ературной> газеты”. Впрочем, чего же ещё от них ждать?!. Так и должно быть. Было бы весьма странно, если бы произведения Александра Исаевича нравились <им>... Ещё Конфуций писал:

В стране, где царит беззаконие,
Быть в славе и в почёте – позор.

“Новый мир” находится на последнем издыхании. Зарезали, задавили, задушили. Журнал из-за бесконечных цензурных терзаний опаздывает с выходом на 2–3 месяца. И всё-таки, несмотря на рогатки, печатает великолепные вещи. Читал в эти дни девятый номер. Великолепная статья В. Лакшина “Посев и жатва”. Радуетесь, что есть в наше мрачное время люди, прекрасно понимающие, что к чему. Вот почему пронзает сердце вопрос: «Какие классовые, со-

циальные принципы привели к перерождению аппарата власти?”. И пусть вопрос, судя по статье, относится к Великой французской революции. Мы-то знаем, что это герои пьесы “Большевики” говорят о Французской революции. В пьесе М. Шатрова показан вечер 30 августа 1918 года, но герои пьесы, революционеры-ленинцы, как бы предчувствуют появление в будущем и Сталина, и прочих».

10 декабря 1968 года А.В. Жигулин отправил в Рязань поздравительную телеграмму. С точки зрения властей (о чём Жигулину было хорошо известно), это был предосудительный шаг. Меры наказания, как правило, не заставляли себя ждать и были достаточно суровыми.

Например, руководитель Воронежской областной организации Союза писателей РСФСР В.Г. Гордейчев, пославший А.И. Солженицыну аналогичную телеграмму, был вынужден покинуть свой пост.

В те дни А.И. Солженицын направил в редакцию «Литературной газеты» письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я знаю, что Ваша газета не напечатает единой моей строки, не придав ей искажительного или порочного смысла. Но у меня нет другого выхода ответить моим многочисленным поздравителям иначе, как посредством Вас: “Читателей и писателей, приславших поздравления и пожелания к моему 50-летию, я с волнением благодарю. Я обещаю им никогда не изменить истине. Моя единственная мечта – оказаться достойным надежд читающей России”».

Начавшийся 1969 год не принёс изменений, травля А.И. Солженицына продолжалась. Пружина сжималась всё больше и больше.

«8 сентября 1969 года, понедельник. <...> Потом мы с Иррой поехали... в ЦДЛ и там весь вечер собирали похвальные отзывы о моих стихах в седьмом номере <журнала “Новый мир”>. Довольно долго сидели с Ф. Искандером, Г. Семёновым... <...> С Фазилём разговор о его прозе, о Солженицыне, о “Раковом корпусе”. Потом подсади С. Куликов и Н. Тряпкин. Спартак читал... <...> стихи. Расска-

зал, что А. Солженицына исключили в Рязани из Союза писателей. Ездил будто бы туда по этому случаю Л. Соболев.

Неужели правда? Негодяи! Очень, очень может быть. Надо проверить».

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30. Александр Исаевич Солженицын исключён из Союза писателей СССР! Информация об этом подлом акте появилась в “Литературной газете”. Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына вовсе и не было. Мерзавцы! Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – всё равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека.

Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунец. На это у них хватит совести. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишён возможности обращаться в СП, лишён права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок. Его теперь и в ЦДЛ могут не пустить... лечить не будут в поликлинике Литфонда, больничные листы не будут оплачивать.

Ужасный акт! Противоречивые слухи об исключении давно ходили, но мне всё не верилось. Великого писателя исключили из Союза писателей СССР! Людоеды! Всё равно Солженицын переживёт своих гонителей!

Надо ему завтра написать письмо, послать книжку».

«13 ноября 1969 года, четверг. В Москве уже известны некоторые подробности исключения А. Солженицына из СП, подробности хода собрания в Рязанском отделении. Были партийные руководители, был от секретариата правления СП РСФСР... Франц Таурин. Были, естественно, и рязанские писатели (ни одного не знаю). Солженицын, в частности, сказал:

– Голосуйте. Вы в большинстве. Но не забывайте, что история литературы проявит интерес к этому заседанию...”»

«16 ноября 1969 года, воскресенье. Вчера стало известно, что А. Солженицын обратился к Союзу писателей с открытым письмом по поводу своего исключения из СП. Письмо, естественно, не опубликовано... Очень подло поступили с Солженицыным. Всем писателям плюнули в лицо. Но протестовать совершенно бесполезно. Делают, что хотят. И пожаловаться некому и некуда. Они могут отменить решение Верховного Суда о реабилитации Солженицына, могут снова упрятать его в лагеря и не только его. Могут всё, что угодно, сделать. Могут, например, завтра переименовать Москву в город Мао Цзэдун. Обоснуют – надо, мол, для возрождения дружбы. И никаких протестов не будет. Вот такое положение».

«25 ноября 1969 года, вторник. Сейчас хотел было работать, но позвонил Гена Красухин – прочитал статью против А. Солженицына из завтрашнего номера “Литературной газеты” – и рабочего настроения как не бывало. Статья, естественно, подлая. Вроде тех, что писались в своё время о Пастернаке: уезжай, мол, за границу, не держим. Не поедет, конечно, Александр Исаевич за границу. Но и здесь жизни ему не будет. Пересказывать публикацию больше не буду, завтра газету купить постараюсь.

А в “Н<овом> м<ире>”, по словам Генки, нынче или завтра партсобрание с участием представителей райкома, горкома и т. п. Предполагают, что будут требовать от работников редакции высказать своё отношение к Солженицыну и его исключению. Хотят, стало быть, услышать от работников “Н<ового> м<ира>” нечто вроде китайских саморазоблачений. Красухин, как обычно, считает, что могут быть кадровые изменения. Да, на “Н<овый> м<ир>” будут, конечно, давить».

«12 декабря 1969 года, пятница. Вчера был день рождения Александра Исаевича Солженицына. Великий писатель. А великих писателей всегда в России преследовали. Травят и Солженицына. Дай бог ему здоровья и мужества».

В январе 1970 года А.В. Жигулин в связи с трагическими обстоятельствами (гибель и похороны его лучшего друга, создателя КПМ Б.В. Батуева) на несколько дней приезжает в Воронеж. В дневнике рассказывается о совместном «походе» с поэтом В.М. Поляковым к известному воронежскому писателю, будущему лауреату Государственной премии СССР (1975) за повесть «Белый Бим чёрное ухо» Гавриилу Николаевичу Троепольскому: выяснять отношения «насчёт Солженицына».

«14 января 1970 года, среда. Самое грустное и глупое – пьяный визит к Г.Н. Троепольскому. <...> Грустную историю о падении Г. Троепольского я знал ещё в Москве (из письма Поликутина, в частности).

В декабре в Воронеже было большое собрание писателей (в т. ч. и не членов Союза). Обсуждали итоги славного объединённого пленума, на котором С. Михалков... <критиковал> Солженицына.

Выступал Г.Н. Троепольский, который одобрил и высоко оценил достигнутые победы. О Солженицыне он сказал, что это талантливый писатель, и т. д., и т. п.

Троепольский сказал далее, что долго сомневался в справедливости исключения, но после открытого письма Солженицына Секретариату Правления СП РСФСР перестал сомневаться. Решил: правильно исключили. Пусть, мол, подумает. В общем, может быть, у Гавриила Николаевича получилось несколько нежнее, чем у Михалкова, но по существу – то же самое.

Я не пошёл бы объясняться ни к Волохову, ни к какому-нибудь Матюшину, даже если бы они требовали распять Солженицына. От них я иного и не ожидал. Но Троепольский! Уважаемый талантливый писатель, автор “Нового мира”, писатель, любимый мною, писатель, о котором я писал в своём очерке с любовью! Что это?! Как это случилось? Почему?

По словам В. Гордейчева, на Троепольского был сделан нажим со многих сторон. А тут ещё В. Поляков рассказал мне о подробностях собрания, об осуждающем письме В. Лакши-

на, которое будто бы получил Троепольский (по словам В. Полякова, Троепольский сам ему с болью об этом поведал). Витька предложил (мы стояли на <улице> Чайковского):

– Зайдём, ребята, к старику?

Пошли мы вдвоём, пьяные в дугу.

Не буду описывать подробности. Скажу только, что я шёл вовсе не ругать Троепольского. Выразить удивление, спросить, как это получилось, посетовать вместе на горькую судьбу нашей литературы.

Сказал приблизительно следующее:

– Извините, Гавриил Николаевич. Нехорошо говорят о Вас некоторые люди, не одобряют Вашего выступления о Солженицыне...

– Где говорят?

– В Москве.

– Кто именно? Я хочу знать, кто мой враг, откуда ждать удара...

Я не сказал, конечно, кто осуждает выступление Троепольского. Зачем, мол, да и не в этом суть. Знаю, слышал. Слова его (т. е. Троепольского) читал. Не согласен, не надо было поддерживать исключение.

Тут и Поляков вклеился, но как-то робко, не так, как на улице перед домом. В общем, как-то нехорошо получилось. Я, в конце концов, сказал, что о письме Лакшина знаю от Полякова (при Полякове, естественно, сказал).

– А что письмо? Вот письмо!

<Троепольский> процитировал строки, где Лакшин выражает понимание трудности и сложности обстановки на воронежском собрании. Ругательного вроде не было в письме, но и одобрения тоже не было. Троепольский разбушевался:

– Я думал, вы пришли мне помочь найти врага. А вы пришли меня казнить и т. п.

Читал свои записи (что он на собрании говорил). Всего, мол, две фразы плохие, где говорится, что надо было исключить, а остальное, мол, всё хорошо. И в “Новом мире”,

дескать, разделяют его точку зрения. Открытое письмо было неправильным. Мне говорит:

– Если не скажешь, кто тебе говорил, выражал своё неодобрение – знать тебя не хочу и руки тебе не подам.

Уж я и так, и так: ведь люблю, мол, вас, Гавриил Николаевич, и огорчён я, и т. д. А он одно:

– Скажи, да и только!

Опьянел я, одурел, совсем расстроился и ушёл – выгнал ведь. Витька ещё что-то пытался уладить, но не уладил. Потом грустили мы у Витьки и пили. Называли себя палачами и фашистами...

Обидели старика. Не переживёт ещё – вот какие мысли были. И ругали себя, и кляли, но что поделывать.

Самое, конечно, плохое, что пьяные пришли.

Долго я над всем этим думал, и сейчас, когда пишу эти строки, решил уже больше не казнитья.

Ведь не прав Троепольский, по крупному счёту, не прав. Нельзя было ему бить лежачего Солженицына. И зачем ему это нужно было? Ведь у него и имя, и авторитет, и пенсия. Ведь пенсию не могут отнять. Отказался бы выступать, заболел бы. А ведь на него не случайно нажали – важно было его именем и авторитетом убедить воронежских писателей: правильно исключили Солженицына. И что теперь оправдываться, что всего две фразы плохие. Важен окончательный вывод.

Итог: нажил себе врага ещё и в Троепольском.

Вывод: пить не надо, чёрт возьми!

Главное утешение: писать надо, работать. Всё остальное пройдёт и забудется. У Бориса все беды прошли, для него прошли, кончились.

<...> Кажется, многое важное ещё не записал. Но вспоминается почему-то только светло-дымчатая собака Троепольского. Очень любит он свою собаку...»

Инцидент с Г.Н. Троепольским был исчерпан 24 марта 1970 года. В этот день в Большом Кремлёвском дворце начался Третий съезд Союза писателей РСФСР. А.В. Жигулин (он был делегатом съезда) пишет:

«Подошёл Троепольский – подал руку. Простил.

– Ну, что даже и говорить об этом! Это ерунда! Там после один московский товарищ приходил. Такого наговорил, что... А мы с тобой – друзья. И это мелочь, что произошло. Поляков потом приходил. Всё объяснил».

За неделю до этого в дневнике А.В. Жигулина появилась следующая запись:

«15 марта 1970 года, воскресенье. <...> Улучшаю свой “уголок юмора” – рядом с портретом А.И. Солженицына устроил на книжной полке маленькую книжечку “Устав Союза писателей СССР”. Нет в нём такого пункта, по которому Александра Исаевича можно было бы законно исключить из СП».

На страницах дневника писателя нашла своё отражение “эпопея” с присуждением А.И. Солженицыну Нобелевской премии по литературе.

«9 октября 1970 года, пятница.

Поздний вечер, точнее полночь. Вчера, 8 октября 1970 года, Шведская академия присудила Нобелевскую премию по литературе Александру Исаевичу Солженицыну. Я очень рад! Солженицын, несомненно, заслуживает такой высокой награды. Это великий писатель. Присуждение Нобелевской премии, вероятно, явится новым поводом для травли этого писателя».

Предчувствие Жигулина не обмануло. Уже на следующий день в “Известиях” (московский вечерний выпуск) была напечатана анонимная заметка. А.В. Жигулин аккуратно вырезал её из газеты и приклеил между страниц блокнота:

«НЕДОСТОЙНАЯ ИГРА

По поводу присуждения Нобелевской премии
А. Солженицыну.

По сведениям зарубежных газет и радио, Нобелевский комитет присудил свою премию по литературе А. Солженицыну. В связи с этим корреспонденту “Известий” в секретариате Союза писателей СССР сообщили:

Как уже известно общественности, сочинения этого литератора, нелегально вывезенные за рубеж и опублико-

ванные там, давно используются реакционными кругами Запада в антисоветских целях.

Советские писатели неоднократно высказывали в печати своё отношение к творчеству и поведению А. Солженицына, которые, как отмечалось секретариатом правления Союза писателей РСФСР, вступили в противоречие с принципами и задачами добровольного объединения советских литераторов.

Советские писатели исключили А. Солженицына из рядов своего Союза. Как мы знаем, это решение активно поддержано всей общественностью страны.

Приходится сожалеть, что Нобелевский комитет позволил вовлечь себя в недостойную игру, затеянную отнюдь не в интересах развития духовных ценностей и традиций литературы, а продиктованную спекулятивными политическими соображениями».

Продолжение дневника А.В. Жигулина:

«13 октября <1970 года> вечером – были с Ирой в ЦДЛ. <...> Фильм (“Приключения в загородном доме”) пустой. После фильма – кофе. Н. Котенко с женой, прозаик Машин (или Машкин), ещё кто-то. В. Дробышев испражнялся насчёт старого “Нов<ого> мира” и А.И. <Солженицына>, развивал свою гнилую философию. В конце концов, мы (я, Котенко, Ира) загнали его в угол.

Но кое-что интересное сказал и В. Дробышев. По его словам, Нобелевская премия для М. Шолохова дорого обошлась нашему государству. Долго её вымаливали, выклянчивали, отдали шведам трофейные документы времён Карла XII. Какой позор! Ещё бы знамёна шведские, взятые при Полтаве, отдали!».

М.А. Шолохов получил Нобелевскую премию по литературе в 1965 году «за художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время». Фигура Шолохова стала одиозной для некоторой части творческой интеллигенции в СССР и на Западе из-за его резких высказываний в 1966 году на XXIII съезде КПСС о процессе Синявского и Даниэля. М.А. Шолохов подписал

открытое письмо группы известных писателей в связи с «антисоветскими действиями и выступлениями А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова», которое было опубликовано в газете «Правда» 31 августа 1973 года.

«16 ноября 1970 года, понедельник. <...> 10 декабря должно состояться вручение Нобелевской премии А. Солженицыну в Стокгольме. Выпустят ли его? И впустят ли обратно? Говорят, он сделал заявление, что передаст нобелевские 78 тысяч долларов вьетнамским детям, “детям борющегося Вьетнама”... Много всяких слухов и разговоров, официальной информации нет. Хоть бы уж писателей, что ли, информировали...»

Нобелевская премия по литературе была присуждена А.И. Солженицыну «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». От первой публикации произведения Солженицына до присуждения высокой награды прошло всего восемь лет – такого в истории Нобелевских премий по литературе не было ни до, ни после.

Как и многих коллег по перу, А.В. Жигулина шокировало опубликованное в центральной печати сообщение ТАСС об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1974 года о лишении Александра Исаевича Солженицына советского гражданства и выдворении его из страны «за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик».

Вырезка заметки в газете «Известия» с этим сообщением вклеена между страниц дневника А.В. Жи-гулина.

13 февраля 1974 года опальный писатель насильственно был доставлен в Федеративную Республику Германия на самолёте.

А.В. Жигулин, изо всех сил стараясь сдержать эмоции, которые, видимо, переполняли его (об этом говорит длинное многоточие в краткой записи) пишет:

«13 февраля 1974 года, среда. <...> Вечер, одиннадцатый час. Только что узнал от Л. Лавлинского, а потом из радиопередачи новость. О Солженицыне. Выдворен из СССР, лишён гражданства. Да...

.....
Случай беспрецедентный, небывалый. Пастернака собирались в своё время выдворять, лишить гражданства, но он что-то подписал, написал – оставили...»

«16 февраля 1974 года, суббота. <...> В газетах – всё отклики на “выдворение”. Всеобщая радость! В Катаев, Д. Кугульдинов – безумно рады.»

«18 февраля 1974 года, понедельник. Довольно трудный и нервный, мрачноватый день – из-за тягостной разоблачительной кампании. Но нынче в “Известиях” уже, слава Богу, нет “откликов на выдворение”... Но отголоски всего этого уже непосредственно касаются и меня. Марк Соболев:

– Мы взяли у тебя, Толя, фактически все стихи, кроме одного...

– Кроме “Тбилиси”?

– Нет, “Тбилиси” мы берём. Какое-то третье что ли, которое слабее других, не взяли. Правда, у тебя там Колыма.

– В одном только стихотворении...

– Нет, в трёх. И раздались на редколлегии голоса: может быть, теперь не стоит такие стихи предлагать в связи с Солженицыным...

Вот такой разговор с Соболевым».

27 февраля 1974 года состоялся пленум правления Московского отделения Союза писателей СССР. А.В. Жигулин цитирует слова из доклада С.С. Наровчатова о Солженицыне: «Его значение будет обесцениваться с каждым днём его пребывания за границей».

Вслед за высылкой А.И. Солженицына последовал и секретный приказ начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР об изъятии из библиотек и книготорговой сети и уничтожении произведений Солженицына. В том числе номеров журнала «Новый мир» с рассказами «Один день

Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела», «Захар-Калита».

Начиная с этого момента, А.В. Жигулин становится предельно осторожен в своих записях, старается избегать острых политических тем, опасаясь возможного преследования со стороны властей. В его дневнике встречаются краткие или завуалированные упоминания об А.И. Солженицыне. Например, «Дядя Саша». Или: «Солженицын – письма».

В июне 1980 года А.В. Жигулин с женой и сыном находился в Доме творчества в Коктебеле. Одна из главных тем, которые вполголоса обсуждали между собой писатели, – новая волна нападок на Солженицына в периодической печати.

«6 июня 1980 года, пятница. <...> Началась травля Солженицына».

«11 июня 1980 года, среда. <...> Беседа с Аникстом (А.А. Аникст – литературовед, заслуженный деятель искусств РСФСР. – В. К.) о “Соловецкой чайке” (он взял её почитать у Борщаговского). Аникст в целом меня одобряет. “...Вы сделали в поэзии то, что сделал в прозе Солженицын, – пробили эту тему... Очень важно – напечатать. Я читал об этом много рукописных стихов, но напечатанные – совсем иное дело. Их люди будут переписывать в тетради, они нужны людям”».

Судя по дневниковым записям, А.В. Жигулин с большой надеждой и воодушевлением встретил перемены, начавшиеся в стране с приходом нового партийного руководства во главе с М.С. Горбачёвым. Он приветствует изменившееся официальное отношение к творчеству и деятельности А.И. Солженицына, публикацию в журналах многих его произведений, восстановление опальному писателю гражданства СССР с последующим прекращением уголовного дела, присуждение автору «Архипелага ГУЛАГ» Государственной премии РСФСР в декабре 1990 года.

«6 марта 1987 года, пятница. <...> Вечером большой разговор с Г. Красухиным о том, как перестройка отражается в газете “Московские новости”, на партконференциях

и *(забыл слово! – P.S.)* брифинге для иностранных и наших журналистов. Процесс глубокий, подлинно революционный.

Запишу самое главное. Готовится реабилитация всех партийных деятелей (кроме троцкистов, ибо они были врагами Ленина), а Бухарин и другие вовсе не были врагами народа. Они были врагами Сталина.

Готовится публикация (кажется, в “Новом мире”) “Ракового корпуса» А. Солженицына. Возможно возвращение на родину и самого Александра Исаевича. Готовится советское издание его книги “Архипелаг ГУЛАГ”, как ценнейшего сборника документов. А. Солженицын на вопросы журналистов сказал:

– Я не уезжал из СССР. Меня лишили советского гражданства Указом Верх<овного> Совета. Если меня восстановят в советском гражданстве, я с удовольствием вернусь на Родину, которую никогда не собирался покидать».

Публикация автобиографической повести Анатолия Жигулина «Чёрные камни» в журнале «Знамя» (1988 год, №№ 7 и 8) вызвала большой интерес не только в нашей стране, но и за рубежом, и не осталась незамеченной А.И. Солженицыным.

«31 октября 1988 года, понедельник. <...> У Елены Жоли *(писательница и журналистка, выступившая с инициативой издания “Чёрных камней” во Франции. – В. К.)* ко мне просьба ...написать ей рекомендательное письмо к А.И. Солженицыну. Но мы всего лишь обменивались несколькими письмами, виделись однажды в ЦДЛ, он подписал мне свою фотографию. И позже – никакой связи почти <четверть> века. Ей надо бы просить такое письмо у академика Сахарова, у Роя Медведева и других подобных людей, которых он хорошо знает, которые связаны с ним. Да, он меня, конечно, вспомнит. Тем более что я процитировал два его письма в “Книжном обозрении”. Но понравились ли ему мои “Чёрные камни”? Он ведь монархист. Конфуз будет, если он её не примет. Он ведь никого не принимает».

1 декабря 1988 года А.В. Жигулин в составе писательской делегации прилетел в Париж.

«5 декабря 1988 года, понедельник. <...> Беседа с Никитой Алексеевичем Струве. Он подарил мне свою книгу и журнал, я подписал ему <сборники> «Стихотворения» (1987) и «Белый лебедь» (1988). Эти же книги я передал для Александра Исаевича Солженицына.

По словам Н.А. Струве, Александр Исаевич положительно говорил о «Чёрных камнях» в «Знамени» и внимательно <прочитал> моё интервью в «Книжном обозрении», где я процитировал его письма».

«17 июля 1989 года, понедельник. <...> С. Залыгин объявил в «Литературной газете» публикацию «Архипелага» в журнале «Новый мир». Особое интервью с С. Залыгиным об А. Солженицыне было в «Московских новостях».

«Советский писатель» будет издавать его собрание сочинений. Это, конечно, очень радостно».

«26 марта 1990 года, понедельник. <...> По телевидению – передача «Слово». Интересное в ней: чтение А.И. Солженицыным отрывка из «Одного дня Ивана Денисовича». Запись голоса на фоне фото- и кинохроники. Изумительные, забытые уже детали (давно не перечитывал я эту повесть). Это, конечно, жемчужина русской классики».

«20 сентября 1990 года, четверг. <...> Чтение в «Литературной газете» статьи А. Солженицына «Как нам обустроить Россию?»».

«21 сентября 1990 года, пятница. <...> Прочёл статью А. Солженицына. Прекрасная статья – по мыслям, по боли и любви к нашей несчастной России».

«29 января 1991 года, вторник. <...> Пришёл Борис Никитин. Зашла речь о письмах А.И. Солженицына ко мне (у меня их было три). Да, были. Сейчас нет. Обнаружилось, что их нет. Они украдены из папки № МА-3 (1964–1968), где всегда лежали в специальном конверте. Возможно, взяли не из папки, а скорее всего при показе кому-то. Письма могли лежать на столе. Я мог отвлечься и т. п. Потеря обидная и копий нет. Т. е. они есть, но где они, эти копии? В какой папке? Копии я снимал, посылал А. Абрамову. Ещё кому-то».

«29 мая 1994 года, воскресенье. <...> Газета «Московский комсомолец» (см. вырезку-вклейку) опубликовала гнусную, издевательскую, подлую статью <...> Откуда такая злоба и русофобская ненависть к Солженицыну? Я и раньше замечал презрение, охаивание Александра Исаевича <...>, но решил, что это зависть. Однако понял нынче, в чём дело. Александр Исаевич сказал по телевидению уже, очевидно, на эту статью:

– Я русский националист.

У нас на такую смелость идут далеко не все русофилы. Разве что Стас Куняев. <...> Как теперь обустроить нашу Россию?».

С пристальным вниманием и искренней радостью А.В. Жигулин следил за сообщениями в средствах массовой информации о триумфальном возвращении Александра Исаевича Солженицына на родину. 27 мая 1994 года великий писатель вместе с семьёй прилетел из США в Магадан. Затем из Владивостока проехал на поезде через всю страну и закончил путешествие в столице.

«13 июня 1994 года, понедельник. Медленно, с остановками, едет в Москву великий писатель А. Солженицын».

«1 июля 1994 года, пятница. Развернулась злобная травля А.И. Солженицына в печати <...> и по телевидению. <...> Почему наши литературные <...> так набросились на великого русского писателя? Потому что это русский гений».

«5 июля 1994 года, вторник.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ СОЛЖЕНИЦЫНА!

Писатель впервые в стране написал и опубликовал при тираническом режиме правду о нём: «Один день Ивана Денисовича». Писатель продолжал в невероятных условиях травли со стороны КГБ и многих «правых» писателей своё творчество: «В круге первом», «Раковый корпус».

Он был выдворен из страны. Ему сказали на Лубянке:

– Или напишите заявление о выезде за рубеж, или мы вас убьём!

– Я никогда добровольно не покину Родину! Можете меня убить!

Его насильно посадили в самолёт и высадили в ФРГ во Франкфурте-на-Майне – без визы, без документов. Генрих Белль приютил его у себя. Солженицын совершил великий нравственный и творческий подвиг. Живя в изгнании, но беззаветно любя свою Родину, он написал бессмертные книги “Архипелаг ГУЛАГ”, “Красное колесо” и многие другие. Сейчас Александр Исаевич Солженицын возвращается в нашу безжалостно ограбленную и проданную Россию. Радость! Конечно, радость. Тем более что на франкфуртском аэродроме в 1974 году он сказал:

– Я ещё вернусь в Россию!

И вернулся. Но в газетах и по телевидению вдруг развернулась <...> злобная травля великого писателя. Появились полные злобы, ревности и зависти публикации <...> Кто вы, нынешние травители Солженицына? Это, прежде всего, либо чистые графоманы <...>, либо неталантливые, конъюнктурные литераторы, усердно служащие любой власти <...>. Побойтесь Бога, неуважаемые господа! <...> О таких И. Крылов писал:

Ах, Моська! Знать, она сильна,
Что лает на Слона.

Заткнитесь в своей злобе, хулители А.И. Солженицына! Стыдно завидовать гению, а тем более – оскорблять его. От вас и пылинки не останется, а Солженицын – навсегда, как Пушкин, Толстой, Достоевский!».

«21.VII.94, четверг. <...> Приезд в Москву А.И. Солженицына. Смотрели весь вечер по телевидению его приезд, его встречу на Ярославском вокзале, его интервью. Великий писатель, великий человек».

«28 октября 1994 года, пятница. <...> Вечером прекрасное выступление А. Солженицына в Думе».

«28 ноября 1996 года, четверг. <...> В “Общей газете” статья А. Солженицына “К нынешнему положению в России”. Прекрасная статья».

«4 февраля 1997 года, вторник. Я написал утром письмо А.И. Солженицыну, надписал ему последнюю книгу и «Летающие дни» (ему и Наталье Дмитриевне). К письму приколот своё интервью в «Труде» (там многое касается его). Письмо, книги и проч^{<ее>} решили передать А.И. через его Фонд. Ира с Вовой были в Солженицынском фонде. Это улица Тверская, 12. Когда приехали, оказалось, что Солженицынский фонд решил выдать мне единовременное пособие ...тысячу долларов США. Кто-то предлагал двести, но Александр Исаевич твёрдо сказал:

– Нет! Жигулину – тысячу!

Это высшая сумма, которую они могут выдать.

Спасибо, дорогой Александр Исаевич!».

«7 ноября 1997 года, пятница. Приходила вечером и была долго Лена Санникова. Книги ей и Солженицынскому фонду. И Александру Исаевичу – издание «Книжной палаты». Надпись – на листке в архиве».

«10 ноября 1997 года, понедельник. <...> Обзорение «Мир без границ». Завтра приедут снимать сюжет на несколько минут, посвящённый 35-летию выхода повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»».

«11 ноября 1997 года, вторник. Съёмка, примерно минут 20. Инф^{<ормационно>}-аналитическая программа. Я ещё вчера подготовил ход записи. Нашёл в дневнике за 1962 год (27 ноября, дн. № 78, с. 47–48) свои мысли и текст телеграммы, отправленной тогда Солженицыну и Твардовскому. В общем, хорошо сказал и даже спел без повторов «Колымскую песню», но всё это сократится до пяти минут».

«15 ноября 1997 года, суббота. <...> По телевидению в обзорении «Мир без границ» (Млечин) – жалкие крохи записи Е. Сеславиной об «Одном дне Ивана Денисовича»».

«27 ноября 1997 года, четверг. <...> Главное событие, освятившее весь день, – звонок А.И. Солженицына. Формальный повод – моё выступление к юбилею «Одного дня Ивана Денисовича». Я, словно с голодухи, на него набросился. И получил ли он мои книги в Америке, и т. д., и т. п. О здоровье. У него был в прошлом году инфаркт. Заинте-

ресовали его и мои микроинсульты и почка. И о “Чёрных камнях”, о КПМ. Забастовка журналистов в Воронеже и прочее. А за 1000 долларов забыл поблагодарить. Ладно! В письме напишу. У него скоро день рождения. 11 декабря надо его поздравить. А в будущем году ему будет 80 лет, юбилей. Об “Одном дне Ивана Денисовича”, о трудностях, связанных с выходом подобных книг при жизни писателей. О том, что все следователи названы в “Чёрных камнях” своими именами. За это он меня похвалил».

«3 декабря 1997 года, среда. <...> Написал корявым почерком письмо А.И. Солженицыну на 4-х страницах. Сейчас Ир<ина> читает, боюсь, заставит переписывать. <...> Прочитала, предложила сделать две вставки».

«4 декабря 1997 года, четверг. <...> Снял ксерокопию с письма А.И. Солженицыну и надписал ему книгу “Соловецкая чайка”. Созвонился с Солженицынским фондом... и Вова отвёз всё это в фонд. Жаль, что Наталья Дмитриевна уже ушла и будет (и то предположительно) только во вторник, т. е. 9-го. Так что ко дню рождения А.И. моя посылка может и не попасть. Но ничего, когда-нибудь попадёт».

«12 декабря 1997 года, пятница. <...> Вчера и сегодня читал книгу А. Солженицына “Бодался телёнок с дубом”. Безумно интересно».

«15 декабря 1997 года, понедельник. <...> Дочитал книгу А. Солженицына – гениально».

В автобиографическом произведении Александра Солженицына «Бодался телёнок с дубом (Очерки литературной жизни)» описываются события с середины 1950-х по 1974 год включительно (высылка автора из СССР и начало жизни за границей). Значительную часть очерков занимает описание литературных встреч и событий, связанных с журналом «Новый мир» (в частности, подробно описана история публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича») и его главным редактором А.Т. Твардовским. Произведение содержит неоднозначную оценку общественно-политической позиции

А.Т. Твардовского в 1950 – 1960-е годы: «...Слишком не-схожи были прошлое мое и его, и слишком разное мы вывели оттуда. Ни разу и никогда я не мог быть с ним так откровенен и прост, как с десятками людей, отемненных лагерной сенью <...> Мы подобны были двум математическим кривым со своими особыми уравнениями».

Впервые опубликовано издательством «ИМКА-Пресс» в Париже на русском языке (1975), в СССР нелегально распространялось в самиздате. В России впервые напечатано в журнале «Новый мир» (1991), отдельное издание – в 1996 году (издательство «Согласие»).

Как видим, А.В. Жигулин не стал комментировать неоднозначные высказывания А.И. Солженицына об А.Т. Твардовском. И это, как нам кажется, не случайно. Оба писателя – и Солженицын, и Твардовский – были одинаково дороги и близки Жигулину. И Анатолий Владимирович, видимо, сознательно не стал углубляться в сложную и деликатную тему взаимоотношений великих русских писателей.

Со временем А.И. Солженицын, как известно, смягчил свои оценки позиции А.Т. Твардовского. Об этом, в частности, свидетельствует текст, написанный им менее чем за месяц до своей кончины (вставка в книгу «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов») и опубликованный в день 100-летия А.Т. Твардовского в «Российской газете». Вот этот текст: «Когда Твардовский и другие члены редакции или вызывали меня срочно в редакцию, или настаивали, чтобы я сообщал им точно, в каком пункте я сейчас нахожусь, не скрывал бы своих перемещений, – я с уверенностью отклонял эти требования, не испытывал на себе такого долга: я же – не член редакции! я у них – “не служу”! Через годы и годы моих подпольных путей – я уверенно освоил себя как совершенно самостоятельный боевой элемент, танк. – И долго я не переварил в себе, не усвоил: а под каким тяжёлым давлением находилась (в наказание за “Ивана Денисовича”) редакция месяц за месяцем и год за годом, после рассказа. Они ведь страдали за смелость со мной в 1962 – и, хотя я не “служил” у них, – я морально

обязан был помогать им при их возникающих нуждах. Твардовский теперь расплачивался – за меня.

Так что же я должен был? С моим взрывным заявлением секретариату ССП в ноябре 1969 – прийти к Твардовскому и принести ему первому? Только так. И – неизбежно подчиниться его гневу и запрету... (И – потерять, расколотить всю свою линию независимой жизни?) А раньше того – назвать и адрес моего Укрывища, куда я скрылся дописывать “Архипелаг”? (Да и: назвать сам “Архипелаг”?) В том-то и была несовместимость наших стратегических линий».

В сопроводительном письме в редакцию «Российской газеты» Н.Д. Солженицына писала: «Напечатать к 100-летию Твардовского такое движение души Александра Исаевича нужно, он мне бы не простил, если бы я пропустила, – но ведь на самом деле он был прав, если хотел дописать, дохранить и метнуть “Архипелаг”, как пращу в лоб Голиафу. Друзья опутали бы, повязали надёжней врагов. Потому-то их взаимная любовь и была трагичной». (*Александр Солженицын. «Твардовский расплачивался за меня» // «Российская газета». 2010. 21 июня.*)

«31 декабря 1997 года, среда. <...> Написал телеграмму Солженицыным – с Рождеством Христовым и Новым годом».

«14 января 1998 года, среда. Вечером звонил А.И. Солженицын: поздравить с Новым годом. Вы, дескать, поздравили меня с Рождеством Христовым, а я вот со Старым Новым годом Вас поздравляю. <...>

Говорили о многом. В частности, А.И. сказал, что я в своём письме ошибаюсь – что на его долю досталось гораздо меньше, чем на мою (испытаний).

Говорили и о здоровье, сошлись во мнении, что лучше не резать, если можно не резать, не оперировать. Пусть всё развивается и проходит по воле Господа.

А “Урановую удочку” А.И. не прочитал – не попало ему в руки новое издание “Чёрных камней”, которые вместе с “Летящими днями” Ира лично передала Наталье Дмитриевне в Фонде 4.II.97 г. Солженицын сказал, что, возможно,

найдёт у себя новое издание, что после переезда у него беспорядок в книгах.

– Я дарил и в Фонд.

– Вот я в Фонде возьму и прочитаю.

Я не всё записал (сократил мелочи), но разговор был очень хороший».

«12 февраля 1998 года, четверг. <...> Утром нашёл для А.И. Солженицына копии снимков Бутугычага, сделанных в Музее Сахарова. Что-то вроде ксерокопий, но впечатляют.

<...> Была Лена Санникова. Чай, беседа, “Колымская песня”. Передал с нею для А.И. Солженицына письмо, книгу с “Урановой удочкой”, “Северную Гилею” (“Враг”) и снимки Бутугычага. И ещё – две последние книги <“Чёрные камни”> – для библиотеки Солженицынского фонда. Пусть читают. И Ира настояла, чтобы я передал для А.И. ксерокс публикации о Евстигнееве (*Евстигнеев Сергей Кузьмич [1911–2007], бывший начальник Озерного исправительно-трудового лагеря особого режима для политических заключённых в Иркутской области. – В. К.*). На ксероксе – тоже письмо для А.И.».

«5 марта 1998 года, четверг. <...> Звонил А.И. Солженицын. Отдельные его фразы:

– Имею счастье звонить Вам! Спасибо за “Урановую удочку”! Как Вы там выдержали!? Спасибо!

<...> Сказал, что нашлись “Летающие дни”. Но он, похоже, уже плохой – забывает, путает. “Северную Гилею” вспомнил и что за мои стихи пострадал человек, но за какие, неясно – за “Кострожоги” или вообще за “Память”. Всё у него перепуталось. Говорит, нашлись “Летающие дни”, но за посвящение не поблагодарил.

Да. А начал с юбилея – 45 лет! (*5 марта 1953 года умер И.В. Сталин. – В. К.*). Сейчас посмотрел ксерокопии моих писем А.И. Да, письмо от 12 февраля он прочёл. Говорил он и о ещё каком-то письме, поступившем без книг. Вероятно, это письмо от 4.II.97 г., его копии у меня нет. Говорил, что очень много приходится читать, не хватает времени».

После очередного обострения тяжёлой болезни 24 января 1999 года А.В. Жигулин пишет:

«События с 10 декабря 1998 года по 24 января 1999 года, около полутора месяцев, пока не описаны.

Самое главное и важное из них – празднование 80-летия А.И. Солженицына 11-ХІІ-1998 г. в театре на Таганке, моё выступление-поздравление и многое интересное, происходившее там. Я использовал в начале поздравления свою дневниковую запись об “Одном дне Ивана Денисовича”. Будет время – всё запишу и опишу подробно. Там велась и магнитофонная запись и съёмка. В конце концов, не затеряется».

Запись в дневнике А.В. Жигулина, сделанная в больничной палате:

«9 февраля 1999 года, вторник. <...> Вчера до поздней ночи смотрел 1-ю и 2-ю серии фильма О. Фокиной “Избранное” о Солженицыне. Интересно. Сегодня третья серия, но очень поздно, с 23.20, и посмотреть можно, если только не поделят нового соседа».

«10 февраля 1999 года, среда. Вчера Ира с Вовой были в Фонде Солженицына».

«11 мая 1999 года, вторник. Пока я брился, Ирина говорила с Виталием Шенталинским (он позвонил), рассказала о наших делах, а дела наши – моя болезнь. Новость от Виталия: они с Леоновичем составили сборник “За что?” произведений писателей, сидевших в ГУЛАГе. Книга открывается большой моей подборкой, а следом письма А. Солженицына о моих стихах и еще иные материалы из его архива. Публикации с фотографиями авторов. Вот какая радость! Через месяц будет презентация».

«7 марта 2000 года, вторник. <...> Звонила Сашенька Истогина. Ей звонила Наталия Дмитриевна и сказала:

– Мы знаем, что вы написали книгу о Жигулине, а на издание денег нет. Мы возьмём это дело на себя. Издадим за счёт Фонда».

Закончить этот очерк мне хочется письмом Наталии Дмитриевны Солженицыной, которое я получил 2 апреля 2016 года. В тот день я послал по электронной почте на адрес фонда А.И. Солженицына тексты своих статей о личных и творческих отношениях А.В. Жигулина и автора «Архипелага ГУЛАГ», опубликованных в первых, январских, номерах журналов «Подъём» и «Вестник Воронежского государственного университета» за 2016 год.

Честно признаюсь: отправив статьи, самое большее, на что рассчитывал, – получить подтверждение хоть от какого-нибудь сотрудника фонда о том, что посланное мной письмо получено и что о нём будет сообщено Н.Д. Солженицыной. Каково же было моё удивление, когда буквально через несколько часов по той же электронной почте пришло письмо от самой Наталии Дмитриевны. Мне трудно описать своё состояние в те минуты... Как и многие соотечественники, я считаю Наталию Дмитриевну одной из выдающихся женщин, наверное, самим Богом посланную Александру Исаевичу Солженицыну на его тернистом жизненном пути.

После того как А.И. Солженицына не стало, Наталия Дмитриевна с присущими ей энергией и тактом продолжает дело мужа, издаёт его труды, защищает его имя от несправедливой критики и ложных обвинений. Никак не уgomонятся недруги Солженицына...

Как видно из приведённых выше дневниковых записей, А.В. Жигулин всегда считал А.И. Солженицына великим писателем и гражданином. И, судя по всему, такого же мнения об А.И. Солженицыне придерживается Президент нашей страны В.В. Путин, который не раз публично цитировал слова писателя. И, как известно, благодаря принципиальной позиции главы государства «Архипелаг ГУЛАГ» был включён в школьную программу, хоть и в сокращённом варианте.

С разрешения Н.Д. Солженицыной ниже публикуется текст её письма:

«Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Сердечно благодарна Вам за Ваши публикации. (Я уже видела в интернете анонс этого номера журнала “Подъём”, но не надеялась так быстро получить и сами тексты.) Александр Исаевич с нежностью относился к Анатолию Владимировичу, и я так рада, что со страниц его Дневника веет устойчивое тепло к А.И. Оно и меня согревает: нынче опять (который раз...) много злобного звучит в адрес А.И. Уж он восьмой год как ушёл, а всё не даёт им покоя.

Можно ли каким-то образом получить и сам журнал, и университетский Вестник? Мы бы выписали и для Фонда, и в личную библиотеку, чтобы можно было ссылаться de visu.

Если хотите, Владимир Васильевич, я включу Вас в нашу рассылку, где мы сообщаем о том, что происходит на “солженицынском поле”. У нас раз в два месяца бывает семинар, посвящённый “дням и трудам” А.И., раз в год – вручение литературной премии, в день смерти – панихида на Донском, в день рождения всегда – встреча друзей в Доме русского зарубежья, который теперь носит имя А.И. Ну а сайт наш, судя по письму, Вы знаете.

Ещё раз кланяюсь Вам с благодарностью.

С самыми добрыми пожеланиями,

Наталия Солженицына».

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

(Е.А. Евтушенко)

В дневнике А.В. Жигулина запечатлены портреты многих писателей, которых принято называть «шестидесятниками». Эти люди родились и выросли в эпоху Сталина, их мировоззрение формировалось под влиянием Великой Отечественной войны, исторических решений XX и XXII съездов КПСС, хрущевской «оттепели». Одни из них даже успели добровольцами «сходить на войну», другие испытали на себе неимоверно тяжкий груз культа личности, чудом выжив в сталинских лагерях в Сибири и на Колыме, третьи получили трудовую и идейную закалку на целине и строительстве Байкало-Амурской магистрали. По возрастному признаку писателей-шестидесятников можно условно поделить на три группы: старшее поколение, среднее поколение, младшее поколение.

Многие из писателей-шестидесятников старшего и среднего поколений шагнули в большую литературу со страниц журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского, ставшего после антисталинского XX съезда КПСС оплотом либеральных и демократических ценностей. Среди них: Ю.В. Бондарев, В.П. Некрасов, В.В. Быков, Г.Я. Бакланов, В.С. Гроссман, В.Н. Войнович, Ч.Т. Айтматов, В.М. Шукшин, Ф.А. Искандер и другие литераторы, стремившиеся в условиях советской цензуры правдиво и честно отражать действительность.

Журнал «Юность» В.П. Катаева стал трибуной для нового поколения представителей советской поэзии и прозы: Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, Р.И. Рождественского, Б.Ш. Окуджавы, Б.А. Ахмадулиной, В.П. Аксёнова, А.Т. Гладилина и др.

Практически каждый из этих людей оставил след в дневнике А.В. Жигулина.

Пожалуй, первым, о ком стоит рассказать, является поэт Евгений Александрович Евтушенко (1932–2017), один из самых ярких представителей литературы второй половины XX века, автор злободневных и отразивших своё время произведений. В том числе, сразу ставшей крылатой фразы: «Поэт в России – больше, чем поэт...»

Каноническое стихотворение Е. Евтушенко «Наследники Сталина» стало своеобразным манифестом целого поколения советских людей.

Безмолвствовал мрамор.
Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул,
на ветру бронзовея.
А гроб чуть дымился.
Дыханье из гроба текло,
когда выносили его
из дверей мавзолея...

Е. Евтушенко метафорично называл себя «шестидесантником». И это, действительно, было точное определение. Он был одним из первых, кто прорвался через проломленный Твардовским и Солженицыным проём в «железном занавесе» и закрепился на крошечном пятачке, а затем вместе с другими «бойцами» (А. Вознесенским, Р. Рождественским, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавой и др.) продолжил наступление, расширяя рубежи, завоеванные XX съездом КПСС.

Как и другие «шестидесятники», он искренне верил в социализм «с человеческим лицом», но все иллюзии развеялись после того, как в августе 1968-го «в затканой крови рассвета» советские танки вошли в Прагу, давя гусеницами мирных людей; когда в феврале 1974 года был арестован и выдворен из страны А.И. Солженицын...

Одно из первых упоминаний о Евтушенко в дневнике Жигулина: «19 августа 1959 года, среда. Вчера вечером

был с Г. Пресманом у Луткова. <...> Беседовали о поэзии, в частности, о стихах Е. Евтушенко, Е. Винокурова. Талантливые поэты!».

Дневниковые записи Жигулина позволяют в полной мере проанализировать диалектику личных и творческих отношений двух крупнейших поэтов на разных этапах жизни.

«20 сентября 1964 года, воскресенье. <...> Евтушенко в «Юности» был за мои стихи, за «Сны», «Бурундука» и «Кострожогов». На последнем даже написал: «Прекрасно».

Но – увы! – стихи не пошли. Запрещено «Юности» писать о культе».

«10 мая 1965 года, понедельник. <...> Читаю поэму Евтушенко «Братская ГЭС». Начало – «Я еду по России», «Монумент Египетской пирамиды», «Песня надсмотрщиков» – очень понравилось. Дальше хуже, хотя я и до половины ещё не прочёл, но видно, что дальше хуже. Особенно эти иллюстрации к русской истории. Но как бы там ни было, Евтушенко твёрдо выходит в большие поэты.

Несмотря на поспешность, у него есть главное, что для этого нужно: понимание истории и беспощадно ясное понимание сегодняшних событий. И не только понимание, но и стремление писать обо всём этом. Порою он выражает свои мысли в подтекстах, ибо правду во все времена писать трудно. Поэт, не понимающий противоречий и бед своего времени или закрывающий на них глаза, или, что хуже всего, сознательно искажающий действительность, – не может стать большим поэтом, как бы ни был он одарён природой».

Отдавая должное таланту автора, Жигулин после внимательного прочтения поэмы «Братская ГЭС» отметил в дневнике и определённые недостатки произведения.

«11 мая 1965 года, вторник. Прочитал Евтушенко. Сложная вещь – эта поэма. Неровная. Но значительная, как ни крути. Местами вялая, местами великолепная. <...> Начальство даже трусливее рядовых работников. Их пугает даже не смысл, не внутренняя суть, а буква, слово. Удивительно, как они пропустили у Евтушенко эти запретные слова: «номер», «зеки»?.. Прошли слова запретные. Но экс-

курсы Евтушенко в “лагерную тему”, тем не менее, очень и очень поверхностны. Они только раздражают. Более интересен портрет теперешнего “телефонного человека” в Нюшкином рассказе».

Настоящим потрясением и личной трагедией стали для А.В. Жигулина и Е.А. Евтушенко трагические события в Чехословакии в августе 1968 года. Вторжение советских войск в братскую социалистическую республику и подавление Пражской весны было крайне негативно воспринято обоими писателями, которые во многом разделяли и поддерживали идеи чехословацких коммунистов-реформаторов.

Дата начала военного вторжения в ЧССР в дневнике А.В. Жигулина обведена траурной рамкой.

«21 августа 1968 года, среда. Очень сильно болит сердце!.. Утром, в восемь часов, услышал сообщение ТАСС: “ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословакии обратились за братской помощью...” Цитирую по памяти и не ручаюсь за буквальную точность. Смысл утреннего сообщения таков: войска стран-участниц Варшавского договора сегодня вступили на территорию ЧССР. Впрочем, не вступили – сказано так: “введены”.

В полдень сообщение было подробнее. Введение войск Варшавского договора на территорию Чехословакии одобрено ЦК компартии Словакии. ЦК (или Президиум ЦК?) компартии Словакии обратился к войскам и народу Чехословакии с призывом сохранять спокойствие и т. д. Означает ли это сообщение, что Братислава уже занята нашими войсками? Не ясно. Сообщалось также, что в Чехословакии начала свои передачи новая радиостанция “Влтава”. Полагаю, что это наша военная радиостанция, предоставленная в распоряжение противников Дубчека.

Было несколько сообщений о поддержке трудящимися СССР введения войск Варшавского договора в Чехословакию. Ничего более пока не сообщалось. Можно предположить, что, во всяком случае, Прага пока не оккупирована. Возможно, что в Чехословакии идут бои...»

«22 августа 1968 года, четверг. Вчера был тяжкий, гнетущий день. Очень болело сердце (да и сейчас не прошло). Весь день не спадало нервное напряжение. Несколько успокоился, когда к концу дня выяснилось, что оккупация Чехословакии прошла спокойно, беспрепятственно, обошлось без крови и ненужных жертв.

Весь день эфир ломится от разноязыких и разноречивых сообщений. Только и слышно на разных языках: Чехословакия, Чехословакия... Пересказывать сообщения нет смысла. Как-нибудь историки со временем разберутся во всём происходящем. Я поэт. И у меня просто болит сердце».

В те тревожные августовские дни Е. Евтушенко, находившийся на отдыхе в посёлке Коктебель вместе с писателями Василием Аксёновым, Анатолием Гладилиным, Борисом Балтером и другими литераторами, написал стихотворение «Танки идут по Праге», которое сразу же стало распространяться в самиздате.

Танки идут по Праге
в затканой крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.

Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.

Боже мой, как это гнусно!
Боже – какое паденье!
Танки по Ян Гусу.
Пушкину и Петефи.

Страх – это хамства основа.
Охотнорядские хари,
вы – это помесь Ноздрёва
и человека в футляре.

Совесьть и честь вы попрали.
Чудищем едет брюхастым
в танках-футлярах по Праге
страх, бронированный хамством.

Что разбираться в мотивах
моторизованной плётки?
Чуешь, наивный Манилов,
хватку Ноздрёва на глотке?

Танки идут по склепам,
по тем, что ещё не родились.
Чётки чиновничьих скрепок
в гусеницы превратились.

Разве я враг России?
Разве я не счастливым
в танки другие, родные,
тыкался носом сопливым?

Чем же мне жить, как прежде,
если, как будто рубанки,
танки идут по надежде,
что это – родные танки?

Прежде, чем я подохну,
как – мне не важно – прозван,
я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.

Пусть надо мной – без рыданий –
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».

23 августа 1968 г.

Вполне предсказуемыми последствиями антиправительственного стихотворения Е. Евтушенко после его возвращения в Москву стали запрет на его выезд за рубеж (правда, временный), «бесконечная промывка мозгов», отмена ранее запланированных публичных выступлений, торможение готовившихся к печати книг.

Всё это было хорошо знакомо бывшему политическому узнику и автору «трудной темы» А.В. Жигулину.

«21 сентября 1972 года, четверг. <...> Долго сидел и беседовал с Е. Евтушенко. <...> Говорили, в частности, о наших книгах, вышедших в “Современнике”. Евтушенко очень удивило, что у меня прошли некоторые стихи о культе и 37-м годе. Он их читал, хвалил. <...> Говорили также на “общеполитические” темы. Лагерь, цензура и т. д. Понравилось Жене моё предисловие о Твардовском. О “Дне поэзии”, о многом».

«23 сентября 1972 года, суббота. <...> Вечером этого дня были на свадьбе у Сергея Алиханова. <...> Я не хотел идти, но сейчас не жалею, что пошёл. Очень хорошо было. Так мило, душевно посидели, поговорили. <...> Особенно Женя много говорил, пока не ушёл. Я имею в виду Евтушенко. Он говорил, в частности, о нашем с ним родстве – душевном и поэтическом. Дескать, в основе наших стихов – боль. Это общая, мол, черта. Поэтому мы, дескать, хорошо и понимаем друг друга».

В дневнике А.В. Жигулина подробно отражена ситуация, связанная с попыткой литературных чиновников наказать поэта за чтение «политически незрелых стихов». В октябре 1973 года Жигулин во время своего выступления на вечере поэзии в Политехническом музее, посвящённом Владимиру Маяковскому, прочёл стихотворение «Забывтый случай»:

Забывтый случай, дальний-дальний,
Мерцает в прошлом, как свеча...
В холодном БУРе на Центральном
Мы удавили стукача.

Нас было в камере двенадцать.
Он был тринадцатым, подлец.
По части всяких провокаций
Ещё на воле был он спец.

Он нас закладывал с уменьем,
Он был «наседкой» среди нас.
Но вот пришёл конец терпенью,
Пробил его последний час.

Его, притиснутого к нарам,
Хвостом начавшего крутить,
Любой из нас одним ударом
Досрочно мог освободить.

Но чтоб никто не смел признаться,
Когда допрашивать начнут,
Его душили все двенадцать,
Тянули с двух сторон за жгут...

Нас «кум» допрашивал подробно,
Морил в «кондее» сколько мог,
Нас били бешено и злобно,
Но мы твердили:
«Сам подход...»

И хоть отметки роковые
На шее видел мал и стар,
Врач записал:
«Гипертония», –
В его последний формуляр.

И на погосте, под забором,
Где не росла трава с тех пор,
Он был земельным прокурором
Навечно принят под надзор...

Промчались годы, словно выстрел...
И в память тех далёких дней
Двенадцатая часть убийства
Лежит на совести моей.

1964

Ортодоксальное руководство Московской писательской организации усмотрело в этом, не опубликованном на тот момент в печати, стихотворении крамолу и попыталось наказать поэта. В защиту Жигулина тогда выступили известные писатели, в том числе Е.А. Евтушенко.

В результате скандал удалось замять, но последствия того случая ещё долго преследовали поэта. В частности, он, как и Евтушенко, на многие годы стал «невъездным» в зарубежные страны.

В начале 1974 года руководство Гостелерадио СССР дало согласие на проведение вечера поэзии Е.А. Евтушенко в Колонном зале Дома Союзов с прямой трансляцией по телевидению. Творческий вечер был назначен на 16 февраля, о чём было сообщено в программе передач. 12 февраля Е.А. Евтушенко, узнав об аресте А.И. Солженицына, из обыкновенного уличного автомата сумел дозвониться до председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова и заявил ему резкий протест по этому поводу.

Как вспоминал Евтушенко, в ответ на это Андропов сказал: «Проспитесь» – и положил трубку.

В отправленной на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева телеграмме Е.А. Евтушенко в более умеренных тонах выразил опасения за судьбу опального писателя. Узнав об акциях протеста поэта, руководство Гостелерадио СССР отменило творческий вечер Евтушенко. Это вызвало у него новую волну возмущения и стало поводом для очередного обращения в ЦК КПСС.

18 февраля 1974 года состоялось совещание, в котором приняли участие секретари Союзов писателей СССР, РСФСР и Московской писательской организации, а также

некоторые редактора толстых журналов. По словам А.А. Беляева, в то время заместителя заведующего Отделом культуры ЦК КПСС, на этом совещании Е. Евтушенко был обозван «политической проституткой» (С. Михалков), «авантюристом и прохвостом» (С. Наровчатов), «беспринципным человеком» (С. Баруздин) и т. п.

Отголоски событий нашли отражение в дневнике А.В. Жигулина, работавшего в 1972–1975 годах в редакции журнала «Дружба народов» в должности заведующего отделом поэзии. Главным редактором журнала был упомянутый выше С.А. Баруздин.

«19 февраля 1974 года, вторник. <...> С. Баруздин собирал часа на полтора совещание – членов редколлегии и партбюро. Информировал о Солженицыне и о Жене Евтушенко. Пересказывал всё, что говорилось на совещании секретарей (были, по его словам, всего человек 20).

Нет сейчас ни сил, ни охоты пересказывать все перипетии евтушенковской эпопеи со звонком Андропову, с телеграммой и письмом Л.И. Брежневу, с его беседой с секретарями СП СССР Ю. Верченко, Г. Марковым и Ю. Озеровым, и наконец с обширным письмом, переданным Евтушенко итальянскому корреспонденту.

Несомненно одно: Женя тонко всё рассчитал, всё заранее спланировал. Несомненно хотел этим своим поведением (звонком и телеграммой) укрепить свой пошатнувшийся на Западе престиж. Но ошибся, попал впросак. <...>

Много ещё всякого пересказывал о Жене С. Баруздин. Например, что у него лучшая, наиболее богатая в СССР частная коллекция бриллиантов, что в обоих его машинах установлены радиотелефоны американского образца, что при последнем его приезде из-за границы у него изъяли (но потом вернули) 20 тысяч долларов и т. д., и т. п. А главное: жаждет и рвётся Женя к Нобелевской премии...»

Слова «и т. д., и т. п.» красноречиво говорят об отношении А.В. Жигулина к «политинформации» С.А. Баруздина. Тем не менее присутствует некая двойственность в отношении Жигулина к поступкам Е.А. Евтушенко.

Запись в его дневнике во время отдыха в Коктебеле:

«24 мая 1974 года, пятница. День приличной погоды, хотя ночью был дождь. С утра и до обеда – большая прогулка с Женей Евтушенко и детьми в Лягушачью бухту. Ветер и солнце. Цветёт боярышник. Петя и Вова не давали нам спокойно побеседовать, взбирались на скалы (с одного камня их пришлось снимать), вообще не давали покоя.

По дороге и в бухте – долгая беседа. Темы – литературно-социально-общественные. От 37-го года до наших дней. От КПМ до последнего Жениного демарша в защиту Солженицына. Булгаков, Платонов. Нынешняя ситуация в нашем Государстве. И некоторые страницы недавней его истории – снятие Н.С. Хрущёва, “заговор” Павлова, Егорычева и др. <19>66 года. И много всего прочего – до чтения новых стихов и лирических воспоминаний (читал и рассказывал, естественно, Женя; рассказывал о своём романе с какой-то американкой в Сенегале). Я стихов не читал, кроме строфы из стихотворения “Вина”:

Вина. Она была, конечно.
Мы были той виной сильны.
Нам, виноватым, было легче,
Чем взятым вовсе без вины.

Это – для иллюстрации рассказа о нашем деле, о лагере. Впрочем, прочёл я ещё и первые четыре строфы стихов “Я спал, обняв сырую землю...” (зашёл разговор о болезнях, о зле, которое, по словам Межирова, “совсем легко воспринималось, да отложилось тяжело”). О Б. Ручьёве и послелагерной его болезни – мании преследования. О “Забытом случае”, о В. Ильине. И о многих смежных проблемах и явлениях. Очень многое можно обсудить за четыре часа разговора.

В общем, хорошая была прогулка».

«11 июня 1974 года, вторник. <...> До самого обеда были у Жени Евтушенко с Сергеем Орловым и Ирой.

Женя звал нас послушать стихи. Читал он много: из австралийского, перуанского, вилюйского и коктебельского циклов. Есть немало интересного, но местами, кусками, в частности. Женя не всегда может вовремя остановиться, сделать стихотворение чистым, цельным, локальным. Мысль уходит в ответвления, в боковые пути. Наступает перегрузка – и образами, и информацией. Длинноты, разжёвывания начинают тяготить, раздражать. Всё это идёт в ущерб стихам. И я, и Орлов сказали ему об этом. Женя не стал спорить: знаю, мол, за собой эти недостатки, но не могу остановиться.

Возникла сложная, многосторонняя беседа о поэзии. Я прочёл стихи: “Чуть слышно кукует кукушка...”, “Москва”, “Осень”, “Сны”. С. Орлов читал стихи о Я. Смелякове. Мои стихи всерьёз понравились обоим поэтам. <...> Вспоминали встречи с Твардовским, говорили о Тёркине и о военных стихах других поэтов».

Жигулин откровенно пишет и о тех разногласиях, которые иногда случались у него с Евтушенко. Не секрет, что поэты – народ эмоциональный и весьма ранимый.

«3 апреля 1978 года, понедельник. <...> Женя Евтушенко неожиданно ко мне подошёл, подозвал:

– Толя! Для меня удивительно то, что ты был против моего вечера в Лужниках. А ведь я – ты помнишь – написал письмо в твою защиту, когда ты прочитал стихи в Политехническом. Ты помнишь об этом?

– Да, Женя. Я это помню, спасибо тебе. Что же касается твоего вечера в Лужниках, то вопрос на голосование был поставлен так. Нам дают на два вечера Лужники, московским поэтам, всей творческой организации. Есть два предложения об использовании этой возможности: 1) отдать эти вечера Евтушенко и Вознесенскому или 2) провести два коллективных выступления. Из чувства элементарной справедливости я голосовал за второе предложение.

Женя начал спорить – дескать, вопрос стоял не так. Я предложил проверить по протоколу. Подошла Римма <Казакова> и обрушилась на меня. На счастье подошла Ира. Уже при ней всё заново и подробно пришлось повторить. Женя:

– Ты ведь знаешь, что это я завоевал Лужники...

– Ладно, я это знаю. Но не мешает тебе помнить о том, что когда ты устраивал своими стихами “революцию” в 50-х годах, я в это время ещё гнулся... на Колымских урановых рудниках и думал-гадал: то ли будет реабилитация, то ли нет.

– Я в этом не виноват.

– Это тебе, как Штирлицу, информация к размышлению.

Ира (Римме и Жене):

– И вообще отстаньте вы от него, если не хотите, чтобы здесь, в этом зале, скоро его гроб стоял. И ты же, Женя, первый о нём статью напишешь.

Я: – Да, я прошу тебя, Женя, если я умру раньше тебя, не пиши, пожалуйста, обо мне. Это я тебе говорю с учётом твоего сегодняшнего, не этичного наскока на меня...»

Предсказание оказалось пророческим. И Евтушенко, действительно, одним из первых произнёс о Жигулине прощальные слова после того, как в августе 2000 года поэта не стало. И всё же хорошего в их отношениях было намного больше, чем плохого.

«Позавчера – 28 ноября 1982 года, в воскресенье, был в ЦДЛ вечер, посвящённый ещё не вышедшему <альманаху> “День поэзии 1982”. <...> Вечер в ЦДЛ был хороший. Володя Соколов председательствовал и был мягок и изыщен. <...> Я выступал четвёртым. Прочёл следующие стихи: “Бурундук”, “Полынный берег, мостик шаткий...”, “Игрушечной нашей любви...”, “Упал снаряд, и совершилось чудо...”, “Калина”, “Чёрный ворон, белый снег”, “Настроение” (“Обложили, как волка, флажками...”), “Продли, Всевышний, дни моей Ирины...”

Во время чтения мне четырежды преподносили цветы. Успех просто потрясающий. Полностью владел залом. Читал – словно летел. Женя Евтушенко, сидя рядом со мною за столом, при выступлениях первых трёх поэтов демонстративно читал-листал какую-то рукопись. Но когда меня объявили, он рукопись оставил. Потом выразил мне одобрение – люблю, мол, твои стихи про японца и махорку. А одну строку, дескать, надо исправить – Св. Георгий изображается не с пикой, а с копьём. Внимательно слушал меня Женя...»

В середине 1980-х годов Жигулин и Евтушенко, как и многие другие представители интеллигенции, с огромным энтузиазмом восприняли смену курса внешней и внутренней политики государства, получившего образное название «перестройка». В «перестройке» многие увидели продолжение «оттепели», возобновление надежд на публикацию ранее запрещённых произведений, на запрет цензуры, на появление независимой писательской организации.

«25 августа 1987 года, вторник. <...> Я уже лёг спать, когда позвонил Евтушенко. Он сказал Ирине:

– У него в “Огоньке” – “Памяти друзей” – феноменальное стихотворение! Феноменальное! И он сейчас так остро чувствует и переживает?! Это потрясающе!

Я ещё не уснул и подошёл к телефону. Женя наговорил мне целый короб восторженных слов, которые и записывать как-то неловко. В частности, его поразила чрезвычайная наполненность стихов чувством. “Нет пустого словесного элемента”.

– Ты, кроме прочего, открыл какую-то новую форму стиха. Такого ещё не было после Блока! Совершенно не замечаешь, что нет рифмы. Необыкновенная густота. Ты должен написать поэму!

– Женя, я написал роман. Его приняли в “Знамени”.

– Слушай, а о подростках там будет?

– Да, будет!

Я ему когда-то в Коктебеле рассказывал о КПМ. Закругляя разговор, я скромно сказал, что рад, дескать, что мы выступили в паре. На это Женя воскликнул с негодованием:

– Я говорю о том, что висит в воздухе. А ты выдаёшь своё, что, кроме тебя, никто не знает! Ты открываешь какое-то неведомое пространство!».

Понравившееся Евтушенко стихотворение Жигулина “Памяти друзей” содержит эпиграф: “Имею рану и справку” (Б. Слуцкий) и посвящено событиям, описанным в автобиографической повести “Чёрные камни”.

Я полностью реабилитирован.
Имею раны и справки.
Две пули в меня попали
На дальней глухой Колыме.
Одна размозжила локоть,
Другая попала в голову
И прочертила по черепу
Огненную черту...

Заканчивалось стихотворение так:

Я часто друзей вспоминаю:
Ивана, Игоря, Федю.
В глухой подмосковной церкви
Я ставлю за них свечу.
Но говорить об этом
Невыносимо больно.
В ответ на расспросы близких
Я долгие годы молчу.

«4 июля 1997 года, пятница. <...> Вечером телефонный разговор с Женей Евтушенко по поводу его “Открытого письма” в “ЛГ” – Ельцину и другим правителям – о писателях, об их жизни и памяти о них. Письмо прекрасное. Оно написано по законам поэзии, как стихотворение.

Женя сказал, что видел меня по телевидению.

– Это было шоу “Старая комната” (речь идёт об авторской передаче Григория Гуревича “Старая квартира, год 1954”), запись 16-IV-1997 г., эфир 21-VI-1997 г. – В. К.). Очень хорошо! Я к тебе подбираюсь, буду тебя писать для телевидения.

– Тогда поспеши, а то у меня в правой почке опухоль находят. Как писал Булат: “Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом отправляться и нам по следам по его по горячим”, – о Володе Высоцком.

Женя успокоил меня насчёт почки:

– Вон Сашка Межиров пять лет с одной почкой живёт.

Поговорили о врачах – наших и американских. Женя:

– Я нашим больше доверяю... Обнимаю тебя! Спасибо за звонок.

Это кратко. Разговор был длиннее и подробнее».

Ещё одна запись в дневнике Жигулина посвящена телевизионной передаче о творчестве и жизни известных русских поэтов, автором и ведущим которой был Е.А. Евтушенко: «11 апреля 1998 года, суббота. Еврейская пасха. День узников. <...> Передача Евтушенко. Чудо! Молодец, Женя! Сначала шла моя песня на фоне соответствующих кадров – дороги, сопки, лагеря.

Читал Женя на удивление хорошо, а говорил обо мне с трогательной любовью, добротой и нежностью. Изумительно говорил и о моей судьбе, и обо мне. Не буду сейчас вспоминать, что он читал. Это “Стихи”, “О, люди, люди с номерами...”, “Бурундук”, “Палачи вы мои, палачи...”, “Берёза” и что-то я забыл. Лена Троянова обещала сделать мне кассету со всей передачей и два дубля с исходниками песни. Было очень много отзывов-звонков».

«25 мая 1998 года, понедельник. <...> Поздно вечером, вернее, в час ночи – говорил по телефону с Женей Евтушенко. Поздравил его с премией “ТЭФИ”, поблагодарил за передачу обо мне».

В передаче на «Радио Свобода», посвящённой памяти А.В. Жигулина, Е.А. Евтушенко вспоминал: «Двухтысячный зал кинотеатра “Октябрь” оказался переполнен. Люди подсказывали поэтам забываемые ими строчки, выкрикивали названия любимых ими стихов... Но, пожалуй, самое потрясающее впечатление произвело на всех, когда Толя Жигулин сиплым голосом колымского кострожога запел лагерную песню о том, как “вставал впереди Магадан, столица Колымского края...” Он пел не только голосом. Казалось, пели его затравленные смеляковские глаза, его спина сахалинского каторжника, описанного ещё Чеховым. Ноги в невидимых кандалах, перешедших по наследству от Достоевского, были широко расставлены на сцене, как на палубе парохода, который, покачиваясь, приближался к Магаданскому порту – последнему причалу Великой Утопии.

Нет, не “Железного Феликса” нужно поставить напротив Лубянки, а Толю Жигулина, в бронзе или граните. Если бы я был скульптором, то именно с него я бы слепил Неизвестного Лагерника...»

Дай бог чтобы слова Евгения Александровича Евтушенко когда-нибудь сбылись.

И на Лубянской площади – или в другом многолюдном месте столицы – однажды мы увидели бы бронзовую или гранитную фигуру Неизвестного Лагерника.

С хорошо знакомыми, неповторимыми чертами...

СОЗДАТЕЛЬ ВИДЕОМ

(А.А. Вознесенский)

Одна из первых записей в дневнике А.В. Жигулина о поэте Андрее Андреевиче Вознесенском (1933–2010) уже содержит квинтэссенцию его отношения в последующие годы к творчеству выдающегося поэта-футуриста, ученика В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака и С.И. Кирсанова:

«7 октября 1960 года, пятница. <...> Прочитал нынче книжку стихов Андрея Вознесенского “Мозаика”. Это первый его сборник, издан во Владимире. Хорошо издают стихи некоторые областные издательства... В Курске, Белгороде – прекрасно издают.

А. Вознесенский – поэт, безусловно, талантливый, многие стихи мне нравятся, но всё-таки эти <эксперименты> в направлении аллитераций, рифм – дело никчёмное. Ведь главное заключается не в том, чтобы поразить, оглушить читателя подбором одинаковых согласных или гласных, а в том, чтобы взволновать его».

В конце 1950-х – начале 1960-х годов Андрей Вознесенский стремительно ворвался в поэтическое пространство страны. Выход каждой его книги, публикация каждого стихотворения становились событиями в литературной и общественной жизни. Поэтические вечера с его участием в Политехническом музее проходили в заполненном до отказа зале, а книги сразу же сметались с прилавков книжных магазинов.

Характерная запись в дневнике А.В. Жигулина:

«3 декабря 1960 года, суббота. <...> Заходили в книжный магазин на ул. Мира (в центре Воронежа. – В. К.). Мне удалось добыть через заведующего сборник А. Вознесенского “Парабола”».

На протяжении всей жизни А.В. Жигулин с интересом наблюдал за творчеством А.А. Вознесенского, создавшего новый вид поэзии, новый жанр искусства – видеомы, успешно экспериментировавшего на стыке сразу нескольких сфер (литература, архитектура, музыка, живопись), но сам был сторонником классического стиля отображения действительности.

В период «оттепели» в культурной жизни страны возникли такие явления, как поэтические вечера в Политехническом музее, фестивали бардовской песни, литература «самиздата» и «тамиздата» и т. д. Один такой эпизод запечатлён в культовом фильме советского режиссёра В. Меньшова «Москва слезам не верит» (1979). Речь идёт о сцене, в которой поэт Андрей Вознесенский сыграл самого себя, читающего стихи у памятника Владимиру Маяковскому.

Поэтические вечера в Политехническом музее и Центральном Доме литераторов, собиравшие многочисленную аудиторию, послужили одним из поводов для издания ежегодного литературного альманаха «День поэзии». Как и А. Вознесенский, Жигулин был постоянным автором альманаха и в середине 1970-х годов даже был главным редактором одного из его выпусков.

Демократизация политической и общественной жизни, вызванная историческими решениями XX съезда КПСС, создала для власти неожиданные проблемы, в том числе в сфере литературы и искусства. Не ограничившись критикой культа личности Сталина (что на определённом этапе соответствовало курсу партии), деятели культуры стали «копать» глубже, остро критиковать недостатки советской действительности, бюрократизм и равнодушие чиновников, задумываться над причинами низкого уровня жизни населения, объективно анализировать сильные и слабые стороны марксизма-ленинизма. Возникла реальная опасность потерять партийный контроль над интеллигенцией.

В этих условиях власть пыталась найти новые, адекватные времени формы взаимодействия с «мастерами культуры». К официальным встречам в Доме приёмов на

Ленинских горах и в Кремле, раздаче привилегий послушным деятелям и публичной критике инакомыслящих добавились многолюдные заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС, беседы в неофициальной обстановке за городом, на государственных дачах с обильными пиршествами и возлияниями, личное участие руководителей партии и государства в различных выставках и форумах. Иногда такие мероприятия заканчивались полным конфузом и грандиозными скандалами.

Так случилось, например, 7 марта 1963 года во время встречи Н.С. Хрущёва с творческой интеллигенцией в Кремле, на которой разгневанный Первый секретарь ЦК КПСС обрушился с критикой на А.А. Вознесенского, обвинив поэта в антипартийной позиции и предложив ему покинуть страну. Под «горячую руку» попали также В.П. Аксёнов, который посмел поддержать коллегу аплодисментами, и скульптор Эрнст Неизвестный, запомнившийся Хрущёву по экстравагантной выставке в Манеже.

Половинчатость и противоречивость реформ Н.С. Хрущёва, практически не затронувших основу тоталитарного режима – командно-административную систему, эпатажность и непредсказуемость его идей (например, разделение обкомов на промышленные и сельские, гонения на личные подсобные хозяйства, кукурузная кампания и т. д.) привели вначале к утрате им личной популярности, поддержки со стороны партийно-хозяйственного актива и значительной части интеллигенции, а затем и к его отставке.

«20 ноября 1970 года, пятница. Вечер в ЦДЛ. <...> А. Вознесенский. Читает хорошо. <...> Стихи про аварию с Олжасом Сулейменовым, “Лёд-69” и другие. <...> Да. Ещё на сцене был р<азгово>р с А. Вознесенским. Он, оказывается, не знал, что я был в лагере.

Я говорю:

– Читать надо братьев-поэтов! Я книги три стихов о лагере издал.

– Да что вы! А нет с собой?

Книг у меня не было. И не пошлю ему, пожалуй, хоть он и попросил. Он, видно, кроме себя, никого и не читает! Экий самозабвенный эгоизм!»

Последние фразы были явно несправедливы по отношению к А. Вознесенскому и написаны под влиянием мимолётной обиды. Вскоре А.В. Жигулин выполнил просьбу собрата по перу и вручил ему свои книги.

«11 декабря 1970 года, пятница. Приехал в ЦДЛ уже в двенадцатом часу... В вестибюле встретился А. Вознесенский.

– Прочитал “Кострожоги”. Это потрясающе! Жаль, в “Полярных цветах” уже нет этого стихотворения. Дай пожму твою руку! Здорово!».

«5 октября 1971 года, вторник. <...> А. Вознесенский о моих стихах в “Смене”:

– Чудесные!.. Прекрасные!..

Прочёл в самолёте».

«24 декабря 1971 года, пятница. <...> Вознесенский – опять похвалил моё стихотворение в “Смене” (“Трещит горящая береста...”, я его ещё не видел, это в № 24). Похоже, что Андрей постоянный читатель “Смены”».

Дневник Жигулина отражает двойственное отношение части интеллигенции к невероятно высокой в советские годы популярности А. Вознесенского, к его достаточно частым зарубежным поездкам и встречам с иностранными государственными и общественными деятелями.

В апреле 1974 года американский политик Эдвард Кеннеди, младший брат президента США Джона Кеннеди и сенатора Роберта Кеннеди, посетил СССР и на встрече с Генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым предложил обсудить вопросы о полном запрете на испытания ядерного оружия и об упрощении эмиграции. Во время визита сенатор встретился с представителями демократической творческой интеллигенции, в том числе с А.А. Вознесенским.

А.В. Жигулин иронически пишет: «8 мая 1974 года, среда. Андрей Вознесенский и его рассказ о визите к нему

Эдварда Кеннеди. Красочный, живописный рассказ. Да... Специально их содержат (Вознесенского, Евтушенко и др.) для подобных посещений. Экзотика, так сказать. Вот колокольня Ивана Великого, вот театр Образцова, а вот наши передовые поэты. Пожалуйте в гости!».

В 1972–1975 годах отношения между Жигулиным и Вознесенским развивались в плоскости не только «поэт – поэт», но и «редактор – поэт». В это время Жигулин работал заведующим отделом поэзии, членом редакционной коллегии журнала «Дружба народов».

Как творческому человеку, Жигулину порой было трудно удержаться от субъективных, эмоциональных оценок произведений авторов, в том числе всенародно известных поэтов. В его дневнике запечатлён один из таких случаев, связанный с рассмотрением рукописи поэмы Вознесенского «Дама трэф».

«10 октября 1974 года, четверг. Утром написал внутренний отзыв о поэме А. Вознесенского “Дама трэф”... Перепечатал, дал С. Баруздину, оставил в редакции. Чтобы не было нареканий. А то о прошлом варианте поэмы два часа говорил с Баруздиным перед отъездом в Дубулты, и он же меня потом обвинил, что я уехал, не высказав своего мнения. <...> В редакции – беседы с Баруздиным и Теракопяном о поэме А. Вознесенского. Позже – о том же и с Леонардом <Лавлинским>».

«24 октября 1974 года, четверг. <...> О редколлегии. Она началась в час: командировки, договора и обсуждение рукописи А. Вознесенского “Дама трэф”. Споры».

«31 октября 1974 года, четверг. <...> Вечером дома – звонок А. Вознесенского:

– Боялся, когда увидел, что Рига... Боялся “туризма”... Два стихотворения – прекрасные: второе по счёту и как бросаешь монеты. И высокое, и точное. Не по поверхности. А концовка – наповал!.. Молотки в газете – дали так много – не “датские” стихи, не к случаю.

А стихотворение, где “В годы печали и зла”, я читал и оглядывался».

«4 ноября 1974 года, понедельник. <...> Беседа с А. Вознесенским о поэме. Обиделся Андрей за мои, как он выразился, ремарки (заметки на полях – о “писанье” и о “девочке по кругу”); см. внутренний отзыв – то же (короче) было и на полях). Сначала, дескать, не обиделся, а потом всё-таки обиделся. Как, мол, ты – поэт – меня не понял. Обидные, дескать, замечания, их тон. Что ж, может, Андрей и прав. Может, надо было помягче, чёрт его знает. Общая беседа о поэме: Андрей, С. Баруздин, Л. Лавлинский, я. Спор о “девочке по кругу”. Я – чтоб вымарать или смягчить».

Сомнения у А.В. Жигулина вызвал следующий фрагмент из поэмы А. Вознесенского «Дама трэф»:

Круговой порукою общая подруга –
девочка по кругу, девочка по кругу!
«Ну и жмурки! Это Эдик или Витя?
Ты, Валюта – Валентиночек в миру?!»

Вы сестру свою покрепче обнимите,
я ко всем сейчас от нежности умру!
Не при свечках, а при плачущих лучинах
из смолящихся нащепленных икон...

Я вас всех собою обручила,
всех сплела возлюбленным венком!
От рождения глаза мои сухие,
ни опасность, ни разгул не помогли.

Помогите, помогите, дорогие,
разрыдаться мне от боли и любви!
Валентиночек, ты что, уже кемарить?
Всё как плачу, да не выплачусь до дна...»

«14 ноября 1974 года, четверг. <...> Приходил Андрей Вознесенский. Вычитывал свою поэму. Помирились (или как сказать? – объяснились) мы с ним. Что не хотел я его обидеть и что – хрен с ней! – подпишу я его «девочку по

кругу”. А то начальство не подпишет. Выяснили, что любим друг друга, что мы – поэты. Андрей написал на клочке бумаги слово “обида” и мелко изорвал бумажку и бросил в корзину. Всё, мол, конец! А я прочитал стихотворение А. Блока о поэтах со слов:

Так жили поэты.
Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?..

– до конца. Мы очень разные с Вознесенским люди – и по судьбам, и по воспитанию, по вкусам, по всему. Но мы оба – поэты, хоть и не всегда понимаем, приемлем друг друга. Об этом тоже говорилось. Точки соприкосновения всё-таки есть».

После доработки редакционных замечаний поэма Андрея Вознесенского «Дама трэф» (подзаголовок: Оп-опера-детектив в гражданских актах, иконах) была опубликована в журнале «Дружба народов», 1975, № 2, с. 165 – 176.

Одна из тем разговоров с А. Вознесенским – оружие времён Великой Отечественной войны. Причина такого интереса обоих поэтов была очевидна: военное детство. На одной из страниц дневника Жигулина красочно изображены несколько пулемётов. Шутливая надпись гласит:

«17-VII-75 г. Пулемёты для Андрея Вознесенского. Очень хочется ему иметь пулемёт».

«15 мая 1977 года, воскресенье. <...> Вечером – беседа с А. Вознесенским (о войне и немецком шестиствольном миномёте, который наши фронтовики называли: “Ванюша”. У нас была “Катюша”, а у них – “Ванюша”. Жуткая штука этот “Ванюша” – сразу шесть больших мин швырял). А Вознесенский Андрюша сразу придумал (после моего разъяснения) типичную свою строку: “Шестиствольный Серафим”».

«16 мая 1977 года, понедельник. В “ЛГ” <...> книга от А. Вознесенского с изображением шестиствольного миномета «Ванюша»... на гусеницах. Не видел Андрюша “Ванюши”! В Средней Азии был, в эвакуации. И что забавно – я, когда ехал в “ЛГ”, вспомнил, как выглядел этот немецкий миномёт...»

Ниже – рисунок и шутливое обращение Жигулина к Вознесенскому: «Дорогой мой друг Андрюша! / Вот как выглядел “Ванюша” / Шестиствольный миномёт. / Время – сорок третий год».

В вышеприведённой записи Жигулина содержится неточность: во время Великой Отечественной войны восьмилетний А. Вознесенский с матерью были эвакуированы из Москвы и жили в городе Кургане (это Зауралье). В зрелые годы, вспоминая ту пору, Вознесенский писал: «В какую дыру забросила нас эвакуация, но какая добрая это была дыра!».

«17-V-79 г., четверг. <...> Встреча с А. Вознесенским. Я:

– Ну, что же ты – премию получил, пулёмёт купил! Взял бы да позвонил: Толя, приходи – постреляем!...»

«29 октября 1975 года, среда. <...> А. Вознесенский, пробегая мимо, сказал:

– Я был в Саратове, но слышал, как ты положил зал на обе лопатки на вечере Саши Иванова...»

Неоднозначную оценку А.В. Жигулина вызвало сатирическое стихотворение Андрея Вознесенского «Духовное взяточничество», опубликованное 19 мая 1983 года в газете «Правда».

Разве взятка машина «Вятка»
Но бывает, ещё шурша,
процветает духовное взяточничество.
И нищает наша душа.
Мы улыбку даём, как рубчик.
Подхалимы бряцают туш.

Пострашнее других коррупций
лихоимство отдельных душ.
Прозаический шеф журнала
начинает писать стихи,
и критические журчалы
сразу патокой истекли.
Ты не Пушкин, даже не Вяземский.
Плох твой стих. Зато пост хорош.
Ты, товарищ, – духовный взяточник.
Ты борзыми статьями берёшь.
Может, новый Есенин и Хлебников
в дверь издательскую не прошли,
где редактор товарищ Сребреников
потирает ручки свои.
Понимаю, что жизнь – не святки...
Но молчит иная душа,
Разменявшаяся на взятки.
Ей не пишется ни шиша.

По слухам, сразу разнёсшимся в московской литературной среде, стихотворение А. Вознесенского было направлено против Леонарда Лавлинского, известного в ту пору критика, занимавшего пост главного редактора журнала «Литературное обозрение».

«...Стихотворение А. Вознесенского... не достигает цели, – пишет А. Жигулни. – Из-за одного неточного слова: “Прозаический шеф журнала”. Если б было сказано, например: “Видный критик, редактор журнала” – было б иное дело. Понятен ход мысли Андрея. Он полагал под словом “прозаический” значение – обыкновенный, простой, ничем не выделяющийся и т. п. Но в том-то вся и суть, что сказать так о редакторе журнала нельзя. Можно сказать: обыкновенный милиционер, обычный библиотекарь, прозаический счетовод... У нас-то редакторами литературно-художественных журналов работают обычно писатели – поэты, прозаики, критики. Читатель сразу ищет адресата стихотворения среди писателей-прозаиков. Ищет редактора журнала – прозаика, начавшего вдруг писать стихи».

Интрига заключалась в том, что А. Жигулин находился в приятельских отношениях с Л. Лавлинским, который, кстати, позвонил ему сразу же после этой публикации.

Строки из дневника: «Как о самом заурядном спросил меня Лавлинский, читал ли я подборку А. Вознесенского в “Правде”. В “Правду”, мол, пробился, а стихи плохие. А последнее <стихотворение> в колонке не только плохое, но и непонятное. Неясно, к кому обращено. Кто из нас, из редакторов журналов – прозаиков, начал вдруг писать стихи? Я бы, дескать, подумал, что речь идёт о Баруздине, если б не знал, что они дружат. Может, он Колю Старшинова имел в виду? Но Коля наоборот – стал прозу писать, да и стихи ещё пишет. Он, правда, давал разгромную статью о Вознесенском в альманахе “Поэзия”.

В общем я сказал, что попытаюсь найти газету и потом позвоню».

Судя по всему, продолжения щепетильная тема не имела. Впоследствии А. Вознесенский внёс правку в стихотворение (в частности, были изменены две первые строки: «Разве взятка система “Вятка”? “Лада” в лапу не хороша...»). Но главный герой стихотворения – «прозаический шеф журнала» – остался прежним.

Ещё одна запись в дневнике А.В. Жигулина:

«13 июля 1983 года, среда. С 29 июня не писал дневника, т. е. ещё со времени пребывания в кардиологическом санатории “Переделкино”. <...> Помнится, что провожал нас Андрюша Вознесенский, помогал сносить чемоданы из нашего люкса на 4-м этаже, рядом с библиотекой. Дочь свою он назвал Ариной и радуется этому имени, как поэтической находке. Между тем это самый первый, самый распространённый народный синоним имени Ирина. И в Святцах Арины нет, есть Ирина».

Подобные записи, конечно, не имеют научного или исторического значения, но наглядно свидетельствуют о дружеском характере отношений между поэтами.

АРБАТСКИЙ ПЛЕННИК

(Б.Ш. Окуджава)

Более 30 лет плодотворные творческие и личные отношения связывали Анатолия Владимировича Жигулина и Булата Шалвовича Окуджаву (1924–1997).

Известный поэт, бард, прозаик и сценарист, композитор, автор около 200 авторских и эстрадных песен, написанных на собственные стихи и кавказские народные сказания, Окуджава был одним из самых ярких представителей жанра «эстрадной поэзии» в 1960–1980-е годы.

В их биографиях и взглядах много общего. Оба не понаслышке знали, что такое культ личности Сталина, и на себе испытали тяжкий груз политических репрессий.

В конце 1930-х годов Булат Окуджава потерял почти всю семью. Его отец, партийный работник, три его дяди и сестра были расстреляны как «враги народа». Мать юного Булата в 1938 году была арестована и сослана в Карагандинский лагерь, откуда вернулась спустя десять лет. В апреле 1942 года Б. Окуджава добился досрочного призыва в армию. Воевал. Был ранен. После XX съезда КПСС и реабилитации родителей вступил в партию. В 1959-м вернулся в Москву и начал выступать со своими песнями, быстро завоёвывая популярность.

Оба писателя во главу угла ставили честное и правдивое отражение действительности, искренний и открытый разговор с читателем, уважение к мнению и позиции других. Оба непродолжительное время работали по найму (Окуджава – в редакции «Литературной газеты» и издательстве «Молодая гвардия», Жигулин – в той же «Литературке» и журнале «Дружба народов»), но предпочли уволиться и целиком посвятить себя творчеству.

Анатолий Жигулин посвятил Булату Окуджаве известное стихотворение:

Чёрный ворон, белый снег.
Наша русская картина.
И горит в снегу рябина
Ярче прочих дальних вех.

Чёрный ельник, белый дым.
Наша русская тревога.
И звенит, звенит дорога
Над безмолвием седым.

Чёрный ворон, белый снег.
Белый сон на снежной трассе.
Рождество. Работать – грех.
Но стихи – работа разве?

Не работа – боль души.
Наше русское смятенье.
Очарованное пенье –
Словно ветром – в камыши.

Словно в жизни только смех,
Только яркая рябина,
Только вечная картина:
Чёрный ворон, белый снег.

1978

Как свидетельствуют дневниковые записи А.В. Жигулина, они познакомились в Ленинграде во время творческой командировки в ноябре 1963 года. Писательская делегация посетила город на Неве с 30 октября по 5 ноября 1963 года. Жигулин пишет:

«2 ноября 1963 года, суббота. <...> Последнее (третье нынче) выступление закончилось только что. Читали в театральном зале Государственного Эрмитажа. Было че-

ловек 250. Я впервые выдал почти весь колымский цикл вот в таком порядке: “Москва”, “Вина”, “Работа”, “Кострожоги”, “Сны”, “Бурундук”. А впрочем, не весь, шесть стихов всего. Успех был огромный, небывалый, потрясающий! Честное слово!.. В перерыве подходили молодые поэты, жимали руки. Булат Окуджава почтил меня своим вниманием, похвалил стихи, сказал, что мне рассказы надо писать».

«...Почтил меня своим вниманием...» Эта фраза напоминает пушкинские строки: «Старик Державин нас заметил, и, в гроб сходя, благословил...» Доля истины в этом сравнении, на наш взгляд, есть. В начале 1960-х годов звезда Булата Окуджавы уже сияла всюду на поэтическом небосклоне России. Его концерты проходили в больших залах при полном аншлаге, несмотря даже на отсутствие афиш с объявлениями о его выступлениях. Звезда Анатолия Жигулина только начинала всходить.

«24 июня 1965 г., четверг. <...> Союз писателей. Самое интересное – беседа с Булатом Окуджавой. Сначала о Шолохове (Булат: “Не нравится мне этот человек...”), потом вообще о нынешней общественно-литературной ситуации. О повестях Солженицына и Домбровского. Письма Солженицына...»

«20 февраля 1967 года, понедельник. <...> В коаудитории МГУ (что такое коаудитория? Коммунистическая, что ли?) набилось человек восемьсот. Сломали двери. Аудитория амфитеатром, как в Политехническом.

Надо бы было дать Храмову (*Храмов Евгений Львович (1932–2001) – поэт. – В. К.*) первое слово, ибо стихи его, по словам Булата, менее эффектны, чем мои, но – увы! – Женя позвонил и предупредил, что опоздает на полчаса. Пришлось мне начинать. “Я вышел на трибуну в зал...” Покрутил микрофон, покашлял. Тысячи глаз. Пришли слушать Булата... И начал читать. Читал: “Воспоминание”, “Москва”, “Хлеб”, “Осень”, “Бурундук”, “Кострожоги”, “Сны”, “Забытый случай”, “Враг”, “Я был назначен бригадиром...”, “О жизнь! Я всё тебе прощаю...”

Были аплодисменты, большой успех. <...>

Потом пел и читал Булат. Я никогда прежде не слышал его пение и получил огромное удовольствие. Прекрасный, крупный, очень человеческий, очень мудрый поэт! Радостно его слушать – словно слышишь саму жизнь со всей её красотой, со всей её болью и нелепостью».

В «застойные» годы Б. Окуджава не скрывал своих взглядов и убеждений, открыто поддерживал А.И. Солженицына, за что не раз подвергался гонениям. О сложной обстановке тех лет, о том, как партийно-государственная система ломала души советских писателей, заставляя их отрекаться от «пророка в своём Отечестве», свидетельствует эпизод, запечатлённый в дневнике А.В. Жигулина.

«3 апреля 1971 года, суббота. Вчера, 2 апреля, был на партбюро секции поэтов. Обсуждали персональное дело Булата Окуджавы. Вся суть его очень несложна: выступая в Молдавии от «Дружбы народов», Булат в ответ на записку: «Достоин ли Солженицын Нобелевской премии?» – ответил: «Достоин».

Я шёл на партбюро с твёрдым решением защищать Булата. Но его уже, видно, крепко пробрали журнальные боссы <...> Короче, вопреки моим ожиданиям, Булат признал, что совершил ошибку, сожалел и т. д. Я попытался помочь ему, ухватившись за его мысль, что речь шла всё-таки о Нобелевской премии, а не о Ленинской, скажем. Нобелевская премия, мол, – премия буржуазная. Шведских академиков наша пресса ругала. Премия, стало быть, чужая, нехорошая? Солженицын, стало быть, вполне достоин этой поганой премии... Такая, мол, вероятно, логика внутренняя была у Окуджавы, когда он отвечал на вопрос. И в этом случае криминала никакого нет. <...> В общем, Булату почти сошло – поставили на вид. После бюро было ощущение, словно в <дерьме> искупался. И все были гадки: кто тупостью, кто лицемерием... И сам себе до сих пор гадок: ведь, по-честному-то, по-человечески действуя, не надо было мне прибегать для оправдания Булата к формальной, логической уловке. Надо было сказать:

– Друзья! Да вы что, с ума посходили, что ли? Солженицын – великий писатель! И зря ты, Булат, вину признаёшь! Достоин Солженицын Нобелевской премии! Правильно ты сказал в Молдавии! И я сейчас с тобой повторю: конечно, достоин! Зачем ломать эту дурацкую комедию?

Вот такие дела!».

Ещё одна запись посвящена актуальной на тот момент проблеме публикации художественных произведений Б. Окуджавы в «тамиздате». Популярность поэта на Западе крайне негативно воспринималась официальной властью и ортодоксальным руководством Союза писателей СССР.

«30 марта 1972 года, четверг. <...> ЦДЛ. Партбюро. Разговор о Булате Окуджаве. Его часто печатает антисоветский журнал “Грани”, а в 1970 г. в белогв<ардейском> издательстве “Посев” вышел его двухтомник. Булата самого не было. Решили вызвать его для беседы. Я говорил, что не вижу криминала – ведь Булат сам не посылал эти произведения».

На следующем заседании партбюро было принято компромиссное предложение Жигулина: «проштрафившегося» Окуджаву обязать выступить с осуждением издательства либо на общем партсобрании, либо в печати.

Жигулин пишет: «Вл. Разумневич (*секретарь партийного бюро. – В. К.*) был очень не доволен. Очень доволен Булат – он ни за что не хочет выступать с письмом в печати».

Но, как оказалось, радоваться по этому поводу было преждевременно.

«2 июня 1972 года, пятница. <...> На парткоме вчера исключили из партии Булата Окуджаву. Он наотрез отказался выступить с письмом в “ЛГ”. Однако и за это исключать всё-таки нельзя. Я не ожидал, что так зверски поступят с Булатом. Это дело рук “бешеных” – А. Смольникова и В. Разумневича. Полагаю, что общее собрание 6-го числа не утвердит это нелепое решение парткома».

Как отмечает Жигулин, на общем собрании вопрос об исключении из партии Б. Окуджавы не поднимался, и постепенно дело спустили «на тормозах». Правда, Окуджаве всё-таки пришлось выступить в печати с «покаянным» письмом.

Им было интересно вдвоём. Они могли беседовать часами на самые разные темы. Не только о литературе...

«7 октября 1971 года, четверг. <...> Ушли из ЦДЛ с Булатом Окуджавой и долго ещё беседовали по дороге и возле такси. Ему, по его словам, тоже много неприятностей приносит быт. Он тоже не может работать, если беспорядок в комнате и т. п. И тоже жена не успевает заниматься хозяйством. И картошку чистить, и порою стирать приходится самому».

«21 февраля 1972 года, понедельник. <...> Днём. Бюро пропаганды, ЦДЛ. Разговор с Булатом с участием Иры – о воспитании детей и многом другом. В частности, Булат рассказывал эпизоды из своего детства (“Вот тебе, Троцкист! Вот тебе, Жид! Вот тебе, Шпионская Морда!..”).

«12 февраля 1974 года, вторник. <...> Пошёл пить чай в ЦДЛ – встретил Б. Окуджаву (с Э. Котляр он что-то говорил о Литфондовских делах). Но Эльмира ушла, а мы с Булатом... беседовали долго и интересно. Понравилось Булату моё стихотворение “Тбилиси”. Давай, мол, его в “День поэзии” (он член редколлегии).

– Да не пройдёт же, Булат!

– А почему? Мы скажем: Толя Жигулин уже застолбил эту тему, работает в этой теме! Не можем же мы поручить эту тему кому-то другому. Ну, скажем... Смольникову?!

– Да! Не можем же мы поручить колымскую тему Смольникову! Во-первых, справится ли он? Во-вторых, его же надо будет туда отправить, на Колыму – в соответствующие условия. Захочет ли он?..

Очень весело мы посмеялись этой шутке с Смольниковым. Очень уж он нам досадил – и мне, и Булату.

Спел я Булату свою песню на слова Олега Чухонцева. Он пришёл в буйный восторг:

– Слушай! Прелестная песенка получилась. Особенно – если вторую часть помедленней, плавнее. Вот так...

И мы запели вместе. И подошёл Саша Иванов (*поэт-пародист, бессменный ведущий телепередачи “Вокруг смеха”* – В. К.). И прочитал по просьбе Булата пародию на меня – “Медведь”. И пригласил нас обоих к себе в гости. Да. Инте-

ресно рассказывал Булат о Париже (как записывали его пластинку, как дали 600 долларов, которые нужно было истратить за полчаса – закрывался магазин, а ночью – улетать в Москву. Купил Булат мешок и стал бросать в него что попало: кофта – кофту, кастрюля – кастрюлю! Набил ровно на 600 долларов. Запыхавшись, приехал в гостиницу, а там сидит ждёт его представитель посольства:

– Товарищ Окуджава, вам разрешили продлить пребывание в Париже ещё на 25 дней).

Говорили о песнях Булата. “По Смоленской дороге” написана в 60-м году и посвящена актрисе Жанне Болотовой.

В общем хорошая была беседа с пением и чтением стихов. Возле телевизора сидели, где низкий столик справа».

26 октября 1975 года Жигулин и Окуджава приняли участие в творческом вечере Александра Иванова. Вернувшись поздно ночью домой, Жигулин садится за стол.

«Собираюсь описать вечер Иванова в ЦДЛ, но никаких сил нет. Боже мой! Великий Господь наш, Царь Небесный! Что же мне делать: жить или писать дневник? Много лет, много сил уходит на эти ежедневные записи. Стихи писать некогда...»

Пороптав на судьбу, А.В. Жигулин делает краткие, но содержательные записи о прошедшем вечере.

«Булат постарел, устал, плохо видит. Белла живее, веселее, но вблизи – померкшее, поблекшее лицо. Но глаза выручают, молодят.

И Булату, и Белле подарил “Полынный ветер”. Булат хотел мне подарить свою книгу, но мы потерялись, растерялись в суете.

Теперь (чтоб короче) – список лиц, тех, кто поздравил меня (*с удачным выступлением на творческом вечере. – В. К.*). Впрочем, списком всё-таки нельзя. Булат:

– Ты знаешь, который раз я слушаю эти твои стихи и каждый раз они меня трогают до слёз. Удивительные стихи!

– Это “Кострожоги”?

– Они и другие ...»

Московский исследователь В. Юровский в 2007 году записал рассказ Ирины Викторовны Жигулиной о том, как впервые встретились и как затем сотрудничали Анатолий Жигулин и Булат Окуджава:

«– Толя познакомился с Булатом в Ленинграде, когда после одного из его выступлений на поэтическом вечере Окуджава подошёл к нему, представился и стал говорить хорошие слова о Толиных стихах. Потом оказалось, что мы стали соседями по дому. Когда Булат и его жена Ольга переехали в этот дом, то у них почти не было мебели. Толя как-то зашёл к ним. Булат был не совсем здоров. Лежал на раскладушке. Они разговорились, и Толя спел ему пять своих песен. Булат оживился и говорит: “Когда я поправлюсь, давай с тобой устроим “шухер” в малом зале ЦДЛ. Ты споёшь, а я буду тебе аккомпанировать. Но нужно, чтобы ты написал хотя бы ещё пять песен”.

Толя и Булат несколько раз выступали вместе на литературных вечерах. Мне запомнился поэтический вечер в театре-студии Марка Розовского, кажется, он назывался “Наш дом”. Там выступали Женя Храмов, Толя и Булат. Первым читал Храмов, потом Толя, потом пел Булат. Им долго аплодировали и кричали Толе, чтобы он почитал ещё.

Потом, когда Толе однажды дали возможность устроить авторский вечер в большом зале ЦДЛ, он настоял на том, чтобы вечер был открытый, чтобы вход на него был не по пригласительным билетам, чтобы пришли те люди, которым интересны его стихи. Булат вызвался представить Толю. Сделали по-другому. Вступительное слово на вечере сказал Андрей Турков. Выступал композитор, который пел песни, написанные на Толины стихи. Потом вышел Булат, спел те свои песни, которые очень нравились Толе. Это “Поднявший меч на наш союз...”, “Молитва”, “Грузинская песня», “Песня о Моцарте”. Затем Толя читал свои стихи. Среди прочих он прочёл стихотворение “Чёрный ворон, белый снег...”, которое очень понравилось Булату.

После вечера Булат отвёз нас на машине домой и пригласил зайти к нему. Ольга на вечере не была, она испекла

пирог, накрыла стол, и когда мы сели пить чай, Булат попросил, чтобы Толя прочёл это стихотворение для Ольги, и снова стал его хвалить. Толя тогда и сказал: “Ну, раз оно тебе так нравится, то я его тебе и посвящу”. Булат очень смутился. Сказал что-то вроде того, что, мол, как мне, грузину, ты хочешь посвятить... Толя ответил, что для него это значения не имеет, что главное, что Булат – поэт и человек, который понимает его стихи и так далее.

Потом, какое-то время спустя, он позвал к себе Толю и говорит: “Я тоже хочу посвятить тебе стихотворение. Вот у меня сейчас два новых, какое из них тебе больше нравится?” Толя выбрал то, которое потом стало печататься с посвящением А. Жигулину. Булат нам подарил книжку с нотами, где оно было напечатано. Потом ещё свой поэтический сборник “Посвящается Вам!”.

Недавно я по телефону прочёл Ирине Викторовне этот текст, – она подтвердила сказанное тогда и дала своё согласие на публикацию». (*Юровский В. Ворон в вышине и на снегу // Голос надежды: Новое о Булате. Альм. / Сост. А.Е. Крылов. – Вып. 7. – М.: Булат, 2010. – С. 480–482.*)

Творческий вечер, о котором упоминает в своём рассказе И.В. Жигулина, состоялся 12 ноября 1978 года в большом зале Центрального Дома литераторов. За две недели до этого события у Жигулина возникли серьёзные проблемы со здоровьем, о чём он пишет в своём дневнике.

«3-X-78 г., вторник. <...> ...А Булату уже телефон поставили (сын его сказал, а сам он спит). Я заходил к ним, хотел попросить Булата выступить на моём авторском вечере. P.S. Беседа с Булатом (о телефоне, о работе, о поездке в Ижевск – не смогу, к сожалению, я поехать). Собирается Булат в Америку и Югославию. И поэтому не может точно сказать, будет ли 12 ноября в Москве, сможет ли выступить на моём вечере».

«3-XI-78, пятница. <...> Хрипота, “заложенность” горла, голоса. Пытался преодолеть слабость – вычитывал кое-что, но успехи минимальны.

<...> Билеты, по словам адм<инистратора>, продаются хорошо. Но буду ли я сам готов к 12-му? Конечно, ещё 8–9 дней. Но тревожно. Особенно из-за голоса».

«4–XI–78, суббота. <...> Была днём тоска, но сейчас чувствую себя бодрее. Врачи обнадеживают: голос должен вернуться, если правильно лечиться. Лечусь, принимаю всё, что назначено.

Много звонков о билетах. Кассирша говорит, что всё продано. Химичит она, конечно. Есть у неё записка».

«День 5–XI–78, воскресенье, собственно говоря, уже закончился – наступила полночь. Радости нет. Голос не возвращается. Даже новая прибавилась простуда. Надо же – так не везёт!».

«7–XI–78, вторник. <...> К вечеру голос совсем пропал. <...> Дышал варёной картошкой, паром».

«8–XI–78, среда. Утро. Толку никакого от картофельного пара. Я в панике. Что же делать? Провал! Скандал! <...> Скоро полночь. Голоса нет. Что делать?»

Вчера Ира дозвонилась П.И. Вишнякову. Он с удовольствием согласился принять участие <в творческом вечере>. Мыслью так: своим голосом прочту, что смогу, и передам слово Вишнякову. Турков, Булат, Б. Киселёв с Коротаевым. Получится что-нибудь. Разумеется, далеко не то, что хотелось, что могло бы быть».

«11–XI–78, суббота. Ранний подъём и поездка на капельницу в 15-ю <больницу>. Днём – краткий сон. Вечером – композитор Боря Киселёв. Новая песня на стихи “Поэзия”. Живо, современно, интересно. Беседа. Чтение стихов. <...> Состояние тревожное».

«12–XI–78, воскресенье. Творческий вечер в ЦДЛ, требующий особого описания. Ужин у Булата. <...> Трудно было вначале. Скованность. Сухость в горле. Но минут через 20 разошелся. Хотя и первые 20 минут читал хорошо. Питьё чая. Записки: “Кто такая Ирина?” и “Есть ли у вас стихи о БАМе?”. Ответы. Об Ирине: “Это моя возлюбленная, моя невеста, моя жена... Я обязан ей творчеством и жизнью...”

Она здесь, в зале. Сейчас я подарю ей ваши цветы". Ирине устроили овацию.

Атмосфера – моя ауд<итория>. Турков, Булат, Вишн<яков>, певец и композитор. Телевидение. <...> Задали цветами».

«13–XI–78, понедельник. Звонки-поздравления. Вечером книга и стихи Булату».

В конце 1970-х годов А.В. Жигулин и Б.Ш. Окуджава по линии Союза писателей СССР получили квартиры в новом комфортабельном многоэтажном доме в Безбожном переулке (это в центре Москвы). И, к радости обоих, оказались соседями. Следует сказать, что оба писателя не признавали название своего переулка, полученное в далёком 1924 году в рамках антирелигиозной кампании. И были несказанно рады, когда в начале 1990-х годов усилиями местных жителей переулку было возвращено прежнее название – Протопоповский.

Несмотря на все достоинства, этот дом не стал родным и близким для Окуджавы. Сменив за свою жизнь несколько московских адресов, своим настоящим домом он всегда считал Арбат, что и запечатлел в стихах:

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант.
Кругом чужие лица, враждебные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та.
(«Арбатский эмигрант», 1983).

После новоселья встречи и беседы А.В. Жигулина и Б.Ш. Окуджавы стали ещё более частыми. Поводы для встреч были самые разные: от литературных, профессиональных дел – до бытовых вопросов.

«27–XII–78 г., среда. <...> Вечером зашёл к Булату. А у него гости. Какая-то молодая пара, мужчина лет сорока, у которого родители были репрессированы, и Наталья Ив. Столярова, секретарь И. Эренбурга. Она тоже сидела. Беседа. Булат рассказывал о Франции».

Следующая запись сделана накануне поездки А.В. Жигулина в Югославию: «15-Х-79 г., понедельник. <...> Вечером был у Булата. Потом – до часа ночи – сборы. Булат передал со мною для югославов две свои книжки. Один из них (Д. Киш) написал и издал в <19>75 году книгу о югославах – узниках сталинских лагерей».

25 июля 1980 года Москва (да что Москва – вся Россия) была потрясена известием о смерти Владимира Семёновича Высоцкого. Запись в дневнике А.В. Жигулина на следующий день:

«26–VII–80, суббота. <...> В соседнем доме слышен Высоцкий. Умер, бедняга. Царствие ему Небесное».

Тема Высоцкого ещё не раз возникнет в дневнике писателя. Но не будем забегать вперёд.

2 августа 1980 года А.В. Жигулин закончил работу над стихотворением «Отдам еврею крест нательный...» Одним из тех, кто оказался первым слушателем этих стихов, был Б.Ш. Окуджава.

«6–VIII–80 г., среда. <...> Неожиданно позвонил Булат. Он вернулся из Коктебеля, хотел узнать новости. А какие я знаю новости?.. Булат переживает смерть В. Высоцкого. Хотел, дескать, написать стихи на его смерть, но “лезет всякая банальщина”. Спросил, работаю ли я, пишется ли. Я сказал, что написал несколько стихов, могу прочесть одно. Прочёл ему стихотворение “Отдам еврею крест нательный...”

Он был потрясён:

– Замечательно! Просто замечательно! Удивительные, великолепные стихи! Не ожидал!..

– А почему не ожидал? Чего?

– Не ожидал такого поворота. Молодец!..».

Стихотворение «Отдам еврею крест нательный...» предваряет эпиграф: «Во время шкуровских погромов в Воронеже семья Раевских прятала в своём доме еврейских детей. Надевали им на шею крестики: крещёных бандиты не трогали. Из рассказа моей матери Е.М. Раевской».

ПАЛЕСТИНА

Отдам еврею крест нательный,
Спасу его от злых людей...
Я сам в печали беспредельной
Такой же бедный иудей.

Судьбою с детства не лелеем
За неизвестные грехи,
Я мог бы вправду быть евреем,
Я мог бы так писать стихи:

По дорогой моей равнине,
Рукой качая лебеду,
С мечтой о дальней Палестине
Тропой российской иду...

Иду один, как в поле ветер.
Моих друзей давно уж нет.
А жизнь прошла, и не заметил.
Остался только тихий свет.

Холодный свет от тихой рощи
И дальний синий полумрак...
А жить-то надо было проще,
Совсем не так, совсем не так...

Но эту горестную память
И эту старую повесть
Нельзя забыть, нельзя оставить.
Осталось только умереть.

А в роще слышится осина,
А в небе светится звезда...
Прости, родная Палестина,
Я не приеду никогда.

1980

«2-IX-80 г., вторник. <...> Пришёл Булат. Чтение новых стихов. Все стихи очень понравились. Беседа о стихах, об Афганистане и прочем менее значительном... Булат пропел стихи на смерть Высоцкого».

Б.Ш. Окуджава не случайно зашёл в этот день в гости к другу. 2 сентября исполнилось ровно сорок дней после кончины В.С. Высоцкого. Друзья и поклонники по всей стране поминали раба Божьего Владимира, который после «хождения по мытарствам» окончательно покинул землю и предстал перед Богом.

А.В. Жигулин стал одним из первых слушателей пронзительной песни Булата Окуджавы.

О Володе Высоцком я песню придумать решил:
вот ещё одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну а мы вместе с ним посмеёмся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
чёрный аист московский на чёрную землю спустился.

1980

Осенью 1983 года дневник А.В. Жигулина наполнен записями о творчестве и судьбе В.С. Высоцкого.

«24 сентября 1983 года, суббота. <...> Я уже очень давно слышал обрывки песни Вл. Высоцкого “Истопа ты мне баньку по-белому...” (у Высоцкого: “Протопи ты мне баньку, по-белому...” – В. К.). А нынче Вова дал прослушать её в очень хорошей записи – прямо с французской пластинки

писали на плёнку. Под влиянием этой песни я начал писать немного странные (а может, просто плохие) стихи.

<...> Краткий разговор с Булатом по телефону – о В. Высоцком. Об этом явлении вообще, о соединённом вместе восприятии Владимира Высоцкого – как поэта, певца, артиста. Это было явление. Но читать стихи его на бумаге (без музыки и пения) – скучно».

Находясь под влиянием этих бесед, А.В. Жигулин делает попытку написать стихи о В. Высоцком.

С Владимиром Высоцким,
Эх, не был я знаком...
Своя судьба мешала,
Своя больная тема.

Но крутит сын пластинку
Про баньку с языком.
И пулею застряла
В груди моей поэма.

Поэма не поэма,
А, может быть, роман.
Скорей всего роман.
Роман-воспоминанье...

«29 сентября 1983 года, четверг. <...> Владимир Высоцкий, на мой взгляд, хорош в совокупности всех своих ипостасей: как актёр (прежде всего!), как поэт, слагатель песен, как исполнитель (исполняющий и одновременно играющий при исполнении песни того, от чьего имени поётся – алкаша, бандита, фронтовика и так далее). Что касается его тюремно-лагерного цикла, то это всё вторичный материал. <...> Вот отсюда и мой лёгкий скепсис в отношении “тюремно-бандитского” Высоцкого. Фронтовые его вещи мне интересней, хотя полагаю, по аналогии с собой, что многим настоящим фронтовикам они могут показаться стилизованными, как мне его побеги, и срока, и драки,

и т. п. А социально-бытовые вещи Высоцкого, песни, затрагивающие “Датское королевство”, – это замечательные произведения Высоцкого. Здесь он, как и в фамилии своей, высок. Здесь он затрагивает общественно-болезненные наши проблемы, такие, которых вообще у нас никто не касался (из поэтов, по крайней мере)».

Вернёмся к записям А.В. Жигулина о задушевных (часто ночных) беседах с Б.Ш. Окуджавой в писательском доме в Безбожном (бывшем Протопоповском) переулке.

«Нынче 21-IX-80 г., воскресенье. <...> Звонил Булат. Хочет, чтобы я дал ему текст стихотворения “Из больничной тетради”. Буду, – говорит, – пропагандировать. Очень ему понравилось стихотворение. То самое, – говорит, – что оканчивается словами “дорогие мои”».

Строки из стихотворения Жигулина «Из больничной тетради»:

Ничего не могу и не значу.
Словно хрустнуло что-то во мне.
От судьбы получаю в придачу
Психбольницу –
К моей Колыме.

Отчуждённые, странные лица.
Настроение – хоть удушись.
Что поделать – такая больница
И такая «весёлая» жизнь...

«28-IX-80 г., воскресенье. Был у Булата. Он переписал для себя мои стихи “Из больничной тетради”. Показывал мне книгу своих песен, изданную, кажется, в США. Прекрасно издано. Большой формат, все тексты по-русски и по-английски, с нотами и многими фотографиями».

Речь идёт о сборнике произведений Булата Окуджавы «65 песен» (Ann Arbor, Michigan: Ardis, т. 1, 1980. Музыкальная запись, редакция, составление – В. Фрумкин). В 1986 году вышел второй том этого сборника.

«10 апреля 1981 года, пятница. Булат днём позвонил, пригласил меня к себе за билетами на свой вечер. Подействовали мои вчерашние слова. Подарил мне Булат книгу и пластинку. Беседа. В частности, об Эмке Коржавине. Он мне привет передал со студентами-американцами. Надо послать ему с okazji книгу».

Во время одной из встреч, узнав о том, что Жигулин собирается писать цикл стихов на историческую тему, Окуджава предоставил ему подборку редких книг о гражданской войне в России и революции.

Листая дома эти книги, Жигулин пишет:

«25 сентября 1983 года, воскресенье. <...> Здесь мемуары Родзянко, Милюкова, Керенского, Шульгина, Деникина, Краснова, всех не перечесть. Книги эти чудовищно редкие. И, конечно, их можно почитать лишь в Ленинке или в Гос<ударственной> исторической библиотеке в закрытых фондах».

«1 апреля 1984 года, воскресенье. <...> Был у Булата. Он написал стихотворение-песенку, которую решил посвятить мне. Обе песни (он их мне спел) хороши. Но посвящённая мне – великолепно. Смысл: кружится чёрный ворон. Кружит и кружит. И люди собирают ружья, заряжают ружья (надо ворона застрелить). И уже огромно количество заряженных ружей. (И ворон застрелен кем-то). Но заряженных ружей так много, что люди начинают стрелять друг в друга».

Песенка «Ворон» Булата Окуджавы, посвящённая Анатолию Жигулину, впоследствии вошла в альбом «Когда опустеет Париж» (1996).

Если ворон в вышине,
Дело, стало быть, к войне!
Если дать ему кружить,
Если дать ему кружить,
Значит, всем на фронт иттить.
Чтобы не было войны,
Надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,

Чтобы ворона убить,
Надо ружья зарядить.
А как станем заряжать,
Всем захочется стрелять.
Ну, а как стрельба пойдёт,
Ну, а как стрельба пойдёт,
Пуля дырочку найдёт.
Ей не жалко никого,
Ей попасть бы хоть в кого.
Хоть в чужого, хоть в свово,
Хоть в чужого, хоть в свово,
Во – и боле ничего.
Во – и боле ничего,
Во – и боле никого,
Во – и боле никого,
Кроме ворона того –
Стрельнуть некому в него...

«22 мая 1990 года, вторник. Был у Булата. <...> Подарил мне две книги. Сдал свой партийный билет Леночке в партком. Она не поняла кому письмо, а потом радостно догадалась:

– А! Это партийный билет! Сейчас многие сдают».

Лихие 1990-е годы сблизили их ещё больше: они вместе переживали за судьбу страны, вместе создавали новый Союз российских писателей...

Дальнейшие записи А.В. Жигулина свидетельствуют не только о его переживаниях, связанных с кончиной друга и собрата по перу, но и содержат важные литературоведческие и биографические сведения о Б.Ш. Окуджаве.

Запись в дневнике: «12 июня 1997 года, четверг. <...> Полночь, час ночи на 13-е. Печальная новость. Поздно вечером в четверг в военном госпитале в Париже умер Булат Окуджав... Царствие небесное тебе, Булат!.. К трагическому сообщению за целый день уже подготовило нас телевидение. По всем программам говорили, что Булат очень

плох, что приехал он во Францию по частному приглашению, что решил устроить в Париже небольшой концерт для друзей, что у него уже была операция на сердце и др. подробности. Показывали кадры с ним и его портреты.

Господи! Сколько крупных талантов ушло от нас в последний год, в последнее время! Б. Можаяев, В. Соколов, В. Солоухин, Ю. Левитанский, И. Бродский... И вот Б. Окуджава. Смерть словно косою косит. Почти пусто вокруг!..»

«13 июня 1997 года, пятница. Спал пять с половиной часов. Мало. Наступает, гремит где-то гроза. Звонки о Булате – И. Ришиной, Л. Абаевой. Ришина сказала, что Булат перенёс грипп. Впрочем, об этом говорили и по телевизору. Отёк лёгких. Умер без сознания. Последние его слова были: “Как бы я хотел очутиться сейчас в московской больнице!” Его лечили в 23-й градской, как и меня, те же врачи. <...> Завтра его будут отпевать в Париже в православной церкви. Похороны на Ваганьковском кладбище 18-го <июня>.

Весь вечер читали с Ирой вслух стихи Булата из книги “Посвящается Вам!”. Прекрасные стихи, которые опрокидывают расхожее утверждение, что у Булата Окуджавы есть только песенные тексты».

«14 июня 1997 года, суббота. <...> В парижском православном храме Александра Невского отпели Булата Окуджаву. А крещён ли он? Оля-то крестилась. Это я знаю. В раннем детстве Булата крестить не могли – родители были ревностными партийцами. Может, отец Александр Мень его крестил?.. И какое православное имя дали ему при крещении? Богдан? Борис? Или грузинское Бидзин? Ещё на “Б”: Боголен и Боян. Больше нет <имён> в святцах».

«18 июня 1997 года, среда. <...> Днём и вечером слушали с Ирой пластинки Булата. <...> Замечательное поэтическое и музыкальное явление – Булат Окуджава. Мудрость, философичность. Пение и слова многих песен очаровывают. Я особенно люблю “Грузинскую песню”, “Мы за ценой не постоим”, “Чудесный вальс”, “Прощание с новогодней ёлкой”, “Песенку о Моцарте”, многие другие. Всех не перечислить. Да. Конечно, “По Смоленской дороге”,

“Полночный троллейбус”. Это из самой первой маленькой пластинки. Талант, конечно, огромный. Что и говорить».

«19 июня 1997 года, четверг. Прощание с Булатом. Три красные розы (Ира купила). Дождь. Булата привезли к дому. <...> В “Московском комсомольце” на первой странице сказано, что: “В Париже перед смертью Булат Окуджавы принял крещение. В Москву он вернулся Булатом – Иоанном”. Слава Богу! А то ведь Булат всю свою жизнь был атеистом, хотя часто упоминал Бога в своих стихах и песнях. Господь в его творчестве был неким абстрактным литературно-эмоциональным понятием, поэтическим знаком, образом. Надеюсь, что крестили Булата не в бессознательном состоянии».

«23 июня 1997 года, понедельник. <...> Слушали с Ирой Булата. Две пластинки. Это уникальное музыкально-поэтическое и личностное (голос, интонация) явление. Жаль Булата! Ему бы ещё жить да жить. Но Ольга потащила его погулять в Европу. Когда он уезжал в Германию, он сказал мне, что едет лечиться, а на самом деле читал там лекции, деньги зарабатывал. И во Франции собирался выступать. И вот нету его. А сидел бы на даче и писал бы потихоньку, – всё было бы хорошо.

<...> Вечером снова слушали с Ирой Булата: “Чудесный вальс”, “Он, наконец, вернулся в дом”, “Прощание с новогодней ёлкой”, “Молитва Франсуа Вийона”, “Песенка о Моцарте”, “О Володе Высоцком”, “Примета”. Господи! Какая это невосполнимая потеря! Но хорошо, что хоть голос его остался. Это словно душа Булата».

«24 июня 1997 года, вторник. <...> Опять слушал Булата и грустил о нём».

Спустя год А.В. Жигулин с радостью принял предложение своих друзей посетить Дом-музей Булата Окуджавы в писательском посёлке Переделкино.

«7 сентября 1998 года, понедельник. <...> Ездили к Ирине Ришиной и Льву Шилкову в Дом-музей Булата Окуджавы. Очень хорошо и интересно. Я подписал книгу так: “Дому-музею Булата Окуджавы – сердечно!”

ПОДРАЖАНИЕ БУЛАТУ

Музыкант в лесу под деревом
наигрывает вальс
И уже листья берёз поблёскивают ржаво.
Что касается меня, то я прослушиваю Вас!
И не могу наслушаться я Вас,
Маэстро Окуджава!.. ”

В музее на полках – как бы уголки друзей. Есть и мой. В центре его полураскрытая книга “Чёрные камни 1996” с надписью, мой портрет с номером на груди работы Корзанова. По сторонам – ксероксы; стихи Булата “Ворон”, посвящённые мне, и моё стихотворение “Чёрный ворон, белый снег”, посвящённое Булату.

Есть одна очень интересная фотография: на сцене за столом (видимо, в ЦДЛ) четыре поэта: я, Булат, Глазков, Белла. Такой фотографии у меня нет. Видимо, середина 70-х годов. Я рассказывал о Булате (как познакомились в Ленинграде в ноябре 1963 года, как общались, живя в одном доме, и многое др.).

Пел песни Булата, а также “Колымскую песню” и “Даль и душа прояснились...” Беседовали о Булате. Всё это снимал видеокамерой Лев Шилов. И Ришина сейчас, поздно вечером, позвонила и сказала, что уже видела запись, что получилось великолепно.

Пили крепкий чай с пряниками».

Как свидетельствует дневник, Анатолий Владимирович Жигулин в последние годы жизни часто вспоминал Булата Окуджаву, листал его книги, часами слушал его мудрые и печальные песни. Слушал и не мог наслушаться...

Как утомлённый долгим и изнурительным походом путник, приникнув к роднику, не мог утолить жажду...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

(Б.А. Ахмадулина)

В 1999 году поэт Анатолий Жигулин написал рассказ «Прогулки с Беллой»¹. Уже из названия понятно, что главный герой этого произведения (помимо самого автора) – Белла Ахмадулина...

Как и другие прозаические произведения Жигулина, рассказ основан на реальных событиях и личных переживаниях автора. «Прогулки с Беллой» – рассказ-реквием о любви на закате жизни. Это стихотворение в прозе, поражающее обнажённостью и целомудренностью чувств.

Дневники Анатолия Жигулина, поступившие в 2013 году на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина, раскрывают историю создания рассказа, содержат дополнительную информацию о личных и творческих отношениях известных поэтов.

Следует сразу сказать, что в рассказе присутствуют ещё два важных действующих лица. Это Ирина Викторовна Жигулина (1932–2013), супруга, муза и верный помощник поэта, и Борис Асафович Мессерер, муж Беллы Ахмадулиной, театральный художник, сценограф, педагог.

Ангелы-хранители...

Сюжет рассказа. Летом 1998 года Жигулин в очередной раз оказался в Центральной клинической больнице (ЦКБ) с тяжёлым недугом. Предстояла опасная, рискованная для жизни операция. Врачи не были уверены в благополучном её исходе в связи с тем, что их пациент, мягко

¹ Жигулин А. Прогулки с Беллой // Литературная газета. – 1999. – 8 – 14 декабря; Или : Жигулин А. Полвека боли и любви : стихотворения и проза. – М. : Союз российских писателей, 2001. – С. 301–318; Или : Жигулин А. Далёкий колокол. Стихи, проза. Письма читателей. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2001. – С. 645–663.

говоря, не отличался богатырским здоровьем (до этого он уже перенёс несколько инфарктов). Выдержать испытание Жигулину помогла Ахмадулина, по счастливой случайности оказавшаяся в той же больнице в соседнем корпусе.

Из дневника Анатолия Жигулина:

«18 июня 1998 года, четверг. <...> Приходили Ира и Вова. <...> Встреча у аптеки с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером. Белла лежит в другом корпусе. Беседа...»

Из рассказа «Прогулки с Беллой»:

«Приехали навестить меня жена Ирина и сын Володя. Я провожал их. Мы уже были в огромном вестибюле Главного корпуса, когда Ира сказала:

– Смотри, у аптечного киоска – Белла и Боря.

– Да, – сказал я громко, – это Белла и Боря.

Они услышали, обернулись, и Белла воскликнула:

– Толечка, и ты здесь?! Как хорошо! Я в пятом корпусе.

Это недалеко. По асфальту и немного через лес. Приходи ко мне!.. Нет, я завтра сама к тебе приду! Какая палата?

– 580! На этом лифте подниматься.

– Хорошо! До завтра!».

Фразы простые и лаконичные. Без эпитетов и деепричастных оборотов. Восклицательные знаки свидетельствуют о чувствах, которые переполняют наших героев. Талант и искренность – отличительные черты поэзии Анатолия Жигулина и Беллы Ахмадулиной. Такими же – открытыми всему миру – они были и в жизни...

Продолжение рассказа «Прогулки с Беллой»:

«Я проводил своих и поднялся в свою палату. И стал вспоминать Беллу. Её стихи попались мне сразу после моего возвращения с Колымы и реабилитации – в конце 50-х годов в каком-то журнале, кажется, в “Юности”. Стихи были прекрасны. Если юная девушка пишет такие чудесные стихи, подумал я, – это большая радость для русской поэзии.

Познакомились в Москве в середине шестидесятых годов, может, и раньше – на каких-то выступлениях. Обменялись книгами».

Далее автор вспоминает поездку в составе писательской организации в Грузию. Было это в 1972 году. «Поэтов <было> много, но я помню ярко только Беллу», – пишет Жигулин.

Дневник писателя позволяет точно определить дату поездки в Грузию – 5–14 октября 1972 года. Именно тогда по приглашению вновь избранного первого секретаря ЦК Компартии Грузии Эдуарда Шеварднадзе республику посетила делегация советских писателей во главе с Константином Симоновым.

В «Грузинском дневнике» неоднократно упоминается имя Беллы Ахмадулиной. Цитирую:

«Р<азгово>р с Беллой о кузнечике».

«Во время ужина – беседы с Беллой (о том, как она швырнула туфлю в Ф. Чуева, когда тот предложил тост за “самого великого грузина”. Молодец, Белла! И главное – попала прямо в нос и разбила до крови. А было это где-то здесь в Грузии). Беседа и на иные темы. Танцы».

«Белла со вчерашнего дня весьма ко мне прониклась».

«Правительственный приём в ресторане “Арагви”. Стоя. Стульев не было. Говорят, это впервые в Грузии. После приёма хороший вечер у Эдика Элигулашвили. Очень хорошо прошло время. Читали стихи: Белла, я (“Кострожогги”, “Бурундук”, “Забытый случай”), Ю. Ряшенцев, А. Тарковский, А. Цыбулевский. <...> Мои стихи понравились, даже потрясли кое-кого. И Тарковский проникся, не говоря уже о Белле...»

Имя Беллы Ахмадулиной подчёркнуто розовым фломастером и с двух сторон шариковой ручкой выделено высокими чёрточками. В дневнике Жигулина много таинственных знаков в виде кружочков, стрелочек, инициалов, каких-то иероглифов, смысл которых был понятен только ему одному. Впрочем, некоторые тайны автору этих строк удалось расшифровать.

Но это тема для отдельного разговора.

Продолжение рассказа «Прогулки с Беллой»:

«Белла пришла ровно в девять утра, сразу после завтрака. Она была в короткой курточке и в длинных белых брюках с черными квадратиками. В руках – букет цветов. Лицо её сияло небесной радостью.

– Толечка родной! Я к тебе пришла!.. Вот цветов тебе принесла, нарвала на пустыре. Они уже в стакане с водой. Стакан я стащила в нашей столовой.

– Спасибо. Бел! Ты такая очаровательная! Я тебя поцелую?

– Да, конечно! Мы сегодня ещё не целовались.

И я подумал: Боже мой! Да ведь это судьба посылает мне последнюю в моей жизни любовь (я был уверен, что не выдержу операцию)».

Ключевые фразы из рассказа «Прогулки с Беллой»:

«...В первые же дни наших прогулок вдруг твёрдо выяснилось, что нас давно, может быть, с Грузии, связывает какое-то особенное тонкое дружеское чувство понимания и даже нежности, очень похожее на любовь. Оно долго теплилось и вспыхнуло вдруг ярко в ЦКБ.

Наверное, поэтому наши долгие прогулки были насыщены и радостными, и печальными ощущениями, как сама жизнь, из которой ничего нельзя ни выкинуть, ни забыть. Мы целиком интересовали друг друга – и своими судьбами, и своим творчеством, и своим разным душевным и жизненным опытом.

Мы словно бы пришли из двух разных миров, но, несмотря на это, оказались вдруг очень близкими людьми».

Имя Беллы Ахмадулиной часто мелькает на страницах дневников Анатолия Жигулина 1970–1980-х годов. Два поэта встречались на писательских собраниях, творческих вечерах в Центральном Доме литераторов, в редакциях газет и журналов. Упоминается её имя и в разговорах с другими поэтами.

«8 января 1973 года, понедельник. Встреча и беседа с А. Вознесенским во дворе СП СССР. Шёл впервые за зиму снег. О поэзии... О Б. Ахмадулиной – рожать собирается. Дай бог!»

В октябре 1973 года Жигулин во время выступления на вечере поэзии в Политехническом музее, посвящённом В. Маяковскому, прочёл стихотворение «Забытый случай»:

Забытый случай, дальний-дальний,
Мерцает в прошлом, как свеча...
В холодном БУРе на Центральном
Мы удавили стукача.

Случай, честно говоря, жуткий: двенадцать заключённых, взявшись за жгут с двух сторон («чтоб никто не смел сознаться, когда допрашивать начнут»), совершили самоубийство над человеком, пусть и плохим. Ортодоксальные литературные чиновники решили наказать поэта за публичное чтение «антигуманных стихов». В защиту Жигулина выступили К.М. Симонов, В.Н. Соколов, Е.А. Евтушенко и другие известные литераторы. Естественно, не могла остаться в стороне и Белла Ахмадулина.

«26 ноября 1973 года, понедельник. Редакция <журнала> “Дружба народов”. Приходил Кайсын <Кулиев>. Знает о моём выступлении в Политехническом и о моих неприятностях в связи с этим. Очень, мол, Белла беспокоится за тебя. Она, дескать, помнит это стихотворение о стукаче – по Грузии, и очень взволновалась. Что ж, спасибо Белле. Она – добрая душа! Да и Женя, мол, Евтушенко тоже был возмущен всем этим делом».

Поясним: Кайсын Кулиев – не только знаменитый в то время балкарский поэт и друг Анатолия Жигулина. Его сын, режиссёр Эльдар Кулиев, в 1970-х годах был гражданским мужем Беллы Ахмадулиной и отцом их общего ребёнка².

Ахмадулина искренне радовалась успехам своих друзей и коллег. В том числе, конечно, и Жигулина.

² После публикации этого очерка в журнале «Знамя» (2019, № 9) Г.М. Умывакина позвонила мне, поздравила и сообщила, что в письме к ней Павла Антокольского от 18 декабря 1972 г. есть такое свидетельство: «Было и другое: Белла Ахмадулина в ЗАГСе венчалась с юношей Эльдаром, сыном Кайсына Кулиева. Ваш собкор выступал как благородный посаженный отец».

«19 июня 1975 года, четверг. <...> Восторженный отзыв Б. Ахмадулиной о моих стихах, обо мне».

«26 октября 1975 года, воскресенье. <...> Звонок Белле Ахмадулиной по новому телефону. <...> Разговор с Беллой – о новой её книге, и вообще – краткий разговор о жизни».

«1 января 1995 года, воскресенье. Вчера вечером меня поздравили с Новым годом и 65-летием... Очень порадовала меня Белла Ахмадулина. Она в восторге от моих “Чёрных камней”:

– Толечка родной! Я всё время читаю твою книгу. Читаю и перечитываю. Это прекрасная проза! Я много прочитала всего о тюрьмах и лагерях, но с такой великолепной книгой я встретилась впервые. Ты пишешь так тонко и удивительно. И стихи в книге прекрасны – мудры и человечны. Спасибо тебе!».

Ахмадулина первой встала на защиту Жигулина, когда в 1995 году на страницах столичной газеты появился тенденциозный материал, содержащий грубые выпады в адрес писателя. В коллективном письме под названием «Чёрный камень – в автора “Чёрных камней”», подписанном известными литераторами, в частности, говорилось: «Жигулин жил и живёт как бессребреник, как подвижник, не желая суетиться и унижаться в пресловутой борьбе за место под солнцем. Это просто противно его природе, природе поэта и человека. Присутствие таких людей в обществе бесценно, ибо способно облагородить сам духовный климат» (*«Литературная газета», 24 мая 1995 года*).

В 1996 году Жигулин Указом Президента России был удостоен Пушкинской премии в области поэзии. В числе его самых активных сторонников, хлопотавших о присуждении премии, была Ахмадулина.

«2 августа 1996 года, пятница. <...> Давно хочу написать трогательную деталь. Когда фотографировались в Георгиевском зале с Президентом, я оказался рядом с Борей Мессерером. Он мне сказал:

– Моя Белла чуть с ума не сошла из-за Вашей премии (так хлопотала!)».

Как и многие современники, Жигулин ценил в Ахмадулиной не только её блестящий талант, но и благородные личные качества, бескорыстную гражданскую позицию, готовность прийти на помощь любому обиженному властями человеку. Она исключалась из Литинститута за отказ поддержать травлю Бориса Пастернака после присуждения ему в 1958 году Нобелевской премии по литературе. Участвовала в создании неподцензурного литературного альманаха «Метрополь». Выступала в поддержку советских диссидентов Андрея Сахарова, Льва Копелева, Георгия Владимова, Владимира Войновича.

Бывшему политзаключённому и яркому противнику тоталитаризма Анатолию Жигулину это не могло не импонировать.

«11 апреля 1997 года, пятница. <...> Идёт уже несколько дней по всем программам телевидения и по всем газетам юбилейный бум Беллы Ахмадулиной. Что ж, она этого стоит, о советской власти хвалебных стихов не писала... Она поэт истинный и органичный. Ей могут дать и Нобелевскую премию».

Из «больничного» дневника Жигулина:

«19 июня 1998 года, пятница. <...> Схема дня. Спал хорошо – 7 часов беспробудно. Был на новом исследовании. Ультразвуковая ангиография. Пришёл в свою урологию, а в коридоре меня встречает Белла:

– Толечка родной, я к тебе пришла! Цветов тебе нарвала. Пойдём!

Заходили в палату, беседовали. Потом гуляли возле корпуса».

«20 июня 1998 года, суббота. <...> Самое яркое впечатление дня: явилась в палату Белла в белой одежде и с букетом полевых цветов – колокольчики, васильки, ромашки, будра плющевидная, клевер, лютики:

– Это я тебе, Толечка, нарвала на пустыре.

Очень трогательно. Гуляли, она привела меня в свою палату по лесной тропинке. Угощала соком, кофе, красной икрой. Кормили белым хлебом ворона с балкона её боль-

ничного “люксика”. Договорились, что напишем и посвятим друг другу стихи. Вообще очень интересно беседовали. Она придёт теперь в понедельник.

P.S. Последние новости. Вечером приходила Белла с дочкой Аней. Подарил Белле последнее издание “Чёрных камней”».

«22 июня 1998 года, понедельник. <...> Приходила Белла. Она каждый день приходит.

<...> После обеда долго был у Беллы (5 корп., 328 палата). Она была рада. Угощала меня красной рыбой, каким-то особенным сыром, кофе. Интересная беседа (Евтушенко, Андрей <Вознесенский>, Бродский и др.). Она провожала меня к моему корпусу, встретил нас на машине её муж. Подкинули меня до моей обители».

«23 июня 1998 года, вторник. <...> Моя книжка с портретом на столе у Беллы с закладкой из вороньего пера на “Урановой удочке”.

Вечером она пришла ко мне в “шахматных” штанах-колготках. Курение на лестнице, прогулки по парку до большой клумбы. Прощание. Она уже написала мне стихи, но не прочла (недоделаны ещё). Я – как ниточка жизни, за которую она держится. “Не выписывайся, – говорит, – без тебя, Толечка, я не смогу”. Жаль её. А что можно сделать? На неё давит её прошлая жизнь. Борис прилагает невероятные усилия, чтобы удержать её на плаву».

Записи в дневнике Жигулина накануне и в ночь перед операцией:

«29 июня 1998 года, понедельник. Ночью проснулся около трёх часов от странного и мрачного сна. <...> Был обход во главе с В.П. Козловым, зав. отделением. Он будет оперировать. Говорили, в частности, о том, что операция на вене может не понадобиться. Я сказал, что внутренне готов к операции, но жена сомневается, а она, как известно, главнее.<...>

Гуляли с Беллой по парку – к магазину “Цветы” и к нашему корпусу через стройку. <...> Заходили и в мою но-

вую палату. Белла за операцию. Обещала завтра принести молитву Иоанна Кронштадтского. Прощание на тропинке.

Исследовали сегодня в КФД (*кабинет функциональной диагностики*. – В. К.) моё дыхание. Мысли мрачные. Много курю. Помоги, Господи и Пресвятая Богородица! Помогите, святые Николай Чудотворец, Великомученик-целитель Пантелеймон и мой Ангел-хранитель Анатолий! Помогите, все святые!».

Операция была назначена на четверг, 2 июля. Сколько их было в жизни Жигулина! Однажды сам Твардовский звонил хирургу в московскую больницу с просьбой сделать всё возможное, чтобы спасти жизнь поэта.

А сколько было других случаев! Но тогда он был сильнее и моложе. Выдержит ли сейчас?

Из дневника Жигулина:

«1 июля 1998 года, среда. <...> Терапевт написала, как и прежде, что из-за сердца риск операции чрезвычайно высок. Но операция будет. <...> Приходила Белла в белом. Принесла свою книжку с нежной дарственной надписью и стихотворением, мне посвящённым.

22.20. Говорил минуты три с Вовой и Ирой. Ира:

– Держись! Всё будет хорошо. Мы молимся за тебя. Борьба и Победа!

– Борьба и Победа!

Помоги, Господи!».

«Борьба и Победа!» – это клятва КПМ. Она произносилась в самые драматичные и самые ответственные моменты. Главнее этих слов в жизни Жигулина и его товарищей не было.

Накануне операции Ахмадулина подарила ему свою книгу и большую тетрадь в красной обложке.

Дарственная надпись на книге: «Дорогому другу и собрату Анатолию Жигулину с просьбой и пожеланием возыметь ещё более присущих ему сил и дарований – для вдохновения и утешения многих людей (в том числе и меня – любящей его Беллы Ахмадулиной)».

Мой друг, мой брат, мой Анатолий!
Не забывай: я – здесь, я – есмь.
В составе наших анатомий –
проклятье тех оленьих мест.
Ты – Высших почестей достоин
и беды их не сокрушат.
Твой охранитель – чудотворец,
уввы, он не упас Кронштадт,
и так бывает, что убивец
сильней того, чей дар высок.
Тем более, души любимец,
тебя Он, Толька, упасёт.
В сей день твержу тебе, Жигулин:
вдвоём мы в этот мир пришли.
Избранник, каторжник, игумен,
пребудь! прими тетрадь! пиши!
Твоя Б.А.

1 июля 1998 г.

Из рассказа «Прогулки с Беллой»:

«Получая ежедневно такие стихи или письма, да ещё и цветы, можно ли было думать об операции? Нет, конечно. Вернее, так: операция представлялась мелкой досадной необходимостью, из-за которой я целый день, а может быть, даже и два не буду видеть Беллу.

Когда в посетительский день Ира увидела на моём столе семь букетов полевых и лесных цветов, она спросила:

– Это Белла тебе принесла?

– Да! – ответил я с гордостью.

– Какая хорошая Белла! Наверное, целую поляну обоврала... Не думай об операции, думай о Белле.

– А я и не думаю об операции. Посмотри, какие мне Белла стихи пишет.

– Прекрасные стихи! А где тетрадь?

– Вот и тетрадь.

– Так и пиши в ней свои стихи – Белле. Она ведь пишет: “прими тетрадь! пиши!”

– Я после ей напишу. Сейчас что-то не пишется».

Из предисловия Беллы Ахмадулиной к подборке стихов «Из больничной тетради» (сентябрь 1998 года):

«Анатолий Жигулин до операции приходил ко мне в пятый корпус. Мы стояли на балконе, я просила его согласиться на операцию и просила его есть. <...> Во время операции – оперировал врач Вадим Петрович Козлов, хороший врач, хороший человек, – я молилась о Толе».

Операция прошла благополучно. Итогом этих встреч и волнений для обоих поэтов стали стихи.

Из рассказа «Прогулки с Беллой»:

«После операции я встал на ноги очень быстро, дня через два. Но спускаться вниз и гулять в лесу мне ещё было нельзя. Белла приходила ко мне в палату с цветами и блокнотиком. Я уже знал, что она пишет в нём стихи, поздно вечером в своём корпусе правит их и переписывает, а утром приносит мне. Великая труженица, она писала стихи быстро и хорошо. А я только мечтал написать ей стихи.

По утрам в больнице всегда суета, а у меня ещё и перевязка. Лучшее время было для нас после обеда и особенно вечером. Мы сидели рядом на диване в пустом холле и разговаривали. Иногда наши беседы приобретали фантастические оттенки.

– Толечка, если бы мы с тобой поженились, у нас была бы хорошая семья – трое детей.

– А кто дети?

– Двое моих дочерей и твой сын Володя.

– А куда бы мы Иру-то дели? И Борю?

– Да, действительно...

– Я ведь с Ирой живу лет тридцать пять. Да ведь мы и венчались с ней...

– А мы бы с тобой тоже повенчались.

– Это никак нельзя, Бел. При живой венчанной жене венчаться с другой женщиной – это тяжкий грех. И ни один священник венчать не будет.

– Да, я это знала, но забыла. Наверное, Ворона правильно сказала...

– Ворона – глупая птица...

– Тогда пусть всё останется, как было и как есть... Давай только дадим клятву всегда дружить и любить друг друга. Как два гепарда.

<...> Иконы были теперь в холлах в каждом отделении.
<...> Молодой и красивый великомученик и целитель Пантелеймон внимательно выслушал нашу клятву».

Всему рано или поздно приходит конец. Так устроен мир. И с этим ничего не поделаешь.

Из рассказа «Прогулки с Беллой»:

«Однажды Белла пришла не одна, а с Борей. Они пришли прощаться.

– До свидания, Толечка! Когда будешь дома, звони мне, я к тебе приеду.

Мы поцеловались и перекрестили друг друга. Так мы всегда прощались по вечерам. Без Беллы стало грустно.

Но вскоре и меня выписали. За мной приехали Ира и Володя».

Платонический роман, вспыхнувший в ЦКБ, не погас после выписки главных героев рассказа из больницы. Он продолжал ярко гореть. И вскоре этот костёр заметила Москва и вся Россия.

Из дневника А.В. Жигулина: «2 августа 1998 года, воскресенье. Ровно месяц со дня операции. Но слабость ужасная. <...> Были, навещали меня Белла и Боря. Белла принесла, подарила новую синюю чашку с цветком.

Очень интересный разговор (родословное древо Раевских герба Лебедь), фотографии, мемориальный уголок, книга, нарицаемая “Златоустом”, и многое другое».

«7 августа 1998 года, пятница. <...> Днём звонила Белла. Сказала, что всё написанное ею мне в ЦКБ под названием “Из больничной тетради” берёт И. Виноградов в бывший “Континент”».

«10 августа 1998 года, понедельник.

Звонила Белла... Была на прощании со Шнитке. А вечером — поминки. Рассказала, что в Грузии в довольно взрослом состоянии её крестили Анной. Опять разговор о её

больничных текстах. Нынче же сделаем ей ксерокопии. Об И. Виноградове и предстоящей у него её публикации».

Подборка стихотворений Ахмадулиной, посвящённых Жигулину, под названием «Из больничной тетради» была опубликована в журнале «Континент» (1998, № 3).

Жигулин и его семья в последние годы жили в нищете, на грани голода. Помогали воронежские и московские друзья, в том числе Белла Ахмадулина и Борис Мессерер.

«11 августа 1998 года, вторник. <...> Ира и Вова ездили к Белле – отвезли ксерокопии её больничных стихов и молитв, привезли от Беллы и Бори помощь – 300 долларов. Вот уж спасибо настоящим друзьям».

«17 сентября 1998 года, четверг. Спал мало, всего часа 3–4. Во сне сочинил четверостишие. См. зап<ись> 1391. Впрочем, вот оно:

Тюрьма да больница
Да вечный покой...
И вещая птица
Кричит за рекой...

<...> Долго говорил с Беллой. Она ждёт от меня посвящённых ей стихов».

«18 сентября 1998 года, пятница. Ночью спал всего 3–4 часа. Не дало уснуть стихотворение. Встал ещё до семи. Работал, выправил. Читал Белле. Она одобрила стихи, сказала, что они прелестные, замечательные.

Читал стихи и Ирине Ришиной. Она тоже в восторге. Она же дала мне дачный телефон Натальи Ивановой. Она сказала, что первая вёрстка 11-го номера <журнала “Знамя”> придёт в понедельник. И, возможно, что найдётся место для одного 24-строчного стихотворения.

Если в подборке есть “воздух”, то можно будет поставить новые стихи. Дай бог!»

«21 сентября 1998 года, понедельник. <...> Важное дело – поездка в журнал “Знамя”. <...> В редакции встретили нас радушно и Чупринин, и Иванова, и Ермолаева. Новое стихотворение всем понравилось и “воздух” в корректуре нашёлся. И строку для общего названия взяли оттуда, из стихов, посвящённых Белле: “Фиалка и вереск” <...>. Дома беседа с Беллой и Борей. Белла попросила прочитать стихи “Тюрьма да больница” Боре – понравилось и ему. Изящное – говорит».

«19 ноября 1998 года, четверг. <...> Вчера говорил с О. Ермолаевой – стихотворение, посвящённое Белле, представлено, уместилось. Журнал выйдет в конце ноября».

Не трудно представить, с каким волнением Жигулин взял в руки 11-й номер журнала «Знамя», в котором было напечатано его стихотворение, посвящённое Ахмадулиной.

Тюрьма да больница,
Да вечный покой...
И вещая птица
Кричит за рекой.
А речки не видно –
Сосна высока.
А может, придумалась
Эта река?..
В костюмчике белом
Под пенье дроздов
Идёт ко мне Белла
С букетом цветов.

Фиалка и вереск, –
Лесные цветы.
Последняя прелесть
Земной красоты.
Она каждый день
Навещает меня,
Как белая явь
Среди чёрного сна.
На свете на белом
Немало чудес –
И чудная Белла,
И сказочный лес.

1998

«2 декабря 1998 года, среда. Разговор по телефону с Борей Мессерером. Белла опять была в больнице три недели. Не было, мол, выхода. Я сказал, что вышел журнал со стихами, посвящёнными Белле. Борис:

– Это очень хорошо! Встретимся через пару дней. Изящное стихотворение...»

Бежали дни. И все они – в той или иной мере – были наполнены мыслями о Белле.
«17 августа 1999 года, вторник. <...> Мы договорились встретиться с Беллой в среду. Я на всякий случай позвонил. Боря сказал, что он поместил Беллу в Боткинскую больницу. Недели на две. Упрятал свою Цаплю.

– Беллочка, ты Цапля.

– Почему?

– Потому что у тебя ноги длинные».

«24 сентября 1999 года, пятница. <...> Белла позавчера выступала в ЦДЛ. Борис брал её из больницы. Скоро будет дома. Звонить в воскресенье или понедельник».

«27 сентября 1999 года, понедельник. Белла прислала с Володей свою новую книгу “Возле ёлки”, журнал “Знамя” с новыми стихами, иконку Казанской Богородицы и большую бутылку кагора из Анапы.

Какая прелестная девушка!».

«14 октября 1999 года, четверг. <...> Разговор с Беллой. <...> Пишет предисловие. Договорились звонить ежедневно».

«19 октября 1999 года, вторник. День лица. Телефонный разговор с Беллой. Поздравления. <...> У Беллы нынче трудный день: открытие мемориальной доски, вечер Вознесенского и ещё что-то».

«22 октября 1999 года, пятница. Я ещё спал, когда позвонила Белла. Ира с ней разговаривала. Белла сказала, что они с Борей на субботу и воскресенье поедут в Суздаль и Владимир, а потом мы встретимся у них или у нас».

Именно в те дождливые осенние дни рождается идея написать рассказ об Ахмадулиной. На вклеенном в общую тетрадь вставном листе Жигулин пишет: «Забавный случай в жизни: Белла...».

С этого дня начинается кропотливая работа над рассказом.

«23 октября 1999 года, суббота. <...> Думаю над рассказом “Последняя любовь” – обо мне и Белле в ЦКБ и на воле».

«24 октября 1999 года, воскресенье. Весь день до глубокой ночи работал, думал над рассказом “Последняя любовь”, над композицией, диалогами, но не написал ни строчки. Материала в уме много. Есть и больничный сухой дневник, забытый на даче. Не хватает, может быть, немного самой Беллы. Впрочем, Беллы вполне достаточно.

Задача трудна тем, что я всех называю своими именами, как Феликс Светов в рассказе “Русские мальчики”. И надо написать так, чтобы никто не обиделся – ни Белла, ни Ира, ни Боря. Поскольку со времени нашей дружбы с Беллой в ЦКБ прошло уже больше года (и это время я болел), я не очень ясно помню, что было в самом деле, а что незаметно придумалось, гиперболизировалось.

Впрочем, главное в том, что любовь была, и она ещё продолжается. Но это какое-то особенное чувство. Оно начиналось давно, бог знает когда ещё в Грузии (1972) и вспыхнуло ярко в ЦКБ».

«25 октября 1999 года, понедельник. Написал кое-как начало рассказа про себя и Беллу. Около страницы. Кажется, плохо. Случайно нашёл первую книгу Беллы “Струна”».

«27 октября 1999 года, среда. Работа над рассказом. Строка: “Лицо Беллы сияло небесной радостью”».

«28 октября 1999 года, четверг. Спал мало. Во время работы это закономерно. <...> Работа над рассказом (первый приход Беллы ко мне, её разговор с хирургом В.П. Козловым)».

«31 октября 1999 года, воскресенье. <...> Работал над рассказом “Последняя любовь”. <...> Звонил из Калуги Владислав Трефилов. Я сказал ему, что в “Шедевры русской лирики” надо было поместить и Беллу Ахмадулину. У неё много подходящих для этого сборника прекрасных стихов.

Вечером заболела голова. Снова спал и снова сидел над рассказом».

«1 ноября 1999 года, понедельник. Работал над рассказом. Шлифовка разговора Беллы с хирургом В.П. Козловым».

«2 ноября 1999 года, вторник. Работа над рассказом. Вставка о Вороне. Реанимация. Видение Беллы».

«6 ноября 1999 года, суббота. <...> Уже ночь. Я перечитал свой рассказ-воспоминание “Последняя любовь”. Он мне не понравился. Кажется, плохо получилось. А Ира ещё не читала. <...> Белле не звонил и не буду звонить. <...> Господи! Помоги рабе твоей Анне! Исцели её!

Белла в святом крещении – Анна. Крестили её в Грузии, как она говорит, в довольно взрослом виде. Но кто её святая покровительница – она не знала. Я по церковному календарю легко выяснил, что это святая благоверная княгиня Анна Кашинская.

День рождения Беллы 10 апреля, крестили её в середине июня. А 25 июня один из двух дней памяти св. Анны. Трудная была жизнь св. Анны – и не только земная, но и после канонизации.

У меня есть старая (около XVII в.) икона св. Анны Кашинской. Это большая редкость. Ведь по приказу патриарха Иоакима все её иконы были уничтожены. А вновь прославлена она была только в 1909 году, 12 июня, т. е. 25-го по новому стилю».

По мере работы название рассказа изменилось. Не последнюю роль в этом сыграла Ирина Викторовна, которую Анатолий Владимирович полушутя-полусерьёзно иногда представлял своим друзьям так: «Это мой главный редактор, главный критик и главный цензор».

Судя по дневниковым записям Жигулина, у Ирины Викторовны были серьёзные замечания по тексту рассказа. И даже сомнения по поводу его публикации. Она настаивала на том, что рассказ необходимо показать какому-нибудь авторитетному писателю.

«8 ноября 1999 года, понедельник. <...> Ира, наконец, прочитала рассказ и сделала по нему замечания. Название я придумал новое: “Прогулки с Беллой”».

«9 ноября 1999 года, вторник. Работа над рассказом “Прогулки с Беллой”. Сделал одну поправку и пять разных вставок. Получилось, кажется, хорошо».

«16 ноября 1999 года, вторник. Вчера поздно вечером Ира набросала мне радикальные замечания по рассказу».

«19 ноября 1999 года, пятница. Днём, около 13 часов, говорил с Беллой. Договорились, что мы с Володей придём к ней в начале той недели. Вычитывал исправленный текст рассказа “Прогулки с Беллой”. Сейчас Ира взяла его для внимательного чтения, для выяснения новых недостатков. Я уже правил рассказ по замечаниям Иры. См. рукопись – вставки, поправки, купюры».

«25 ноября 1999 года, четверг. Звонок Белле. <...> Говорит, что уже пообещала Виноградову в “Континент” мой рассказ “Прогулки с Беллой” и свои стихи обо мне. Сказала, что чувствует себя зечкой и пишет <рассказ> “Прогулки с Толей Жигулиным”. Я спросил её: подарит ли она мне свою книгу “Миг бытия”. Она ответила:

– Я тебе всю жизнь свою отдам, а не только “Миг бытия”».

В этот же день в гости к Жигулиным приходил Эдуард Пашнев. Писатель, драматург, земляк.

«25 ноября 1999 года, четверг. <...> Приходил Эдик Пашнев. Я его вызвал прочитать мой рассказ. Его восторженный отзыв см. в папке 1999 года. Прекрасный отзыв! Ира, прочитав его, смягчила своё отношение к “Прогулкам с Беллой”. Однако опасается, что Боре Мессереру может не понравиться наш разговор с Беллой перед концом рассказа (“А может, мы просто уедем куда-нибудь?”)».

В домашнем архиве А.В. Жигулина сохранился лист бумаги с отзывом Э.И. Пашнева: «Толя! Я прочитал твой рассказ-реквием “Прогулки с Беллой”. Это так здорово, это так целомудренно и печально. Это такое продление любви в поэзии и в жизни за рамки обычного любовного возраста. Просто даже не верится, что так можно нежно писать, дружить, дышать стихами и ветром природы. Спасибо, что позвал и дал прочесть».

И роль жены в этом рассказе такая замечательная, чуткая. Спасибо, Толя! 25 ноября 1999 г.».

Ниже добавлено: «Толя, я аналогов такого поэтического печального чувства не знаю. Удивительное событие жизни и поэзии. И Беллу после твоего рассказа, её стихи, я люблю ещё больше. Свободная птичья чуткость в нежном полёте. Поздравляю! Э. Пашнев».

Из дневника Жигулина:

«27 ноября 1999 года, суббота. <...> Несколько раз читал и перечитывал рассказ “Прогулки с Беллой”. Хорошо бы его напечатать в “Литературной газете” перед Новым годом. Помогите, Господи!»

«29 ноября 1999 года, понедельник. Весь день работали сообща – и я, и Ира, и Вова – над вставкой о прогулках с Беллой – мой прозаический абзац и стихи Беллы; вычитывали текст. Володя “перегнал” его на дискету. Завтра он должен отнести “Прогулки с Беллой” в “Литературную газету”. Дай бог!»

«30 ноября 1999 года, вторник. Спал мало. Около пяти часов. Поливал цветы. <...> Читал-перечитывал свой рассказ. Понравится ли Белле наш краткий диалог в конце? Не обидится ли Боря?»

«4 декабря 1999 года, суббота. <...> Перечитывал рассказ. Как его Белла воспримет?».

Рассказ Анатолия Жигулина «Прогулки с Беллой» 8 декабря 1999 года был опубликован в «Литературной газете». Телефон в квартире Жигулиных не умолкал. Коллеги, друзья, земляки-воронежцы – все поздравляли автора с необыкновенной публикацией.

Не было только звонка от Беллы Ахмадулиной – она в очередной раз лежала в больнице.

«8 декабря 1999 года, среда. <...> Газета вышла. <...> Белла получилась великолепная».

«11 декабря 1999 года, суббота. <...> Послал Акаткиным газету с Беллой. Хорошая Белла получилась. Ничего не скажешь. Как она там, в больнице, худенькая, слабенькая? Исцели, Господи, рабу твою Анну!»

«17 декабря 1999 года, пятница. <...> Тоскую без Беллы».

«18 декабря 1999 года, суббота. <...> Очень тоскую без Беллы. Это, собственно, желание узнать, как отнеслась (отнесётся) она к рассказу. Прочитал рассказ. Очень он хорош. Белла хороша. И Ира. “Какая хорошая Белла. Наверное, целую поляну оборвала... Не думай об операции. Думай о Белле”. Вот я и думаю. В основном: как ей рассказ?».

Ахмадулиной рассказ в целом понравился. В целом... За исключением отдельных моментов.

«23 декабря 1999 года, четверг. Белла:

– Я удивляюсь, почему Ира не обиделась?

– Она не обижается, потому что понимает: это поэтическая фантазия, игра двух поэтов.

– И о венчании мне не нравится, но уж ладно – на меня и так много собак навешано. Ничего, дружба сохраняется, целую тебя».

«28 декабря 1999 года, вторник. P.S. к рассказу “Прогулки с Беллой”. Я написал его нынче, читал Белле. Ей очень понравилось. Чудесное, говорит, стихотворение. Мне оно очень нужно.

Ира говорила с Беллой. Тема: два поэта в ЦКБ.

Я тоже говорил:

– Любишь меня?

– Всеобщей Пушкинской любовью.

– Придёшь 1-го?

– Позвоню!

<...> Окончание разговора с Беллой:

– Толечка родной! Я тебя люблю и целую. Пока!

А раньше сказала: я придумала – мы будем писать друг другу стихи; ты мне маленькие и понятные, а я тебе большие непонятные».

Вот то самое стихотворение, которое Анатолий Жигулин прочитал Белле Ахмадулиной по телефону:

Продли, Господь, года прекрасной Беллы...

Душа моя пред ней всегда чиста.

Мне не страшны ни праведные стрелы,

Ни за спиной глухая пустота.

Сгорит в огне рождественская ёлка.
Сгорим и мы, когда пора придёт.
А вот рассказ останется надолго,
Ирины мудрый дух его обережёт.

Его прочтут совсем другие люди,
Когда пройдут ущербные года.
Рассказ о Белле всё равно пребудет,
Он так написан, чтобы быть всегда.

25–26.XII.99 г.

Стихи напоминали известное четверостишие, посвящённое Ирине Жигулиной:

Продли, Всевышний, дни моей Ирины.
Без глаз её душа моя пуста.
Я без неё – как ёлка без вершины.
Я без неё – как церковь без креста!

1981

Автор это хорошо понимал. Но ни сил, ни желания править написанное уже не было. Жизнь истекала капля за каплей. Он поправил только одну – первую – строку. Стало: «Продли, Господь, покой и счастье Беллы...»

Остальное оставил, как было.

Первого января 2000 года Жигулину исполнилось семьдесят. С юбилеем Анатолия Владимировича поздравили оба писательских союза, многочисленные поклонники его таланта. Положительные публикации появились на страницах «Литературной газеты», «Культуры», «Труда», «Вечерней Москвы», «Книжного обозрения» и других изданий.

Подводя итоги «юбилейного» дня, Жигулин пишет:

«1 января 2000 года, суббота. <...> Долгий-долгий день и вечер с поздравлениями – в телеграммах, в звонках. Поздравления с юбилеем, Новым годом и рассказом “Прогулки с Беллой”. <...> Многие читали “Прогулки с Беллой”.

Ст. Лесневский, А. Турков, Н. Кондакова, И. Ришина, из Киева Сашко Ирванец, из Пскова Иван Криворучко, кто-то из Минска...»

В один из новогодних дней в гостях у Жигулиных побывали воронежские журналисты и учёные Лев Ефремович Кройчик и Вадим Георгиевич Кулиничев. Они передали поэту местные газеты, откликнувшиеся на его юбилей. В том числе региональный вкладыш в «Известиях» с рассказом «Прогулки с Беллой».

Анатолий Владимирович внимательно стал разглядывать издания:

– Позвонил Сергей Чупринин, главный редактор «Знамени», поздравил с днём рождения и публикацией рассказа в «Литературке».

– Чупринин сказал, – добавила Ирина Викторовна, – что это изумительная маленькая повесть о любви.

– Вы не ревнуете? – задал вопрос Кройчик.

– Я? Мужа? Да вы что! Мужчина должен всю жизнь сохранять в себе чувство влюблённости.

– Борис Мессерер, муж Ахмадулиной, грозился меня убить, – засмеялся Анатолий Владимирович. – Но, как видите, я пока что жив...

Каждый день Жигулин ждёт звонка от Беллы. Но она не звонит. Расстроенный поэт пишет:

«7 января 2000 года, пятница. Рождество Господа нашего Иисуса Христа. <...> Роман с Беллой закончен. Но он был. И он был прекрасен».

«8 января 2000 года, суббота. Всю ночь смотрели и слушали Рождественскую службу из Храма Христа Спасителя. Тоскую без Беллы...»

«10 января 2000 года, понедельник. Символический день прощания с Беллой. Она обещала позвонить 1 января. Либо не дозвонилась, либо боялась Бори (он, несомненно, запретил ей звонить мне). <...>

А может, и сама не захотела звонить.

Её лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Лицо Беллы нашла мне Ира на пакете старой её пластинки. Однако всё. Беллы больше нет».

От волнения и усталости он допустил ошибку. У Блока: «Твоё лицо в его простой оправе...»

24 февраля 2000 года Жигулин делает наброски нового стихотворения, посвящённого Ахмадулиной:

Наш роман давно уже закончен,
Может, и не встретимся уже.
Бел-бел-бел – далёкий колокольчик
Всё равно звучит в моей душе.

За сосновым лесом колокольчик.
Он тебя, наверное, зовёт.
Бел-бел-бел – далёкий колокольчик
Всё ещё звенит в пустом лесу.

«10 апреля 2000 года, понедельник. День рождения Беллы и День мира. Я позвонил поздравить, и она обрадовалась и обрушила на меня волну нежности и любви:

– Толечка родной, прости меня! Я виновата. Я тебя нежно люблю и целую, и буду любить всегда, как в нашей клятве».

Дневник Жигулина свидетельствует: он думал и грустил о своей Белле до самого последнего дня. Пока билось его сердце. Сердце поэта...

Некотрые современники увидели в рассказе «Прогулки с Беллой» не только платонический роман двух творческих личностей, а нечто большее. Материальное. Земное.

У Жигулина это вызвало горечь и недоумение:

«7 января 2000 года, пятница. <...> Разговор с И<риной> Ришиной. <...> Ира рассказ прочитала. Рассказ очень хорош, но, по её словам, всё-таки в тексте между

строк просматривается, что близость была, ибо без близости так нежно, ласково не пишется.

– Уж вы там, наверное, нашли для себя в лесу или больнице уголок-закуток. И досталось ей, бедняжке, за этот рассказ. <...> Вот такое мнение существует. И Ира Рижина в своём мнении не одинока, далеко не одинока».

Позволю себе высказать мнение по деликатному вопросу. Роман, несомненно, был. Платонический, как об этом пишет сам Жигулин. Дневник писателя – зеркало его души. Утаить в зеркале что-либо невозможно. Если оно, конечно, не завешено траурным покрывалом...

Не будем к тому же забывать, что речь идёт о пожилом человеке, прошедшем сталинские лагеря, принесшем с собой на волю целый «букет» тяжёлых заболеваний, в том числе туберкулёз. Этот человек летом 1998 года, перед встречей в ЦКБ с Беллой Ахмадулиной, был абсолютно уверен в том, что он не перенесёт ещё одну, уже назначенную, операцию.

Смотрю на фотографии из домашнего архива Жигулина тех лет. На них Анатолий Владимирович как Дон Кихот Ламанчский... Кожа да кости. И грустные, как у дворовой собаки, глаза. Какой уж из него, простите, герой-любовник...

Ещё одно доказательство – спокойная и мудрая реакция человека, который знал и понимал Анатолия Жигулина лучше, чем кто-либо другой. Речь идёт, конечно, об Ирине Викторовне Жигулиной, на протяжении 35 лет делившей с поэтом все радости и печали (а их было немало) семейной жизни.

«24 марта 2000 года, пятница. До утра с Ирой не спали. Занимались разбором моего виртуального романа с Беллой в ЦКБ, в “Прогулках” и т.д. до печального конца. Это было неприятно, особенно для Иры, но необходимо. Кажется, мне стало легче».

Ирина Викторовна не ревновала. Она понимала: судьба послала поэту Анатолию Жигулину последнюю в его жизни любовь...

Анатолий Владимирович Жигулин скончался 6 августа 2000 года. «Скорая» не успела. Измученное невзгодами сердце поэта остановилось в третьем часу ночи.

Похороны состоялись 8 августа на Троекуровском кладбище в Москве.

На смерть друга и поэта Белла Ахмадулина отозвалась пронзительным некрологом, в котором сквозили горечь и боль от понесённой утраты:

«Умер Анатолий Жигулин, поэт, мученик, узник. Поэт – никогда не знавший суеты, не искавший славы, наград, ничего не имевший, кроме доброты, щедрости, бескорыстия. Простивший всех – я это точно знаю, – кто виноват перед ним. Он умер от смерти, как все мы умираем. Но он был арестован, когда ему было 19 лет, и сослан на урановые рудники. Поэтому его смерть – горе для многих – причинена ему заведомо.

Мы познакомились, когда Анатолий Жигулин только реабилитировался. Я помню, конечно, как впервые прочла и его “Урановую удочку”, и “Чёрные камни”. Это стало событием не только для меня, но, я думаю, и для многих. Жигулин был мой близкий верный товарищ.

Я знала, какая у него болезнь и сколько их, болезней, и старалась хоть чем-то ему пригодиться.

При его жизни я понимала, что она кончается. Ему было свойственно удивительное благородство и совершенное неумение что-либо возыметь.

И он ничего не имел. Но ему воздастся. Любовью и благодарностью многих людей».

Белла Ахмадулина скончалась вечером 29 ноября 2010 года в машине «скорой помощи».

Как сообщил журналистам Борис Мессерер, причиной смерти стала остановка сердца.

Прощание с Беллой Ахмадулиной состоялось 3 декабря 2010 года в Центральном Доме литераторов. В тот же день она была похоронена на Новодевичьем кладбище.

В последние годы она страдала от глаукомы и практически не покидала свой дом в Переделкино.

Думала ли она о нём? Вспоминала ли его? Мы можем только предполагать...

По мнению воронежского литературоведа О.Г. Ласунского, на протяжении нескольких десятилетий входившего в круг почитателей и друзей поэта, «история личных и творческих отношений между Беллой Ахмадулиной и Анатолием Жигулиным – одна из самых чистых и романтических страниц недавней литературной эпохи».

В своём рассказе Жигулин вспоминает о том, как он приходил в себя после тяжёлой операции:

«Очнулся я через долгое время. <...> Надо мной было лицо Беллы в медицинской белой шапочке. Это было Видение. После долгого и сложного наркоза галлюцинации нередки. Это я знал по своему опыту. Но Видение было устойчивым. На всякий случай я сказал Видению:

– Беллочка! Я жив. Поцелуй меня!

Видение в белом халате наклонилось и поцеловало меня в губы. И послышался удивительный, но добрый женский голос:

– Что за поцелуи в реанимации?! Кто вы, сестра? Или вы его жена? Вы должны уйти. Дежурный врач может зайти в любую минуту. И не волнуйтесь за него – он при вас очнулся. Операция прошла хорошо. Сердце работает нормально. Если ничего не случится, мы завтра утром переведём его в палату. Приходите завтра в палату.

– Спасибо, извините.

И Видение исчезло. Пришло другое Видение. Это было лицо Ирины. Оно было зыбким. Ясными были только глаза.

Зелёные, полные муки,
Они до последнего дня,
До самой последней разлуки
Всё будут смотреть на меня».

Смею предположить: покидая сей бренный мир и навсегда прощаясь с любимыми местами на земле и самыми дорогими людьми, Анатолий Жигулин видел два склонившихся над собой женских образа, излучавших небесное сияние.

Что он пытался им сказать и что они ему отвечали, знают только они трое.

Да ещё Пресвятая Богородица, принявшая измученную душу русского поэта...

В ЭМИГРАЦИЮ НЕ ВПИСАЛСЯ

(Н.М. Коржавин)

Благодаря дневнику А.В. Жигулина, в истории отечественной литературы может и должна появиться страница, посвящённая личным и творческим отношениям писателя с Наумом Моисеевичем Коржавиным (настоящая фамилия – Мандель) – русским поэтом, прозаиком, публицистом, переводчиком, драматургом, мемуаристом (1925–2018).

Сказать, что Анатолий Жигулин и Наум Коржавин были коллегами, братьями по перу, – почти ничего не сказать. В конце 1960-х – начале 1970-х годов они испытывали потребность общения друг с другом чуть ли не ежедневно – лично или по телефону. Внешне спокойный, мягкий и добродушный, внутри – эмоциональный, ранимый и порывистый, Наум Коржавин одновременно соединял в себе образы разных эпох – Дон Кихота и Сократа. Романтика и мудреца... Он был всегда честен и предельно откровенен – перед собой, перед Богом и перед читателями. Многие его произведения, плод ироничного и острого ума, не успев напечататься, расходились по Москве в рукописном виде. И не только по Москве... Так было, к примеру, с его стихотворением «Памяти Герцена или Баллада об историческом недосыпе».

Любовь к Добру сынам дворян
жгла сердце в снах,
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда всё пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, –
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так родилась в России конспирация:
Большое дело – долгий недосып. <...>

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

1969

Как отмечает в дневнике А.В. Жигулин, нередко во время бесед речь заходила об их юности, о перенесённых испытаниях... Подробности не сообщаются, но наверняка Жигулин рассказывал другу историю КПМ, о своей сибирско-колымской одиссее... Об этом позже он напишет в автобиографической повести «Чёрные камни».

А Коржавин, наверное, рассказывал о перипетиях своей судьбы. Он родился в 1925 году в Киеве. В 1941-м, в самом начале войны, покинул родной город и тем самым избежал Бабьего Яра. В 1945-м поступил в Литературный институт им. Горького. В конце 1947-го – в разгар кампании по «борьбе с космополитизмом» – был арестован «за чтение стихов идеологически невыдержанного содержания». После восьмимесячного следствия на Лубянке был осуждён постановлением Особого Совещания при МГБ СССР и приговорён к ссылке по ст. 58–1 и 7–35 Уголовного кодекса РСФСР как «социально опасный элемент».

В юности оба увлекались коммунистической идеологией. Прозрели – после лагерей и ссылок.

Первые записи о Н.М. Коржавине появляются в дневнике А.В. Жигулина задолго до их личного знакомства.

«15 октября 1963 года, вторник. <...> В воскресенье были у Цыбиных. Был там Игорь Хан, кореец. При встрече всегда хочется назвать его Кимом (почти всех корейцев, которых я знал в лагере, так звали). Беседовали о литературе. <...> Читали новую книжку Н. Коржавина, собственно, “новую” в смысле только что вышедшую, она у него первая. Отличный поэт!».

Упоминание о Науме Коржавине встречается в дневнике Жигулина в связи с публикацией в газете «Известия» статьи Е. Вучетича «Внесём ясность», направленной против журнала «Новый мир» и его главного редактора А.Т. Твардовского. Автор попытался обосновать необходимость подачи информации с позиции партийной и государственной целесообразности.

В качестве аргументов приводились прописные истины и откровенная демагогия. В связи с этим А.В. Жигулин цитирует строки из «Арифметической басни» Наума Коржавина: «Но всех печальней было в этом мире тому, кто знал, что дважды два четыре».

Краткая запись в дневнике Жигулина: «3 марта 1966 года, четверг. <...> Вчера мельком познакомился с Наумом Коржавиным».

Из дневника неясно, где именно и при каких обстоятельствах состоялось их знакомство, пусть и мимолётное. В этот день А.В. Жигулин был среди участников встречи с Председателем Верховного Суда РСФСР Львом Николаевичем Смирновым, посвящённой «делу Синявского и Даниэля». Затем посетил редакцию журнала «Новый мир». Закончился день ужином в уютном ресторане Центрального Дома литераторов (ЦДЛ).

Дневниковые записи А.В. Жигулина свидетельствуют о том, что симпатизировавшие друг другу поэты использовали любую возможность, чтобы поехать вместе в творческую командировку или выступить на одном поэтическом вечере.

«12 декабря 1966 года, понедельник. Вчера днём шлифовал стихи “Металлолом”. Вечером было выступление в Политехническом музее: Н. Коржавин, я, В. Соколов, Т. Жирмунская, Г. Корин, Н. Панченко. Работали два часа. Большой успех. Меня и Коржавина по два-три раза вызывали на бис. Я читал: “Горят сырые листья” (по совету Коли), “Беляево-Богородское”, “Воспоминание”, “Хлеб”, “Я спал, обняв сырую землю...”, “О, жизнь!..”, “Хозяйка” (по просьбе зала), “Бурундук”, “Осень”, “Кострожоги”, “Враг”, “Забытый случай”. Последние пять стихов имели успех потрясающий. И читал я хорошо, на полном пределе.

Потом, когда отвечал на записки (перед Колей), прочёл ещё по просьбе из зала “Град”.

Науму очень понравились мои стихи, особенно, по видимому, последние. Когда я после стихов “Враг” сел с ним рядом, он сказал мне восторженно:

– А знаешь, я думаю, они нас всё-таки не скрутят!
(“Они» – это “враги”, мрачные силы прошлого).

Я ответил:

– Ну, конечно, не скрутят! Х<рен> им в зубы!..

Наум обрадовался:

– Во! Правильно! И Солженицын так же сказал...»

«25 декабря 1966 года, воскресенье. <...> Примечательные встречи: Наум Коржавин (говорил, что до сего времени ходит под впечатлением “Врага” и “Забытого случая”, просил текст)».

В дневнике Жигулина описывается трогательный эпизод, раскрывающий характер их отношений. Чего греха таить, Анатолий Владимирович был равнодушен к спиртному и часто грешил этим, оставлял последние деньги, так необходимые для семьи, в ресторане ЦДЛ.

«24 января 1969 года, пятница. <...> Сегодня – великий день. В 13.30 начнётся выплата гонорара за “День поэзии 1968 г.”. В узком коридорчике издательства “Советский писатель” соберутся сотни две поэтов, большей частью неимущих. Придут даже и те, чьи стихи не попали в сборник – ведь если самому нечего получить, то в такой день

можно легко одолжить денег у товарищей на жизнь и на водку. <...> Радостно встретил меня Наум Коржавин:

– Ты уже получил? Езжай домой! Если увижу тебя в ЦДЛ, то хоть ты и сильнее меня, но – держись!..

Добрая душа Наум!».

Весной 1969 года Жигулин находится на малой родине, в Воронеже. Запись в дневнике:

«29 мая 1969 года, понедельник. <...> Ира рассказала, что звонил Н. Коржавин, сказал, что “Поле боя” ему очень понравилось, и ещё сказал следующее:

– Но ты, Ира, ошибаешься: с Колымы Анатолий вовсе никуда не уходил.

Мне понятна эта мысль Наума. Я ушёл из так называемой лагерной темы лишь внешне. Колымские потрясения и прозрения лежат в основе и новых стихов. От самого себя уйти невозможно».

«6 июня 1969 года, пятница. <...> Были (с Ириной) у Н. Коржавина. Ему очень нравится “Поле боя” и новые мои стихи. Настроение у Наума, правда, неважное. Что ж, сейчас всем грустно...»

«24 июля 1969 года, четверг. <...> Вечером выступали (я, Н. Коржавин и Саша Иванов) в Ириной библиотеке перед библиотекарями районных библиотек страны, приехавшими на семинар. Хорошо выступили. Все довольны, даже Бахмутская (*директор библиотеки. – В. К.*). Я боялся, что её хватит удар, когда я буду читать стихи о лагере, но обошлось (я прочёл из этих вещей только “Воспоминание” и “Бурундук”). После выступления пообщался с работниками библиотеки. Стихи, беседа в социологическом секторе, добрый, как собака, Наум.

Позвал нас к себе. 196-й автобус. Прохлада от вечернего леса. Голод – устали, поработали. Любы нет, бабушки нет. Сало с чесноком и хлебом. Сосед Наума Коля – математик. Чай. Долгая, но сумбурная беседа на темы дня (об “Апполоне-11”) и о прошлом. Читали стихи – и я, и Наум. Науму очень понравилась “Осень” (“В округе бродит холод синий...”). Другие мои неопубликованные стихи (“Забытый

случай”, “Враг”) Наум давно знает и любит. Редкой доброты и честности человек! И редкого ума. <...> Ушли от Наума поздно. Ещё пили чай, когда пришла Люба с дочкой, снова читали стихи, беседовали о библиотечных делах.

Ночь была прохладная. Много звёзд в чёрном небе. Пустой спешащий автобус.

Да. И говорили ещё о “Поле боя”. Наум высоко ставит эту книгу».

«8 октября 1969 года, среда. Вчерашний день был без особенностей. Разве что холод был пронизывающий... Главлит разрешил сборник, который Ира составляла. Выбросили, правда, статью Н. Коржавина, стихи А. Твардовского “Время, скорое на расправу...” Изъяли абзац, в котором говорилось, что истинная поэзия всегда в конфликте со всем реакционным».

«1 января 1970 года, четверг. Исполнилось мне в одиннадцать часов ровно сорок лет. Звонили родители из Воронежа по этому поводу. Круглая дата, ничего не скажешь. От этого звонка, от поздравления из “Нового мира” (Твардовский, Лакшин и другие), от смолистой ёлки – от всего этого настроение было хорошее, праздничное. <...> И Наум звонил. В общем, приятное было состояние, несмотря на усталость».

«3 января 1970 года, суббота. Вчерашний день прошёл хорошо. <...> Вечером были приятные гости: Эма Коржавин с Любой (*вторая жена Н.М. Коржавина – Любовь Семёновна Мандель. – В. К.*). Пригласили мы также и наших соседей – хороших ребят – Галю и Эммануила. Они очень любили стихи Коржавина и очень хотели познакомиться с великим человеком. Были и интересные беседы, и хорошее вино, и вкусные пельмени. Вспоминали с Наумом годы ссылки и тюрем, пели лагерные песни, я читал стихи.

<...> Между прочим звонок из Рязани раздался. Говорили как раз о Солженицыне. Кто-то пошутил: не Александр ли Исаевич звонит? Звонил Пашка Мелехин, спрашивал адрес Солженицына. Не мог дом его найти, улицу

переименовали. Связь звонка, хоть и косвенная, с Солженицыным подтвердилась».

«4 февраля 1970 года, среда. <...> Вечером беседовал с Эмой Коржавиным по телефону. <...> Пьесу Наума напечатал польской журнал "Диалог"».

В конце 1960-х годов, на излёте «оттепели», театр им. К.С. Станиславского поставил пьесу Н. Коржавина «Однажды в двадцатом». Как следует из дневника, Анатолий Владимирович и Ирина Викторовна Жигулины посетили этот спектакль 23 ноября 1970 года. Спустя два дня Жигулин пишет:

«25 ноября 1970 года, среда. Вспомнилось, что я ничего не записал о пьесе Наума Коржавина и о спектакле, на котором мы были с Ирой позавчера. Пьеса интересная. Она интересна по мыслям. Смотришь, слушаешь и узнаешь самого Наума. К сожалению, вся тонкая прогрессивность идей пьесы понятна может быть только людям либо знающим Коржавина близко и знающим его убеждения, либо тем, кто мыслит точно так же, как Наум. Идеи пьесы, таким образом, вряд ли доступны более, чем одному проценту зрителей. Так что вся "крамольность" пьесы – нечто вроде кукиша в кармане. Но всё равно смотреть было интересно».

«23 января 1971 года, суббота. Позвонил Эма Коржавин. К. Озерова заказала ему рецензию для "Нового мира" о "Прозрачных днях". Дай бог! Ведь так мало людей хорошо пишущих о поэзии, понимающих её».

«26 января 1971 года, вторник. <...> Часа в четыре поехал к Эме Коржавину. Был у него шутник Юз Алешковский. Но вскоре ушёл. Они соседи (Юз: "Похмелья, Эма тебе не понять! Это другое измерение!..")

Читали с Коржиком мою книгу, он писал замечания на полях. Во многом Эма прав, редактор он прекрасный. Экземпляр книжки с пометками Наума сохранию. Долго беседовали о поэзии.

Приходил снова Юз, затем – Коля Нагорный. Починили электрозажигалку, разобрали Эмкин архив публикаций. Посвятил Н. Коржавину стихи "Утиные дворики"».

25–27 марта 1971 года А.В. Жигулин и Н.М. Коржавин посетили Воронеж, приняли участие в Дне поэзии Воронежского государственного университета, выступили на полупроводниковом заводе, в лесотехническом институте, перед студентами филологического факультета ВГУ. Все выступления на малой родине прошли с большим успехом.

Из воспоминаний Галины Митрофановны Умывакиной, известного поэта, председателя Воронежского отделения Союза российских писателей, участницы многих Дней поэзии ВГУ: «В 1971 году гостями поэтического праздника были Анатолий Жигулин и Наум Коржавин – два друга, два сидельца, упрятанные в лагерь со студенческой скамьи. Оба в той или иной степени знавали периоды умалчивания, запрета или ограничения на публикации. До сих пор перед моими глазами до слёз трогательное дорогое воспоминание: их беспримерная человеческая и творческая солидарность. Они слушали друг друга с гордостью и признательностью. Когда читал один, другой беззвучно повторял его строки, а при заминке подсказывал вслух. Внешне совершенно разные: худощавый, насупленный, настороженный Жигулин и мягкий, складчатый, иронично улыбающийся Коржавин – они удивительно дополняли друг друга, как две нераздельные страницы в общей книге поэзии и судьбы. Стоило бывать на Днях поэзии ради одной этой неистребимой в памяти картины!». (*«Университетская площадь»*, 2013. № 6. С. 126).

«2 мая 1971 года, воскресенье. Визит с Вовой к Н. Коржавину. <...> Открытки с видами Израиля. Израильская монета в 25 <копеек>. Беседа с Наумом о расположении стихов в моей рукописи “Движение лет”».

«9 июня 1971 года, среда. С утра телефонные беседы с Н. Коржавиным <...> о названии сборника для “Сов<етской> России”. Обсуждали разные варианты, особенно: “Осени”, “Осеннее поле”, “Чистое поле”. В конце концов я остановился на “Чистом поле”. Бог с ним, с элементом самооценки!».

«10 июля 1971 года, суббота. Утром – беседа по телефону с Н. Коржавиным (о Твардовском – можно ли послать ему “Прозрачные дни”? Решили посоветоваться с А.Г. Дементьевым).

«7 января 1972 года, пятница. Рождество Христово. Написал стихотворение, точнее закончил стихотворение – “Качается мёрзлый орешник...” Читал Н. Коржавину. Хорошее, говорит. Его замечания – на отдельном листке в архиве...»

«6 февраля 1972 года, воскресенье. <...> Вечером – к Н. Коржавину. Заметки о Твардовском он одобрил. Один абзац (о “той войне незначительной”) выправили. Прогулки с Эмой до улицы Волгина. Морозно, хорошо! Звёзды на небе и огни вдали».

«7 февраля 1972 года, понедельник. <...> Вечером был у Н. Коржавина. Подарил он мне рукопись своей статьи о моей книге и светокопию своего сборника “Годы”. Много всяких бесед. Новая публицистическая работа Н. Коржавина...»

В начале 1970-х годов ситуация, в которой находился Наум Коржавин, резко ухудшилась: стихи поэта не печатали, не пускали его в творческие командировки, тем самым лишая возможности скромного и нестабильного заработка. В беседах с друзьями и близкими всё чаще стала возникать тема эмиграции. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал вызов в прокуратуру и учинённый там допрос по поводу его публикаций в зарубежных изданиях.

«15 июня 1972 года, четверг. <...> Предложение “Литературной газеты” участвовать в экспедиции “ЛГ”, Аэрофлота и СП (*Союза писателей*. – В. К.) – облёт племен, не имевших письменности до революции. <...> Поездка предполагается интересная. В кои веки сам сможешь посетить эти места. <...> Н. Коржавин не летит. Его вычеркнули на каком-то этапе из списка. Вероятно, из-за публикации в журнале “Грани”».

Из дневника А.В. Жигулина:

«21 января 1972 года, пятница. С утра было очень хорошее рабочее состояние. Начал работать над стихотворением, над темой:

У степного переезда
Предвечерняя полынь...

Но несколько телефонных звонков с нарастающим количеством отрицательной информации постепенно нарушили душевную гармонию. <...> Звонок из Бюро пропаганды. Приглашают выступить в Доме учёных где-то в районе Красной Пахры. Хорошее дело. Но! Сказали, что Коржавина нельзя со мной пригласить, по каким-то причинам они ему не дают сейчас выступлений. От этого факта тоже не стало веселее...»

«7 апреля 1972 года, пятница. <...> Вечером был у Н. Коржавина. Починил ему магнитофон и проигрыватель. Несложные были поломки. У Наума как-то грустно. Изучает французский язык. Это, конечно, не случайное дело – изучать новый язык на старости лет. Собирается, видно, в Израиль) точнее, во Францию под предлогом Израиля)... Но, полагаю, стать “француженкой” хочет прежде всего Люба. Наум прежде всегда говорил мне, что ни в коем случае не уедет. Да и кому он там нужен?! И те статьи и стихи, которые он может написать, нужны здесь, а не там... Родина. Может, у них, у евреев, иное понятие Родины?.. Тошно, конечно, здесь... Особенно, когда больно коснется тебя лично всё то, от чего тошно... Когда, например, книгу в “Современнике” калечили. Но там, разве там можно жить – без Родины! Жуть какая-то! Даже представить невозможно!»

«22 апреля 1972 года, суббота. Разговор с Н. Коржавиным. Собрал он всё-таки рукопись для “Советского писателя”. О “Современнике”.

«25 апреля 1972 года, вторник. <...> Заходили к Коржавиным. Люба стремится в Париж, хочет стать настоящей француженкой. Эма не хочет уезжать, но она его, пожалуй, уговорит».

«21 сентября 1972 года, четверг. <...> Из ЦДЛ поехал к Науму Коржавину. <...> О книге моей. Чтение новой поэмы и стихов Наума. Очень хорошая поэма. Обычные наши печальные беседы».

«15 февраля 1973 года, четверг. <...> Обед в Дубовом зале (ЦДЛ). С Эмой домой на такси. По дороге – беседа, в частности, о Лубянке, куда Эмка попал в 1948 году. Об этом времени».

«26 марта 1973 года, понедельник. <...> И, наконец, главная и очень неприятная новость дня. По словам Т.А. Смолянской, в журнал заходил Н. Коржавин и сообщил ей, что только что отнёс В.Н. Ильину заявление о желании уехать в Израиль. Это как громом ударило – и меня, и Иру, и В.Г. Дмитриеву (*сотрудник редакции журнала “Дружба народов”, в которой в 1972–1975 годах работал А.В. Жигулин. – В. К.*). Сначала не поверилось, но – увы! – это факт! Долгие беседы и сетования на эту тему. <...> Жалко Эмку – что ему там делать, в Израиле? Подохнет он там с тоски... Все его писания никому там не нужны – ни в Тель-Авиве, ни в Париже!

Горько и глупо!.. Чего-то мы, видимо, недопонимаем в еврейском вопросе и в еврейской душе!

<...> Звонок Н. Коржавина вечером:

– Ты в это дело не мешайся. Я не передумаю! Я тебя люблю, но у каждого свой предел. И своя старость!..»

«27 марта 1973 года, вторник. <...> В ЦДЛ – беседа с Н. Коржавиным при участии Иры, В. Дмитриевой, Л. Шиловцевой. Ничего Эма не хочет понимать. Уже отнёс Ильину билет. <...>

– Да, знаю, что будет плохо, знаю, что подохну там. Но ничего не могу сделать. Не хочу, чтоб меня допрашивали...

А его, оказывается, вызывали в КГБ, спрашивали о какой-то самиздатовской книге. <...> Жаль Наума ещё и потому, что его отъезд – первая по-настоящему существенная потеря для литературы».

«20 августа 1973 года, понедельник. <...> Приходил Эмочка Коржавин. Грустно беседуя, прогулялись мы до

Никитских ворот и обратно. Он заходил в мастерскую взять фотоаппарат. Ждёт со дня на день разрешения на выезд. Видно, уже свыкся с отъездом, не так удручен, как раньше. Жаль мне его, беднягу. Погибнет он там. А ведь редкостной душевной доброты и чистоты человек! И ничем уже нельзя помочь. Ужасно!».

В 1973 году Н.М. Коржавин подал заявление на выезд из страны, объяснив свой шаг «нехваткой воздуха для жизни». Получив необходимые документы, он уехал в США и обосновался в Бостоне.

«2 ноября 1973 года, пятница. <...> К самому вечеру в редакцию приходил О. Чухонцев. Э. Мандель прислал из Вены телеграмму дочери: доехал, мол, благополучно. В Америку собираются...»

«23 января 1974 года, среда. <...> Грустная беседа с Л. Левицким – о статьях в “ЛГ”, о Манделе. Мандель кому-то прислал письмо – недоволен жизнью на Западе. Живёт в Риме, получил визу в Америку. Изучает английский язык. Ни хрена уж он теперь его не выучит – староват. “В космонавты – староват”, как у Твардовского. Ах, Мандель, Мандель! Мудрец и хитрец... “Мыслитель”. Как отрезало тебя от нашей жизни, словно тебя и не было здесь, в России...»

«22 мая 1974 года, среда. Мандель живёт в Бостоне (США) на какое-то пособие. Напечатал 12 стихотворений в “Посеве”, получил за них 12 долларов. Понял, что на Западе, по его словам, легко получить деньги в подарок и невероятно трудно заработать честным трудом. Да, там нет Кайсына <Кулиева>, некого переводить».

«19 февраля 1975 года, среда. <...> Об Олеге <...>. Холоден, эгоистичен. Слышит и слушает только себя. Манделя он – увы! – не заменит. Масштаб не тот. Эмка Мандель – это большая потеря. Для нас всех и для меня».

«20 мая 1975 года, вторник. <...> Юзик Алешковский пустил слух о том, что будто бы Мандель нашёл наконец в Америке работу – кормит крыс в виварии. Час в день, 200 долларов в месяц».

Жизнь вдали от Родины, в чужой стране, не принесла Н.М. Коржавину счастья и покоя. Он тосковал по России, по Москве, по своим друзьям.

Я каждый день
Встаю в чужой стране.
В чужую близь,
В чужую даль гляжу,
В чужую жизнь
По лестнице схожу...
Покуда я живу в чужой стране,
Покуда жить на свете страшно мне...

«4–III–80, вторник. <...> Поездка с Ирой в ЦДЛ на встречу с Дм. Урновым. Он три месяца был в Америке, общался с Н. Манделем-Коржавиным. Рассказывал об их печальной жизни. Живут они материально хорошо, но по американским нормам их положение унижительное. И нет никакой надежды на улучшение. Наум сидит без работы, Люба работает машинисткой. Много рассказывал Митя интересного и важного о Манделе и вообще об Америке. Совсем иной мир, совсем иная (для нас гибельная) атмосфера.

Прислал Эма с Урновым свою новую поэму, которую хорошо бы напечатать хотя бы в “Московском литераторе”. Разговор с Куняевым на эту тему. Стихи Наума искренние и горькие. Тоскует он, бедняга, и нет ему там жизни. Ах, Мандель, Мандель! Как уговаривали, как держали мы тебя здесь! Уехал! А теперь что делать? Обрати проситься? Ах, Боже мой!».

«10 апреля 1981 года, пятница. Булат днём позвонил, пригласил меня к себе за билетами на свой вечер. Подействовали мои вчерашние слова. Подарил мне Булат книгу и пластинку. Беседа. В частности, об Эмке Коржавине. Он мне привет передал со студентами-американцами. Надо послать ему с okazji книгу».

«25 сентября 1989 года, воскресенье. <...> Был утром у Булата <Окуджавы<...>. Эмочка Коржавин, слава Богу,

жив и здоров. Только на другую квартиру они переехали. Булат показал мне его открытку, в которой, в частности, такие есть слова: “Передай сердечный привет Ире и её мужу”. Даже не Ире, а Ирочке».

В конце 1980-х годов Н.М. Коржавин получил возможность приезжать на Родину. Первый такой визит состоялся по приглашению Б.Ш. Окуджавы, чей авторитет в стране был очень высок. Надо ли говорить о том, с какой радостью и нетерпением ждал своего друга А.В. Жигулин...

«15 февраля 1990 года, четверг. <...> Звонил Эммочка Мандель-Коржавин. Он опять приехал в СССР, живёт в Переделкино, кажется, в № 112 нового корпуса. Требуется книга “Чёрные камни”. Ах, как славно! Надо обязательно встретиться».

«18 февраля 1990 года, воскресенье. <...> Эммочка Коржавин. О жизни и давней нашей дружбе. Примерно через неделю он сможет у нас побывать (когда пройдёт грипп). Майя Муравник написала гадкую статью против меня. А Эммочка написал в “Русском слове” статью “В защиту друга”».

«2 марта 1990 года, пятница. <...> Подарил мне Эмка Мандель книгу. Называется, кажется, “Сплетения”. И вдобавок ксерокс поэмы на афганские темы. “Поэма причастности”. Поэму уже прочитал – публицистика. Василий Хлыбов лучше написал».

«3 марта 1990 года, суббота. <...> Ходили с Ирой и Володей к Эмочке Манделю. Сумбурная общая беседа о России и Америке. О Любе, о бабушке, о детях Наума, да и о женах его. Ира расспросила самое важное, чего я, чужак, важным не считаю (впрочем, это я загнул – дети, внуки, жены – это важнейшее). Кто будет хранить архив, печатать посмертные издания?! Об Александре Исаевиче, о Н.А. Струве.

Хочу, чтобы Эма отправил из Америки А.И. <Солженицыну> моё издание “Книжной Палаты” в суперре (речь идёт о книге “Чёрные камни” в супер-обложке. – В. К.). От нас (из СССР) посылать бесполезно – украдут. <...> Говорили об эмиграции, об обратном “возвращении” многих (например, В. Максимова в телепередаче) на родину.

Эма в эмиграцию не вписался. Стихи его из последней книги (циклы: “Всё-таки жизнь”, “На жизнь гневись не очень”) говорят об этом. Да и само его существование там.

Он готов набрать дневной семинар в Литинституте и вести его, жить здесь, уезжая в США лишь на каникулы, на лето. Надо поговорить об этом с Е.Ю. Сидоровым (*ректором Литературного института. – В. К.*)».

«25 апреля 1994 года, понедельник. Звонил Эмочка Коржавин. Он приедет завтра часам к одиннадцати утра. А вчера мы грустно беседовали с ним по телефону. Было Вербное воскресенье. <...> 26-го, во вторник, приезжал Эма Коржавин с Алёшей (это его секретарь и поводырь). Беседовали. Кремликёр в пузырьке, как стущённое молоко. Эма стал лучше, веселее. Глаза ему починят. Через год приедет снова».

«20 мая 1994 года, пятница. <...> Прочитал в двух номерах “ЛГ” интервью И. Ришиной с Булатом и Эмой Коржавиным. Булат – в основном поверхностно – о Ленине, о Сталине, о сегодняшнем дне. Обо всём, что в воздухе носится и в газетах печатается. Булат, правда, заметил типичный анахронизм нашего времени. Критик В. Камянов удивляется, что в романе о 30-х годах дети любят своих родителей-коммунистов. А вообще интервью бедновато новой, свежей мыслью.

Иное дело – Наум Коржавин. Вот это подлинный мыслитель и исследователь эпохи. Здесь точная психологическая картина всего, что произошло и происходит с нами. “Время, время дано...” – вот ключ к пониманию трагедии. Игнорирование “позднего ума отцов” ведёт к беспамятству. Наталья Иванова, говоря о “Чёрных камнях”, огорчилась: почему школьники в 1947 году создали КПМ, а скажем, не Демроссию или партию Травкина. Нам неведома была иная философия. Выступая против сталинизма, мы искали идеологическую опору против него в том же марксизме. Таково было время. Оно было дано и из него нельзя было выпрыгнуть».

«6 марта 1995 года, понедельник. <...> Сегодня позвонил Эма, Наум Коржавин. Приехал надолго. Хорошо бы его привезти на дачу, но нужна машина».

«15 апреля 1995 года. Лазарева суббота. <...> Сегодня, между прочим, еврейская Пасха – Пейхас (*опечатка: Песах* – В. К.). Позвонил Эмочке. Знаешь ли ты, – спрашиваю, – что сегодня праздник?

– Конечно: Лазарева суббота.

– А сегодня ещё Пейхас...

– Я – православный. Хочешь стихи тебе прочту замечательные Николая Туроверова? (*Н.Н. Туроверов (1899–1972) – русский поэт, донской казак, офицер русской и белой армий, участник Первой мировой, Гражданской, Второй мировой войн.* – В. К.).

Прочёл – прекрасные стихи!

А я прочёл ему из своих старых: “Белогорье“, “Перепёлка над пшеничным полем...“, “Отдам еврею крест нательный...“, “Поручик Родионов“. Он похвалил отдельно каждое стихотворение. И удивился, как они напечатаны были 80-м году».

«Сегодня 17 декабря 1995 года, воскресенье. <...> С печалью узнал, что Эмочка Мандель был на днях с Любой в Москве, но не позвонил нам. Какие-то важные дела у него были. Наверное, сдавал документы в Комитет по Госпремиям РФ. Дай бог! Лишь бы не на Пушкинскую премию. Тогда мы будем соперниками. Выходила ли у него недавно книга, чтобы выдвинуть на Госпремию? Хорошо, если б выходила. И хорошо, если б дали».

Наум Моисеевич Коржавин дожил до глубокой старости, сохранив ясный и ироничный ум, способность мыслить и писать. После смерти жены жил с семьёй дочери в американском университетском городке Чапел-Хилл, а с начала 2018 года – в Дареме, штат Северная Каролина. Скончался 22 июня 2018 года в возрасте 92 лет. Спустя три месяца его прах, согласно завещанию, был доставлен в Москву и захоронен на Ваганьковском кладбище.

ПРОШЕДШИЙ АД

(В.Т. Шаламов)

Говоря о поэтах-шестидесятниках старшего поколения, упоминаемых на страницах дневника А.В. Жигулина, нельзя не назвать имя Варлама Тихоновича Шаламова (1907–1982), известного писателя, человека трагической судьбы, прошедшего через ад сталинских лагерей.

В период с 1929 по 1953 год он трижды подвергался незаконному аресту по политическим статьям УК РСФСР. В общей сложности Шаламов провёл в лагерях 17 лет, в основном – на Соловках, на Колыме, в жесточайших условиях Севера, где окончательно подорвал здоровье. Из сталинских лагерей Шаламов вышел с желанием рассказать правду о величайшей трагедии XX века.

По воспоминаниям одного из современников, ему принадлежит фраза: «Хрущёв – это лучшее, что может быть при советской власти».

Пути бывших узников ГУЛАГа пересеклись в «Новом мире». Здесь с 1959 по 1964 год Шаламов, находясь в крайне тяжёлом материальном положении, подрабатывал в качестве внештатного внутреннего рецензента. Их объединяли лагерное прошлое и принадлежность к писательской профессии. Оба восторженно восприняли публикацию повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Несмотря на очевидное сходство биографий и жизненных взглядов Жигулина и Шаламова, их творческие отношения складывались непросто.

В своё время Майкл Никольсон (Оксфорд) справедливо заметил: «Издание “Колымских тетрадей” 1994 года позволяет нам воспользоваться некоторыми новыми текстологическими данными: как собственно поэтическими произведениями, так и маргинальными, но важными сопрово-

дительными документами. В нём, кроме самих стихов, исключительный интерес представляют примечания Шаламова к отдельным стихотворениям. Как известно, примечания автора могут иногда коренным образом повлиять на наше прочтение текста».

Нечто подобное, на наш взгляд, можно сказать, изучая дневниковое и эпистолярное наследие Жигулина, в том числе его дискуссию с Шаламовым о методе художественного творчества. Следует заметить, что Жигулин в целом положительно воспринял лагерные стихи Шаламова, хотя и с небольшими оговорками.

Вот строки из его дневника:

«9 сентября 1964 года, среда. <...> Прочёл “Шелест листьев” В. Шаламова. Хороший поэт! Есть очень тонкие и мудрые стихи. Я так не могу писать, так рассудочно, так умно. И не знаю, плохо ли, что не могу. И не только не могу так писать, как Шаламов. Наверное, и не хочу, хотя многое мне очень у него нравится. Просто совсем по-разному пишем... Левицкий говорит, что Шаламова любит Солженицын и не любит Твардовский. Однако “Новый мир” даёт рецензию на книгу Шаламова. Значит, Твардовский может оценить, хотя сам так и не пишет».

Находясь под впечатлением прочитанного, А.В. Жигулин пишет В.Т. Шаламову:

«10.1.65 г. Дорогой Варлам Тихонович! Я давно знаю и люблю Ваши стихи. Примите от меня в знак признательности одну из худеньких моих книжек. Резали её жестоко и редакторы, и цензура. Пробоины пришлось латать вещами не новыми и далеко не лучшими. Прочитайте, пожалуйста, второй, “северный”, цикл. И в нём далеко не полная правда, и в нём попадают декларации не совсем верные, но прошли и некоторые труднопроходимые вещи: “Кострожоги”, “Бурундук” и другие.

Будьте здоровы! Всего Вам самого доброго.

Ещё раз спасибо Вам за Ваши великолепные стихи, за книгу “Шелест листьев”. Ваш Анатолий Жигулин».

Ответ В.Т. Шаламова Жигулина обескуражил. «По его мнению, “Кострожоги”, “Бурундук” и другие мои лагерные стихи плохо передают природу Сибири и Колымы, и что он признаёт в поэзии только символы. Варлам Тихонович предлагал обратиться к его стихам. Он говорил, что в них плачет каждая травинка, каждый камешек. Но, на мой взгляд, вся суть была в том, что в тех напечатанных тогда стихах Шаламова были травинки и камешки Колымы, но не было людей», – вспоминал он.

Одно из раскритикованных Шаламовым стихотворений А. Жигулина «Кострожоги» было навеяно лагерным опытом автора и посвящалось А.И. Солженицыну:

В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры.
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.
Стужа – будто Северный полюс.
Аж трещит мороз по лесам.
Мой напарник – пленный японец,
Офицер Кумияма-сан.
Говорят, военный преступник
(Сам по-русски – ни в зуб ногой!).
Кто-то даже хотел пристукнуть
На погрузке его слегой...
Все посты мы обходим за день...
Мы, конечно, с ним не друзья.
Но с напарником надо ладить.
Нам ругаться никак нельзя...

В письме воронежскому литературоведу А.М. Абрамову Жигулин подробно рассказал об истории создания этого стихотворения: «Иногда конкретный человек, которого я знал, с которым встречался, работал, переходит в стихи почти без всяких изменений. Прямо беру из жизни его, рисую почти с фотографической точностью. Таков пленный японец, офицер Кумияма. Я действительно работал с ним кострожомом. Это было в 1950–51 гг. зимой в Озерном ла-

гере, на 031 командировке, на лесоповале. Это в 140 километрах от Тайшета по железной дороге в сторону Братска.

Конечно, я знаю о Кумияме в сто раз больше, чем рассказал о нём в стихах. Лет ему в то время было, наверное, за пятьдесят. Родом он с Южного Сахалина, был у него там небольшой рыбоконсервный заводик. А в армии он действительно был офицером, майором. По-русски очень плохо знал, но хорошо говорил по-английски. <...> Рассказывал он, что у него двое взрослых детей (такого возраста, как я, – мне 20 лет тогда было). В общем, обыкновенный живой человек, вовсе не похожий на плакатного самурая».

Третьеим судьёй в творческом споре с Шаламовым невольно оказался А.И. Солженицын. В ноябре 1964 года А.В. Жигулин отправил в Рязань, где после реабилитации жил и работал писатель, письмо и только что изданную книгу «Память». Ответ пришёл с некоторым опозданием, вызванным, по словам Александра Исаевича, его чрезвычайной занятостью.

«10.1.65 г. Рязань. <...> Я вообще отношусь к поэзии XX века настороженно – крикливая, куда-то лезет, хочет как-то изошряться особенно, обязательно поразить и удивить, – писал А.И. Солженицын. – Но я рад сказать, что всё это совершенно не относится к Вам. Ваши стихи сердечно тронули меня, это бывает со мной очень редко. Вы человек – честный, душевный и думающий, и всё это очень хорошо передают стихи. “Кострожоги” Ваши великолепны, очень хорош “Бурундук”. Ощущаю чрезвычайно родственно: “Я был назначен бригадиром”, “Осенью”. Да и в машинописном приложении ни одного не значительного нет.

Второй раздел сборника прочёл, только не весь, но большей частью. Там есть неровности, бывают досадные прозаизмы (редко, впрочем), есть иногда и тот недостаток, который Вы заметили сами, – а в общем, хоть автор работал на общих, но удивляет светлый оттенок, который выше всего, – удивляет и радует.

Без всякого насилия, круто и аппетитно (вот диво!) замешивается у Вас и лагерный быт, и разные виды работ

в стихи! (“Золото”, “Хлеб”, “Ночная смена” и др.). Интересно сопоставить Вас с Шаламовым. Вы читали его?»

Отвечая на вопрос о Шаламове, Жигулин в письме Солженицыну от 26 февраля 1965 года сообщает:

«<...> Я не знаком с ним лично, но стихи его знаю и люблю. Это сильный, хороший поэт. Я ему посылал книжку “Память”, правда, без приложения. Шаламову понравились стихи более близкие ему по манере: “Мне помнится...” (это он считает лучшим в сборнике), “Берёза”, “Лес”, “Град». Вот что он мне, в частности, пишет: “...Стихотворение всегда символ, знак, а не рассказ просто. Поэтому “Кострожоги” и др. мне нравятся меньше. В стихотворении “Кострожоги” есть только внешние приметы Севера, а главных – внутренних – нет».

Я не вполне согласен с Шаламовым. Да, стихотворение может быть знаком, символом, но далеко не всегда. Чаще это живой, трепещущий кусок жизни. А что касается “Кострожогов”, то я вообще не думал ни о каких географических приметах (действие, кстати сказать, происходит в Сибири, а не на Севере). Хотелось, прежде всего, изобразить людей».

Фрагмент из письма А.И. Солженицына, которое А.В. Жигулин получил 24 апреля 1965 года: «Я не смею никогда судить о теории поэзии (тем более что, по-моему, поэты и сами ещё ни разу не договорились о том, что такое поэзия), но мне кажется, Шаламов, говоря Вам о стихе-символе, за которым главное должно стоять неназванным, только предчувствуемым, – распространяет на всю поэзию метод только одного её направления, хоть и очень ценного, очень нежного, очень плодотворного.

У нас это направление началось с Блока (не ручаюсь за точность), включает Ахматову, Пастернака (перечислять тоже не берусь) и, очевидно, самого Шаламова.

Со всех сторон мне толкуют, что вот это и есть “единственная и настоящая поэзия” – когда слова даже не имеют прямого смысла, когда переходы неуловимы, алогичны, но вдруг на что-то тебе намекают, что-то навевают. Я согласен – поэзия эта великая, тонкая, изящная, настоя-

щая, я их всех очень люблю. И всё-таки никогда не соглашусь, что другой поэзии быть не может.

По-моему, большинство стихов Пушкина и Лермонтова совершенно не отвечают этим критериям – но ниже ли они? Едва ли. Не уступлю их. (И, что меня очень удивило, Ахматова довольно высоко ставит Некрасова – а уж, кажется, противоположнее поэзии и найти нельзя.) Поэтому я хочу всё-таки Вам посоветовать не верить Варламу Тихоновичу, что “Кострожоги”, “Бурундук”, “Хлеб” – не поэзия. Самая настоящая и самая нужная! И если пишется так – пишите!! А прозу Шаламова постарайтесь прочесть».

В своём дневнике А.В. Жигулин не раз возвращался к рассердившему его письму В.Т. Шаламова.

«24 октября 1965 года, воскресенье. <...> Перечитывал сейчас корявое, сумбурное письмо В. Шаламова, ответ на моё письмо и книгу “Память”. Какое-то нехорошее письмо. Он, очевидно, решил, что к нему обращается начинающий <поэт> (прислал тощую книжечку провинциального изд-ва). “Кострожоги” не нравятся. “...Стихотворение всегда символ, знак, а не рассказ просто”. Старый <чудак> этот Шаламов! По его “теории”, “Я помню чудное мгновенье...” – не поэзия. Ведь это тоже “рассказ просто». И “Василий Тёркин” тоже зачёркивается, ибо там нет знаков и символов. И Пушкин, и Некрасов – тоже не поэты. Подумаешь, рассказ о строительстве железной дороги! Никаких знаков, никаких туманных полунамёков. В поэзии остаётся один только Б. Пастернак и В. Шаламов с ним рядом. Да. Ещё А. Ахматова.

Хотел написать Шаламову, но раздумал. Всё равно его не убедишь. А в теории литературы я не силён, чтобы спорить. Бог с ним, пусть остаётся при своём мнении. Ему же хуже. Раньше, в книгах, у него были по-настоящему хорошие стихи, а сейчас опубликовал в “Юности” какую-то мочу – ни уму, ни сердцу».

Творческий спор «колымских» поэтов при посредничестве Солженицына завершился благополучно, не выйдя за рамки эпистолярного жанра.

Как известно, творческие и личные отношения В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына не сложились. Из-за глубоких противоречий во взглядах в 1966 году их переписка была приостановлена, отношения перешли в форму полемики, а затем были полностью прекращены.

Основным камнем преткновения стал вопрос о методе отображения лагерной действительности в литературе. В.Т. Шаламов считал, что человек в лагере постепенно утрачивает человеческие качества и в итоге погибает. По мнению А.И. Солженицына, человек в лагере способен не просто выжить, но и сохранить самого себя, веру в людей, любовь к труду. Такой подход Шаламов считал лакировкой, а Солженицына называл «литературным дельцом».

В этом принципиальном споре Жигулину была более близка позиция автора «Одного дня...».

Аналогичная участь постигла и судьбу отношений В.Т. Шаламова с А.Т. Твардовским. После публикации в «Новом мире» повести «Один день Ивана Денисовича» Шаламов отправил Твардовскому свои «Колымские рассказы». Затем Солженицын по своей инициативе передал Твардовскому цикл стихов Шаламова «Из Колымских тетрадей». Однако ни стихи, ни проза Шаламова не произвели на главного редактора «Нового мира» положительного впечатления. Как вспоминал Солженицын, Твардовский резко и категорично высказался по поводу стихов Шаламова: «Это не та поэзия, которая смогла бы тронуть сердце нашего читателя».

В свою очередь Шаламов в 1960-е годы отрицательно отозвался о Твардовском и возглавляемом им издании:

«Среди московских журналов самый неинтересный поэтический отдел в журнале “Новый мир”. Почему это происходит? Потому что во главе журнала стоит поэт Твардовский, считающий “от лукавого” все, что вышло не из-под его пера. Твардовский считает себя продолжателем некрасовской традиции и берет на себя смелость рассуждать, что полезно для советского читателя, а что вредно,

что советский читатель поймёт и что не поймёт, что чересчур интеллигентно для советского читателя и что – нет. Твардовский уверяет, что действует не по капризу, а из принципиальных соображений. <...>

Настаивать на “генерализации” некрасовских традиций сейчас – значит отрицать всё, что было после Некрасова – весь двадцатый век русской поэзии, которая ведь не останавливалась на Некрасове, а развивалась и развивалась блестяще. <...> Твардовский пытается зачеркнуть двадцатый век русской поэзии, и от того-то поэтический отдел “Нового мира» так беден и бледен».

Вряд ли эти слова Шаламова, сказанные, скорее всего, под впечатлением обиды на Твардовского за отказ публиковать его стихи и рассказы, можно воспринимать как объективную оценку деятельности редакции «Нового мира» и его главного редактора. Ведь тот же Некрасов, на которого ссылается в статье Шаламов, как поэт горячо отстаивал право автора на публикацию своих произведений; и как редактор – право редакции журнала печатать то, что считает необходимым, исходя из собственных идейных убеждений и концепции издания.

Что касается дальнейших отношений В.Т. Шаламова и А.В. Жигулина... Близкими друзьями и соратниками они не стали – ни в творчестве, ни в жизни. Слишком разными были их характеры, послелагерные судьбы, творческие методы.

В середине 1970-х годов Шаламов написал восторженную рецензию на сборник стихов «Полынный ветер» Жигулина (Москва: Мол. гвардия, 1975). По внутренним редакционным причинам рецензия в «Литературной газете» не была напечатана, но впоследствии вошла в 6-томное собрание сочинений писателя. Начиналась она так: «202 раза повторяется слово “Холод” в 144 стихотворениях, составляющих книгу “Полынный ветер”. Это – не оплошность, не безвкусица, не бедность, а тончайшее мастерство и богатство поэтического словаря Анатолия Жигулина».

«Жигулин – уроженец Воронежа и “запрограммирован” на воспевание среднерусской природы, – писал далее Шаламов. – Среднерусская природа вошла в его стихи, но заняла там очень скромное место, далеко уступающее совсем другим географическим меридианам. Волею судеб переброшенный на Крайний Север, он стал соревноваться с Рокуэллом Кентом в постижении души Крайнего Севера. Крайний Север навсегда вошёл в стихи и в душу Жигулина».

На титульном листе книги «Дорога и судьба» (Москва : Сов. писатель, 1967) Шаламов сделал дарственную надпись: «Анатолию Владимировичу Жигулину с глубоким уважением и симпатией. Автор В. Шаламов».

«ГЛАГОЛОМ ЖГИ...»

(А.Т. Прасолов)

Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов... Два крупнейших поэта, уроженца Воронежского края. В святцах русской литературы второй половины XX века их имена стоят так же прочно и незыблемо, как имена их земляков Алексея Кольцова и Ивана Никитина в поэзии века XIX.словно два берега реки Воронеж... Только разные они, эти берега. Один – крутой, высокий, обрывистый, а второй – пологий, низменный, заросший ивняком и смешанным лесом, с золотыми песчаными дюнами и заливными лугами...

Какой из них лучше? Какой ближе нашему сердцу?

Риторические вопросы.

В конце 70-х годов прошлого века не самые последние в литературной иерархии столичные критики на полном серьёзе обсуждали, какой поэт именитее, кто из них оказал большее влияние друг на друга? Раздавались и упрёки: Жигулин, мол, «не любил Прасолова» и «скрывал» его от широкой читательской публики.

Так ли это? Постараемся ответить на эти вопросы, опираясь, прежде всего, на первоисточники – дневниковые записи А.В. Жигулина об А.Т. Прасолове и письма А.Т. Прасолова А.В. Жигулину 1963–1968 годов, бережно сохранённые в домашнем архиве писателя.

Даже при мимолётном знакомстве с биографиями Анатолия Владимировича Жигулина и Алексея Тимофеевича Прасолова поражает обилие внешних сходств в их непростых и удивительных судьбах.

Первое сходство заключается в том, что они ровесники (разница в возрасте – всего девять месяцев и тринадцать дней).

Анатолий Владимирович Жигулин родился 1 января 1930 года в Воронеже в семье служащих. Раннее детство прошло в селе Подгорном на юге Воронежской области.

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка Михайловского (ныне Кантемировского) района Воронежской области в крестьянской семье. С семи до семнадцати лет жил в слободе Морозовка. Это тоже юг области... От Ивановки или Морозовки до Подгорного – рукой подать.

Одна и та же земля вскормила двух замечательных поэтов. Одно и то же небо было над их головами. Одни и те же облака плыли над ними в вышине. Одни и те же колыбельные песни пел им южный степной ветер...

Второе сходство – военное детство. Вторая мировая война затянула в кровавую воронку десятки миллионов судеб, в том числе и их мальчишеские жизни.

В автобиографической повести «Чёрные камни» А.В. Жигулин пишет: «А пришла война вот как. Из чёрного круглого большого репродуктора объявили о ней. Взрослые почему-то очень заволновались. А я спокойно сидел на верхней ступеньке лестницы, ведущей на большой балкон, на второй этаж дома, где жили Раевские. <...> Налёты, воздушные тревоги, аэростаты воздушного заграждения. Стрельба зениток. Новенькие блестящие осколки зенитных снарядов. Бесконечные переводы из одной школы в другую: помещения школ занимали под госпитали. За 1941/42 учебный год я учился, по крайней мере, в шести-семи разных школах».

Но «настоящая, самая злая война» пришла, когда фронт приблизился вплотную к Воронежу. Голод и холод, разлука с родными и близкими, бомбёжки, в которых Толя Жигулин и его младший брат Слава едва не погибли, скитания по городам и весям.

Война заставила сразу повзрослеть и школьника Алексея Прасолова... Похоронка на отца, Тимофея Григорьевича. Трагедия оккупации, которую он пережил вместе с матерью и младшим братом. Военное лихолетье не могло не

наложить отпечаток на личность поэта и не отразиться в его стихах и прозе – неоконченной повести «Жестокие глаголы». Название символическое. Невольно вспоминаются пушкинские строки:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей...

Третье сходство. Оба ещё в школе начали писать стихи, рано осознали себя поэтами. Практически одновременно стали печататься в воронежских периодических изданиях.

Первое стихотворение Алексея Прасолова – «Великий свет» – было напечатано в росошанской районной газете «Заря коммунизма» 7 ноября 1949 года.

Воронежский писатель В.В. Будаков недавно обнаружил письмо бывшего редактора этой газеты Б.И. Стукалина, в котором рассказывается о первых шагах А.Т. Прасолова на литературном поприще: «Однажды <...> меня пригласили на встречу с учащимися педагогического училища. Не помню, как называлась моя лекция. Речь шла о юбилее какого-то писателя. Аудитория оказалась любознательной. Вопросам не было конца. Даже после того, как истекло время, отведённое для лекции, я продолжал “отбиваться” от наиболее активных слушателей. Среди них был невысокого роста худощавый паренёк с нездоровобледным лицом. Он стоял молча и, видимо, ждал подходящего момента, чтобы обратиться ко мне. Когда такой момент наступил, я услышал негромкий глуховатый голос:

– Вот мои стихи, посмотрите и оцените. Моя фамилия – Прасолов. Алексей Прасолов.

В руках у него была тоненькая ученическая тетрадь. Я пообещал внимательно ознакомиться с рукописью и высказать своё мнение. Как только выдался свободный час, раскрыл прасоловскую тетрадь. Стихи были довольно слабыми, ученическими, навеянными скорее атмосферой того

времени, газетной публицистикой, чем собственными наблюдениями, потребностью сказать своё слово о происходящем вокруг.

Но встречались и вполне оригинальные строки, свежие образы, словесные находки. Чувствовалась склонность к обобщениям, что потом стало столь характерным для позднего Прасолова».

Четвёртое сходство. Путёвку в большую литературу обоим воронежским поэтам дал их великий современник, главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский.

В восьмом, августовском, номере журнала «Новый мир» за 1964 год была опубликована большая подборка стихотворений Алексея Прасолова («Весна от колеи шершавой...», «Привычно клал он заводскую...», «Черней и ниже пояс ночи...», «Среди цементной пыли душной...», «Платье – струями косыми...», «Взметнули трубы медные...», «Сюда не сходит ветер горный...», «Далёкий день. Нам по шестнадцать лет...», «Зима крепит свою державу...», «Тревожит вновь на перепутье...»).

Десять стихотворений провинциального автора в легендарном «Новом мире» А.Т. Твардовского, который современники называли лучшим из «толстых» литературных журналов, – второго такого случая в истории отечественной словесности минувшего века, насколько нам известно, не было.

Публикация в «Новом мире» была «входным билетом» в большую литературу, она означала всесоюзное признание, открывала дорогу к сотрудничеству с центральными печатными изданиями. Правда, в полной мере открывшимися возможностями сумел воспользоваться только А.В. Жигулин, у которого при жизни вышло более 30 поэтических книг. В среднем получается по одной книге в год (весьма приличный результат). А.Т. Прасолов успел выпустить всего четыре сборника и лишь один из них – в Москве («Лирика», 1966).

А.Т. Твардовский не только открыл на литературном небосклоне новые имена, он принимал личное участие

в житейских судьбах воронежских поэтов. Пользуясь высокими полномочиями (депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь Союза писателей СССР), Александр Трифонович устраивал Анатолия Жигулина в московскую больницу, звонил хирургу, который должен был его оперировать, а Алексея Прасолова вызволял из мест лишения свободы, куда тот попал по нелепому стечению обстоятельств. Такое не забывается.

Оба поэта впоследствии написали статьи для сборника «Воспоминания об А. Твардовском». Последние фразы из статьи А.Т. Прасолова «Строгая мера»: «Судьба дала мне встречу с одним лишь поэтом. Но им был Твардовский».

Пятое сходство (по правде говоря, лучше бы его не было вовсе). Оба на себе испытали всю тяжесть известной русской пословицы: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

А.В. Жигулин 24 июня 1950 года решением Особого совещания при министре государственной безопасности СССР был приговорён к 10-ти годам исправительно-трудовых лагерей по сфабрикованному воронежскими чекистами «делу КПМ». После смерти И.В. Сталина был освобождён и полностью реабилитирован.

А.Т. Прасолов дважды оказывался в местах лишения свободы по так называемым бытовым статьям Уголовного кодекса РСФСР. Когда Твардовскому рассказали о совершённых Прасоловым «преступлениях», он с горечью произнёс: «Да так пол-России посадить можно».

Даже болезнь, развившаяся в лагерях и тюрьмах, и та была у них общая (туберкулёз лёгких).

Общее также – учёба на Высших литературных курсах Союза писателей СССР. С одной разницей: А.В. Жигулин сумел благополучно их закончить, а А.Т. Прасолов, едва приступив к занятиям, был отчислен из-за известной пагубной привычки... К сожалению, широко распространённый на Руси «грех» был присущ также и Жигулину.

На этом внешние сходства в их биографиях не заканчиваются. Есть и другие поразительные совпадения... Но о них мы скажем в конце статьи.

Записей в дневнике А.В. Жигулина об А.Т. Прасолове при его жизни, казалось бы, не так уж и много. Но и их достаточно, чтобы сделать однозначный вывод: Жигулин сразу и безоговорочно признал в Прасолове крупного поэта.

«12 января 1960 года, вторник. <...> Заходил в издательство. <...> Сейчас в клубе журналистов. <...> Литературный вторник прошёл чудесно. Доклад В. Гордейчева очень понравился. И не только потому, что он заочно похвалил мой, ещё не вышедший, сборник. Вообще много хорошего и важного было сказано. Затем выступил Володя Гусев. Славный малый! Прошёлся “горячим утюгом” по Луткову. Молодец! По адресу Луткова отрицательно говорили и Подобедов, и Волохов. Очень приятное явление. Давно надо было. Выступали: Андрейкович, Прудковский, Локотков. Поэты отмалчивались. Прочитали стихи только в конце. Я читал “Памятник” и “Рельсы”. Хорошие стихи прочёл А. Прасолов. Талантливый поэт. Вот его бы надо издавать, а не Луткова».

«24 января 1960 года, воскресенье. В “Молодом коммунаре” довольно приличные стихи А. Прасолова и В. Порядина».

Один эпизод в отношениях поэтов заслуживает подробного рассказа. Это посещение А.В. Жигулиным Семилукской исправительно-трудовой колонии и его выступление перед заключёнными 2 февраля 1964 года. В этой тюрьме, расположенной неподалёку от Воронежа, А.Т. Прасолов отбывал второй срок с июня 1962-го по август 1964 года.

«15 сентября 1963 г., воскресенье. Вчера получил бандероль от Мурковой (*шутливое имя, данное А.В. Жигулиным любимой супруге. – В. К.*) – несколько книжек, несколько писем. <...> Ал. Прасолов прислал письмо. Ирина пишет, что его письмо, а также официальное приглашение выступить со стихами перед заключёнными Семилукской ИТК № 1, принёс майор, начальник по политчасти (это, наверное, вместо КВЧ теперь). Приглашение – удивительный документ! Сохраню его. И конечно, надо поехать вы-

ступить. Обязательно выступлю на каникулах. А Прасолову сборник пошлю».

«27 января 1964 года, понедельник. <...> Приходил подполковник (*опечатка: майор. – В. К.*) А.Н. Гонтарев, пригласил выступить в воскресенье перед заключёнными ИТК в Семилуках. Надо, конечно, выступить».

«2-го февраля <1964 года>, в воскресенье, были с Ириной в Семилуках в ИТК № 1. Это лагерь строгого режима, для рецидивистов. Что-то дрогнуло в сердце, когда мы с майором А.Н. Гонтаревым прошли через вахту. Это от волны забытых ощущений. Да. Лагерь есть лагерь, не смотря на все положительные изменения.

В большом зале с чёрным мокрым полом собралось около трёхсот заключённых. Чёрные телогрейки, стриженные головы. На стенах плакаты вроде “Честный труд – путь к досрочному освобождению”. Дощатая сцена, трибуна. На сцене за столом: я, майор, Ирина, какой-то заключённый из актива. Прасолов рассказал немного обо мне, прочитал статью Ф. Овчаренко. Потом несколько моих стихотворений прочитали заключённые. Один паренёк лет 20-ти (лицо необыкновенно честное) читал “Песню”. Кто-то читал “О дружбе”. А потом читал я. Начал с “Флажков”. Впрочем, нет. Сначала читал “Предок”, лирику. А “Флажки” приняли великолепно. Кто-то крикнул из зала майору, что, дескать, чифирить можно, раз стихи есть о чифире. В лагере (после говорил майор) чифирят, особенно в ночную смену на заводе. Потом читал многие стихи, в том числе “Работу”, “Кострожогов”, “Бурундука”. Говорил о своей судьбе. Посыпались вопросы. Кто-то спрашивал, где я был в лагерях. Один заключённый (типичный бандит с мясистым лицом) спросил, не моего ли сочинения песня “Далеко в краю Иркутском” (или что-то в этом роде). И так серьёзно спросил. И слушали внимательно, как дети, с большим интересом. А после выступления обступили со всех сторон. Много было вопросов. И кто такой Борис Корнилов, и над чем я работаю, и встречался ли я в лагерях с Солженицыным, и не собираюсь ли я писать об уваровцах и “Зелёной шапочке” (это ла-

герные группировки), и очень много было других вопросов. Многие благодарили, просили адрес мой, чтобы написать. Кто-то обещал прислать свои материалы “из жизни”. Один паренёк читал мне свои сумбурные путаные стихи, где целые строфы были из Пушкина. Он же приветствовал меня своими стихами в начале встречи (что-то вроде “Приветствую тебя, собрата по перу...”).

Потом меня фотографировали с передовиками и дружинниками в библиотеке.

Теперь о Прасолове. Он попал второй раз, дали 4 года, и досрочно теперь уже не освободят (осталось два года, пять месяцев), но майор говорил мне, что будут ходатайствовать. Пишет стихи. Выглядит плохо, работает в библиотеке. Может быть, следовало принести ему что-нибудь, но мы не догадались (какой мне позор – сам ведь сидел 5 лет!). А с другой стороны – и не знаешь, что принести. Ведь с питанием-то у них благополучно.

Прасолов попал очень нелепо. Какие-то яйца полез воровать по пьянке. Вот слабость в человеке! Очень жаль его, а что поделать».

«13 февраля 1964 года, четверг. <...> Алёша Прасолов прислал фотоснимки, сделанные во время выступления в лагере. Очень трогательно! Только на карточке заметил я огромный плакат над сценой: “Привет поэту Анатолию Жигулину” и другой плакат со строкой из “Рельсов”. Я раньше их не заметил, смотрел на людей. Подумал, наверное, что это рядовые лозунги».

А теперь прочтём письма А.Т. Прасолова А.В. Жигулину, написанные им в Семилукской исправительно-трудовой колонии, где поэт отбывал срок за незначительное бытовое правонарушение.

«Здравствуй, Анатолий!

Извини за неожиданное беспокойство. Я нахожусь в Семилуках – ты знаешь, видимо, причины.

Здесь проводятся культурные мероприятия. Весной на читательскую конференцию к нам приезжал герой книги

“Неутраченное счастье” – С.И. Батраченко. Был хороший разговор с людьми в непринуждённой обстановке. Люди остались благодарны Батраченко. Здесь это, как сам понимаешь, особенно ценится теми, кто отрезан от большой жизни и тянется к ней изо дня в день.

Знают здесь и твои стихи. У нас есть твой второй сборник – “Костёр-человек”. Третьего – московского – пока нет. Ребята очень хотят пригласить тебя к нам на литературный вечер. У нас есть летняя эстрада, если же, паче чаяния, будет плохая погода – имеем вместительный клуб, микрофон.

Администрация колонии сделает всё, чтобы ты не испытал неудобств: выделяют машину и т. д. Хорошее и, кажется, вполне реальное дело. И здорово было бы, если бы у тебя случайно не оказалось помех, причин и прочего. Мы будем надеяться. Прихвати свою новую книжку – “Рельсы”. Ребята выступят с полюбившимися им твоими стихами. Новые прочтёт им автор. Согласен ли он, не обидит ли отказом “зеков”?

Пожалуй, здесь можно будет реализовать часть тиража. Администрация устроит, думаю. Составим список желающих обзавестись твоим сборником; всё реально. Это письмо тебе вручит наш начальник по политчасти – майор Гонтарев. Мы ему многим хорошим обязаны. Ждём тебя к нам. О времени приезда вы с ним договоритесь. Желаю здоровья, новых стихов, удач.

А. Прасолов. 7.IX.63».

К письму А.Т. Прасолов приложил письмо-ходатайство совета коллектива ИТК № 1 и план проведения творческой встречи с А.В. Жигулиным.

Пометка А.В. Жигулина на письме А.Т. Прасолова: “Отвечил, послал 28.IX.63 г. две книги “Рельсы” за<азной> банд<еролью>. Ан. Ж.”.

«Дорогой Анатолий! Спасибо за книгу, за письмо. Воронежские приятели, кажется, шарахнулись от меня в стороны. Виноват сам. Но за это расплачиваюсь. Выйду я в июне 66-го. <...> Пишу ли? Пишу. Посылаю 4 стиха из по-

следних. В них моё главное направление, которое от условий не меняется.

Будешь в Воронеже, обо мне и стихах не распространяйся. Так лучше для меня».

Далее А.Т. Прасолов приводит в письме четыре новых стихотворения: «Тревожит вновь на перепутье...», «Среди цементной пыли душевной...», «Весна от колеи шершавой...», «В ночи заботы не уйдут...».

Продолжение письма: «В январе ждём. Лозунги с выдержками из стихов готовы, ждут. Привози новое – даже не для эстрады. Надеюсь, я буду здесь. Перемен пока не предвидится. Самое жестокое – пытка временем. Ещё 2 года 9 месяцев. Самоубийство, брат... Но – сдюжим. Здоровье – как было. Передач не разрешают. Своей одежды – тоже. Такова теперь Фемида. Не мытьём, так катаньем. Ждём, Толя. Нач^{альни}к мой – добрый человек, любит литературу (один здесь такой). Просил прочесть ему твой ответ. Буду рад поделиться с ним.

Желаю удач. Больших, настоящих, высоких. Моя учёба накрылась этим “университетом” с 4-годичным (для меня) обучением. Жму руку. Желаю устойчивого здоровья и таких же стихов.

А. Прасолов. З.Х.63».

На конверте – пометка А.В. Жигулина: «Ответил открыткой 6.ХI.63. Ан. Ж.».

«Здравствуй, Толя! За открытку, за праздничное поздравление – спасибо. А сам... виноват, не смог тогда ответить, поздравить: мне можно посылать в месяц 2 письма – в этом причина, чёрт бы её побрал. Сейчас (заблаговременно!) поздравляю с близким уже Новым годом. Ждём приезда. В обещание верим. Обязательно укажи заранее приблизительное число – это очень важно.

Сейчас сижу над приветствием П.М. Гаврилову – герою Бреста. Завтра с ним у нас встреча. Он гостит в Воронеже, и его заманили к нам! То-то, брат. Приезжай. Ждём. Укажи срок. Жму руку. Всего лучшего – во всём.

Твой А. Прасолов. 14.ХII.63.

P.S. 15.XII.63. Герой Бреста был. Встреча прошла ярко. Удивительной силы Человек... Увёз мои стихи, посвящённые ему. Ждём тебя. А.П.».

Следующее письмо написано уже после встречи с А.В. Жигулиным:

«Здравствуй, Анатолий! Ты, наверно, уже вошёл в московскую колею. Сегодня мы с майором Гонтаревым отобрали фото, разделили их пополам и отсылаем – тебе и Ирине. Дьявольщина, я не знаю её отчества и пришлось обращаться сразу: “Здравствуйте, Ирина!”.

Фото, быть может, не совсем совершенны, но Аркадий, тот, с усами, – старался. Даже похудел. Ему пришлось их делать много: для альбома и для стенда, который увозят в Воронеж на смотр. О встрече, о стихах разговоры до сих пор. Поэзию у нас приняли лучше, чем что-либо другое. Вот тебе и сущность человеческая... Только затронь – и раскроется.

Забегали наши сочинители. Требуют стихов, стихов, советов и т. д. О тебе говорят: простой и всё – от души.

Спасибо за приезд. Гонтарев благодарит тебя и Ирину по-человечески. Он – Человек, как ты сам заметил. Написал я Виктору (*В.М. Поляков, воронежский поэт. – В. К.*). Летом не нагрянете ли вдвоём? Видишь, разлакомились как! Желая здоровья, ёмких стихов! До свиданья! Жму руку. Твой Алексей. 8.II.64 г.».

Пометка А.В. Жигулина: «Ответил 19.II.64 г. Ан. Ж.».

«Здравствуй, Анатолий! Сейчас м-р Гонтарев принёс фото, которое ты просил. Такое же, наверно, у тебя дома в пачке, посланной Ирине. Андрей Никитич передаёт тебе тёплый привет, благодарит за приезд и надеется, что он повторится летом. Кажется, твоё слово твёрдое. Если с Поляковым – ещё лучше. Я написал ему письмо, но он молчит. Вторично после этого писать неловко.

Итак, ты можешь лицедрететь наших общественников. Именуются они членами СВП (секции внутр<енного> порядка) и борются с чифирём, который ты воспел. Кстати, после стихов некоторые заявили: “Вот! Про чифирь даже

стихи пишут, а у нас считается нарушением!" Ладно, не прочти в этом упрёка.

Как пишется, как дышится? Бывай здоров. Привози стихи. Теперь встретят как знакомого – вдвойне теплей, радушной. Всего хорошего.

А.П. 28.II.64».

Пометка А.В. Жигулина: «Написал и послал открытку 26.IV.64 г. Ан. Ж.».

«Здравствуй, Анатолий! Сейчас ты, наверно, занят... Но – извини за беспокойство. Дело в следующем. У нас есть теперь литгруппа, которая выпускает альманах. Ребята спрашивают – будет ли Анатолий Жигулин летом? Ты, пожалуйста, черкни по этому поводу пару строк.

И ещё. 20 июня у нас литературный вечер. Ребята будут читать своё. Включено и твоё письмо П. Бородину (стихи его включить пока не можем – ты сам их видел; у нас тут есть довольно опытные – я даже не ожидал, что выявим таких). Так вот: хорошо было бы, если бы ты написал коротенькое поздравление и пожелание литгруппе – мы зачитали бы его с эстрады на вечере. Сегодня 9 июня, сделай так, чтобы к 20-му ответ был у нас. Идёт? Это займёт 5 минут для написания, ну, а для ребят будет большим делом. Эксплуатируем тебя!

Как дела? Подборку в “Мол<одой> гв<ардии>” читал. Номер и сейчас у Гонтарева. Что – впереди? Скоро – в Воронеж? У меня всё, как было. Чего-то жду, но это наше всегдашнее состояние. Ирине – привет! За открытку – спасибо, хоть и запоздалое. Итак, ждём письма. К 20-му! Иначе – невпопад... Желаю всего желаемого. Будь здоров. Держи лапу. От имени и по поручению... А. Прасолов. 9.VI.64».

Пометка А.В. Жигулина: «Ответил 16.VI.64 г. Ан. Ж.».

Следующие дневниковые записи А.В. Жигулина об А.Т. Прасолове сделаны после того, как по ходатайству А.Т. Твардовского поэт был освобождён из заключения, и в Москве в 1966 году в издательстве «Молодая гвардия» – тоже при поддержке Твардовского – вышел его

первый и единственный при жизни столичный сборник стихов «Лирика».

«28 июля 1966 года, четверг.

Вечер, скоро 21 час. Позади все московские волнения и невзгоды, вся суэта и сутолока. Пишу сии строки в Воронеже, в Садах, в уютном нашем домике. Пишу при свете электрической лампы. Великолепно! Словно в другой мир переселился – такая благодать и спокойствие! Как целительно действует на человека природа!

<...> 27-го, в среду, приехал в родной город. <...> Заходил в Союз писателей. <...> Потом ходили с Пресманом и А. Прасоловым по городу».

«1 августа 1966 года, понедельник. <...> Союз писателей. Пресман, Прасолов, Э. Пашнев. А. Прасолов долго читал стихи. Рест<оран> “Бристоль” (не помню, как сейчас называется). Опять стихи. Разговор о поэзии. <...>

В гостях у Прасолова. Гост<иница> “Маяк”.

О Прасолове (мои мысли). Не от мира сего человек. Крупный поэт. Алкоголик. Жаль. А может, это и ничего? Может, так и должно быть?».

«18 августа 1966 года, четверг. <...> Получил гонорар в “Молодом коммунаре” и пил с А. Прасоловым пиво в буфете гост<иницы> “Москва”. Он был весьма пьян и выразил отрицательное отношение к моим стихам, вернее, к самой манере письма. Я, мол, (сказал он о себе) ищущ истину не так в лоб, как ты. Ну, что ж, пусть зашифровывает известные вещи».

«3 января 1967 года, вторник. <...> Привёз <домой> почитать книжечку А. Прасолова “Лирика”, вышедшую в “Молодой гвардии” (переиздание воронежской книги, но в меньшем объёме)».

Чуть более четырёх месяцев – с 21 марта по 1 августа 1967 года – А.В. Жигулин работает в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы. В этот период им была предпринята попытка организовать и опубликовать в «Литературной газете» статью о творчестве А.Т. Прасолова.

«16 апреля 1967 года, воскресенье. <...> 12-го, в среду, ездил на редакционной машине в Союз пис<ателей> СССР. Во дворе СП меня увидел Гусь (*В.И. Гусев. – В. К.*). Говорили о рецензии на А. Прасолова. Стихов участников слёта не удалось достать – одни графоманы. <...> 13-го, в четверг, обычный рабочий день. Вечером пришёл Гусь, принёс рецензию на <стихи> А. Прасолова».

«18 апреля 1967 года, вторник. <...> В редакции “Литгазеты” – обычная суета. Буртин вернул рецензию Гусева».

По инициативе А.В. Жигулина 12 июля 1967 года в «Литературной газете» была опубликована большая подборка стихотворений воронежских поэтов, в том числе – четыре стихотворения А.Т. Прасолова.

«13 июля 1967 года, четверг. Утро. Летучка. Обзор делает фельетонист Юрий Алексеев. <...> Хвалит подборку воронежцев. Предлагает на Доску почёта стихи Ал. Прасолова».

«24 декабря 1968 года, вторник. <...> Гордейчев сообщил, что Прасолов опять пьёт и что у него туберкулёз, лежит в больнице. <...>

– Но всё-таки, – сказал я, – вы там берегите Прасолова. Он поэт милостию Божией...»

В мае-июне 1969 года А.В. Жигулин находится с семьёй в гостях у родителей в Воронеже. Записи в дневнике свидетельствуют об обычном распорядке его жизни: визиты в редакции газет, журнала «Подъём», писательскую организацию, книжное издательство, встречи с местными литераторами и журналистами.

По сложившейся традиции, дружеские беседы литераторов проходили за кружкой пива и нередко плавно переходили в банальную пьянку...

«Вчера, 31-го мая, в субботу, утром были В. Мартынов и странный, грязный Алёша Прасолов».

«2-го июня 1969 года, в понедельник, с утра и днём озноб, паршивейшее состояние, какая-то внутренняя дрожь. Одежда потеплее, лёг, страдал. И что это за болезнь? Реакция организма на пипольфен? Или алкогольного происхождения сей недуг?»

Получил днём гонорар в “Молодом коммунаре”. Беседовал с Е. Дубровиним. Искал В. Полякова, нашёл в Союзе <писателей>. Там же Прасолов с дрожащими руками, но уже чище, не такой грязный, как обычно. Даже бритый. Ушли от него, однако. Тяжко с ним. Пришли к нам, выпили водочки и поели крошки. Озноб и дрожь пропали...»

Из письма А.Т. Прасолова А.В. Жигулину: «Здравствуй, Толя! Спасибо за письмо. В отношении Буртина – Бардина ясно. Я писал, не имея под рукой той давней телеграммы, поэтому неверно назвал фамилию. О том, что ты в “Лит<ературной> газете”, не ведал до твоего письма. Читал твою подборку в “Новом мире”. Что нового есть у тебя и где думаешь появиться? Со временем я подготовлю свою подборку и пришлю в “Лит<ературную> газету”. В случае чего, ты сообщи, если что-либо будет там готовиться. Гусева часто видишь? Передай ему привет. Если встретишь мою книжку “Лирика”, будь добр, пришли экз<емпляра> два. Здесь нигде её нет – ни в Воронеже, ни в россосанской дыре, где я обитаю.

Всего доброго. А пуще всего – здоровья и стихов. Жму руку. А. Прасолов. 28.VIII.67».

Пометка А.В. Жигулина: «Ответа не требует – устарело. 2.XI.68 г. Ан. Ж.».

Как видно из следующего письма, А.Т. Прасолов очень сожалел, что не смог встретиться и «поговорить о сущем» с Анатолием Жигулиным в Москве, когда на весьма непродолжительное время оказался на Высших литературных курсах.

«Здравствуйте, Анатолий и Ирина!

Я не знаю, дома ли ты сейчас, Толя. Хотелось бы этого.

Иринка, ты извини, что в ту пятницу, о которой мы договорились, я не смог не только съездить к Анатолию в больницу, но даже позвонить тебе на работу. Дело в том, что организаторам краткосрочных ВЛК очень захотелось повезти нас в Ленинград на экскурсию. В четверг, перед той пятницей, в 4 часа дня я был уже вне Москвы, в которой после был проездом.

Вообще, всё промелькнуло калейдоскопически, и только сейчас я в какой-то мере упорядочил весь свой внутренний скарб – результат этих курсов, поездок и прочего. И очень досадно, что нам с Анатолием не пришлось ни минуты побыть наедине, поговорить о сущем.

Толя, я читал подборку твоих стихов в “Мол<одом> коммунаре” и два стиха, показанные Ириной. О впечатлении, полученном мною от них, особенно о тех, что читал у тебя на квартире, она может сказать сама. Мне вспомнился тогда и один свой стих – “И когда опрокинуло наземь...” Иринка, думаю, показала его тебе. Перед нами выступал один из работников изд<ательств>ва “Мол<одая> гвардия”, знакомил с планом на 1969 год. В нём есть твоя книга “Поле боя”.

У меня сейчас сдана в производство книга “Земля и зенит” – в Воронеже. Название, которое я давал условно (такая досада!), поспешили выписать на обложке. Переделать было нельзя: художник на оформлении моей книжки защитил в Москве дипломную работу. Выйдет – пришло.

Я ещё раз очень прошу извинить меня за то, что так и не смог подъехать тогда к вам.

Ещё хочу знать, как дела со здоровьем. Жду ответа. Вовке (*речь идёт о сыне А.В. Жигулина. – В. К.*) – мой привет. Он человек весьма энергичный и бодрый. Кажется, из своих игрушек он уже вырос.

Жму руки. Всего самого доброго.

А. Прасолов. 15.II.68».

На конверте сделана пометка А.В. Жигулина: «Отвечать поздно. Поеду в Воронеж – встретимся. Ан. Ж. 6.VIII.68». В писательском архиве А.В. Жигулина сохранилось стихотворение А.Т. Прасолова, написанное крупным почерком карандашом:

И когда опрокинуло наземь,
Чтоб увидеть – закрыл я глаза,
И чужие отхлынули разом,
И сошли в немоту голоса.

Вслед за ними и ты уходила,
Прикоснулась ко лбу моему,
Обернулась – и свет погасила:
Обречённому свет ни к чему.

Да, скорее в безликую темень,
Чтобы след был надёжней затерян,
Чтоб среди незнакомых огней
Было тёмному сердцу вольней.

Шаг твой долгий, ночной, отдалённый,
Мне как будто пространство открыл –
И тогда я взглянул – опалённый,
Но в неясном предчувствии крыл.

Внизу страницы – приписка А.Т. Прасолова: «Толя, я здесь был, тебя не застал. Как больно! Мы можем умирать от чего угодно, но прежде всего – от ностальгии».

За подчёркнуто сдержанной и деловой перепиской скрывался пристальный интерес поэтов-земляков друг к другу. Каждому было ясно: они – поэты, но они – разные. По мировоззрению, жизненному и творческому опыту, манере письма... Не случайно Прасолов, любивший в своих эпистолах и просто в беседах с друзьями «пофилософствовать», в письмах к Жигулину даже не пытается это делать...

Жизнь А.Т. Прасолова – это бесконечные скитания по районам Воронежской области: из одной редакции в другую. Его биографы подчитали, что с 1951 по 1970 год он сменил более 20 рабочих мест. А в последние годы это ещё и больницы, лечение душевных и физических недугов... И вот словно луч солнца: встреча с юной сотрудницей районной газеты Раисой Андреевой, рождение сына... С 1 сентября 1969 года по 27 мая 1971 года он работает в редакции Хохольской районной газеты «За коммунистический труд». Районный центр Хохольский – это примерно в 50-ти километрах на запад от Воронежа.

В письме в Россось он сообщает другу: «Я не один. За другим столом сидит человек по имени Рая Андреева и читает Шиллера – скоро летняя сессия, а она – заочница ВГУ. Работает в нашей газете; в апреле мы скрепили свой союз».

Счастье семейной жизни угнетает неустроенный быт. Молодая семья снимает угол в старом доме. Русская печь почти не греет. Копоть. Дым... Того и гляди, угоришь до смерти. Жена, ждущая ребёнка, вынуждена была уехать к родителям в Тамбовскую область.

В июне 1970 года Прасолов обращается в правление Союза писателей РСФСР с письмом, в котором через края внешней сдержанности выплёскиваются боль и отчаяние. Строки из письма: «Обстоятельства вынудили меня обратиться к вам с этим заявлением. <...> Работа в газете у меня на первом месте, литературное творчество – на втором. Ладно, уж ночь зато моя. Но и ночью негде работать. <...> Здесь, в районе, надеяться на квартиру мне не приходится – в перспективе пока ничего нет. <...> В Воронежской писательской организации лежит уже не первое моё заявление о квартире. Не первый раз я слышу посулы. И только. Ничего конкретного нет».

Спустя год правление областной писательской организации выделяет семье А.Т. Прасолова скромную квартиру в Коминтерновском районе Воронежа.

Но трагедии уже не избежать...

Исповедальные строки из писем А.Т. Прасолова жене: «Моя никчёмность на свете уже настолько осознана, что я явственно вижу, как я в последний раз вхожу к этим сволочам с вопросом – нужен ли я? Как выхожу от них... Всё, что впереди, лишено смысла... Сознание именно бессмысленности существования – больного или здорового – всё равно. P.S. За себя перед Богом отчитаюсь...» (20 декабря 1971 года).

«2 января 1972 г. Больница. Воронеж. <...> Ждать мне нечего, торопиться тоже некуда – пусть всё идёт своим чередом – ни помогать, ни мешать не надо».

Он предвидел трагический уход:

Я умру на рассвете,
В предназначенный час.
Что ж, одним на планете
Станет меньше средь вас...

О том, с какой болью воспринял А.В. Жигулин страшную весть из Воронежа, видно из записей в его дневнике:

«3 февраля 1972 года, четверг. 23.20. Поздний вечер. Писал сейчас о Твардовском – позвонил В. Гордейчев из Воронежа <...> И сообщил печальную новость: сегодня повесился Алексей Прасолов. Он лежал в туб<еркулёзной> больнице. Его отпустили на один день домой перед операцией – для завершения каких-то личных дел (в частности, какие-то деньги он должен был получить). Он деньги получил, выпил... Жена пришла – заперто изнутри. Влезли в форточку – висит в ванной. Видно, сработал какой-то комплекс, какой-то психоз.

Жалко Прасолова! Это был очень талантливый человек! И только нынче утром говорили мы о нём с Лесневским: хорошо он, по словам Лесневского, написал о Твардовском. Да... Жуткое дело! Любые слова излишни, пожалуй. Много поэтов-сверстников моих погибло в последние годы от водки».

На этом дневниковые записи А.В. Жигулина об А.Т. Прасолове не заканчиваются. Наоборот – с каждым годом их становится больше. Записи свидетельствуют: Анатолий Владимирович делал всё от него зависящее, чтобы «пробить» стихи А.Т. Прасолова в печать, опубликовать статью о его творчестве, издать «непроходимую» поэму, материально помочь вдове с маленьким сыном...

Вскоре после трагедии состоялась встреча А.В. Жигулина с председателем Госкомитета по печати при Совете Министров СССР Б.И. Стукалиным.

«10 апреля 1972 года, понедельник. <...> Говорили о Воронеже, о воронежцах. В частности, о наших земляках, переехавших в Москву. Егор Исаев, Василий Песков; о других писателях и журналистах. <...> Говорили о трагической смерти А. Прасолова. Оказывается, Б.И. печатал Прасолова ещё в росошанской районной газете...»

«23 сентября 1972 года, суббота. Утром беседа по телефону со Ст. Лесневским. О “Дне поэзии 1972”. О Прасолове. Надо найти оригинал или хоть копию его воспоминаний о Твардовском. Должно быть у Куняева. А то ведь пропадёт».

«18 апреля 1973 года, среда. Был дома. Много телефонных бесед. Наиболее значительное: <...> В. Лакшин (о заметке А. Прасолова, о Твардовском. Лакшин подготовил запись рассказов Твардовского о его детстве и юности). Ст. Куняев (о заметке Прасолова, похоже, её потеряли). <...> М.И. Твардовская (о письмах А.Т., о заметке Прасолова – есть у неё, слава Богу! Можно послать вдове)».

«24 августа 1976 года, вторник. Телефонный разговор с В. Кожиновым. О его книге про Н. Рубцова. Даже здесь не удержался Кожинов... противопоставил меня Н. Рубцову. Рубцов, дескать, поэт, а Жигулин что? – “тихий лирик”. Потом оправдывался – дескать, это не хула, а похвала. И Лермонтов, мол, тихий лирик, и Ахматова... Читал мне с каким-то странным вызовом стихи поэта, имени которого не назвал. Стихи приличные, не без банальностей, более-менее сделанные. Кто, мол, это, потвоему? Я сказал:

– Эти стихи вполне могут принадлежать многим поэтам. Не чувствуется яркой индивидуальности. Может быть, что это твой Ю. Кузнецов, может, его подражатель.

Вадим прочитал стихотворение цельное, чистое, яркое. Я сказал:

– Мне кажется, это похоже на Алексея Прасолова!

Оказалось, точно – Прасолов. Но кто-то настроил Вадима в странном тоне: во-первых, будто я не люблю Прасолова, а во-вторых (что уж вовсе смехотворно), что я раз-

вивался как поэт под сильным влиянием Прасолова! Ну и ну! <...> Мы абсолютно разные поэты. Он – от мозга, я – от сердца».

«25 августа 1976 года, среда. <...> После массажа в поликлинике – в ЦДЛ с Ирой. Обед. Гусь. Но не жареный, а Владимир Гусев. Беседа – об идиотском суждении Кожинова (что Прасолов на меня повлиял). Гусь даже засмеялся...»

«29 августа 1976 года, воскресенье. <...> Звонок А. Ланщикова. <...> Говорили с Толей о В. Кожинове. Он сказал, что давно заметил кожиновское враждебное отношение ко мне. Мало того, Толя сообщил и новую информацию. Вадим говорил ему:

– Почему Жигулин не позаботился о Прасолове?

И говорилось это с обвинением.

А кто Прасолова напечатал в «Литературной газете» (четыре стихотворения)? – Жигулин! А Твардовский дал большую подборку А. Прасолова. А ещё раньше и прежде всех печатал стихи А. Прасолова в росошанской районной газете Б.И. Стукалин. У Прасолова вышло несколько книг. О нём писали немало. А Кожинов вдруг открыл Прасолова!».

«24 сентября 1976 года, пятница. Зв<онил> В. Кожинову... О Прасолове. О моём выступлении в лагере. <...> Что же касается недавнего утверждения В. Кожинова о том, что Прасолов на меня влиял, то Вадим просто отказался от своих слов:

– Что ты, Толя! Вы же совсем разные поэты!

<...> И ещё – я принял предложение В. Кожинова написать врезку к стихам А. Прасолова:

– Пиши, пожалуйста! Только не зачёркивай в этой статье других гениев – например, Юрия Кузнецова.

Спрашивал Вадим, почему А. Твардовский после большого цикла Прасолова в последующие несколько лет больше его не печатал. Лишь одно стихотворение опубликовал. Я помню, как Караганова об этом говорила:

– Странно! Такой был хороший цикл, а сейчас Прасолов присылает очень слабые стихи».

Из воспоминаний С.Г. Карагановой об А.Т. Твардовском: «Напечатать повесть, статью, стихи из так называемого “самотёка”, впервые открыв новое имя читателю, – в этом он видел особую заслугу. <...> Александр Трифонович принёс из дому стихи Алексея Прасолова. Собрал нас у себя в кабинете и с воодушевлением прочёл несколько стихотворений. К концу чтения голос его начал опадать, и Твардовский перешёл на скороговорку. Кто-то из нас, заметив это, засмеялся. Рассмеялся и Александр Трифонович: “Да, эти пожиже. Кстати, чтение вслух – лучшая проверка и для собственных стихов. Читаешь – и вдруг замечаешь, что хочется тебе проскочить через несколько стрóf. Верный знак, что в них что-то не так, а может, и все они лишние”.

Лучшие стихи из присланного тогда Прасоловым напечатали. Алексей Прасолов, талантливый поэт, рано умер, и эта публикация оказалась у нас единственной».

По решению руководства Союза писателей СССР А.В. Жигулин был утверждён главным редактором альманаха «День поэзии 1977». На первом же заседании он объявил членам редколлегии: в сборнике обязательно должны быть подборка стихов А. Прасолова и вступительная статья о нём. Врезку к стихам Прасолова по его просьбе согласился написать талантливый критик и земляк В.И. Гусев (к тому времени он переехал на постоянное место жительства в столицу). Помощь в подготовке прасоловских материалов оказал доцент Воронежского государственного университета В.П. Скобелев.

«4 января 1977 г. Заметки к беседе с Вл. Скобелевым.

1. С Новым годом. Это Жигулин.

2. Ты занимался последней книжкой А. Прасолова. Дело: я – гл. редактор “Дня поэзии 1977”. Святой долг наш – отметить в мемориале А. Прасолова. В. Гусев дал небольшое воспоминание-эссе. Можешь ли ты дать подборку неопубликованных, но проходимых стихов А. Прасолова? Можно то, что было в местной периодике. Есть ли у Андре-

евой архив? Стихи? Письма? Фото? Связан ли ты с ней? Можешь ли сделать публикацию?».

«25 января 1977 года, понедельник. <...> Второй звонок В. Кожинovu. Я прочёл ему стихи А. Прасолова “Торжествует ночное отчаяние...” (из книги “Осенний свет”, она есть у Вадима). Он не угадал “открытого» им поэта”.

«22 марта 1977 года, вторник. М.И. Твардовская. <...> О Прасолове. М.И. Твардовская переписывается с Р. Андреевой. Воспоминания А. Прасолова о Твардовском у неё в машинописи».

«29 марта 1977 года, вторник. Отчётно-выборное собрание творческого объединения поэтов. После партгруппы – перед собранием – много встреч. Беседа с Виктором Кочетковым при участии Иры. О рецензии В. Кожинова на книгу А. Прасолова, о книге А. Прасолова в издательстве “Советская Россия”. <...> О том недоумении, которое вызвала рецензия В. Кожинова у воронежцев, у издательства “Молодая гвардия”, у многих других людей и организаций (Воронежское отделение СП РСФСР, Центрально-Чернозёмное книжное издательство и т. д.)».

«20 июня 1977 года, понедельник. <...> Раиса Васильевна Андреева, 5–39–20, издательство. Р. Андреева и А. Прасолов были знакомы с 69-го года. Есть архив с 55-го года (у Раисы Андреевой)».

В альманахе «День поэзии 1977» по инициативе А.В. Жигулина была опубликована большая подборка стихов Алексея Прасолова («И вот настал он, час мой вещей...», «О, первая библиотека...», «Ты отгремела много лет назад...», «Пустырь», «И скручен плащ...», «Увидишь внезапно среди разных примет...», «Ничего, что этот лёд без звона...», «Белый храм Двенадцати апостолов...», «Я не молюсь перед поэмой...») и статья В.И. Гусева «Талант всегда пробьётся». В статье чувствовалось искренне желание понять, чего лишён был Алексей Прасолов в этом мире: «... Оказалось, нужен был кто-то, кто посвятил бы Прасолову – поэту – всю жизнь, всю свою судьбу, – такого человека не было».

«30 августа 1977 года, вторник. Вечер. Скорей бы в Москву! Надоело мне здесь, в Малеевке. <...> Единственное нынче положительное впечатление. Смотрел в библиотеке подшивку “Литературной России”. Опубликовали они, наконец, материалы А. Прасолова ещё 19 августа: заметка Р. Андреевой “Добрая память” (письмо А. Твардовского к А. Прасолову, отрывки из дневника Алексея), фотография и стихи А. Прасолова: “Пустырь” и “Ничего, что этот лёд без звона...” Всего только два стихотворения из пяти принятых. <...> Но ничего. Всё равно хорошая получилась публикация».

«3 сентября 1977 года, суббота. <...> Получил письмо от Р.В. Андреевой. Смысл письма: В. Кожинов с помощью А.М. Абрамова добился того, что Р. Андреева отказалась от составительства книги А. Прасолова в пользу... В. Кожинова. Уже написала письмо В. Шкаеву...»

«23 сентября 1977 года, пятница. Совершенно неожиданно позвонил... В. Кожинов. Я, разумеется, насторожился – Кожинов просто так не звонит. Он сообщил мне, что составляет своеобразный коллективный сборник. Книга будет открываться его статьёй и перед каждым поэтом – кожиновское же предисловие. Подборки будут как бы цитатами в большой статье. Вот состав, намеченный Кожиновым: В. Соколов, А. Прасолов, А. Жигулин, Г. Горбовский, С. Куняев, А. Передреев, В. Казанцев, Э. Балашов, О. Чухонцев, Ю. Кузнецов.<...> Поглощён В. Кожинов и работой над составлением книги А. Прасолова в “Советской России”. Огорчён тем, что, несмотря на письмо Р. Андреевой (“письмо с печатью”), В. Шкаев не даёт ему договор. И просит моей помощи... <...> Что ж, я помогу ему. Пусть составляет. Надо достать хорошую фотографию А. Прасолова. Была хорошая фотография, по словам В. Кожинова, в “Молодом коммунаре” в 1965 году. Но вряд ли сохранился негатив».

«8-V-78 г., понедельник. Довольно ранний звонок В. Гусева. Поиски писем А. Прасолова (нашлось 9, но должны быть ещё). Поездка к В. Гусеву. <...> Просматривание писем, фотографий, вырезок. Ещё в 1967 году (12 июля) я дал в «Литературную газету» подборку А. Прасолова – четыре

стихотворения, самая крупная его подборка в центральной прессе тех лет после новомирской. Однако Вадик Кожин до сей поры не расстается со своей садистской претензией ко мне: “Почему Жигулин скрывал Прасолова и не любил его?”. Это идёт, конечно, от <...>. И Гусь, по его словам, не сумел переубедить В. Кожина. <...> И почему я должен был скрывать или пропагандировать Прасолова? Когда мне было – я всё пил да болел? Самого себя не было времени и сил ни показывать, ни пропагандировать!».

В дневнике А.Т. Прасолова есть запись от 23 августа 1967 года: «Письмо А. Жигулину в “Литературную газету»». (См. : Алексей Прасолов. И душу я несу сквозь годы... Сост. и прим. Р.В. Андреевой-Прасоловой. – Воронеж, 2000. – В. К.).

«10.V.78 г., среда. <...> Вечером – звонок В. Гусева. Он узнал от Мих. Чернолуцкого о том, что из издательства “Советская Россия” распространяются чудовищные слухи о том, что Жигулин и Гордейчев (и, кажется, Раиса Андреева) ...остановили сборник А. Прасолова. И исходит это от ...В. Шкаева. Уж кто-кто, а Шкаев должен был знать истину. <...> Даже писать противно».

«11.V.78 г., четверг. <...> Встреча с В. Гусевым в Литинституте. Передача ему прасоловских материалов: 1) 10 писем А. Прасолова ко мне (одно – Ирине); 2) сборник “В добрый путь”, книги А. Прасолова “День и ночь» и “Лирика”, подаренные мне Алексеем (на последнем надпись в стихах); 3) три фотографии: февраль 1964 года, я у Прасолова в лагере (в том числе моё выступление, где лозунги); 4) вырезки из “Литературной газеты” с подборкой А. Прасолова, которую я готовил (12.VII.67)».

Из дневниковых записей видно, какую важную роль А.В. Жигулин сыграл в публикации поэмы А.Т. Прасолова «Безымянные» в журнале «Литературное обозрение» (главным редактором издания с 1977 по 1997 год был его приятель, поэт и критик Леонард Лавлинский).

«31 января 1983 года, понедельник. В одну из последних моих поездок на родину, в Воронеж, вдова поэта Алексея Прасолова передала мне одно из последних произведений поэта – драматическую поэму “Безымянные”. Известная, значительная по объёму вещь известного советского поэта, созданная в пору зрелости, – это, действительно, находка.

Здесь сбылось булгаковское: “Рукописи не горят!”. Сбылось с существенной поправкой: не горят, если они находятся в надёжных руках. Этими руками оказались руки жены и верного друга Алексея Прасолова Раисы Андреевой-Прасоловой.

О большой роли Раисы Васильевны в жизни и творчестве Алексея Прасолова ярко говорит, в частности, один важный факт. В 1971 году в Воронеже вышла последняя прижизненная книга стихов А. Прасолова “Во имя твоё”. На третьей чистой странице этой книги обозначено: “Р. Андреевой посвящаю”. И ниже эпитафия:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть...
М. Лермонтов.

Эти прекрасные слова говорят сами за себя».

«21 мая 1983 года, суббота. <...> Звонок Л. Лавлинско-му и беседа с ним. <...> Поговорили о публикации А. Прасолова. Он считает, что надо во врезке, в моей врезке к Алёшиной поэме, как-то объяснить то обстоятельство, что герой-солдат обращается с мольбой к Богу. Как-то смягчить.

Смягчим, придумаем, объясним. Жаль, нет ни текста поэмы, ни врезки перед глазами. Врезку-то я (копию), наверное, найду дома. А вот поэма-то была в единственном (2-м или 3-м) экземпляре. Собираются дать и фотографию Алексея с Раисой (слава тебе, Господи!). И тьфу, тьфу – не сглазить! Около 10-го номера предполагается публикация. Дай бог!».

«20 сентября 1983 года, вторник. <...> Вечером позвонил Леонард – приехал из Болгарии и получил мои стихи. Очень тронут, – говорит, – спасибо! <...> Но я, конечно, перевёл разговор на А. Прасолова – чтоб дали они поскорее его поэму и вообще всю публикацию. Боюсь, что из-за обращения пленного солдата к Богу может сорваться публикация.

Может, оттянуть её подальше на весну, пока это очередное увлечение властей борьбой с “богоискательством” пройдёт? Перекроется очередным пленумом? Вот не везёт как Алёшке! Даже после смерти... Леонард сказал, что всё помнит. Помню, дескать, и поправку, которую ты сделал (какую? я дописал врезку, чтобы “оправдать” Бога)».

«19.XII.83 г. Построение прасоловской публикации в “Литературном обозрении» (по словам В.М. Пискунова). Общий заголовок: “Рукописи не горят”.

I. а) Моя расширенная врезка.

б) Поэма А. Прасолова.

в) Письмо Р. Андреевой-Прасоловой ко мне с вариантом иной концовки поэмы.

II. Переписка А. Прасолова с В. Гусевым (с его вступлением).

III. Письма А. Прасолова Астафьеву с предисловием А.М. Абрамова.

Слава тебе, Господи! Дней через 10 будет вёрстка. И фотография идёт».

«26 декабря 1983 года, понедельник. <...> Леонард звонил: потеряли моё добавление к врезке перед поэмой А. Прасолова. Пришлось восстановить добавление по черновику (еле-еле нашёл) и кое-что ещё добавить. Словом, почти переписал свою врезку “Рукописи не горят”. Вова (сын поэта Владимир. – В. К.) перепечатал, молодец».

«2 марта 1983 года (опечатка: 1984. – В. К.), пятница. Днём позвонил Тимофей Фёдорович Прокопов, ответственный секретарь “Литературного обозрения”. Славный человек. Сказал мне, что сигнал был вчера, публикация в целости. А ещё рассказал, что около 1 февраля Главлит твёрдо решил снять поэму Прасолова. Никак, мол, невоз-

можно – советские солдаты молятся, обращаются к Богу, просят матерей помолиться за них и т. п. Вот почему меня вызвали тогда в редакцию, это было 3 февраля, и попросили сделать вставку. “Мало того, и автор, и его лирический герой... и т. д.” (стр. 102). И эта вставка решила судьбу. И фотография осталась. Да, вся публикация слетела бы без поэмы.

Оказывается, можно помочь товарищу и после его смерти. Дурацкая вставка забудется, а поэма выйдет в свет и её можно будет напечатать в новой воронежской книге Алексея. Залитована! Между прочим, что касается Бога, – поэма противоречива. Алёша не был религиозным человеком. Отсюда и противоречия. “Сложные” у него были отношения с Русской Православной Церковью. <...> А поэму А. Прасолова и вообще весь журнал они отдадут в Главлит в стадии вёрстки (для ускорения). А в вёрстке да и в сверке вставки не было».

Фрагмент из статьи-врезки А.В. Жигулина к подборке «Рукописи не горят» в журнале «Литературное обозрение» (март 1984 года):

«В некоторых статьях критик В. Кожин сетовал, что вот-де такого поэта, как Алексей Прасолов, никто не заметил и никто не помог ему в своё время.

Полноте, Вадим Валерьянович! Заметили и помогали. Кто заметил и кто помог? Да Твардовский Александр Трифонович! Взял да и напечатал большую подборку А. Прасолова “Десять стихотворений» в “Новом мире”, в восьмом номере 1964 года, на 13–14 лет раньше Ваших первых статей о Прасолове. А в 1967 году автор этих строк, едва ли более пяти месяцев ведавший стихами в “Литературной газете”, успел-таки напечатать подборку стихов Прасолова.

В Воронеже А. Прасолову помогали критики В. Гусев, А. Абрамов, В. Скобелев, О. Ласунский».

«21 марта 1984 года, среда. <...> Прислал письмо новый директор Воронежского книжного издательства

А.Н. Свиридов. Очень ему понравилась, как он пишет, моя статья о Прасолове в “Литературном обозрении”».

«1 апреля 1984 года, воскресенье. <...> Дневной (долгий и в воскресенье) разговор с Р. Андреевой. Она говорит:

– Спасибо Вам, Анатолий Владимирович! Все меня поздравляют. И в издательстве сразу изменилось ко мне отношение».

«24 февраля 1989 года, пятница. <...> В “Современнике” вышел том А. Прасолова. <Тираж> 10 тыс. Редактор и составитель Р. Андреева-Прасолова. Надо позвонить ей».

Думается, здесь уместно привести фрагмент из статьи воронежского писателя Е.Г. Новичихина: «...Довольно распространённое мнение о том, что сначала Прасолова-поэта заметили в Москве, а в Воронеже – уж потом, не совсем точно. Вернее, совсем не точно. Алексея часто публиковали и «Подъём», и областные газеты. А первая книжка... Да, она появилась в Воронеже уже после публикаций в Москве. Но, думаю, Прасолов не очень спешил с ней. Он был к себе сверхтребовательным».

В 2003 году в московском издательстве вышла – без преувеличения можно сказать – уникальная книга: Алексей Прасолов. «Я встретил ночь твою. Роман в письмах» (сост., предисловие и примечания И.И. Ростовцевой). А.Т. Прасолов предстаёт в книге не только как крупный поэт, но и как философ, психолог, пронзительный и остроумный собеседник, заботливый и очень ранимый человек.

Поражает новизной и глубиной материал книги: это письма из тюрьмы А.Т. Прасолова к близкому другу, критику И.И. Ростовцевой, а также никогда не публиковавшаяся проза поэта, его рисунки, фотографии, автографы стихотворений. Для нас письма интересны тем, что содержат ценную информацию об отношениях А.Т. Прасолова и А.В. Жигулина. Они демонстрируют неподдельный, пристальный интерес А.Т. Прасолова к личности и творчеству талантливого земляка.

«Хотелось бы иметь воронежский адрес Ан. Жигулина. Возможно ли это? <...> 1.X.62».

«...Значит, в Москве были Гордейчев и Жигулин? Что у Жигулина с поэмой? Чем кончилась его осада? Как он сейчас живёт? Хотелось ему написать, но есть нечто более сильное, чем это желание... Раньше оно не ощущалось. <...> 16.V.63».

«Вчера в “Коммуне” две новости; первая – третий сборник Жигулина “Рельсы”. Наверное, северные стихи вошли и сюда. Видела ты его? Слабей второго? Или лучше? <...> 12.VIII.63».

«Сегодня – три стиха в “Коммуне” Жигулина. Чувствуется опытность, но не новизна! И плохо, если эти понятия автор не разграничит своевременно. Я сейчас чувствую, что, написав последние стихи, надо искать, вернее – продолжать начатое в ином, неосвоенном. <...>17.VIII.63».

Письма А.Т. Прасолова наглядно показывают, как напряжённо и мучительно поэт размышлял над сутью поэзии; стараясь быть беспристрастным, сравнивал жигулинские стихи со своими, искал в них сходства и различия. Работая в лагерной библиотеке, куда пристроил поэта симпатизировавший ему майор Гонтарев, Прасолов много читает, думает, пишет...

«Как я смотрю на трудовые стихи и на жигулинские? Кое в чём они родственны: порождены сходной судьбой, жизнью. Но если Жигулин на первый план выдвинул нечеловечески суровые условия труда, то я взял за основу внутренний мир рабочего. Как – это иной вопрос. Смотри вслед за мной: все 10 стихов первого цикла “Край жил золотых” – в первом – холод, костёр-человек и человек-костёр, во втором – рельсы, тяжесть, в третьем – треска, страдание, в четвёртом – вагонетка, тяжесть, нелёгкая дружба и т. д. У меня: “Кирпич” – тяжесть труда – срок, основное – на труде держится всё – от Кремлёвской стены до глав Вас<илия> Блаж<енного> и долговечность труда маленьких людей; “Цветок” – суровая неистребимая жизнь и тревога о ней, извечная тревога среди разрушений и со-

зидания; “Портрет” – братство людей, родственность непокорного духа наших простых людей и людей далёкой Кубы; “Отместка” – борьба в более узком месте, борьба наша, внутренняя, что хуже язвы; “Родник” – из каменной вечности – бессмертная чистота, которой люди знают цену. Это – внутреннее. Есть переключки с Жигулиным? Нет.

Внешне. У него стих подчёркнуто строгий, прерывистый, местами тяжеловатый. Ладно, ведь стихи о тяжёлом. Образы не часты, с приглушённой окраской. Понятно: речь о суровых северных краях, о суровых людях. У меня образ почти в каждой строфе, тон не столь суровый и мрачный.

Сходство интонации? Об этом рано говорить: своей ни у него, ни у меня. Делить ещё нечего.

Есть преимущество. Более богатый фактический материал, больше драматизма. Сильно окрашивает цикл стих “Обвал” – гибнет человек, “Рельсы” – “нас по восемь на рельс, а под вечер – по десять” ... Здесь у меня в одном месте соприкосновение: “с утра в ней 8 кг, к концу работы – целый пуд”. Нотка страдания. “Товарищ» – стих несамостоятельный.

Вот что мне кажется. Но – ты смотри незамутнённым взглядом. <...> 4.XII.62 г.».

Имя Жигулина упоминается и в других письмах А.Т. Прасолова. Вот, к примеру, строки из его письма Юрию Жданову:

«От Ж<игули>на Анатолия получил 2 сборника моск<овского> изд<а>ния. И письмо. Дружеское. Он в Москве на курсах. В январе обещает приехать к нам – со стихами. Добро бы – так. Боюсь за одно: вьелся он в одну тему и в ней силён, в других же – слаб. Та тема не вечная. И она уже у него иссякает. Надо искать иные рельсы... 9.X.63».

А ещё были письма Б.И. Стукалину, В.М. Пескову, В.И. Гусеву, В.М. Полякову и другим адресатам, где также мог упоминаться А.В. Жигулин. Но эта тема для отдельного исследования.

По свидетельству Р.В. Андреевой-Прасоловой, Алексей Тимофеевич Прасолов высоко ценил поэзию Анатолия

Жигулина. Как настоящий поэт, он воздавал должное собрату, земляку и современнику за его несомненный поэтический дар, отличный от собственного, но от этого не менее искренний и глубокий.

Тому подтверждение – такая малая деталь.

– Скитаясь по районным газетам, – вспоминает Раиса Васильевна, – он хранил при себе в старом потрёпанном чемодане очень мало книг, видимо, самые дорогие для него. Среди них были томик стихов Александра Блока, «Из лирики этих лет» Александра Твардовского и «Прозрачные дни» Анатолия Жигулина. Однажды, обращая моё внимание на обложку тоненького жигулинского сборника, где была изображена несколько мрачноватая крона дерева, он сказал: «Похоже на Толины лёгкие после Колымы...» С такой болью, с таким сочувствием, – как говорят о близком человеке...

Мы начали статью с обзора схожестей в прижизненных судьбах А.Т. Жигулина и А.Т. Прасолова. Но, оказывается, много поразительных совпадений и в их продолжающейся духовной жизни после ухода в мир иной.

Именем А.В. Жигулина названа улица на Левом берегу Воронежа, в посёлке Репное. Имя А.Т. Прасолова носит одна из улиц в Коминтерновском районе областного центра.

Имя А.Т. Прасолова присвоено библиотеке № 19 Воронежа и межпоселенческой библиотеке г. Россоши Воронежской области. Имя А.В. Жигулина украшает название библиотеки семейного чтения № 9 Воронежа. В дни памяти и рождения поэтов здесь устраиваются Жигулинские и Прасоловские чтения.

В Воронеже установлены мемориальные доски в честь А.В. Жигулина и А.Т. Прасолова.

В воронежских периодических печатных изданиях, журнале «Подъём» регулярно публикуются статьи о жизни и творчестве А.В. Жигулина и А.Т. Прасолова.

Всё это говорит о том, что память об Анатолии Владимировиче Жигулине и Алексее Тимофеевиче Прасолове жива на родной воронежской земле. А самое главное – жива их поэзия, их стихи и проза, которые, обладая какой-то сверхъестественной волшебной силой, залечивают душевные раны и воскрешают в людях, казалось бы, навсегда погибшие чувства – доброту, милосердие, сострадание, любовь к ближнему, жажду справедливости...

На этих «китах» всегда держался и держится мир.

В марте 2015 года группа воронежских литераторов, журналистов и историков, среди которых был и автор этих строк, обратилась к руководству города Воронежа с предложением установки в культурной столице Черноземья памятника А.В. Жигулину. Общественная комиссия по культурному наследию при администрации г. Воронежа, рассмотрев на своём заседании данное обращение, единогласно приняла решение одобрить эту идею. К вопросу о месте установки памятника и проекте решено вернуться после определения источников финансирования.

Нет сомнений, что достоин памятника и А.Т. Прасолов.

Хочется верить, что недалёк тот день, когда оба поэта, совершив длительное и трудное путешествие, навсегда вернуться в родной город, в котором когда-то начался их блистательный литературный путь.

Они многое сделали, чтобы увековечить Воронеж и родной край в своих произведениях.

Теперь пришло время увековечить их.

«КНЯЗЬ МЫШКИН» ИЗ РОДА РАЕВСКИХ

Начав изучать в 2013 году материалы домашнего архива А.В. Жигулина, я не мог пройти мимо образа этого загадочного и притягательного человека, запечатлённого на страницах дневника писателя. Этот человек не был литератором. Он не сочинял стихов. Не писал рассказов. Не работал в редакциях журналов или газет. Не был представителем издательства. Он появился в жизни Жигулина тихо и незаметно. И постепенно стал близким и родным человеком. Практически – членом семьи.

Сам автор называл его «князем Мышкиным», то есть именем главного героя романа Ф.М. Достоевского «Идиот». А все мы помним, что князь Мышкин в этом произведении фактически является воплощением христианской морали или даже олицетворением самого Иисуса Христа.

Всё начинается с записи о телефонных звонках незнакомой женщины, которая настойчиво просит поэта встретиться с ней по очень важному и безотлагательному, по её словам, вопросу.

«11 февраля 1987 года, среда. <...> Клавдия Ильинична Морозова звонила уже не в первый раз. Дело в том, что прочитавший в “Правде” мои стихи “Белый лебедь” Пётр Михайлович Раевский решил передать мне две реликвии рода, ихней ветви семьи Раевских: перстень с вделанной в него пулей и образок Смоленской Богородицы. Кроме того, он решил передать мне и генеалогическую таблицу рода Раевских, которую сам перерисовал из работ Модзалевского и, видимо, довёл до самых наших дней. Сам он врач, работает в каком-то медицинском НИИ. Кирилл Сергеевич Раевский, о котором звонил недавно читатель Ю.А. Ступников, – двоюродный брат Петра Михайловича. Полагаю, они прямые потомки генерала Ник. Ник. Раевского старшего и, разумеется, младшего».

Необходимо пояснить, что А.В. Жигулин очень бережно относился к истории своей семьи, своим предкам – об этом свидетельствуют его стихи, проза, письма и дневники. По материнской линии он был продолжателем знаменитого рода Раевских герба Лебедь. В ту пору Анатолий Владимирович ещё не знал, что и Пётр Михайлович, и Кирилл Сергеевич – потомки другого представителя разветвлённого рода: Ивана Артемьевича Раевского, старшего сына Артемия Ивановича Раевского. Потомком его второго, младшего сына – Семёна Артемьевича – и является герой Отечественной войны 1812 года генерал Николай Николаевич Раевский. Родство очень близкое, но не прямое.

Из стихотворения «Белый лебедь»:

Ян Стефанович Раевский,
Дальний-дальний пращур мой!
Почему кружится лебедь
Над моею головой?

Ваша дерзость, Ваша ревность,
Ваша ненависть к врагам.
Древний род!
Какая древность –
Близится к пяти векам!

Стольники и воеводы...
Генерал...
И декабрист.
У него в лихие годы –
Путь и страшен, и тернист.

Генерал – герой Монмартра
И герой Бородина.
Декабристу вышла карта
Холодна и ледяна.

Только стуже не завясть
Гордый путь его прямой.
Кружит, кружит белый лебедь
Над иркутскую тайгой.

Вот начало автобиографической повести «Чёрные камни»: «Я родился в городе Воронеже 1 января 1930 года. И нынче сохранился в Больничном переулке родильный дом, где я впервые увидел свет. <...>

Моя мать, Евгения Митрофановна Раевская, родилась в 1903 году в бедной многодетной семье прямых потомков поэта-декабриста Владимира Федосеевича Раевского...»

В мае 1982 года, готовясь к выступлению на творческом вечере в ЦДЛ, Жигулин пишет в дневнике:

«19-IV-82 г., понедельник. <...> Я в некотором смысле счастливый человек – кроме кровного родства с таким замечательным человеком, как Владимир Федосеевич Раевский, Господь Бог дал мне и сходную с ним судьбу. В 1949 году, будучи студентом-первокурсником, я был незаконно репрессирован и попал в бериевские лагеря в Иркутскую область, примерно в те же места, где находился на каторге и в ссылке Владимир Федосеевич. Да и осуждён был я – как бы сказать в стиле XIX века – за вольнолюбивые мысли. Получил титул “врага народа”. Это было тяжкое время так называемого культа личности, когда каждое живое слово строго каралось».

Продолжим чтение дневника А.В. Жигулина:

«17 февраля 1987 года, вторник. Главное событие дня: приходила к нам милая русская женщина Клавдия Ильинична Морозова. Ей, по словам Иры (*супруга А.В. Жигулина* – В. К.), года 72–73. По профессии она историк, но преподавала и музыку.

Она давно знакома (он лечил её мужа) с врачом Петром Михайловичем Раевским. Человек он, по её словам, добрейший и изумительный. Но живёт один. Ни детей, ни родных у него нет. Когда он прочёл в “Правде” стихотворение “Белый лебедь”, то решил передать мне хранившие-

ся у него реликвии рода Раевских. Но человек он стеснительный и попросил её передать мне бесценный подарок. В ореховой шкатулке серебряная маленькая иконка Смоленской Богородицы. Вероятно, начала XIX века. И перстень. Особенный: внутри золотой, хорошего золота. Но сверху золота – сталь. Золото выходит сквозь квадрат с округлыми углами и образует вершину перстня. На ней, на золоте – знаки: часть – три зубца – пяти- или шестиконечной звезды. Над звездой черта, над чертою 5–6 непонятных знаков. Некоторые напоминают арабские буквы. Пётр Михайлович считает, что это перстень кого-то из декабристов Южного общества. Иконку семейная легенда связывает с героем Отечественной войны 1812 года Н.Н. Раевским, который с небольшими силами удерживал Смоленск против наполеоновской армии.

Пётр Михайлович прислал мне и всё родословное древо рода Раевских, герба Лебедь, тщательно скопированную из книги Б.Л. Модзалевского “Род Раевских герба Лебедь”. С дополнением последних данных по своей линии, по своей ветви. И в верхнем левом углу мелким каллиграфическим почерком написал моё стихотворение “Белый Лебедь”. Удивительно, но, согласно схеме, Пётр I и Иван Грозный – мои, хоть и дальние, но кровные родственники».

И лишь спустя три месяца после первого упоминания в дневнике Жигулина имени П.М. Раевского происходит их личная встреча.

«Вчера, 11 мая 1987 года, в понедельник – размышлял над родословным древом рода Раевских герба Лебедь. <...> Приходил вечером (да, он пришёл около шести часов и ушёл в половине одиннадцатого) Пётр Михайлович Раевский (1938 г. р.), доктор. Он оказался человеком очень добрым, но чрезвычайно стеснительным. Но постепенно и познакомились, и о моих болезнях поговорили, и о своих судьбах. Его отец погиб от рук сталинских палачей в 1944 году. Погиб в лагере. Когда взяли отца... мать тоже хотели взять. Но положение спасла бабушка. Она сходила на приём к начальнику из НКВД, подарила ему какую-то

драгоценность, и мать П.М. оставили в покое. Воспитывали его мать и бабушка. Сейчас он один. Мать умерла от рака в 1972 году (Наталья Леонидовна Домбровская, р<одилась> в 1912 году).

Ужинали жареной картошкой и курицей, пили чай со смородиной. Очень симпатичный и благородный человек Пётр Михайлович Раевский!».

Начиная с этого дня, записи о визитах П.М. Раевского и его телефонных звонках встречаются на страницах дневника писателя весьма часто.

«14 мая 1987 года, четверг. <...> Приходил доктор Пётр Михайлович Раевский. Он наметил свою систему лечения моего дряхлого организма. Принёс лекарства, не хотел брать за них деньги. А зарплата его всего 116 рублей на руки. Любит скачки. Играет. Проигрывает. Что ж, это страсть, наверное, передалась ему в генах от предков. Пили кофе, беседовали. Одинокий человек Пётр Михайлович. Неухоженный, бедно одетый. Бессребреник. Вроде бы немного блаженный, а может быть, и немного больной. Во взгляде видится порой печаль или тоска».

«27 декабря 1988 года, вторник. <...> Пришёл Пётр Михайлович Раевский. Славный человек. Родственник неблизкий, но роднее сестры родной».

«5 апреля 1989 года, среда. <...> Приходил наш милый и любимый Пётр Михайлович Раевский. Рассказывал о Париже и наших французских родственниках. Ничего не купил, не привёз. Даже 10 тысяч франков не истратил, которые ему тётка дала на компьютер. Тётка забрала деньги назад, когда узнала, что Пётр Михайлович решил не покупать компьютер, а послать 7 тысяч своему бедствующему родственнику».

«8 июня 1989 года, четверг. <...> Разбудил Пётр Михайлович. Приходил давление измерить, святая душа!».

«16 декабря 1989 года, суббота. <...> П.М. Раевский приходил. Подарил мне двухтомник “Материальная часть стрелкового оружия” (М., Оборонгиз, 1945–1946). Пре-

красная книга! <...> Моё зимнее пальто пришлось Петру Михайловичу впору».

«10 февраля 1990 года, суббота. <...> Был Пётр Михайлович Раевский. Добрая душа, не от мира сего».

«9 мая 1990 года, среда. <...> Вчера приходил Пётр Михайлович <Раевский>, светлейшая и честнейшая душа. Жаль, что его, как и меня, давно гложет депрессия».

«22 мая 1990 года, вторник. Объезд с Петром Михайловичем <Раевским> трёх издательств: “Советский писатель”, “Книжная Палата”, “Молодая Гвардия” – за справками для пенсии. Там прекрасная церковь. Перекрестились на её купола».

«11 июня 1991 года, вторник. Новая поездка в Венгрию (с Ирой и Володей). Выехали 9 числа поездом Москва – Будапешт. Провожал Пётр Михайлович <Раевский>».

«25 мая 1993 года, вторник. <...> Ночью – беседа с Петром Михайловичем Раевским, собственно говоря, в основном – мой монолог. О жизни, обо всех проблемах и болях нашего времени – и в прошлом, и в теперешнем бытии России».

«11 февраля 1995 года, суббота. <...> Приезжал Пётр Михайлович <Раевский>, наш князь Мышкин, привёз хлеба и много нужных лекарств. Мне теперь полегчает. Должно полегчать».

«25 марта 1995 года, пятница. <...> Приходил перед вечером Пётр Михайлович Раевский, замечательный наш друг и родственник. Принёс много лекарств. И вообще душа оттаяла. Читал ему “Урановую удочку”.

«12 октября 1995 года, четверг. <...> Приходил Пётр Михайлович Раевский, наш родной человек. Осмотрел и меня, и Иру. Нашёл меня здоровым – нет ни синдрома Пастернацкого (*признак заболевания почек. – В. К.*), ни хрипов в лёгких. Слава Богу!».

Задушевные беседы А.В. Жигулина с «князем Мышкиным» затрагивали очень широкий круг тем. В том числе тему дворянства.

«5 декабря 1996 года, четверг. <...> Долгий поздневечерний разговор с П.М. Раевским о роде Раевских, о его главе Сергее Петровиче Раевском. Ему уже 90 лет. О Дворянском собрании в Москве. Сейчас уже принимают и по женским линиям. Мало дворян осталось, перебили всех».

«21 апреля 1997 года. Великий понедельник. <...> Приходил наш родной Пётр Михайлович Раевский. Перевязал он наши с Ирой пальцы-ногти с бальзамом Шостаковского, с компрессами из этого бальзама. Вроде ничего. Пили чай, беседовали».

«20 июня 1997 года, пятница. <...> Приходил Пётр Михайлович Раевский. Принёс мне в подарок “Большой энциклопедический словарь” 1997 года. Тираж всего 10 тыс. экз.».

«10 августа 1997 года, воскресенье. День иконы Смоленской Пресвятой Богородицы. У меня есть маленькая иконка Смоленской Богородицы. При обороне Смоленска в 1812 году кто-то из горожан подарил её генералу Николаю Николаевичу Раевскому, старшему. С нею Н.Н. Раевский прошёл всю войну – и в Смоленске, и на Бородинском поле. С нею в 1814 году ворвался со своими казаками в Париж со стороны Монмартра. Иконку эту подарил мне П.М. Раевский. Вот такая святая реликвия».

И в минуты радости, а самое главное – печали – П.М. Раевский всегда был рядом. Всегда был готов прийти на помощь. А проблем в семье Жигулиных (особенно в последние годы жизни поэта) было много: физические и духовные болезни, смерти родителей, нищета, деградация сына... В дневнике А.В. Жигулина содержится рассказ о многих таких случаях.

«9 июня 1989 года, пятница. Умер Виктор Николаевич Неустроев, отец Ирины. Весть эту принёс, сообщил <мне> Пётр Раевский около часа назад. Он звонил в Воронеж – беспокоился о состоянии Виктора Николаевича – и ему Ира сказала. Пётр Михайлович сразу приехал ко мне. Я дремал. Но услышал его звонок».

На этой же странице аккуратным ученическим почерком сделал свою запись П.М. Раевский:

«9.6.1989. В день кончины папы, Виктора Николаевича Неустроева, скорблю, Ирина Викторовна, вместе с Вами, сочувствую Вам; Царствие Небесное папе, и жизни ему вечной в Раю. Пётр Раевский, Ваш, Ирина Викторовна, скромный обожатель».

Когда пьяный Владимир разбил семейные «Жигули», ситуацию «разруливал» всё тот же П.М. Раевский: искал «жестянщика», занимал деньги у знакомых, чтобы оплатить совсем не дешёвый ремонт... Правда, когда сам П.М. Раевский оказался в сложной ситуации и у него за систематическую неуплату «отрезали» телефон, многомесячный долг погасил А.В. Жигулин, получивший гонорар за только что вышедшую книгу.

Как говорится, друзья познаются в беде.

По мере изучения жигулинских материалов появлялось всё больше вопросов, на которые я не мог самостоятельно найти ответ. Например, в личном архиве писателя не хватало определённого количества (пусть и небольшого) дневниковых тетрадей. Записи обрывались в феврале 1999 года. Но после этого писатель прожил более года. Невозможно было представить, что Жигулин, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, перестал вести дневник. Оставил своё детище...

Так где же они, свидетели последних месяцев жизни писателя? Кто может ответить на этот и другие вопросы? Ирины Викторовны Жигулиной не стало в марте 2013 года. Сын Жигулина Владимир ушёл из жизни ещё раньше... Может быть, Пётр Михайлович Раевский, верный друг семьи Жигулиных? Но как его разыскать?

Попытки узнать номер телефона П.М. Раевского ни к чему не привели. Поиски домашнего адреса через своих друзей и знакомых в Москве также не принесли результата. Позже выяснилось – почему.

Почти потеряв надежду, в мае 2017 года я скорее по привычке доводить начатое дело до конца набрал обнаруженный в сети Интернет номер домашнего телефона Кирилла Сергеевича Раевского, члена-корреспондента

Академии медицинских наук (его имя упоминается в приведённых выше записях в дневнике А.В. Жигулина).

И услышал в трубке интеллигентный женский голос:

– Кирилл Борисович находится в больнице. Вы разговариваете с его супругой, меня зовут Маргарита Дмитриевна... Чем я могу быть Вам полезна?

Услышав вопрос: не являются ли Кирилл Сергеевич и Маргарита Дмитриевна родственниками П.М. Раевского, и, если являются, то как с ним можно связаться, – женщина вздохнула и расстроено сказала:

– Петя, простите, Пётр Михайлович Раевский действительно наш родственник, двоюродный брат Кирилла Сергеевича, дорогой нам человек... Но вы опоздали со своим звонком... Три недели назад он скончался после тяжёлой и продолжительной болезни...

Маргарита Дмитриевна сказала много хороших слов о П.М. Раевском, о том, что он был скромным, чутким и отзывчивым человеком, прекрасным врачом, спасшим не одну человеческую жизнь, что он по-рыцарски относился к женщинам, и в конце беседы посоветовала:

– Позвоните Татьяне Евгеньевне Зенбицкой, давнишней приятельнице Петра, я дам Вам номер её телефона, она провожала его в последний путь, сейчас навещает могилу на Кузьминском кладбище...

Позвонив через несколько дней по названному М.Д. Раевской номеру телефона и представившись, я услышал в трубке взволнованный женский голос:

– Как хорошо, что Вы позвонили... После смерти Петра в его личных вещах оказались материалы из домашнего архива Жигулина, в том числе дневники. И я не знала, что с ними делать...

Так судьба подарила мне заочную встречу с ещё одним необыкновенным человеком – Татьяной Евгеньевной Зенбицкой, ветераном отечественной печати, Заслуженным работником культуры Российской Федерации. В её послужном списке – журналы «Советская женщина», «Юность», научно-технические издания. Много лет проработала

в журналах Министерства культуры России «Встреча» и «Народное творчество» в качестве литературного сотрудника, ответственного секретаря, заместителя главного редактора. Татьяна Евгеньевна – давняя прихожанка храма иконы Божией матери «Отрада и Утешение», что находится на Ходынском поле. Пишет стихи. Часть из них опубликована на сайте храма, в журнале «Мир Божий» и в литературно-художественном альманахе «Vita». Некоторые положены на музыку.

Вскоре из Москвы по почте пришёл пакет, в котором находились поистине бесценные материалы из домашнего архива А.В. Жигулина. Среди них – рабочая тетрадь № 574 / дневник № 262. Тетрадь была начата 18 мая 1998 года. Последняя запись датирована 29 июля 2000 года. Она сделана не характерным для автора почерком. Словно человек писал с завязанными глазами. На ощупь. В кромешной тьме.

«Сил нет, рука не пишет...»

Через неделю писателя не стало.

Надо ли говорить о том, какие чувства я испытал, получив после многолетних поисков эти материалы? Не менее ценными оказались и воспоминания Татьяны Евгеньевны о П.М. Раевском.

Из воспоминаний Т.Е. Зенбицкой:
– Пишу о Петре Михайловиче то, что знаю, что помню. Возможно, это будет «сумбур вместо музыки». Главное – факты.

Пётр был для меня как старший брат, который спустя годы частенько говаривал: «Ты же родилась на моих глазах...» Да, наши семьи дружили, моя мама Ирина и мама Петра Наталья – подруги юности. Но не только это. У Петра был дядя Борис Сергеевич, сводный брат его матери. Почему он носил отчество Сергеевич, а она – Леонидовна? Вдаваться в семейные тайны не будем. Борис Сергеевич был женат на моей двоюродной бабушке по материнской линии Елене Ивановне. А его родной брат (сводный Наталья Леонидовны) Евгений Сергеевич – на двоюродной

сестре моего отца Марии Михайловне Зенбицкой. Вот такое сложное переплетение родословных ветвей.

Пётр родился 11 июля 1938 года накануне праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Его отец Михаил Петрович Раевский с февраля 1938 года преподавал в Московском металлургическом институте на кафедре технической механики. Сохранилась служебная характеристика, в которой, в частности, написано: «Тов. Раевский М.П. непрерывно ведёт научно-исследовательскую работу в области теории колебаний железнодорожных вагонов. В декабре 1939 года тов. Раевскому М.П. в результате защиты диссертации присвоена учёная степень кандидата физико-математических наук. 25 марта 1939 года награждён орденом “Знак Почёта”».

Сергей Петрович Раевский в книге «Пять веков Раевских» пишет, что его брат Михаил не успел защитить докторскую диссертацию в Отделении механики Академии наук СССР по причине ареста.

М.П. Раевский был арестован 8 января 1944 года. В том же году он скончался в пересыльной карагандинской тюрьме в возрасте 35 лет.

10 июля 1958 года по решению военного трибунала дело его было пересмотрено. Запись в документе: «Михаил Петрович Раевский реабилитирован посмертно».

В семейном архиве сохранилось письмо сокамерника Михаила Петровича, адресованное Наталье Леонидовне, в котором описаны последние месяцы жизни М.П. Раевского и обстоятельства его смерти. Письмо заканчивалось словами: «Дай бог Вам мужества и достойно встретить эту весть. Вырастите сына, воспитайте в нём чувство любви к своему благородному талантливому отцу, сделайте из него поборника человеколюбия и врага всякого рабства – это будет лучший памятник дорогому Михаилу Петровичу».

Сохранились и несколько писем Михаила Петровича жене. В основном это письма в роддом, но иногда Михаил Петрович оставлял письмо своей дорогой Натальюшке, уходя на работу, письмо, полное любви.

Письма отца, семейные фотографии, документы – это было главное и свято хранимое богатство Петра Михайловича, которое согревало его до последних мгновений жизни.

...Итак, Пётр остался сиротой, без отца, в шесть лет. Воспитывали его мама и бабушка. Заботилась о нём и его крёстная, сестра отца Екатерина Петровна Раевская, в замужестве Самарина.

Жили они на Беговой, неподалёку от нашего дома. Жили в нужде. Моя мама вспоминала, как к ней прибегала бабушка Наталья: «Ира, Ира, Пете нечего есть!». И мама помогала. И всё-таки Бог хранил их. Ведь Наталью Леонидовну, как жену «врага народа», могли посадить, маленького Петю – отправить в детский дом, сменить ему имя и фамилию. Так обычно и делалось. Но, но...

Пётр окончил школу в 1955 году с золотой медалью, что давало право поступить в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. Он выбрал 1-й Московский медицинский институт. Учился блестяще. Затем – служба врачом в армии, работа в институте хирургии им. А.В. Вишневского, институте проблем передачи информации Академии наук СССР и пр.

Вторым домом для Петра стала Ленинская библиотека. Здесь он читал труды отечественных и зарубежных докторов, учёных, следил за новинками в медицине. Многие годы вёл дневники – своеобразные истории болезни своих пациентов, обзванивал их и мелким бисерным почерком записывал, как чувствуют себя его подопечные, если требовалось, корректировал назначения.

Деньги у него не задерживались. Он покупал лекарства за свой счёт, приносил больным и никогда не просил «возместить убытки». А порой незаметно опускал лекарства в почтовый ящик. И отправлялся, в любую погоду, к очередным пациентам – из конца в конец, из конца в конец огромной Москвы. Даже когда ему самому было плохо (а это случалось всё чаще и чаще), Пётр всё равно ехал к больным, говоря твёрдо: «Им хуже, чем мне». Просиживал ночами у постели больного, выхаживал, был и за врача,

и за сиделку, и за санитаря. (Так ухаживал он вместе со мной и за моей мамой.) Со многими был рядом до последних мгновений их жизни. Регулярно посылал деньги тётушке в Белоруссию, помогал безвозмездно знакомым, оказавшимся в затруднительном материальном положении, а сам оставался гол как сокол. Любимое выражение: надо бы такому-то «подсыпать денъжат». А ведь жил на пенсию. Нет ничего удивительного в том, что питался он крайне скудно, еду не готовил, разве что неизменную яичницу. Спасибо – подкармливали пациенты.

Пётр никогда не проходил мимо лежащего на улице пьяного, особенно в холода, боясь, что бедолага замёрзнет. Поднимал, порой доводил до дома или втискивал в транспорт – всё теплее, чем на земле. Кто-то благодарил, а кто-то бранился, но Пётр не обращал на это внимание. Для него главное было спасти человека, даже такого – опустившегося. Ведь живая же душа! Замечу: сам не пил.

Сказать, что он был одет не по моде, – ничего не сказать. Своих вещей у него не было, носил всё с чужого плеча – жертвовали пациенты. Внешне походил на нищего. Случайные прохожие таким его и считали. Кто-то сторонился и посмеивался, кто-то намеренно толкал. Сердобольные пытались сунуть ему в карман деньги. Пётр был из тех, о ком говорят: «безбытный». Принявший на себя, по словам одного его родственника, «добровольное нищенство». Многим это было непонятно. Чужачество? Зачем? Не-е-ет, скорее психическое отклонение... Увы, вердикт не редкий, коль скоро человек не вписывается в общепринятые нормы жизни. Когда он другой, совсем другой... Не надо сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что дети «врагов народа», расстрелянных или умученных в лагерях и тюрьмах, – на всю жизнь остаются «подранками».

Пётр Раевский – один из них.

В последние годы жизни он очутился в пыльной, захламлённой комнатке у давнишней своей приятельницы и пациентки, женщины преклонных лет, больной. Старуш-

ка эта умерла за две недели до кончины Петра. Почему он окончил свои дни в чужом углу, поясню.

Дом, в котором жила некогда на Беговой семья Раевских, снесли. Наталья Леонидовна и Пётр (бабушка к тому времени умерла) переехали на Нижегородскую улицу в «мамин дом», как называл его Петя. Будучи инженером, Наталья Леонидовна сыграла заметную роль в строительстве здания. У них была хорошая двухкомнатная квартира, где она и скончалась.

Спустя годы добротную многоэтажку стёрли с лица земли. Петру дали однокомнатную квартиру в новостройке. Раздав чудом уцелевшие вещи, он перетащил туда нехитрый скарб и понял: жить здесь не будет. Это был чужой, не «мамин» дом. К тому же на Петра стали насаждать подозрительные личности: продай да продай квартиру, зачем она тебе? И он решился: зашёл как-то по пути к больному в первую попавшуюся риэлторскую контору и «загнал» квартиру. Жулики сразу поняли, с кем имеют дело, и цену поставили минимальную. Но и те деньги он не получил бы, если бы не вмешались друзья. А дальше – жизнь в чужом углу, хождение по мукам.

Сожалел ли Пётр, что лишился собственного жилья? Порой сожалел, о чём писал тётушке в Могилёв. Но поезд ушёл. Давно не было рядом умной, деловой, энергичной мамы, с сильным мужским характером. Она многое решала за него. После её смерти Пётр оказался без опоры, как ребёнок, не приспособленный к жизни. Действительность пугала, и он отверг её, погрузившись в собственный мир, где были книги, больные, друзья... Всё остальное – суета сует.

Те небольшие деньги, что получил за проданную квартиру, быстро улетучились: раздал тем, кто нуждался, выклянчили обманным путём те, кто не нуждался. И остался Пётр фактически ни с чем. А дальше случилось непоправимое: отняли обе ноги – гангрена...

Жить в чужом углу, страдать от нестерпимых болей, от собственной беспомощности, ночных кошмаров... Какие же мучения принял он!

Скончался Пётр 6 апреля 2017 года. Накануне великого праздника – Благовещения Пресвятой Богородицы. Отпевали его в Вербное воскресенье в нашем храме.

Было много народу: родные, институтские друзья, коллеги и знакомые. Все они собрались почтить память удивительного человека, которого мой двоюродный брат Игорь называл ласково – Петруша.

Похоронили Петрушу на Кузьминском кладбище, где покоятся его мама и бабушка. В другом месте – могила моих дорогих мамы, бабушки и дяди. Позже, по моей просьбе, протоиерей о. Димитрий, отпевавший Петра, отпел заочно и умученного его отца Михаила.

Вот так окончил свои дни Пётр Михайлович Раевский, эрудит – не только в области медицины, но и математики, истории, литературы. Однако он никогда не выказывал себя, не бахвалился своими знаниями. Как не бахвалился и своим родословием. Больше молчал, слушал, чем говорил, потому иные пустословы и хвастуны считали его недотёпой. Да и сам о себе Пётр любил говаривать: «Кто я? Никто. Был дурачок и остался дурачок». Его сокурсники добились в жизни многого, а он – светлая голова, талант – оставался в тени, за кадром. Но зато – был Человек! Исполнявший свою, предначертанную ему миссию – служить ближним. Больным, одиноким, нуждающимся, отходящим в жизнь вечную. А благое, сделанное людям, – сделано Богу.

На Страшном суде ничего не значащими окажутся мирские звания и награды, занимаемые при жизни высокие должности. Иисус Христос будет судить нас по делам милосердия, по делам любви. Любви сострадательной, жертвенной. А таких дел у Петра было великое множество.

...Вспоминается ещё один момент. Пётр неизменно приходил к нам в день памяти моего отца, а потом и моей мамы с прекрасными белыми розами. И на похороны мамы моей (а хоронили её зимой в Рождественский сочельник) он пришёл с розами. В худом, продуваемом ветром пальтишке, в холодных единственных у него башмаках, а в озябших руках – белые розы. Таким и стоит он у меня перед глазами...

В завершение не могу не привести стихотворение Т.Е. Зенбицкой, написанное после тяжелой операции, перенесённой Петром Михайловичем Раевским в январе 2015 года.

ЧУДАКИ

Посвящается Петру Раевскому

«Я странен? А не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож...»
А.С. Грибоедов. Горе от ума

«...оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»
Н.В. Гоголь. Шинель

Живут на свете чудачки,
Столь не похожие на всех.
Для общей массы – чужаки,
Без средств солидных, без утех.

Они одеты не по моде
И не читают модных книг...
«Вот чучело-то в огороде» –
Нередко говорят про них.

Что важно большинству и ценно,
Чудак стяжательством зовёт.
Зачем копить? Всё в мире тленно,
И, что имеет, – раздаёт.

Как непонятна скромность эта,
Жизнь в старости, в чужом углу...
Достойна пересуд и смеха
У тех, кто падок на хулу.

Но он, беззлобно улыбаясь,
Не воздаёт им за тычки,
Всё ниже головой склоняясь,
Не отвечает на смешки.

И в час беды протянет руку
Тому, чьё сердце вопиёт, –
Боль страждущих, их стон и муку
Он на себя всегда берёт.

А как уйдёт в иное Царство,
Сказав: «Не плачет пусть никто»,
Останется одно богатство:
В передней – старое пальто.

Вот такой человек встретился в жизни Анатолия Владимировича Жигулина на последнем отрезке его земного пути.

Тысячу раз права Татьяна Евгеньевна Зенбицкая: «На Страшном суде ничего не значащими окажутся мирские звания и награды, занимаемые при жизни высокие должности. Иисус Христос будет судить нас по делам милосердия, по делам любви... А таких дел у Петра было великое множество».

Одно из них – бескорыстная дружба Петра Михайловича Раевского с поэтом, прозаиком, узником сталинских лагерей А.В. Жигулиным.

И я счёл своим долгом – с помощью прекрасных русских женщин Маргариты Дмитриевны Раевской и Татьяны Евгеньевны Зенбицкой – рассказать об этом человеке читателям.

«ПРОДЛИ, ВСЕВЫШНИЙ, ДНИ МОЕЙ ИРИНЫ...»

В истории отечественной литературы вряд ли найдётся ещё один подобный случай, когда поэт на протяжении почти четырёх десятилетий посвящал стихи только одной женщине, воспевал её образ в своих произведениях. Многие из них («Хозяйка», «Две родинки, две отметинки...», «Потеряла в траве заколку...», «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...», «Она одна меня поймёт...») вошли в сокровищницу лирической поэзии и являются эталоном возвышенного отношения к прекрасной половине человечества.

Готовя к изданию итоговую книгу «Полвека боли и любви», которую ему не суждено было увидеть, Анатолий Жигулин писал в автобиографии: «Чрезвычайно важным и даже, наверное, решающим фактором моей творческой жизни и жизни вообще была моя встреча осенью 1961 года с Ириной Викторовной Неустроевой, тогда молодым критиком, выпускницей ВГУ – моей возлюбленной, моей невестой и вот уже 35-й год моей женой. Всю мою послелагерную жизнь (и по сей день) меня преследуют болезни и душевные смуты. И всегда первым и надёжным целителем была она...»

Ирине Жигулиной-Неустроевой поэт посвятил десятки лучших стихов о любви, о жизни и смерти. «Они всегда рядом, эти три подружки – по крайней мере, в моей жизни», – писал он.

Уже без вздоха и без мысли
Увижу я сквозь боль и смерть
Лицо, которое при жизни
Так и не смог я рассмотреть...

Кто же была она, эта женщина, с которой Анатолий Владимирович Жигулин прошёл по жизни, деля с ней беды и радости? Какую роль она сыграла в его судьбе и творчестве? Как завершился её земной путь? Попробуем ответить на эти вопросы. А помогут нам в этом дневники А.В. Жигулина, публикации в прессе и рассказ воронежского литературоведа Олега Григорьевича Ласунского, который хорошо знал семью Жигулиных.

Ирина Викторовна Жигулина (в девичестве Неустроева) родилась 5 октября 1932 года в семье служащих. В 1957 году окончила Воронежский государственный университет, получив специальность «Филолог, учитель русского языка и литературы средней школы». Вскоре переехала на постоянное место жительства в Москву. Поступила на работу в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина (детско-юношеский абонемент). Неудачный брак. Развод. Регулярные поездки в Воронеж, где остались её родители, друзья и коллеги.

Она мечтала написать и защитить под руководством научного руководителя заведующего кафедрой советской литературы ВГУ А.М. Абрамова кандидатскую диссертацию, стать профессиональным критиком.

В один из приездов в родной город она познакомилась с Анатолием Жигулиным. Начинающим поэтом...

Рассказывает О.Г. Ласунский:

– Про Ирину Неустроеву, выпускницу-филологиню, я неоднократно слышал от Анатолия Михайловича Абрамова. Дело в том, что он тоже был моим руководителем в работе над дипломным сочинением. Ира пользовалась особым расположением своего наставника, который видел в ней способную и перспективную ученицу. В конце 1950-х – в начале 1960-х годов она уже печаталась в журнале «Подъём» с материалами о поэтах Владимире Цыбине (Москва) и Николае Якушеве (Рыбинск, Ярославская область). Предполагалась для Ирины и исследовательская стезя,

она всерьёз занималась есенинской темой и, безусловно, способна была защитить кандидатскую диссертацию. Любимица А.М. Абрамова, судя по всему, могла добиться успехов на обоих поприщах: литературно-критическом и научно-педагогическом. Всё сложилось иначе. Ирина Неустроева встретила Анатолия Жигулина и целиком растворилась в его непростой судьбе.

Выйдя в 1954 году на свободу и возвратившись в родной Воронеж, Анатолий Жигулин с головой уходит в творчество, выпускает первую тоненькую книгу «Огни моего города», активно печатается в местных и столичных изданиях. В личной жизни он словно навёрстывает упущенное, один роман сменяется другим, и далеко не каждый из них, судя по записям в дневнике, был платоническим. Но мимолётные увлечения не оставляют глубокого следа в его душе и сердце.

Как булгаковский Мастер, он ищет и ждёт свою Маргариту...

Первая встреча произошла 17 августа 1960 года в редакции журнала «Подъём», где А.В. Жигулин непродолжительное время работал в качестве литсотрудника. Редакция журнала временно располагалась в помещении Союза писателей на улице Комиссаржевской.

В тот день он записал в дневнике: «Приходила Ирина Неустроева – автор разгромной рецензии на Луткова, которую Волохов забраковал. Хорошая была рецензия. Может быть, всё-таки удастся пробить. Беседовал с Неустроевой о поэзии. Очень милая женщина. Понимает <толк> в стихах».

Позже, перечитывая эти строки, Жигулин отмечает: «Незначительная какая-то запись. А вот что осталось в памяти. Ирина была в тёмно-красном бархатном платье. Такое мягкое на вид платье, так и хотелось погладить его рукой. Волосы были как-то интересно заплетены и закручены. Рабочий день в “Подъёме” в те времена обычно оканчивался около двух часов дня, и мы, беседуя на лите-

ратурные темы, вышли с Ириной из здания. У Дома Красной Армии ещё поболтали с минуту и разошлись в разные стороны. Не знаю, почему тогда я так легко отпустил Неустроеву. Ей-богу, не знаю. Видимо, от робости это произошло. Считал её слишком умной, что ли. Не знаю...»

Следующая встреча состоялась 12 сентября 1961 года. Жигулин пишет: «...Наиболее яркое впечатление дня – встреча в “Подъёме” с Ириной Неустроевой. Очень симпатичная, такая милая, словно светящаяся изнутри...»

На протяжении месяца, пока длился отпуск Ирины Неустроевой, они встречались практически ежедневно. Обычно это происходило в том же «Подъёме» или в Союзе писателей, затем они вместе выходили из здания и шли то в книжный магазин, то домой к Абрамовым, то на литературный вечер в Клуб студентов или в школу, то просто до остановки, где садились на трамвай; на Кольцовской он выходил, а она ехала дальше на Левый берег, где жили её родители. По дороге беседовали о поэзии и жизни. Он читал ей стихи: свои, чужие...

Особенно обоим нравилось стихотворение Бориса Корнилова «Качка на Каспийском море».

За кормою вода густая –
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, идут валы
от Баку до Махачкалы.

Читал Жигулин артистично, мастерски. Бог наградил его многогранным талантом.

Однажды Ирина рассказала ему о просьбе своей подруги Ады Смирновой, которая преподавала литературу в старших классах 39-й воронежской школы, провести литературный вечер, почитать детям стихи.

«Литературный вечер прошёл хорошо, – вспоминал Жигулин. – Ребят заинтересовали стихи, но ещё больше

взволновал вопрос – кем мне приходится Ирина, кто она мне – жена, сестра, невеста? Этот вопрос дети (довольно уже взрослые лбы) задавали Аде...»

5 октября 1961 года Ирина Неустроева пригласила Анатолия Жигулина к себе в гости. Познакомила его со своими родителями – Виктором Николаевичем и Верой Ивановной Неустроевыми – и подругами. Выяснилось, что у неё – день рождения.

Поздно ночью они гуляли с Ириной по пустынным улицам вокруг дома. Прощались в подъезде. «Ситуация была довольно романтической, – с улыбкой рассказывал Жигулин. – По словам Ирины, она тогда боялась, что я её поцелую, и даже поднялась на одну ступеньку выше. Я не думал в тот вечер о поцелуях, но любовь, видимо, уже возникла тогда...»

12 октября – последний день пребывания Ирины Неустроевой в Воронеже. Он пришёл к ней домой. Она подарила ему свои фотографии с трогательными надписями. Он на своей карточке написал ей наброски стихотворения «Потеряла в траве заколку...» Было весело и грустно.

Потеряла в траве заколку.
Ветерок развевает чёлку.

Не грусти!
Видишь, сколько ёлок.
Мы попросим у них заколок.

Эй, девчонки!
Рыжие ёлки!
Дайте нам займы две заколки.

Две иголки, две хвоинки
Заколоть причёску Иринке.

1961

Потом они гуляли по Ленинградской улице, в парке. На обратном пути, когда переходили через дорогу, Ирина вдруг сказала:

– А знаешь, Жигулин, я тебя люблю...

Вечером, попрощавшись с ним на вокзале, она уехала в Москву. Замелькали дни от письма до письма. В одном из них была строфа из нового стихотворения:

...Земля. Она зеленоватая
И немножко пёстрая,
С рыжими крапинками.
Совсем как твои глаза,
Если смотреть в них близко-близко...

«В общем, затосковал я», – вспоминал Жигулин.

30 октября 1961 года он не выдержал и взял билет на поезд «Воронеж–Москва». Встретив Жигулина на Павелецком вокзале, она проводила его к себе домой на улице Осипенко, а сама поехала на работу. Из окна коммунальной квартиры на шестом этаже были видны кремлёвские звёзды и купола соборов.

Он вспомнил: примерно такой же вид был из зарешёченного окна Краснопресненской пересыльной тюрьмы, куда его доставили в «воронке» в августе 1950-го...

В те счастливые дни у Ирины появилось новое имя – Хвоина, от слова «хвоинка», «хвоя», отголосок стихотворения «Потеряла в траве заколку...» В его письмах, телеграммах и дневнике встречается множество других, ласковых и шуточных, вариантов обращения к любимой: Хвойка, Хвойкина, Хвойкина-Неустройкина и т. д. Однажды он, подражая Блоку, продекламировал:

Печальной новостью расстроенный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег неустроенный
И неустроенную даль...

Запись в дневнике А.В. Жигулина на отдельной странице крупными буквами: «31 октября 1961 года – день начала нашей общей жизни, первый день нашего брачного союза на всю жизнь».

В один из тех дней Анатолий Жигулин даёт обещание Ирине Неустроевой написать повесть об их любви. И даже приступает к этому замыслу. Новую записную книжку он делит пополам: на чётных страницах он записывает «Краткую хронику любви поэта Анатолия Жигулина и критика Ирины Неустроевой», нечётные страницы оставляет чистыми – «для замечаний Хвойкиной».

Повесть оказалась незаконченной. Ирина Викторовна по каким-то причинам не заполнила отведённых ей в дневнике А.В. Жигулина чистых страниц.

1962 год оказался периодом серьёзных испытаний в их личных отношениях.

Дело в том, что, встречаясь с Ириной Неустроевой, Анатолий Жигулин не порвал старые связи, о которых весьма подробно, между прочим, писал в дневнике. Случайно один из таких блокнотов попал на глаза Ирине. К тому же обнаружилось весьма серьёзное пристрастие Жигулина к спиртному. Настолько серьёзное, что потребовалось медицинское и психологическое лечение. Выяснив отношения, они решили расстаться навсегда, при этом оставшись друзьями. Весь год Жигулин мечется между разными женщинами, мучаясь сам и заставляя страдать других.

На закате жизни, размышляя на страницах дневника о юности, прерванной арестом, вспоминая имена и лица представительниц прекрасной половины человечества, которым он писал письма и даже посвящал стихи (это было в основном после освобождения из лагеря и до первой встречи с И.В. Неустроевой), он напишет: «Ирка их всех пересилила...»

Ирина Неустроева не случайно была одной из любимых учениц доцента, а затем профессора Воронежского государственного университета А.М. Абрамова, который

возлагал на неё большие надежды. Она была умным человеком и понимала, что к творческим личностям нельзя подходить с обычной меркой. Ещё будучи студенткой, она, конечно, читала воспоминания современников о «донжуанском списке» А.С. Пушкина, о многочисленных романах И.А. Бунина, С.А. Есенина и В.В. Маяковского... Она умела отличать божественное от земного. А самое главное – она любила Жигулина и умела прощать.

В январе 1963 года Анатолий Жигулин и Ирина Неустроева подают заявление о регистрации брака в Центральное отделение ЗАГС Воронежа. Первоначально рассматривался другой вариант – зарегистрировать брак в столице (в архиве А.В. Жигулина сохранилось их заявление в отдел ЗАГС Кировского района г. Москвы). Но, в конце концов, решили скрепить союз и отпраздновать свадьбу в родном городе.

За несколько дней до свадьбы, прощаясь с холостяцкой жизнью, А.В. Жигулин пишет в дневнике роковые слова: «...Любая женщина будет со мною, в конце концов, несчастна».

Он предчувствовал свою судьбу. Судьбу Ирины Викторовны. Судьбу сына...

На второй день после свадьбы они подписали символическую супружескую клятву, в которой были обозначены стратегические цели жизни и содержались положения об их правах и обязанностях:

«СВЯЩЕННАЯ ПРОГРАММНАЯ КЛЯТВА

Мы, супруги и друзья – Анатолий Жигулин и Ирина Жигулина-Неустроева, торжественно клянёмся:

1. Всегда любить, уважать и беречь друг друга. Помогать друг другу в работе.

2. В ближайшее время выработать строгий режим и придерживаться его. В частности, ежедневно заниматься утренней зарядкой и гулять перед сном.

3. Правильно организовать свою жизнь – свой быт и работу. Жить не ради прожигания жизни, но ради больших настоящих целей, жить всерьёз.

4. Регулярно (по возможности, ежедневно) работать: писать стихи, поэмы, статьи, рассказы. Писать нужные людям вещи. В этом утешение и исцеление от всех бед и неудач. В этом радость и цель жизни.

5. Никогда ни в коем случае не курить и не употреблять алкогольных напитков. В исключительных случаях (праздник и т. п.) можно выпить немного вина (желательно сухого) в случае, если это будет признано необходимым обоими супругами.

Без Ирины (или, по крайней мере, без её разрешения) Анатолию не пить нигде и никогда.

Клянёмся свято выполнять эту клятву.

Анатолий Жигулин. Ирина Жигулина-Неустроева.

13.II.63 г. Воронеж».

О.Г. Ласунский:

– Филологическое образование пригодилось ей только для того, чтобы трудиться на библиографической ниве в коллективе республиканской юношеской библиотеки в Москве. Но её главное жизненное предназначение состояло в том, чтобы быть спутницей, подругой, женой человека с трудной участью и нелёгким характером.

Ирина, в сущности, пожертвовала собой ради того, чтобы Анатолий имел прочный тыл и мог без оглядки на быт отдаваться творчеству.

Она существовала сразу в двух измерениях: эстетическом и житейском. С одной стороны, она стала для супруга Музой с большой буквы; его стихи, посвящённые «Иринке», украшают отечественную любовную лирику и пользуются большой читательской популярностью. А с другой стороны, она была устроительницей и хранительницей домашнего очага, его секретарём и, говоря современным языком, менеджером. Она

бегала по издательствам и книжным магазинам, участвовала в переговорах с редакторами, выбивала квартиру в престижном писательском доме в Безбожном переулке и дачу в подмосковном посёлке Переделкино, вела библиографический указатель жигулинских публикаций, литературы об Анатолии, не вылезала из лечебницы, где лежал муж, вернувшийся из колымских лагерей с «букетом» недугов.

Среди главных событий в жизни молодой семьи Жигулиных стоит выделить, конечно, рождение сына, которого назвали в честь деда – Владимиром. Это произошло 21 июля 1964 года в одном из воронежских роддомов. В домашнем архиве А.В. Жигулина сохранились несколько писем, а точнее – записок, которые новоиспечённый счастливый отец передавал супруге в роддом.

Строки из одной из них: «Радость огромная, ни с чем несравнимая! Что-то близкое, но далеко не такое большое было, когда сообщили мне в 1954 году, что я свободен. Но сейчас радость огромней и особая какая-то!»

Ещё одна записка: «Сию минуту приехал из сада, привёз тебе ягод! Ура! Специально ездил, чтобы нарвать. Как чувствуешь себя и как чувствует себя малюк Володька? Он, говорят, очень симпатичный парень (весь в отца). А глаза, говорят, твои – синие с зеленью».

Хрупкая и нежная с виду, она обладала сильным и волевым характером, о чём свидетельствует, в частности, такой случай.

На протяжении многих лет семья Жигулиных пыталась решить «дачный вопрос». В марте 1983 года, услышав, что освобождается много дачной площади в писательском посёлке Переделкино, Анатолий Владимирович и Ирина Викторовна зашли в кабинет Ю.Н. Верченко, секретаря правления Союза писателей СССР по организационным вопросам. К их полной неожиданности там оказался

сам председатель правления писательской организации Г.М. Марков.

Выслушав просьбу, Марков ледяным тоном отрезал:

– Дач нет и не будет, что освобождается, отдаём Героям Советского Союза.

– Георгий Мокеевич, но ведь у нас не союз Героев, а Союз писателей, – возразил Жигулин. – Героям Советского Союза пусть дачи даёт министерство обороны, у них есть свой фонд, оно богаче нас...

В это время в кабинет вошёл Е.А. Исаев, секретарь СП СССР и, кстати, уроженец села Коршево Воронежской области. Отношения между поэтами-земляками можно было сравнить с ездой по неровной, ухабистой дороге. Ирина Викторовна обратилась к нему за поддержкой:

– Скажи, Егор, хороший поэт Анатолий Жигулин, достоин ли он дачи?

Ответ Исаева Жигулиных, мягко говоря, удивил.

– У меня самого нет дачи, – заявил Егор Александрович, – а я 17 лет проработал в Союзе писателей...

– Как же так, – изумлённо сказал Жигулин, – я сколько раз встречал тебя на автобусной остановке на Юго-Западной с сыновьями, и ты мне говорил: «Вот на дачу еду, снег надо с крыши почистить...»

– Это не моя дача, – сухо сказал Исаев. – Это дача моей тёщи...

– Ладно, бог с ней, с тёщей, – продолжила разговор Ирина Викторовна Жигулина. – Ты скажи: хороший поэт Анатолий Жигулин?

Исаев промолчал.

– Почему ты в коридоре один на один называешь меня большим поэтом, а здесь, при начальстве, не хочешь этого сказать? – спросил Жигулин.

Все собрались к выходу. Как вспоминал А.В. Жигулин, Ирина Викторовна на ходу ещё многое успела сказать «литературным генералам». И про Демьяна Бедного, который жил в «кремлёвских палатах», и про Сергея Есенина, у которого квартиры вообще не было, «он даже повесился в гостинице».

А напоследок она в отчаянии бросила в удаляющиеся по коридору вельможные спины ещё одну фразу:

– Вот умрёт Жигулин, вы все будете говорить о нём похвальные слова. Так помогите при жизни!

В конце 1983 года, благодаря поддержке, прежде всего, Ю.Н. Верченко (порядочный оказался человек), правление Союза писателей СССР приняло решение о выделении А.В. Жигулину на правах безвозмездной и бессрочной аренды дачи в посёлке Переделкино, ранее принадлежавшей писателю С.С. Смирнову (автору известной книги «Брестская крепость»). Точнее – части дачи: две комнаты на втором этаже, кухня-столовая на первом и построенная во дворе сторожка. Другую часть дачи вместе с гаражом отдали писателю-фронтовику...

Видимо, резкие, но справедливые слова, произнесённые тогда Ириной Викторовной, всё-таки оказали действие. И «дачный вопрос» был решён.

Московский литератор Леонард Илларионович Лавлинский, хорошо знавший А.В. Жигулина и не раз помогавший ему в трудных жизненных ситуациях, в своих воспоминаниях рассказывает о работе поэта в редакции журнала «Дружба народов» в качестве заведующего отделом поэзии, о непростых отношениях с главным редактором С.А. Баруздиным и о поступках, послуживших причиной для увольнения «недисциплинированного» сотрудника. Для завершения бумажных формальностей в редакцию приехала Ирина Викторовна. Выслушав Лавлинского, которому Баруздин, как своему заместителю, поручил всё рассказать и объяснить, она расплакалась и заявила:

– Все вы войдёте в историю только потому, что поэт Жигулин какое-то время работал в этой редакции...

Стараясь быть объективным, Л.И. Лавлинский пишет об Ирине Викторовне: «Из знакомых мне писательских жён (а повидал я их на своём веку немало) ни одна в такой степени не подчиняла себя интересам мужа. Это было какое-то подвижническое служение его таланту – до полного растворения собственной личности.

И я нередко думаю: как знать, если бы Господь не послал Анатолию Владимировичу такую супругу, не завершился ли бы его земной путь гораздо раньше, чем это произошло в действительности?».

Сам Жигулин в письме отцу от 2 декабря 1984 года сделал откровенное признание: «Она – единственный человек, который 23 года (почти четверть века) спасает меня от гибели. Она помогла мне стать Поэтом. Без неё я подох бы от белой горячки в середине 60-х годов в воронежской больнице или возле пивного киоска. Или от туберкулёза...»

Материалы писательского архива, воспоминания современников свидетельствуют: супругу Анатолий Владимирович в буквальном смысле боготворил. Находясь в больнице или в командировке, звонил по несколько раз в день и сходил с ума, беспокоясь о ней, если телефон не отвечал. Его любовь, нежность и уважение к ней были беспредельными и искренними.

Она была его Музой, соавтором многих его стихов, первым читателем, справедливым критиком и строгим редактором. Приведём рассказ писателя об истории создания известного лирического стихотворения:

«28 октября 1976 года, четверг. <...> Около полуночи на 29-е, словно само собой, написалось (вернее – без бумаги – сочинилось) стихотворение “Жизнь прекрасна и коротка...” Я лежал в душевном мраке – тревожный и больной. А Ира сидела рядом. Я держал её тёплую руку. Стихотворение сочиняли вместе. Во всяком случае, Ира сказала мне о необходимости последнего двустипа. Подсказала эпитет: “Как живая твоя слеза...”»

«Стихи Ирине» являются одним из шедевров жигулинской лирики:

Жизнь прекрасна и коротка,
И тепла, как твоя рука...
О, видения детских лет,
Где казалось, что смерти нет!..

Нынче сосны гудят в бору –
Всё о том, что и я умру.
Сколько лет нам дано судьбой?
Что оставим мы здесь с тобой?

Сын останется – кровь моя.
Стих останется – боль моя.
Будет ветер у трёх дорог
Разметать золотистый стог.

И тростиночка камыша
Будет петь, как моя душа.
И на ветке блеснёт роса,
Как живая твоя слеза.

1976

Сибирский библиофил В.С. Сербский рассказал о таком случае. Когда после выхода в свет в 1987 году книги «Весеннее имя» Анатолий Жигулин не обнаружил в ней стихотворения «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...» (оно было исключено из сборника в результате редакторского произвола), он во все экземпляры, которые дарил знакомым и друзьям, вписывал его от руки. Для него это стихотворение в четыре строчки, заменяющее целую поэму о любви, – было бесконечно дорого.

Продли, Всевышний, дни моей Ирины.
Без глаз её душа моя пуста.
Я без неё – как ёлка без вершины.
Я без неё – как церковь без креста!

1981

Тем не менее их брак иногда трещал по швам. И виной всему – пагубная привычка к спиртному.

Бывали случаи, когда, хватив лишнего, Жигулин переставал контролировать себя и мог, к примеру, устроить скандал в ресторане Центрального Дома литераторов,

подраться с несимпатичным ему человеком, мог назанимать у друзей и коллег денег на весьма крупную сумму и тем самым поставить семью в критическое положение. Не говоря уже о том, какой пример он показывал сыну...

«9 августа 1989 года, среда. Спал хорошо. Проснулся свежим. Лёгкую дисгармонию в мою жизнь внесла Ирина, возвратившаяся из поликлиники после исследований. Никакого рака и ничего серьёзного вообще у неё, слава Богу, не обнаружили. Просто нервная усталость. Надо отдохнуть. <...> Но Ира пришла опечаленная, если не сказать: раздражённая. Похоже, что она недовольна тем, что рак у неё не обнаружили».

Ниже – размашистым почерком – приписка Ирины Викторовны, как крик души: «Почти патологический эгоизм. Прожить почти 30 лет с женщиной – и ничего не понять. Не желать понимать то, что и чужому человеку яснее белого дня: “...опечаленная: недовольна тем, что рак у неё не обнаружили”. Идиотизм какой-то! Но ничего иного ждать от тебя нельзя. У меня нашли тяжёлое нервное истощение, депрессию. Я себя по отношению к тебе вела в таких случаях иначе. Ирина».

В домашнем архиве А.В. Жигулина сохранилась записка жены: «Всё, я больше не могу! Завтра подаю на развод...» Но приходило завтра, потом послезавтра, и она снова прощала его, покаявшегося, виноватого, потому что понимала: без неё он не проживёт ни дня...

О.Г. Ласунский:

– Брачный союз Жигулиных нередко подвергался суровым испытаниям. Бывали моменты, когда Ирина намеревалась уйти из семьи, но всегда побеждало чувство особого долга перед обществом. Ведь бросить Анатолия, значит, предать саму Поэзию, считала она. Ведь он без неё, Ирины, пропадёт. И жена до конца оставалась верна высшему предопределению. О её деликатности и нравственной порядочности говорит такой факт. Когда на излёте лет у Анатолия

случился «больничный» роман с Беллой Ахмадулиной, она не стала устраивать супругу сцен, трепать ему и себе нервы. Она «разрешила» ему изложить и обнародовать эту историю. Жигулинская новелла «Прогулки с Беллой», ставшая для автора поистине лебединой песнью, прекрасна своим проникновением в психологию глубинных взаимоотношений между мужчиной и женщиной в зрелом возрасте.

Последний юбилей поэта прошёл в семейном кругу. По случаю 70-летия Жигулина поздравили оба писательских Союза, многочисленные поклонники его таланта, восторженные публикации появились на страницах многих изданий. Авторы не скупилась на эпитеты, называли его живым классиком, крупнейшим поэтом века, истинно народным поэтом, человеком, дважды совершившим подвиг во имя Отечества – в жизни и в творчестве.

Тёплую телеграмму прислал Президент России Борис Ельцин: «Талантливый поэт, Вы – автор замечательных произведений, пользующихся любовью многих поколений россиян. Вашему перу принадлежат такие известные стихотворения, как “Москва слезам не верит”, “Калина”, “На родине”, в которых Вы с удивительной силой раскрываете поэтический образ России, её прошлое и настоящее. Уверен, Вы ещё не раз порадуете читателя новыми интересными работами».

Как оказалось, это была последняя телеграмма Б.Н. Ельцина на посту Президента России. Накануне нового, 2000, года он объявил о досрочной отставке.

Отношение к Б.Н. Ельцину у А.В. Жигулина в последние годы поменялось радикально. Всей душой приняв перестройку, он быстро разочаровался в новой власти, которая ограбила народ, в том числе и его самого.

– Когда у меня вышла книга «Чёрные камни», – рассказывал Жигулин воронежскому журналисту, – случилось так, что в 1989, 1990 годах в разных московских издатель-

ствах она была издана шесть или семь раз. И, страшно сказать, никто не поверит, у нас с Ириной на сберегательной книжке было около 100 тысяч рублей! Мы думали, нам хватит их до конца жизни. Но они – «сгорели»...

1990-е годы в жизни А.В. Жигулина и его близких, как никогда, были сложными и трудными. Депрессия, болезни, безденежье, полнейшее равнодушие со стороны «литературных генералов» к судьбе писателя. Проблемы с сыном Владимиром, который, окончив Литературный институт им. А.М. Горького и получив диплом переводчика, к сожалению, не смог закрепиться в профессии. Не ладилась у него и личная жизнь. Ситуацию усугубляло пристрастие к алкоголю, видимо, передавшееся «по наследству», что являлось причиной частых конфликтов в семье.

Нищенских пенсий Анатолия Владимировича и Ирины Викторовны не хватало даже на самое необходимое, а гонорары от публикаций были копеечными, да к тому же ещё и редкими. После конфликта с властями из-за повести «Чёрные камни» его практически перестали печатать. Последняя книга стихов «Летящие дни» вышла в 1989 году, последнее издание «Чёрных камней» – в 1996-м.

В беседах с друзьями А.В. Жигулин не раз с горечью цитировал строки из стихотворения «В больничном саду» (1975), посвящённого поэту Д. Голубкову: «И стихи, к сожаленью, не кормят. Только поят, и то не всегда...»

Анатолий Владимирович уже не отвечал на замечательные, прекрасные письма читателей, которые по-прежнему шли валом. Причина проста – не было денег на почтовые расходы. Даже профессора А.М. Абрамова не поздравил с 80-летием. Причина – та же.

– Вместо того чтобы послать телеграмму, пошёл, купил хлеба, чтобы вместе с Ириной поесть с чаем, – горестно рассказывал поэт одному из воронежских журналистов.

Приведу несколько характерных для того периода записей из дневника А.В. Жигулина.

«2.II.94, среда. Приезжал В. Кулиничев. Привёз посылочку из Воронежа – от себя, А. Сорокина, П. Новикова –

колбасу воронежского завода, банку сардин, кажется, пачку чая и лимон. Очень меня это тронуло. Колбаса полукопчёная, вкусная, как в годы застоя».

«4.11.94, пятница. <...> Вечером снова был Вадим Кулиничев. Он приезжал за интервью к Старшинову. Ира их познакомила и всё уст<р>оиола. Принёс Вадим ещё два лимона и пачку чая – от Льва Кройчика. Они в Москве оба по каким-то университетским делам. Спасибо».

«17 мая 1994 года, вторник. Тоска и жрать нечего. В доме нет ни копейки. И занять негде».

«9 декабря 1999 года, четверг. Кончилась примерно неделя голодного времени. Ира получила наши с ней пенсии и купила еды».

И совсем безысходная – гибельно страшная – запись в жигулинском дневнике:

«7 июля 1993 года, среда. Примирился с петлёй. Раз нет пистолета, что делать. Единственное, что удерживает от самоубийства, – это сознание, что семья без моей пенсии окажется в бедственном положении. Да и хоронить дорого, тысяч двести надо. А у нас денег нет даже на хлеб».

В это трудное время Жигулиным помогали В.М. Акаткин, В.И. Битюцкий, В.Г. Кулиничев, О.Г. Ласунский, П.И. Новиков, А.В. Сорокин, другие воронежцы, сами не шибко богатые люди. Посылали в Москву деньги, продукты, дары садово-огородных участков. Тем самым спасая писателя и его семью от голода.

Став в 1992 году главным редактором «Молодого коммунара», я неоднократно обращался к Анатолию Владимировичу с просьбой прислать подборку новых стихов. Или разрешить опубликовать «старые». Гонорар, естественно, начисляли по наивысшей шкале. Хотя какой это гонорар – слёзы...

В дневнике А.В. Жигулина запечатлена наша с Александром Сорокиным отчаянная попытка издать в Воронеже повесть «Чёрные камни», к сожалению, закончившаяся неудачей из-за разразившегося в стране экономического кризиса.

«1 января 1996 года, понедельник. <...> Позвонил я Эдику Пашневу. Поздравил <...> его с Новым годом. И пригласил зайти его к нам с Ирой. Никогда он у нас не был. Он радостно откликнулся и пришёл с бутылкой отличной юбилейной “кристалловской” водки. Посмотрел, как мы живём. Вспомнили нашу воронежскую юность и молодость. Только двое мы остались в живых от всего нашего воронежского литературного поколения. Помянули хороших людей: В. Гордейчева, В. Семёнова, Г. Троепольского и многих ушедших. <...> Подарил я Эдику две книги: “Чёрные камни” (КП) и “Летающие дни”. Он высокого мнения о моём творчестве, о судьбе моей, о роли в ней Ирины. Вспомнили начало 60-х годов, когда Ирина спорила с задиристыми молодыми воронежскими поэтами. Кто-то (Олег Шевченко и др.) утверждал в 1961-м:

– Жигулин написал свои северные стихи и кончился.

– Ничего вы не понимаете, – отвечала Ира. – Жигулин только начинается!

И была права».

А.В. Жигулин сдержал своё обещание, данное Ирине Неустроевой в далёком 1962 году, – он написал повесть о любви. Он писал эту повесть всю жизнь – до последнего часа, до последнего вздоха. Кусочки этой повести разбросаны по его книгам, рукописям, дневникам и записным книжкам, и если их все собрать вместе, получится сборник стихов, посвящённых «Ирине». Вот одно из последних стихотворений А.В. Жигулина, написанных на закате века и жизни:

Ира, Ира! Вновь неразбериха
В этом смертном мире золотом.
И опять клюкой стучится лихо
В наш обжитый и уютный дом.

Что нам делать в это злое время?
Как себя нам в жизни удержать?
Что случилось на земле со всеми?
Как нам этой жути избежать?

Как спастись от яда равнодушья
Наших бывших радостных друзей?
Как спастись от нищего бездушья,
От бессильной ярости своей?

Я не знаю, может, так и нужно.
Не прогнать судьбу лихую прочь.
Неужели в горести недужной
Даже Бог не сможет нам помочь?

1997

Он умер воскресной ночью 6 августа 2000 года в своей квартире на руках у Ирины Викторовны. Прибывшая по её вызову «скорая помощь» опоздала: измученное болезнями и невзгодами сердце поэта остановилось. Она закрыла ему глаза и зажгла свечи.

В дни траура телеграмму с соболезнованиями прислал И.В. Жигулиной Президент России В.В. Путин: «Анатолий Владимирович был человеком с непростой, драматичной судьбой. Но никакие тяготы и лишения не смогли сломить его творческую волю. Он стал одним из первых литераторов, открыто рассказавших страшную, но такую необходимую правду о недавнем прошлом нашей страны. Память об Анатолии Владимировиче навсегда остаётся в сердцах благодарных читателей, коллег, друзей».

В 2001 году при содействии Союза российских писателей в Москве тиражом 500 экземпляров вышла в свет книга Анатолия Жигулина «Полвека боли и любви». Во вступительной статье «Но удел мой прекрасен и вечен» Ирина Викторовна Жигулина просто, достойно и проникновенно рассказала о том, как рождалась последняя книга поэта, состоящая из двух частей: «Далёкий колокол» (стихотворения) и «Ты всё это видел, Господи» (проза).

«...Он с радостью взялся за составление книги, – писала И.В. Жигулина. – Пережив в 1998 году тяжелейшую операцию (а их было немало в его послелагерной жизни), – он долго и мучительно возвращался к жизни. Казалось, его могучий дух и на этот раз победит болезнь – лишь бы не помешали, не убили радость творчества, не загнали в тупик безнадежности. Не получилось».

Еле сдерживая эмоции, она старается подобрать точные и правдивые слова: «Все – с горечью и любовью писавшие о нём – тем не менее восприняли его смерть как вполне естественное явление: он же болел! И никому не подумалось: Жигулин погиб. Жигулина убило равнодушие среды, в которой он жил, засилье литературных “олигархов” и литературных дельцов. Смерть поэта на совести литературных временщиков, думающих, что они вскарабкались на литературный Олимп, чтобы править свой бал в своей литературной тусовке. Смерть поэта на совести тех, кто не захотел протянуть больному поэту руку помощи и продлить его жизнь и творчество...»

Давно замечено: настоящим писателям дана способность предвидеть и предсказывать события. Это – загадка, которую никто не смог разгадать. Пророческие строки из стихотворения, посвящённого Ирине Викторовне:

Мой верный друг – моя жена.
Хоть верьте, хоть не верьте –
Она до смерти мне нужна,
И даже после смерти.

Она простит мои грехи,
Развеет боль сомнений
И сохранит черновики
Моих стихотворений.

1980

Она сохранила его книги, рукописи, дневники и рабочие тетради. Часть писательских материалов ею была пе-

редана в Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ), в Государственный литературный музей, в музей «Мемориала». Другую часть, уже, будучи смертельно больной, она завещала передать на хранение в Воронеж.

О.Г. Ласунский:

– Последние годы Ирины были омрачены бедами. Гибель единственного сына, отсутствие средств к существованию, вынужденный переезд из центра на окраину, бесконечные болезни, но главное – полное одиночество... В таких условиях можно было и сломаться, и потерять интерес к жизни. Память о муже стала единственной духовной опорой, которая помогла ей выстоять. Несмотря на тяжёлое материальное положение, она не рассталась ни с мужниным архивом, ни с общей библиотекой. До последних дней берегла бумаги и книги с тем, чтобы позднее они отправились в Воронеж, где уже был отмечен мемориальной доской дом, в котором обрета́лся Жигулин до отъезда в Москву. Ирина приезжала на открытие этой доски и порадовалась тому, что Анатолия помнят и ценят на его малой родине.

В конце 2011 года я позвонил Ирине Викторовне по домашнему номеру телефона, чтобы уточнить адрес для посылки бандероли с только что вышедшей в воронежском издательстве документальной книгой «Жигулинский век».

Ирина Викторовна находилась в тяжёлом психологическом состоянии. Не сумев оправиться после смерти мужа, она столкнулась с ещё одной страшной бедой.

В декабре 2009 года ушёл из дома и не вернулся Владимир. Она обратилась за помощью в правоохранительные органы, к друзьям и знакомым. Через несколько месяцев ей сказали о том, что её сын умер от переохлаждения на одной из московских улиц и похоронен на специальном

кладбище для неустановленных лиц. Попросту говоря, для бомжей. Эксгумация. Перезахоронение...

Ирина Викторовна долго рассказывала о своих бедах и горестях, а я, слушая её эмоциональную сбивчивую речь, поймал себя на мысли: если бы это случилось при жизни А.В. Жигулина, он бы этого не перенёс. И ушёл бы в могилу гораздо раньше, вслед за единственным сыном.

Будет радостный мир
Родников, лопухов.
Будет трепет ветлы и романса.
Я тебе посвятил
Три десятка стихов.
Пусть забудутся все,
Если жребий таков.
Лишь бы сын наш любимый
Остался.

Через две недели я снова позвонил Ирине Викторовне, чтобы справиться, дошла ли книга. И вновь услышал исповедь человека, который, чувствовалось, находится на краю жизни. До конца дней она отказывалась верить в то, что её любимого и несчастного сына больше нет, сомневалась, что в одной могиле с мужем преданы земле именно его останки. Такое горе!

По словам друга семьи Жигулиных Л.Г. Берулавы, Ирина Викторовна скончалась 12 марта 2013 года в одной из московских больниц от пневмонии лёгких. Простудившись, она уже не смогла противостоять болезни. Да, видимо, уже и не хотела больше задерживаться на белом свете. Желала только одного – в ином, загробном, мире, если он, конечно, существует, поскорее встретиться с теми, кого любила больше жизни. Больше себя...

В скромной могиле на Троекуровском (Ново-Кунцевском) кладбище нашла последний приют вся небольшая семья Жигулиных: Анатолий Владимирович (1930–2000), Ирина Викторовна (1932–2013), Владимир (1964–2009).

Как свидетельствует история отечественной литературы и вообще история России, не всегда у великих людей были великие жёны...

Была Наталья Николаевна Гончарова, которую Анна Андреевна Ахматова ненавидела всей душой и считала одним из основных виновников смерти Александра Сергеевича Пушкина, называла её «сообщницей Геккернов в преддуэльной истории», «агенткой» нидерландского посланника. Другая поэтесса – Марина Ивановна Цветаева – писала о Наталье Николаевне так: «Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И – сразила».

Справедливости ради, следует сказать, что у Натальи Николаевны Пушкиной всегда были и есть активные сторонники и защитники. Один из них – великий поэт Б.Л. Пастернак, который однажды пошутил: «Бедный Пушкин! Ему следовало бы жениться на Щёголеве и позднейшем пушкиноведении, и всё было бы в порядке».

А возьмём не великих... Жена одного воронежского поэта после смерти мужа выбросила его писательский архив на свалку. И ценные дневники, письма современников бесследно пропали.

Но были, слава Богу, и другие жёны... Были жёны декабристов, которые, оставив уютные дворянские гнёзда, вопреки мнению света и даже родных и близких, последовали за мужьями в сибирскую ссылку.

Была Софья Андреевна Толстая, верная помощница мужа – великого писателя и мыслителя Л.Н. Толстого – во всех делах: переписчица рукописей, переводчик, секретарь, издатель его произведений. В большой любви они прожили вместе почти пятьдесят лет.

Была Анна Григорьевна Достоевская, вторая жена Ф.М. Достоевского, мать его детей. Издательница и публикатор творческого наследия мужа, библиограф и автор ценных воспоминаний о гении русской литературы.

Была Вера Николаевна Муромцева-Бунина – жена И.А. Бунина, переводчица, мемуаристка. После смерти

Ивана Алексеевича написала две книги: «Жизнь Бунина» и «Беседы с памятью», которые наполнены искренней любовью и уважением к мужу, к своему любимому писателю.

Была Надежда Яковлевна Мандельштам, жена поэта О.Э. Мандельштама, погибшего в годы сталинских репрессий. Опасаясь обысков и ареста, она заучивала его стихи и прозу наизусть и сумела донести до потомков бесценное творческое наследие.

Была Елена Сергеевна Булгакова, третья жена писателя М.А. Булгакова, вдохновившая его на создание образа Маргариты. После смерти мужа она не только сохранила рукописи его произведений, но и смогла в условиях жёсткой политической цензуры опубликовать их, тем самым обеспечив автору бессмертие.

Из современниц назову Наталию Дмитриевну Солженицыну (см. главу «Летописец ГУЛАГа»).

В одном ряду с этими незаурядными женщинами стоит Ирина Викторовна Жигулина (Неустроева).

Воздадим должное её жизненному и духовному подвигу, совершённом во имя Поэта. Во имя великой русской литературы.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.В. ЖИГУЛИНА

1930

1 января – родился в Воронеже в семье выходца из многодетной крестьянской семьи Владимира Фёдоровича Жигулина (1902–1992) и Евгении Митрофановны Раевской (1903–1994), правнучки участника Отечественной войны 1812 года, поэта-декабриста и друга А.С. Пушкина Владимира Федосеевича Раевского (1795–1872).

1948

Октябрь – вступление в ряды подпольной юношеской организации КПМ (Коммунистическая партия молодёжи), ставившей перед собой задачу – восстановление ленинского облика партии и борьба с культом личности И.В. Сталина.

1949

29 марта – первая публикация на страницах многотиражной газеты «Революционный страж» (орган политчасти областного управления МВД) стихотворения «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем»).

15 мая – в областной газете «Коммуна» напечатано стихотворение «Пушкинский томик».

1 сентября – поступил на первый курс Воронежского лесохозяйственного института.

17 сентября – арестован по «делу КПМ». Первый допрос в Воронежском областном управлении МГБ СССР.

1950

Июнь – осуждён Особым совещанием при МГБ СССР по ст. 58-10-1 (пропаганда и агитация, направленные к подрыву советской власти), 58-11 (участие в антисоветской организации) и 19-58-8 (совершение террористического

акта против представителей партии и советской власти) УК РСФСР сроком на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Август – прибытие в Краснопресненскую пересыльную тюрьму г. Москвы.

1950–1954 – отбывание наказания в лагерях в Сибири и на Колыме.

1954

Январь – прибытие в Воронежский следственный изолятор в связи с пересмотром «дела КПП».

22 июля – освобождение в связи с Указом Верховного Совета СССР об амнистии.

1 сентября – восстановлен в числе студентов первого курса Воронежского лесохозяйственного института с зачислением на государственную стипендию.

1956

Февраль – по постановлению Прокуратуры, МВД и КГБ СССР постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 24 июня 1950 г. в отношении А.В. Жигулина отменено и дело на основании ст. 8 УК РСФСР прекращено.

Октябрь – определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 24 июня 1950 г. в отношении А.В. Жигулина отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

1959 – в Воронежском книжном издательстве вышел первый сборник А. Жигулина «Огни моего города».

1960

Август – принят на работу в редакцию журнала «Подъём» в должности редактора отдела критики.

17 августа – встреча и знакомство в редакции журнала «Подъём» с Ириной Викторовной Неустроевой (5.10.1932–

12.03.2013), выпускницей филологического факультета Воронежского государственного университета и начинающим критиком.

Сентябрь – переведён на должность редактора отдела поэзии.

Октябрь – уволен по собственному желанию.

1961 – в Воронежском книжном издательстве вышел сборник стихов А. Жигулина «Костёр-человек».

Март – временно назначен редактором художественной литературы Воронежского книжного издательства.

Апрель – освобождён от занимаемой должности.

Сентябрь – телеграмма главного редактора журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского на имя воронежского учёного и литературного критика Анатолия Михайловича Абрамова с просьбой подготовить рецензию на книгу А. Жигулина «Костёр-человек» и прислать его новые стихи.

4 ноября – личное знакомство с А.Т. Твардовским в редакции журнала «Новый мир».

1962

Январь – в журнале «Новый мир» напечатана подборка стихотворений А. Жигулина, отобранных к печати лично А.Т. Твардовским: «Флажки» (“Флажки на трассе в снежной шири...”), «Ночная смена» (“Из штольни вышли в пыльных робах...”), «Земля» (“Мы сначала снимали твой снежный покров...”). Уже в первых строчках читателю нетрудно было почувствовать мотивы болезненной для общества темы политических репрессий.

Март – принят в Союз писателей РСФСР.

27 ноября – восторженная запись в дневнике по поводу повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», напечатанной в журнале «Новый мир»: «Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы».

1963 – выход в свет первого «московского» сборника стихов «Рельсы».

Январь – регистрация брака с И.В. Неустроевой в Центральном отделении ЗАГС г. Воронежа.

Сентябрь – зачислен слушателем 1-го курса Высших литературных курсов СП СССР при Литературном институте им. А.М. Горького (г. Москва).

1964

21 июля – рождение сына Владимира в одном из воронежских роддомов.

1965

Июнь – окончил Высшие литературные курсы СП СССР при Литературном институте им. А.М. Горького.

1966

20 ноября – первая встреча с А.И. Солженицыным в Центральном Доме литераторов на заседании бюро секции прозаиков Московского отделения СП СССР перед обсуждением повести «Раковый корпус».

1967

Март – зачислен на должность редактора отдела русской литературы редакции «Литературной газеты».

Август – освобождён от занимаемой должности по собственному желанию.

1970

Январь – гибель Бориса Викторовича Батуева, создателя и руководителя КПМ, близкого друга А.В. Жигулина. Похороны на Коминтерновском кладбище г. Воронежа. Клятва увековечить подвиг КПМ.

1971

21 декабря – принимает участие в похоронах А.Т. Твардовского на Новодевичьем кладбище.

1972

Октябрь – зачислен на должность заведующего отделом поэзии редакции журнала «Дружба народов».

1975

Май – освобождён от должности заведующего отделом поэзии редакции журнала «Дружба народов» по собственному желанию.

1978

Апрель – зачислен старшим преподавателем кафедры литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького.

1985

Март – начало работы над автобиографической повестью «Чёрные камни» (первоначальные варианты названия: «Новеллы моей жизни», «Охота на людей. Новеллы моего века»).

1987

Январь – рукопись повести «Чёрные камни» вручена главному редактору журнала «Знамя» Г.Я. Бакланову.

1988

Июль–август – в журнале «Знамя» (№№ 7 и 8) опубликована автобиографическая повесть «Чёрные камни».

1988

1 декабря – публикация в воронежской газете «Молодой коммунар» вопреки запрету властей интервью А.В. Жигулина «Мы были той виной сильны...», посвящённого «делу КПМ».

1990

Август – освобождён от должности доцента кафедры литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького в связи с переходом на творческую работу.

1992

18 апреля – смерть отца Владимира Фёдоровича Жигулина.

1994

11 марта – смерть матери Евгении Митрофановны Жигулиной (Раевской).

1995

24 мая – группа писателей (Б. Ахмадулина, Ю. Давыдов, Ф. Искандер, А. Истогина, Ю. Карякин, Н. Коржавин, С. Липкин, И. Лиснянская, Б. Окуджава, Н. Панченко, Г. Поженян) опубликовала в «Литературной газете» письмо «Чёрный камень – в автора «Чёрных камней» в защиту доброго имени А.В. Жигулина.

1996

15 июня – Президент России Б.Н. Ельцин вручил А.В. Жигулину Пушкинскую премию в области поэзии.

1999

Апрель – А.В. Жигулин стал лауреатом премии Союза писателей Москвы «Венец» за книгу «Чёрные камни».

2000

6 августа – А.В. Жигулин скончался от сердечной недостаточности.

10 августа – гражданская панихида и похороны на Троекуровском кладбище г. Москвы.

2002

14 мая – в Воронеже на доме по адресу ул. Студенческая, 32 установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1943–1949 и 1954–1963 годах жил поэт Анатолий Владимирович Жигулин».

2010

Январь – в связи с 80-летием со дня рождения писателя решением управления культуры г. Воронежа 2010 год объявлен Годом Анатолия Жигулина в учреждениях культуры.

2013

12 марта – Ирина Викторовна Жигулина скончалась в одной из московских больниц.

В соответствии с её волей в 2011–2013 годах на постоянное хранение в Воронеж были переданы личный архив А.В. Жигулина и значительная часть семейной библиотеки. Книги пополнили фонды областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина, а материалы из домашнего архива, в том числе дневники, письма и документы писателя, после первичной сортировки, поступили в областной литературный музей.

2015

21 января – в Воронежском областном литературном музее им. И.С. Никитина состоялось открытие передвижной выставки-экспозиции «И краткий миг судьбы моей тревожной», посвящённой 85-летию писателя.

4 марта – общественная комиссия по культурному наследию при администрации г. Воронежа единогласно приняла решение одобрить идею установки в Воронеже памятника А.В. Жигулину. К вопросу о месте его установки и проекте решено вернуться после определения источников финансирования.

С этой инициативой выступили воронежские литераторы, журналисты и историки: О.Г. Ласунский, Г.М. Умывакина, В.И. Жихарев, Л.Е. Кройчик, А.Н. Акиншин, В.И. Битюцкий, В.В. Колобов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги А.В. Жигулина

Огни моего города : лирика. – Воронеж : Кн. изд-во, 1959. – 55 с.

Костёр-человек. – Воронеж: Воронежское кн. изд-во, 1961. – 79 с.

Рельсы : стихи. – Москва : Мол. гвардия, 1963. – 103 с.

Память : стихи. – Воронеж : Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1964. – 64 с.

Избранная лирика. – Москва : Мол. гвардия, 1965. – 32 с.

Полярные цветы : стихи. – Москва : Сов. писатель, 1966. – 78 с.

Поле боя : лирика. – Москва : Мол. гвардия, 1968. – 64 с.

Прозрачные дни : стихи. – Москва : Сов. писатель, 1970. – 71 с.

Свет предосенний : кн. стихов. – Москва : Современник, 1972. – 207 с.

Чистое поле : стихи. – Москва : Сов. Россия, 1972. – 111 с.

Полынный ветер : стихи. – Москва : Мол. гвардия, 1975. – 222 с.

Стихотворения. – Москва : Худож. литература, 1976. – 222 с.

Горящая береста : стихи. – Москва : Сов. Россия, 1977. – 304 с.

Калина красная – калина чёрная : стихи, поэма. – Москва : Сов. писатель, 1979. – 102 с.

Соловецкая чайка : кн. лирики. – Москва : Современник, 1979. – 336 с.

Жизнь, нечаянная радость : избранное. – Москва : Мол. гвардия, 1980. – 287 с.

Избранное : стихи. – Москва : Худож. литература, 1981. – 351 с.

Воронеж. Родина. Любовь : кн. лирики. – Воронеж : Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1982. – 350 с.

В надежде вечной : стихи. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 320 с.

Стихотворения. – Москва : Сов. Россия, 1984. – 238 с.

Весеннее имя : стихи. – Москва : Мол. гвардия, 1987. – 160 с.

Из разных лет, из разных далей : стихотворения и эссе. – Москва : Современник, 1987. – 446 с.

Стихотворения. – Москва : Худож. литература, 1987. – 414 с.

Белый лебедь : стихи. – Москва : Правда, 1988. – 32 с.

За рекой Чуною. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 192 с.

Стихотворения. – Москва : Дет. литература, 1988. – 192 с. – (Поэтич. б-ка школьника).

Летающие дни: стихи. – Москва : Сов. писатель, 1989. – 416 с.

Чёрные камни. – Москва : Кн. палата, 1989. – 240 с.

Чёрные камни. – Москва : Моск. рабочий, 1989. – 271 с.

Чёрные камни. – Москва : Современник, 1990. – 269 с.

Обломки «Чёрных камней» // Дружба народов. – 1998. – № 7. – С. 73–85.

Лучше было бы умереть. Три рассказа // Знамя. – 1998. – № 3. – С. 143–151.

Далёкий колокол: стихи, проза, письма читателей / сост. И.В. Жигулиной; вступ. ст. В.М. Акаткина. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2001. – 696 с.

Полвека боли и любви. – Москва : Союз рос. писателей, 2001. – 336 с.

Текстовые источники

Жигулин А.В. Дневники и рабочие тетради. – Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина.

Жигулин А.В. Дневниковые записи. Рукопись // ГАВО. – Ф. Р-3293. – Оп. 1. – Д. 2449.

Личное дело А.В. Жигулина – Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина.

Статьи о жизни и творчестве А.В. Жигулина

Абрамов А. Анатолий Жигулин. – Голоса земли Алексея Кольцова. – Воронеж, 1964. – С. 115–130.

Абрамов А. Деловито, честно, всерьёз. – Новый мир. – 1963. – № 10. – С. 252–254. – Рец. на кн. : *Жигулин А.* Рельсы : стихи.

Абрамов А. Один из молодых // Литература и жизнь. – 1961. – 1 февр.

Акаткин В. Воронеж... Родина... Любовь... : Исполнилось 50 лет сов. поэту А. Жигулину // Мол. коммунар. – 1980. – 3 янв.

Акаткин В. В поисках главного слова : К проблеме «тихой» лирики // Вопросы литературы. – 1974. – № 3. – С. 3–60.

Акаткин В. Резервы «трудной» темы // Мол. коммунар. – 1988. – 3 сент.

Акаткин В. «У поэта есть судьба» : К 50-летию А. Жигулина // Подъём. – 1980. – № 3. – С. 136–143.

Акинъшин А., Ласунский О. Гласность по-воронежски // Кн. обозрение. – 1989. – 1 сент. – С. 16.

Аннинский Л. Восхождение к свету // Дружба народов. – 1972. – № 6. – С. 278–280.

Аннинский Л. Восхождение личности // Мол. коммунар. – 1971. – 17 апр.

Аннинский Л. Калина чёрная : предисловие // *Жигулин А.В.* Жизнь, нечаянная радость : избранное. – Москва : Мол. гвардия, 1980. – С. 5–12.

Аннинский Л. КПП, 19–58–8, Я–815, И2–594 // Дружба народов. – 1990. – № 10. – С. 267–270.

Аннинский Л. Поэтический мир Анатолия Жигулина // Мол. коммунар. – 1970. – 4 янв.

Ахмадулина А. Чёрный камень – в автора «Чёрных камней» / Б. Ахмадулина, Ю. Давыдов, Ф. Искандер, А. Истогина, Ю. Карякин, Н. Коржавин, С. Липкин, И. Лиснянская, Б. Окуджава, Н. Панченко, Г. Поженян // Лит. газета. – 1995. – 24 мая.

Бакланов Г. Но «Дама с собачкой» мне дороже // Лит. газета. – 1992. – 25 нояб.

Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // Лит. газета. – 1962. – 22 нояб.

Борщаговский А. «Пишите честно как перед расстрелом» : А. Жигулину – 70 лет // Лит. газета. – 2000. – 1–12 янв. – С. 11.

Бражник Л. Тема войны в лирике А. Жигулина // Человек и война в русском художественном сознании XX века. – Воронеж, 2000. – С. 24–29.

Буденный Д. «И ещё не расстреляно сердце...» // Воронежский курьер. – 1997. – 8 июля.

Васильев В. Посвящается Жигулину // Мол. коммунар. – 1980. – 6 марта.

Верин В. А. Платонов, А. Жигулин... Кто следующий? // Лит. газета. – 1988. – 12 окт.

Гудошников Я. Лирика молодых. – Коммуна. – 1958. – 1 июля.

Голубев А. Колымский ветер : Уроки судьбы Анатолия Жигулина // Мол. коммунар. – 1996. – 17 сент.

Голубков Д. Душа-победительница // Мол. гвардия. – 1971. – № 7. – С. 278–284.

Горловский А. Истоки чувства // Лит. Россия. – 1968. – 30 авг. – С. 16.

Горловский А. «Себя ни капли не жалея» // Лит. газета. – 1969. – 17 сент. – С. 6.

Горловский А. Поэзии горящая свеча [Беседа с А. Жигулиным] // Вопросы литературы. – 1983. – № 12. – С. 172–186.

Гусев В. «Огни» согреют сердце // Мол. коммунар. – 1960. – 10 февр. – Рец. на кн. *Жигулина А.В.* «Огни моего города».

Гусев В. Человек побеждает // Подъём. – 1961. – № 3. – С. 138–140.

Дардыкина Н. «Осени» Анатолия Жигулина // Моск. комсомолец. – 1971. – 5 февр.

Дардыкина Н. На просторной земле // Правда. – 1982. – 26 апр. – С. 7.

Евтушенко Е. Человек со страниц Шаламова // *Жигулин А.* Далёкий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2001. – С. 673–674.

Ермилова Е. Открытия и прописи : два мнения о двух сборниках Анатолия Жигулина // *Лит. газета.* – 1973. – 10 янв. – С. 5.

Жигулина И. «Золотое злое время, я любил тебя всегда...» // *Лит. газета.* – 2000. – 31 дек.

Жигулина И.В. «По высокому праву судьбы» // Уроки литературы. – 2005. – № 7. – С. 7–10.

Жуховицкий Л. «Я спал, обняв сырую землю» // *Жигулин А.В.* Далёкий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2001. – С. 677–679.

Ионкин А. У поэтического костра // *Подъём.* – 1964. – № 1. – С. 174–175.

Иоффе С. Анатолий Жигулин / Живут стихи : этюды о поэтах. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – С. 254–262.

Истогина А. Предварительные итоги. Стихи и повесть Анатолия Жигулина. Штрихи к портрету // *Лит. газета.* – 1990. – 28 февр.

Истогина А.Я. Цветущий терновый венец : творчество Анатолия Жигулина. – Москва : Русский путь, 2000. – 152 с.

Колобов В.В. Болью, раскалённой добела : Дневниковые записи Анатолия Жигулина об А.Т. Твардовском и А.И. Солженицыне // *Подъём.* – 2016. – № 1. – С. 128 – 183.

Колобов В.В. Дневник А.В. Жигулина как документ эпохи : монография. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2017. – 298 с.

Колобов В.В. Жигулинский век : док. повесть. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. – 328 с.

Колобов В.В. Уроки «Нового мира» А.Т. Твардовского [на материале дневника А.В. Жигулина] : монография. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 244 с.

Колобов В.В. Читая дневники поэта... [А.В. Жигулин о времени и о себе]. – Тамбов : Тамбовский полиграфический союз, 2016. – 320 с.

Кораллов М. Из Воронежа и Берлага... // Вопросы литературы. – 1989. – № 9. – С. 118–149.

Лавлинский Л. Анатолий Жигулин. Надежда и судьба // Литература. – 2004. – 14 июня.

Лавлинский Л. О «тихой» лирике // Юность. – 1971. – № 10. – С. 58–60.

Лазарев В. Судьба поэта : Анатолию Жигулину – 50 лет // Моск. литератор. – 1979. – 31 дек.

Лазарев В. Чувство пути : Заметки о поэзии А. Жигулина // Наш современник. – 1978. – № 2. – С. 179–185.

Ланщиков А.П. Анатолий Жигулин : «Уроки гнева и любви». – Москва : Сов. Россия, 1980. – 128 с.

Ланчинский Г. О, Родина! // Подъём. – 1974. – № 4. – С. 135–137.

Ласунский О.Г. Два поэта [По письмам А.Т. Прасолова] // Литературный Воронеж : Имена и факты. Эссе, воспоминания, этюды. – Воронеж : Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2015. – С. 411–414.

Ласунский О.Г. «...Для согрева души» : инскрипты на книгах из библиотеки А.В. Жигулина // Там же. – С. 282–286.

Ласунский О. Поэтическая родина А. Жигулина // Коммуна. – 1979. – 30 сент.

Лободов В. Власть вечности и поля : Некоторые особенности поэтики А. Жигулина // Подъём. – 1977. – № 4. – 130–135.

Лободов В. Камни судьбы // Воронежский университет. – 1988. – 2 сент.

Мещерин Ю. Ярче пылай, костёр! // Мол. коммунар. – 1961. – 30 июля.

Михайлов А. О родине, о России // Москва. – 1971. – № 8. – С. 211–213.

Михайлов А. Скорби и радости Анатолия Жигулина // Собеседники : Статьи. Очерки. Портреты. – Москва, 1985. – С. 231–260.

Млечин Л. Не пыль на ветру : «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и «Чёрные камни» Анатолия Жигулина // Новое время. – 1988. – 29 июля. – № 31. – С. 48.

- Новиков В.* Клич чести // Лит. газета. – 1988. – 17 авг. – С. 4.
- Новиков В., Новикова О.* Чистый звук // Новый мир. – 1982. – № 3. – С. 247–250.
- Огрызко В.* «Трудная тема, а надо писать...» : Беседа с писателем А. Жигулиным] // Кн. обозрение. – 1988. – 19 авг. – № 34. – С. 4, 15.
- Огрызко В.* «Трудная тема, а надо писать...» : [Анатолий Жигулин размышляет над читательской почтой] // Кн. обозрение. – 1988. – 18 нояб. – № 46. – С. 8–9.
- Пашнев Э.И.* Послесловие к «Прогулкам...» // Жигулин А.В. Далёкий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2001. – С. 661.
- Пашнев Э.* «Словно лебедь в алмазной короне» // Воронежский курьер. – 31 дек. 1999 – 10 янв. 2000. – С. 8.
- Первушина Е., Шигина Е.* «Стих останется – боль моя» // Воронежский университет. – 1980. – 11 янв.
- Петров А.* Лесные университеты Анатолия Жигулина // Жигулин А. Далёкий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2001. – С. 584–590.
- Подкопаев Б.* Отсвет костра // Мол. коммунар. – 1976. – 14 окт.
- Подкопаев Б.* Честный и мужественный талант // Коммуна. – 1966. – 23 окт.
- Пуцин И.* «Костёр-человек» // Коммуна. – 1961. – 18 июля.
- Ришина И.* Два поэта из КПМ // Лит. газета. – 1992. – 7 окт. – С. 3.
- Соколов М.* Хранить вечно : беседа с Анатолием Жигулиным // Собеседник. – 1988. – Авг. – № 35. – С. 12–13.
- Сорокин А.* ...И только правда на всех одна // Мол. коммунар. – 1988. – 3 нояб.
- Турков А.* Не склонившие головы : Читая повесть и стихи А. Жигулина // Известия. – 1988. – 12 сент.
- Чупринин С.И.* Крупным планом. Поэзия наших дней : проблемы и характеристики. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 288 с.

Чупринин С. Предвестие : Заметки о журнальной прозе 1988 года // Знамя. – 1989. – № 1. – С. 210–224.

Чупринин С. Свет предосенний // Лит. обозрение. – 1982. – № 4. – С. 42–46.

Чупринин С. Шестидесятые – семидесятые : волна во след волне // Новый мир. – 1981. – С. 237–248.

Чухонцев О. Стихи Анатолия Жигулина // Юность. – 1977. – № 9. – С. 78.

Шаламов В.Т. Переписка с Жигулиным А.В. [Электронный ресурс] – <http://shalamov.ru/library/24/30.html>

Шахова Е. Вызвавшие огонь на себя // Мол. коммунист. – 1989. – № 7. – С. 64–70.

Школьник М. Воронеж!.. Родина. Любовь // Мол. коммунар. – 1980. – 9 окт.

Эйдельман Н. Первый декабрист : повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе Владимира Раевского. – Москва : Изд-во полит. лит., 1990. – 398 с.

Яковлева Е. Борьба и победа // Комс. правда. – 1988. – 31 авг.

Яковлева Е., Муратов Д. Вторая попытка // Комс. правда. – 1988. – 25 окт.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Ласунский. Среди братьев по перу	3
Три автографа А.В. Жигулина.....	5
Неразоружившийся (А.Т. Твардовский)	50
Летописец ГУЛАГа (А.И. Солженицын)	115
Больше, чем поэт (Е.А. Евтушенко).....	161
Создатель видеом (А.А. Вознесенский).....	178
Арбатский пленник (Б.Ш. Окуджава).....	188
Последняя любовь (Б.А. Ахмадулина)	209
В эмиграцию не вписался (Н.М. Коржавин)	236
Прошедший ад (В.Т. Шаламов)	252
«Глаголом жги...» (А.Т. Прасолов).....	261
«Князь Мышкин» из рода Раевских.....	294
«Продли, Всевышний, дни моей Ирины...»	311
Основные даты жизни и творчества А.В. Жигулина	336
Библиография.....	343

Автор выражает искреннюю благодарность
Воронежскому отделению Союза российских писателей
и лично **Ласунскому** Олегу Григорьевичу,
Умывакиной Галине Митрофановне
за поддержку в издании книги;

Деркачёвой Светлане Анатольевне,
Пилюгиной Екатерине Васильевне
– за предоставление дополнительных материалов,
хранящихся в Воронежском областном литературном
музее им. И.С. Никитина

Документально-художественное издание

Колобов Владимир Васильевич

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН
И СОВРЕМЕННОКИ
(по страницам дневника писателя)

Издано в авторской редакции
с готового оригинал-макета

Подписано в печать 25.11.2019 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная
Гарнитура Gambia
Усл. печ. л. 18,48 + вклейка 0,84. Тираж 350 экз. Заказ 965

Отпечатано в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14-а
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru